

**ЭХО
ПАРТИЗАНСКИХ
СОПОК**

ЭХО ПАРТИЗАНСКИХ СОПОК

*Гражданская
война
на территории
Хабаровского
края
в воспоминаниях
участников
и заметках
историков-краеведов*

Хабаровское
книжное
издательство
1973

Книга создана по материалам и с участием
партийного архива Хабаровского крайкома КПСС,
секции ветеранов гражданской войны,
краеведческого музея

Общественная редколлегия:

В. Г. ВЕРШИНИНА, Н. И. ПАНИНА-СОКРАТ, И. Н. СЕМИКОРОВКИН,
В. П. СЫСОЕВ, К. И. ТАРАСЮК, В. И. ЧЕРНЫШЕВА,
В. И. ЯРИН-ЯРОВЕНКО

Составитель — Е. М. ЗОЛОТЫХ

Ответственные за выпуск:

Н. А. АВДЕЕВА, доцент, кандидат исторических наук,
Е. И. ЕЛИЗАРОВА, заведующая партийным архивом

Научный консультант —

профессор, доктор исторических наук А. П. ШУРЫГИН

Об этом сборнике

Книга для всех, но особенно для ребят школьного возраста. Издание научно-популярное. Здесь впервые приведена в систему история партизанского движения на территории Хабаровского края периода гражданской войны, а сведения о регулярной Народно-революционной армии, Восточном (Хабаровском) фронте и легендарном Волочаевском бое дают сами полководцы.

Пять лет заклятые враги трудового народа топтали нашу дальневосточную землю, сеяли разруху и голод, страдания и смерть, но революционного порыва не задушили. Стремление порабощителей-насильников вернуть старый монархический строй и помещичье-военную диктатуру вызвали у трудящихся только презрение, а в ответ на попытки оторвать русский Дальний Восток от Советской России — мощное объединение рабочих и крестьян под руководством партии большевиков и священную всенародную войну под лозунгом «За власть Советов!» до победного конца...

Никогда не изгладится в памяти народной это трудное, но доблестное время, которое вошло в историю Коммунистической партии и Советского государства как первая решающая битва страны социализма против капиталистического мира. Велика гордость и дальневосточников за подвиги своих отцов и дедов, которые жертвовали собственной жизнью во имя лучшего будущего и сумели сдержать пламенную клятву: «Вот за эту русскую землю... мы умрем, но не отдадим ее никому!» (Лазо).

Немало ярких вех в победительной борьбе дальневосточников: выигранные сражения красногвардейских отрядов с казачьими атаманами в 1918 году; могучее своей неистребимостью революционное подполье; блестящие набеги партизан на гарнизоны интервентов и белых, а также неоднократный разгром карательных экспедиций, почти полное выведение из строя Уссурийской и Амурской железных дорог, что сказалось на снабжении армии Колчака в Сибири и интервентских войск — в 1919 году; освобождение городов в начале 1920 года от белогвардейцев, а в Благовещенске, Верхнеудинске (Улан-Удэ) — и от интервентов; создание Хабаровского фронта, ставшего преградой в апреле—июне 1920 года японским войскам; ликвидация «семеновской», или «читинской пробки» в Забайкалье в конце того же года; «Дальневосточный Пе-

рекоп» — Волочаевка и освобождение Хабаровска от белогвардейцев (в третий раз и уже окончательно); героические Бикинские бои и штурм Спасска; наконец, долгожданная победа — Владивосток нашенский (Ленин).

О многих этих событиях, вообще о гражданской войне на Дальнем Востоке вышло большое количество работ и научно-исторических, и документально-художественных, и мемуаров, и сборников воспоминаний, и фильмов. Но события на территории Хабаровского края затрагивались всегда только косвенно или мимоходом, отрывочно, слишком локально или схематично. И менее всего говорилось о периоде партизанской борьбы.

Приамурье — составная часть советского Дальнего Востока, и понятно, что события каждого его района, области так или иначе взаимосвязаны, являясь, к тому же, лишь звеньями, частностями в общей борьбе Советской России с внутренней и внешней контрреволюцией. Но каждому хочется о своей местности — об отчей земле, «родимой сторонке» — узнать больше и лучше. Ведь именно она пробуждает «сыновей золотые мечты!» Это чувство хорошо выразил поэт-песенник А. Прокофьев:

Родину нельзя любить безвестной,
Родина крылатая, как весть.
Родину нельзя любить безместной,
В Родине моя сторонка есть!

Кроме того, край наш не раз был ратным полем, где решались судьбы Дальнего Востока и всей страны. В пору гражданской войны и интервенции — тоже не раз. При этом особые страницы принадлежат партизанскому народному движению.

Местные партизанские отряды имели свою историю и сыграли незаурядную роль в борьбе с калмыковщиной, внесли свою лепту по разрушению колчаковского тыла и разложению войск интервентов.

Интервенты прилагали немало усилий к тому, чтобы с помощью белых прочно завладеть Хабаровском, что гарантировало им контроль над Уссурийской и Амурской железными дорогами, над Амуром и выходом к морским рубежам. Планы японских империалистов, не стесняясь, четко сформулировала белогвардейская газета «Русский голос» (Владивосток) 23 декабря 1921 года: «Захватом Хабаровска Япония обеспечила владение низовьем Амура, Сахалином, Владивостоком, превращение Японского моря во внутреннее море Японии».

На территории нашего края имеется большой район, где проявились концентрированно многие события тех незабываемых лет. Это нынешний Смидовичский район. Именно там дважды собирались войска Народно-революционной армии и первый раз не дали японским интервентам вторгнуться в Амурскую область, что облегчило бы им оккупацию всего Дальнего Востока, поскольку Забайкалье находилось еще в их руках, а второй раз — отразили нашествие кашпелевцев. Это, как сказано уже выше, в 1920 и 1922 годах. Но и в промежутках — с ноября 1920 года, когда японские войска эвакуировались из Хабаровска и была образована Приамурская область, до окончательной победы — Хабаровск и его район были боевым рубежом Дальневосточной республики, заслоном.

Сборник «Эхо партизанских сопок» — о событиях времени гражданской войны в Хабаровском крае. Его с интересом прочтет любознательный подросток. Учителя-историки (и не только историки) найдут в нем нужный материал по краеведению, причем и о партизанском движении и о создании некоторых селений — Новоалексеевки (Некрасовки), Волочаевки, Малышево, Марковки, Михайловки, других. Любителям путешествий она поможет определить интересные маршруты для туристических походов по местам боевой славы.

Книжное издательство, подготовив настоящий сборник, осуществило идею Хабаровской секции ветеранов гражданской войны и краеведческого музея — показать революционные события через историю партизанских отрядов и судьбы участников борьбы.

Ценность книги состоит в том, что в ней собраны, в основном, неопубликованные еще воспоминания бывших красногвардейцев и партизан Приамурья.

Сборник состоит из двух разделов.

В первом — «Бойцы вспоминают» — помещены мемуары бойцов революции и литературные портреты погибших борцов. Материалы сгруппированы по темам, расположены в исторической и смысловой последовательности. Авторы воспоминаний главным образом те, кто обычно называются безымянно — «массой». Рядовые красногвардейцы, партизаны, народоармейцы, составлявшие многотысячную революционную армию. Многие из них и поныне живут и трудятся в родных местах. Их руками глухая окраина преобразована в край социалистических городов, передовой индустрии, механизированного сельско-

го хозяйства. Они — легендарные герои гражданской войны. И они — участники грандиозных свершений в нашей социалистической Отчизне.

В сборнике показана не только народная жизнь той далекой поры, истоки непримиримой классовой борьбы, но и отклик на нее в нынешнее время.

Во втором разделе — «Заметки историков-краеведов» — даются рассказы о борьбе городского подполья, партизан и коротко — о Народно-революционной армии. Здесь же сообщается о роли ветеранов гражданской войны в становлении Советской страны, в строительстве Красной Армии, о вкладе дальневосточного землячества бывших красногвардейцев и партизан в изучение опыта гражданской войны; и немного — о кружках юных следопытов: они тоже помогают исследовать героическую тему.

Сборник знакомит с историей создания и боевыми буднями практически всех партизанских отрядов, действовавших на территории нынешнего Хабаровского края, как крупных, так и небольших (нет только сведений о борьбе рабочих Охотского побережья и отряде братьев Куриковой под Совгаванью). Из воспоминаний, литературных портретов и заметок мы узнаем интересные подробности об их отважных командирах, а также о людях отчаянной смелости и находчивости — подпольщиках, боевиках, хозяевах конспиративных квартир. О некоторых из них даже историки узнают здесь впервые. Колоритны названия отрядов — они отражают настроения и характер бойцов. Иные носили имя командира — Погорелова, Гармашова. Другие назывались по местности, где базировались, — Тунгусский, Хабаровского района, Хорско-Клиинский, Кульдурский, «Ленкода». Или по мотивам борьбы — «Мстительный», затем «Летучий» — по той функции, которую выполнял по распоряжению штаба. И этот составился из красногвардейцев и крестьян, а потом, как и все, пополнился живой силой врага: мобилизованные белыми перебегали к партизанам. По социально-профессиональной принадлежности бойцов и самого командира — «Морской», «Горный». Перед общими операциями договаривались в штабе или на конференциях и присваивали отрядам номера. Но затем они назывались по-прежнему. Так было привычно. Так их знали в народе.

Прослеживается в сборнике развитие военной борьбы революционных масс: от Красной гвардии — к партизанским отрядам, потом — к созданию регулярных частей Народно-революционной армии.

Оба раздела сборника открываются бодрой и поэтической публицистикой большевика Павла Петровича Постышева. По общему признанию партизан и народоармейцев, он был душой, политическим руководителем их борьбы в Приамурье. «Имя его служило прямо знаменем на Дальнем Востоке», — вспоминал также Василий Константинович Блюхер. Поэтому и в названии книги составители использовали метафору о «Таежном эхе» из «поэмы» Постышева той поры — «Партизаны».

По всему миру эхом отразилась решительная битва непокорного душителем революции российского трудящегося люда.

«...Мы знали, что у нас союзники есть, что надо уметь проявить самопожертвование в одной стране, на которую история возложила почетную, труднейшую задачу, чтобы неслыханные жертвы окупились сторицей, потому что всякий лишний месяц, который проживем мы в своей стране, нам даст миллионы и миллионы союзников во всех странах», — отмечал Владимир Ильич Ленин в докладе на IX съезде Коммунистической партии (Полн. собр. соч., т. 40, стр. 242). Каждый месяц выдержки Советской республики, проявление энергии, решимости, «когда мы отвоевывали себе позиции или когда мы просто удерживались против неслыханно могущественного врага, доказывал всему миру, что мы правы, и давал нам новые миллионы людей» (Ленин, там же, стр. 243). В результате: «Большевизм стал мировым явлением, рабочая революция подняла голову. Советская система, в которой мы, создавая ее в октябре, следовали заветам 1905 года, разрабатывая собственный опыт, эта советская система оказалась всемирно-историческим явлением» (Ленин, там же, стр. 244).

На дальневосточной окраине, оккупированной тем самым «неслыханно могущественным врагом», защитникам власти Советов пришлось отступить в тайгу, в сопки. Скоро их силы многократно выросли, и оттуда, из таежных сел, с партизанских баз в недоступных сопках, начали они громить врага в его тылу, помогая Красной Армии Советской республики совершить свой подвиг.

Таежное партизанское эхо тоже разносилось по всему миру.

Это «эхо партизанских сопок» будет звучать несмолкаемо. Самоотверженная борьба освободившегося от эксплуатации трудового народа — величайшая веха в истории человечества.

Ей посвящаются песни. Ее павшим героям воздвигаются монументы. И она вечно в памяти народа. Так в Приамурье. Так по всей Советской России, по всей стране.

Память о ней помогает жить и бороться дальше, а воинов наших, пограничников, — еще зорче защищать Советские рубежи.

Н. А. АВДЕЕВА,
кандидат исторических наук

Бойцы вспоминают

АГАФОНОВ
БЕБЕНИН
БЕССОНОВ
БОЙКО-ПАВЛОВ
ГЛУШАКОВ
ГОЛИОНКО
ГОЛЬДФИНГЕР
ГРОМЫКО
ГУРТОВ
ДЕМИН
ДЕНИСОВ
ДОНИЧ
ЗАБЛОЦКИЙ
ЗАГОРОДНИКОВ
ЗУБАРЕВ
ИВАХНИШИН
ИСТОМИН

КАЗАНСКИЙ
КОРНАТОВСКИЙ
КУДРИЦКИЙ
КУЗНЕЦОВ
ЛАПТЕВА
ЛЕБЕДЕВ
МАРКОВ
МЕЛЬНИКОВ
МИКИТЧУКОВА
ОСИПОВ
ПАРФЕНОВ
ПАТРИН
ПЕТРОВ
ПЕТРОЛОГИНОВ
ПОКУС
ПОЛИНСКАЯ
ПОСТЫШЕВ
ПРАСОВ
ПРИКШАЙТИС
ПРОЛЕСКОВСКИЙ
ПРОЦЕНКО
ПТИЦЫН

РУДЮК
САМОЙЛОВ
САМОРОКИН
СЕМИКОРОВКИН
СЕРЫШЕВ
СИЛЮТИНА
СЛЕСАРЕВ
СЛОБОДЧИКОВ
СТАРКОВ
УМАНЕЦ
ФЕДОТЕНКО-ВРЕДНЫЙ
ФЛЕГОНТОВ
ХОЛОДИЛОВ
ШЕВЧУК
ШИГОНЦЕВ
ШИЛОВ

«...Гневно дрогнули сопки. Огненной, клочущей лавой задышала тайга.

Воды Амура на волнах несли и плескали призывный клич борьбы за власть Советов.

Красное знамя, знамя труда, зареяло над горными хребтами и сопками.

В зареве пылающих деревень отражались гигантские силуэты вооруженных рабочих, крестьян. По тропам таежным вереницей тянулись они, изможденные телом, но сильные духом, на борьбу с извечным врагом — капиталом.

«Проклятие палачам!» — несло из дебрей тайги, ударялось о скалы и эхом катилось по всему миру.

В бессильной злобе извивался каменный город белых, придумывая все новые казни могуче гудевшей тайге.

А красное знамя вздымалось все выше и выше, горело все ярче и ярче кровавым огнем. Рокот таежной дымящейся лавой все ближе полз к городу белых.

По полям, долинам катилось: «Смерть палачам!»

«Смерть пришельцам кровавым!» — призывно-раскатисто звучало таежное эхо».

Павел ПОСТЫШЕВ

1922 год

ПАРТИЗАНЫ

На шапках — алые звезды,
Глаза — колючей ежа.
Купает нас горный воздух,
И наша сила свежа...

Нас голод и дождь не сломят,
Расслабленных в сопках нет.
Мы спим на жесткой соломе,
Винтовки держа во сне.

В боях расстреляли мы страхи.
Для нас пулемет, что дрозд.
Начнут с поездов в нас бахать,
Мы все поезда — под откос.

(Журнал «Творчество», Владивосток,
1920, № 3)

КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ — ПАРТИЗАНЫ — БОЙЦЫ НРА

Демьян Иванович БОЙКО

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ — ОПОРА СОВЕТОВ

В иных воспоминаниях так толкуют события, что создается впечатление, будто бы Советы возникли без особых затруднений и, с другой стороны, — будто основную вооруженную их силу представляли гарнизоны, старая царская армия.

Советская власть на Дальнем Востоке (как и всюду) в условиях классовой борьбы опиралась на Красную гвардию. Это была революционная сила пролетариата еще между Февралем и Великим Октябрем. Создавалась Красная гвардия как противодействующий фактор эсеровской политике, которая полностью соответствовала политике буржуазного Временного правительства. И эсеры пытались опереться на революционные массы, в том числе на рабочих, возлагали надежды на боевые дружины, которые в Хабаровске стали формироваться сразу, как был создан местный буржуазный орган власти — комитет общественной безопасности. Но всюду, где организовались эти дружины — на железнодорожной станции, в депо, арсенале, речной флотилии, в союзе грузчиков, из учащих учителя института, — большевики выдвигали в них наиболее революционно настроенных людей, сторонников власти рабочих. Нельзя отрицать, что в дружинах оказались и эсерствующие элементы. Но превратить их в свою опору эсеры не смогли. Ког-

Демьян Иванович БОЙКО-ПАВЛОВ
(1892—1964)

да боевые дружины приняли вид вооруженных отрядов, они, в абсолютной своей массе, оказались сторонниками большевистского влияния. Это подтвердилось в острейших моментах классовой борьбы.

Например, когда встал вопрос о роспуске старой армии. Он поднимался снизу, солдатскими и рабочими массами. Буржуазное Временное правительство не только не намеревалось распускать старую армию с ее реакционным командованием, а старалось воодушевить ее патриотическими призывами довести войну с Германией до победного конца. Все гарнизоны были тогда запружены крестоносцами-ратниками. Эсеры считали, что это сила, которая должна служить орудием укрепления их власти. Поэтому прямо подойти к вопросу о роспуске старой армии было нельзя. Большевики предложили применить бессрочные отпуска. Они именовались длительными отпусками, но по сути были бессрочны: кто шел, тот не возвращался. Практически это проводилось уже в жизнь.

Но как только высшее офицерство узнало, так сразу же встало на дыбы. Тогда через комитет безопасности созвали собрание командного состава. Бурное было собрание. Длилось до часу или до двух часов ночи. Генералы и полковники не соглашались ни с отпусками, ни с выборами командиров, объясняя тем, что дисциплины не будет, значит, надежды на армию возлагать нельзя. И вот тут появилась боевая дружина из рабочих во главе с прапорщиком и выполнила свой революционный долг довольно аккуратно. Она окружила собрание и таким образом заставила командование подписать акт отречения от своих прав. После этого в частях гарнизона началось выбрасывание из рядов армии реакционного дворянского офицерства. Начался роспуск армии по домам.

С возникновением Советов классовая и партийная борьба усилилась. Конкретно это можно показать на таком факте.

Все города на Дальнем Востоке представляли из себя военный лагерь до самой Октябрьской социалистической революции. Хабаровский арсенал управлялся старыми военными чиновниками вплоть до генералов. На базе флотилии и заводах Владивостока — то же. Эти чиновники-генералы оказывали колоссальнейшее сопротивление рабочему классу. Речь шла об охране труда, заработной плате, об управлении заводами. Рабочие требовали контроля над производством, что упиралось в один основной пункт — свертывание военных заказов, переход на продукцию для гражданского строительства. У нас в Хабаровске все это передалось в Совет, и там сразу возник спор. Эсеры категорически протестовали, большевики поддержали рабочие требования. Борьба продолжалась уже непосредственно в широкой рабочей среде. Эсеры присылали на завод делегации, которые убеждали рабочих сохранить старые порядки; большевики присылали

свои делегации, которые разоблачали всю гнусность Временного правительства, ведущего политику империализма.

Я помню одно из собраний в арсенале, которое длилось до двух часов ночи. Пороховой склад! Рабочая масса к тому времени была уже вооружена и стояла за подлинные Советы под руководством большевиков. Эсеры ошибались, считая, что с помощью боевых дружин смогут изъять головку — большевиков — и спокойно проводить свою линию. Оказалось, что они имели только кучку агентов, правда, очень проницательных, которые влезали во все щели, имели некоторое влияние на отсталую часть рабочих.

Большевики с самого начала опирались на Красную гвардию. Она создавалась наряду с боевыми дружинами, но пути ее развития имели характер нелегальный. У власти вместе с буржуазией были эсеры и меньшевики. Все они не давали возможности открыто и официально формироваться, вооружаться и самостоятельно управляться красногвардейским рабочим отрядам.

Первыми организаторами и руководителями Красной гвардии были заводские и железнодорожные комитеты. Партия большевиков в тот период основное внимание устремила на организации, где преобладал пролетариат, и поэтому сразу же распространила свое влияние на его революционную часть, встала во главе этой части рабочих, в том числе в заводских, производственных комитетах. Через них руководила и Красной гвардией.

Как же мы вооружали Красную гвардию, как она вырастала в нелегальных условиях?

Благоприятствовало именно то, что Дальний Восток был по сути военным лагерем.

В арсенале рабочие организации поставили перед

собой задачу — всякими путями извлечь со склада оружие. Мы похищали его, организовывали в цехах тайные мастерские по ремонту.

Я напоминаю об этом для того, чтобы подчеркнуть, насколько тогда был активный рабочий класс, подготавливаясь к новым революционным боям.

Другой источник вооружения — боевые дружины. Они формально подчинялись комитету общественной безопасности. Их там вооружали, а они передавали все это нам. Бывало, исчезнет оружие у дружины на заводе, и создается комиссия. Разумеется, розыски ни к чему не приводили. Эсеры в комитете из себя выходили от бешенства. Дружины перешли на сторону Красной гвардии, выбросив за борт эсеров.

Еще один источник вооружения — разлагающаяся под воздействием большевистской агитации старая армия. Из нее оружие тоже перекачивалось к нам. Революционная часть армии пополняла и наши ряды. Крестьянская беднота, не говоря о рабочем составе армии, уходя из нее, десятками поступала на заводы и тут же вливалась в Красную гвардию.

Формировалась Красная гвардия и по деревням. Об этом свидетельствовали десятки телеграмм с мест. Я считаю, что и в деревне Дальнего Востока Советская власть возникла, опираясь всецело на Красную гвардию из крестьянской бедноты, из вернувшихся домой революционных солдат.

Интересы рабочего класса и крестьянской бедноты были на первом же этапе борьбы за Советы в достаточной степени уяснены, и эти силы, несомненно, сливались в единый поток.

(Из доклада 15 мая 1932 года.
ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 136, л. 3—19.
Печатается с сокращением, с небольшой
правкой. — Ред.)

ВОЗЗВАНИЕ КОМИССАРИАТА КРАСНОЙ ГВАРДИИ

21 февраля 1918 года

Ко всем гражданам Дальнего Востока

При всех Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов организуется Красная гвардия. Цель ее — завоевание революции и беспощадная борьба с врагами рабочего класса. Она поддерживает революционный порядок и кладет основу новой социалистической армии. Она борется против хулиганствующих выходов и в корне пресекает нарушения общественного порядка. Красная гвардия — это вооруженные трудящиеся, организованные для защиты интересов рабочего люда. Товарищи! Записывайтесь в Красную гвардию. Будьте готовы к борьбе с врагами трудового народа. Вооружайтесь!

Комиссар Красной гвардии Дальневосточного
краевого комитета Советов рабочих, солдатских
депутатов и самоуправлений

К у с м а н.

(Из газеты «Дальневосточные известия»,
Хабаровск, № 23, 21 февраля 1918 года)

Рассказы бывших красногвардейцев

Алексея Васильевича УМАНЦА

С 1916 года, после того как умер отец и мы с братишкой остались сиротами, я работал в Хабаровске на легковом извозе по найму у зажиточного горожанина в Дальнеукраинской. В 1917-м услышал, что свергнули царя. Здесь сразу начали организацию союзов, вступил и я в союз рабочих-грузчиков и перешел работать к ним на пристань. Связавшись с коллективом, я понял, что готовится свержение буржуазного класса и будет власть рабочих и крестьян. В начале 1918 года приступили к организации своей народной милиции и отрядов Красной гвардии. Мне отказали, так как был я еще молод, всего шестнадцати неполных лет. Меня страшно это поразило, что не берут служить в Красную гвардию. Я поехал в свою деревню Лермонтовку, потом в волость, по совету бывалого товарища Шевчука, дал взятку писарю Красильникову, и он выдал документ, что мне действительно 19 лет.

Я с большой радостью вернулся в город, пошел в штаб, меня назначили на врачебную комиссию, но врачи не стали принимать меня — молод, слабосилен. В это время в приемном пункте находился командир 4-й свободненской роты, который сказал: «Ладно, я его возьму, из него будет хороший боец». Мне выдали обмундирование, я стал обучаться строю и изучать винтовку...

После отступления с Уссурийского фронта я скитался в тайге на Зее, потом попал в группу партизан, но там не было дисциплины, и я ушел на Томь, в штаб Прохорова, и был в конном отряде славного командира Хлистунова...

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 235, л. 166—167)

Антон Алексеевича ХОЛОДИЛОВА

В феврале 1918 года в Хабаровске уже существовал отряд около ста конных красногвардейцев, которыми командовал ра-

бочий арсенала Демьян Бойко. Декрет Советского правительства об организации регулярной Красной Армии в Хабаровске был понят по-другому: здесь начали вести работу по дальнейшему развитию Красной гвардии. Совет рабочих депутатов возложил это на Белотелова, Балло, Власюка и других. В Красную гвардию вступили рабочие арсенала, угольных копей Кивды и других предприятий, а также некоторые крестьяне окрестных деревень. Будучи участником этой работы, я был командирован в Никольск-Уссурийский за получением орудий для формирования батареи. Затем был направлен в Благовещенск сопровождать транспорт оружия (8 вагонов винтовок), чтобы сдать их частям, направлявшимся на Даурский фронт. Вместе со мной были Варфоломеев, Иван Адаменко и другие красногвардейцы. Затем командировали на подавление белой банды в 20—30 человек, организовавшейся в станице Казакевичево. В этой операции участвовали Балло, Карпов, Варфоломеев. Банду захватили и привезли в Хабаровск. Когда выступили белочехи, в Красную гвардию вливались все новые и новые пополнения, которые, не задерживаясь, направлялись на Уссурийский фронт к Спасску. Деревня тогда еще не так активно была настроена, кулачье агитировало против Советов. Неблагополучно было и в Хабаровском районе. Крестьяне в Красную гвардию шли единицами. Для поднятия окружающих сел комитет коммунистов Хабаровска и штаб Красной гвардии направили уполномоченных, в числе их был и я.

Приехали мы в село Некрасовку, а там кулаки и подкулачники повели бешеную агитацию против отправления на фронт и организовали нападение на нас.

Все же пятеро ушли на фронт — Прокофий Курбацкий, три брата Костюковичи — Федор, Капитон и Петр — и я. Курбацкий и Федор Костюкович героически погибли в бою с чехами и белыми под разездом Кауль.

После падения Уссурийского фронта красногвардейские отряды отступали в Амурскую область или небольшими группами и в одиночку в тайгу Приамурья, где устраивались под видом крестьян на лесозаготовки. Я в группе товарищей жил в тайге

по реке Обор, где мы занимались охотой. Потом начали собираться в партизанские отряды.

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 234, л. 56—63)

Меркурия Петровича СТАРКОВА

После свержения Советской власти белочехами во Владивостоке Хабаровская организация РКП(б) выпустила воззвание к коммунистам и рабочим профсоюзам. Как молодой член организации, только что вступивший в партию, я даже не знал по фамилии наших руководителей, кроме секретаря, корейянки товарища Станкевич. Мы с Иваном Шевчуком, работая среди грузчиков, организовали красногвардейский отряд — точно не помню, кажется, в 130 человек — и выступили из Хабаровска на станцию Евгеньевка, к селу Спасское, где и устанавливался фронт.

Собралось нас вначале во всех отрядах около 800 человек. Белочехов — в несколько раз больше, но, когда они повели на нас наступление, мы их атаку отбили. Тогда белочехи пошли обходом, взорвали в нашем тылу два деревянных моста и снова начали наступать. Готовили нам смертельную подножку. Среди красногвардейцев нашего полка более устойчивые товарищи — как раз из отряда грузчиков — двумя пулеметами удачно отбили чехов. Все же пришлось отступить и остановились на станции Муравьев-Амурской. Собрал силы, получив подкрепление, двинулись к реке Уссури, где и установили фронт.

Наш отряд пошел вверх по Уссури к деревне Глазовке, недалеко от переправы у шмаковского монастыря, возле которого стоит громадная гора под названием Медвежья сопка. Когда мы с двумя ротами начали подниматься на ее вершину, неожиданно сверху затрещали выстрелы. Благодаря умелому командованию батальоном Флегонтова и ротного командира Шевчука нам легко удалось выбить белочехов из окопов, потеряли мы около шести человек убитыми, двое были ранены. Ночью чехи взорвали паромную переправу и начали отступать.

Горячее сражение у разъезда Кауль. Здесь были большие по-

Меркурий Петрович СТАРКОВ
(р. 1890)

тери, учесть их трудно. Мы разбили белочехов. Наш 2-й Хабаровский батальон под командованием Флегонтова двигался через станцию Шмаковка в село Успенку, откуда выгнали почти без боя калмыковскую разведку.

В конце августа началось наступление объединенных экспедиционных войск интервентов. (Мы встретились только с японцами.) При таком громадном натиске наши главные части были разбиты. Мы стали отступать. Наш командир Флегонтов был ранен в ногу.

Отступали вплоть до Хабаровска. Вслед за ними пришли и калмыковские палачи.

Начались аресты, пытки, расстрелы пачками. Мне удалось скрыться во Владивосток, где я принимал участие в большевистской подпольной работе.

(ПАХК, ф. 44; оп. 1, д. 236, л. 47—48)

Петра Осиповича КУДРИЦКОГО

Родился я в Белоруссии (1890). От крестьянства отступился, был ремонтным рабочим на железной дороге, в 1907 и 1912 годах уезжал на заработки в Америку, окончательно на родину вернулся, когда произошла Февральская революция. Прибыл во Владивосток, и здесь меня призвали на военную службу, на-

правили в Хабаровск, в 724-ю пензенскую дружину. Там избрали в солдатский комитет, был секретарем.

По службе я находился в конном взводе разведки и связи. В феврале 1918 года, уже при власти Совета, предстояла демобилизация. Я изъявил желание вступить в кавалерийский отряд Красной гвардии и, как доброволец, был направлен — с боевой лошадью и полным снаряжением.

В задачу отряда входили охрана Советов и борьба с контрреволюцией. В составе его участвовал в подавлении белоказацкого восстания под Казакевичево в марте 1918 года, а в начале августа — в разгоне белоказацкого съезда на станции Вяземская. Затем, до прихода интервентов и калмыковцев в Хабаровск, вместе с отрядом в качестве командира взвода вел борьбу с бандитизмом и контрабандистами.

С октября 1918 года был в пожарной команде города, где наших красногвардейцев укрылось много. Мы организовались в подпольную революционную группу, которая держала связь с городскими и сельскими подпольщиками, а потом с ревштабом партизанских отрядов Бойко-Павлова. В 1922 году участвовал в налете его сводного отряда на белый гарнизон в Хабаровске.

В пожарной команде я состоял в должности помощника брандмейстера, ведал обмундированием и фуражом, имел постоянный пропуск и мог свободно разъезжать по городу в любое время. Так же и мои товарищи. Мы отправляли партизанам оружие, обмундирование и даже лошадей. Посылаем, например, в села — Гаровку, Сергеевку, другие — подводы для закупки дров, фуража. Ребята возвращаются с одними уздечками. «Где кони?» — спрашиваю. — «Партизаны отобрали». Я докладываю начальству о «нападении» партизан на наших пожарных. Тем дело и кончается. Уводили коней у японцев. Иноходец, на котором ездил член партизанского штаба Попко, был взят таким образом.

Зима. Едет верхом по городу японский офицер. За ним бежит солдат-ординарец. Картина забавная. Мы с Бербатом наблюдаем. Офицер подъехал к банку, бросил повод солдату, быстро ушел. Солдат привязал лошадь к коновязи и, сгибаясь от холодного

Петр Осипович КУДРИЦКИЙ
(снимок 1918 года)

резкого ветра, побежал тоже в помещение, видим его уже у окна в коридоре. Бербат пошел туда, а я укрылся за ближайшим углом. Японец в тепле стал клевать носом, потом совсем заснул. Бербат махнул мне, я бросился к коновязи, обрезал ножом повод, вскочил в седло и угнал коня в Некрасовку. Хороший был конь. Партизаны дали ему кличку Микадо.

В 1925 году я был принят в члены Коммунистической партии. До декабря 1929 года работал начальником пожарной охраны в Хабаровске, потом — в военизированной охране на железной дороге.

Красный казак из Бикина

Наш отец Сероватов Илья Васильевич (1888—1919), уроженец из-под Челябинска. На Дальний Восток завезен родителями. До 1914 года проживал в станице Бикинской, а работал в депо столяром. Потом призван в армию, отправлен в Иман, а оттуда на фронт. Там понял реакционную роль старого казачества и вернулся уже большевиком, работал в Никольск-Уссурийском штабе Красной гвардии вплоть до убийства в город Иман, где был комендантом до момента занятия его японцами и белоказаками. С частями Красной гвардии отступил до Зеи, потом тайно вернулся домой, связался с партизанами.

Станичный атаман ночами делал налеты на наш дом, вел обыск, допрашивал мать. Нас выгоняли на улицу, грозили спалить дом. Мы были еще малолетние, смотрели на казаков и молчали.

Однажды отец ночевал дома. Утром мать куда-то ушла, а мы во дворе, за сараем, где дрова, увидели, что в огороде казаки. Бросились в дом, закрыли дверь на запор, кричим отцу: «Беги!» Бежать было поздно.

Они ворвались в квартиру и схватили отца. Прибежавшую мать даже не пустили.

Простились с отцом уже в «вагоне смерти». Он стоял у окна, но нас не подпустили к нему, отшвырнули.

Ночами на наш дом продолжались налеты, допрашивали мать: «Где партизаны?»

Уже в 1923 году был пойман станичный атаман и стало известно, что отец наш еще в дороге после пытки был изрублен на куски и выброшен в окно.

Прилагаем к письму документ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

25 апреля 1919 года

ст. Бикинская

Сего числа мною задержан казак поселка Бикинского уссурийского казачьего войска Илья Васильевич Сероватов 31 г. от роду, обвиняемый в соучастии в большевизме, каковой подле-

Илья Васильевич СЕРОВАТОВ
(снимок 1916 года)

жит к отправке в распоряжение штаба особого казачьего отряда атамана Калмыкова, на основании сего я, Бикийский станичный атаман, постановил: арестовать названного казака при Бикийском арестном доме и держать его под усиленным конвоем впредь до отправки в гор. Хабаровск. (Подпись).

Е. И. СЕРОВАТОВА, А. И. СЕРОВАТОВ

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 908)

МЫ ВСТАЛИ ЗА ОБЩЕЕ ДЕЛО ПРОЛЕТАРИЕВ

По национальности я венгр, из бывших военнопленных. На моих глазах прошли события большой исторической важности — революция, гражданская война на Дальнем Востоке. Я сам был участником этих событий и с удовольствием расскажу молодежи о виденном.

На Дальнем Востоке прошла моя молодость. Теперь мне уже восемьдесят лет, но в памяти отчетливо всплывают дорогие лица.

Пламенный венгерский коммунист Бела Кун — он тоже тогда был в России — говорил: «Наше общее дело — освобождение пролетариев всех стран».

Мы пошли защищать завоевания Октябрьской революции вместе с рабочими и крестьянами России, мы знали, что помогаем русским и для себя, для своей Родины. Пусть нас было сравнительно немного среди миллионов русских, но и мы принимали участие в общем деле освобождения от ига империализма.

В то время в России — как военнопленные царской армии и как эмигранты-поселенцы — оказались трудящиеся Венгрии, Германии, Югославии, Чехословакии, Польши, Болгарии, Финляндии, Китая, Кореи и других стран. Многие из них горячо восприняли пролетарскую революцию, вступили в интернациональные отряды Красной гвардии, боролись на фронтах, организованных властью рабочих и крестьян против интервентов. Империалисты тоже объединились, создали с русской буржуазией и монархистами единый лагерь, пошли в поход на Советскую республику со всех сторон. Они были сильнее. Нашей силой был энтузиазм, преданность великой идее коммуниз-

ма, которую воспитывала в нас партия большевиков, Ленин.

Империалистическая война уносила миллионы солдатских жизней на фронтах обеих воюющих сторон, Росли и цифры военнопленных. Многих отправляли в Сибирь, на Дальний Восток. В Хабаровске и на Красной Речке к концу 1917 года насчитывалось около двадцати тысяч пленных и среди них много венгров.

Пленных размещали в казармах, пустовавших с отправкой войск на германский фронт. Офицеров поместили отдельно, в лучших казармах. Одному генералу венгерской монархической армии по фамилии Комма разрешили носить холодное оружие, хотя и под замком — на шашке у него висел небольшой замочек, чтобы нельзя было ее вынуть из ножен. Офицеры по-прежнему имели денщиков, вели тунеядный образ жизни. Целый день играли в волейбол и теннис. Каждый месяц исправно получали жалованье русскими царскими деньгами. Младшему офицеру — 50 рублей, старшему — 75, генералу — 125. Солдаты не получали ни гроша, а использовались на самой тяжелой работе вместе с каторжанами — на строительстве железных и шоссейных дорог, в шахтах.

Первый лагерь, куда я попал в 1914 году, был в городе Спасске (Приморье). Оттуда нас большой партией направили на окончание строительства Амурской железной дороги. Тяжелые условия, нечеловеческое обращение. Мы объявили голодовку и отказались от работы. По военному времени нас могли расстрелять, но кончилось тем, что взяли пятьдесят человек (меня в том числе) и отправили в хабаровскую тюрьму. По международному положению, военнопленных нельзя было содержать в тюрьме. Поэтому нас перевели в штрафной лагерь, который находился на территории военного гарнизона. Здесь оказались

Август Францевич
ГОЛЬДФИНГЕР (р. 1892)
с учениками школы № 35
в Хабаровске

и немецкие матросы, снятые с крейсера во Владивостоке.

С установлением в городе Советской власти нас перевели в обычные лагеря. Я попал в лагерь под литером «А». Там уже существовала группа коммунистов, которой руководил Самуел Тейхнер — капрал, бывший часовых дел мастер. Он строил свою работу по заданию Хабаровского горкома коммунистов через Василия Петровича Голионко, позднее — через кореянку, члена горкома, Александру Петровну Ким-Станкевич.

Тейхнер предложил мне включиться в работу по революционной агитации среди солдат и офицеров. Организовали боевые дружины. Оружия пока у нас не было.

Советское правительство заявило на весь мир, что оно резко улучшает положение военнопленных, на основе, равной с русскими рабочими, — зарплаты, восьмичасового трудового дня, отмены принудительного труда, права организации политических митин-

Александра Петровна
КИМ-СТАНКЕВИЧ
(1895—1918)

гов и так далее. Во многих городах Сибири и Дальнего Востока военнопленные на собраниях и митингах приняли в ответ революционные резолюции.

В мае 1918 года вышло постановление Советского правительства о том, что все военнопленные солдаты и офицеры освобождаются от обязательного пребывания в лагере. На другой же день группы коммунистов лагерей «А» и «Б», с ними и боевые дружины, оставили лагерь и с помощью Ким-Станкевич, через Беляева — управляющего общественными мастерскими, — устроились на работу в мастерских на Техменевской улице (ныне Серышева). Там нашлась работа

всем, каждому по своей специальности: слесарям, столярам; другие шили шапки, шинели. Создали отряд Красной гвардии. Всем нам выдали оружие — трехлинейные винтовки со штыками. Работали, а потом по очереди с другими отрядами несли караульную службу у Дальсовнаркома (здание кадетского корпуса), в горисполкоме (ныне ДОСА), на электростанции (ныне киностудия), в тюрьме, на телеграфе. Приходилось патрулировать по городу в вечернее и ночное время.

13 июня в зале городского комиссариата призерия открылось общее собрание иностранных рабочих, бывших военнопленных и других, принявших русское подданство и стоявших на платформе Интернационала. Большой зал не вмещал всех собравшихся немцев, мадьяр (венгров), поляков и представителей других национальностей. Ораторы говорили по-немецки, по-мадьярски, по-русски, по-польски. Утверждался устав сибирского центра по устройству индустриального союза иностранных рабочих.

19 июля в одной из казарм общественных мастерских по инициативе Тейхнера прошло еще одно собрание бывших военнопленных, в основном венгров. Здесь мы объявили о создании комитета интернационалистов, который будет действовать под руководством горкома РКП(б) и Совета. Избрали комитет. В него вошли Самуел Тейхнер, Янош Мунтян, Ференц Гал, Гашпор Балло, Иштван Салаи, Ференц Киш и я. Тейхнер попросил оставить его на агитмассовой работе. Он, действительно, имел дар проводить массовую работу, хорошо выступал. В председатели выдвинули меня, ответственным секретарем — доктора Балло, высокообразованного офицера из запаса, журналиста. Он неплохо знал русский язык, одним из первых перешел на сторону Советской власти, его избрали в городской Совет, он стал заместителем Ермака — пред-

седателя военного отдела исполкома. Потом в комитет была введена Ким-Станкевич.

Открылся Гродековский фронт против банд атамана уссурийского казачества Калмыкова и полковника Орлова, и наш комитет и военный отдел исполкома во главе с Ермаком и Балло объявил запись в отряды красных интернационалистов. А когда стали драться с белочехами (Уссурийский фронт), в Хабаровске был сформирован огромный, в более тысячи человек, интернациональный партизанский отряд имени Стеньки Разина — кавалерия, пехота, артиллерия. Там были русские, вернувшиеся из германского плена, венгры, латыши, эстонцы, китайцы, корейцы, австрийцы, чехи. Командовал амурский матрос Караич. 28 июля отправились на Уссурийский фронт, где поступили в распоряжение командующего левым флангом Флегонтова. Краевая газета «Дальневосточные известия» вскоре сообщала: «Только отряд покинул вагоны, как сейчас же пошел в бой на помощь товарищам».

После падения фронта красные интернационалисты отступали вместе с советскими частями. Многие ушли в тайгу. Очень многие погибли (интернационалистов специально вылавливали).

Я находился в тайге двадцать месяцев. Был в кавалерийском партизанском отряде Ивана Мадьяра (Амурская область), командовал разведкой, в 1920 году — в Амурской дивизии Владимира Попова на Забайкальском фронте.

Закончились походы по тайге и сопкам. Я на всю жизнь остался в Хабаровске, где когда-то был военнопленным. Завоеванная пролетариями Родина стала моим Отечеством.

В те далекие годы мир кипел. Произошла революция в Германии, Венгрии, Болгарии... Но тогда ее

задавили империалисты, породив чудовище — фашизм.

Теперь есть ГДР, социалистические Болгария, Венгрия, Польша... Пролетарии всех стран борются за свое освобождение.

Бывал я в Народной Венгрии, встречался с товарищами, которые несколько десятилетий назад боролись за победу первой Советской республики. Они остались в строю красных интернационалистов. Их дети продолжают наше дело.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

Михаил Михайлович ГУРТОВ

ИНТЕРВЕНТЫ ЗАХВАТЫВАЮТ АМУРСКУЮ ФЛОТИЛИЮ

В руки Советской власти Амурская флотилия перешла в конце 1917 года в результате усилившегося большевистского движения. Управление перешло всецело к центральному и судовым комитетам моряков, а за командующим осталось лишь общее оперативное руководство.

Началась демобилизация флотилии, которая проходила, как и демобилизация царской армии, самостоятельным и стихийным порядком.

Такая же картина была и в мастерских флотилии, которые были закрыты 18 марта 1918 года, и большинство лучших квалифицированных рабочих разъехалось.

Но все же, как ни дезорганизованным казалось положение флотилии, активная, революционная часть ее не оставалась в стороне от борьбы за Советы. Как только на базе были получены сведения о белогвардейском выступлении в Благовещенске атамана амурского казачества Гамова (март 1918), то часть команды и красногвардейцев в количестве 103 человек немедленно направилась туда для его подавления. Моряки же отряда, находившегося в Благовещенске, немедленно вступили в бои, и в результате нескольких дней борьбы, особенно из-за обстрела главных сил противника командую канонерской лодки «Ороча-

нин», победа осталась за нами, и белогвардейское восстание было подавлено.

22 марта 1918 года краевой комитет Советов постановил оставить в предстоящую навигацию в действии четыре лодки, целиком плавучие и вспомогательные средства и завод, подчинив флотилию штабу Красной Армии, гвардии и флота.

Приступили к ремонту. Личный состав флотилии был демобилизован, за исключением центрального и судовых комитетов моряков и ответственных специалистов, и начал набираться заново путем добровольного найма. В добровольцы шли демобилизованные, а большей частью случайно явившийся элемент — так называемые ленточники, клешники — жители местного района. Приманкой им служило высокое жалованье, обмундирование, которого в порту был трехлетний запас, и хорошее продовольствие, которого также имелось очень много.

5 апреля 1918 года по распоряжению краевого комитета Советов выбыла команда в 48 человек на Забайкальский фронт, где приняла участие в боях с семеновцами при станции Даурия и в районе реки Онон.

11 апреля неожиданно из Москвы от генерального морского штаба поступила телеграмма с категорическим, от имени Военного совета, приказом начать работы по вооружению всех имеющих механизмы лодок.

С началом навигации некоторые лодки были готовы и вступили в кампанию на Забайкальском фронте, а остальные немного позже. Флотилия несла охранную и сторожевую службу на реке Шилке, кроме того, рейсировала по реке Амуру, занимала брандвахты в Николаевске, у устья реки Сунгари, на Имане и в Благовещенске.

В июне открылся другой фронт — Уссурийский.

Михаил Михайлович ГУРТОВ
(1896—1947)

Флотилия также немедленно приняла участие: в-первых, были мобилизованы 90 добровольцев-моряков и красногвардейцев-рабочих и отправлены на фронт, где вступили под командование Флегонтова, затем ушли вверх по Уссуре и дальше на реку Иман канонерки «Бурят» и потом «Монгол», принявшие участие в боях совместно с красноармейскими частями. Кроме того, Амурская флотилия и ее завод изготовили для фронта и снарядили орудиями и своею прислугой два бронепоезда, которыми командовали военморы Булошенко и Зенюк.

Амурская флотилия потеряла убитыми много партийцев, в том числе Елисеева и Цивилева, геройски погибших во время боев у станции Уссури 24 августа.

Боевая активность флотилии очень и очень тормозилась влиянием на разношерстную и неустойчивую команду со стороны офицерщины, которая захватила главные роли. Другой оборот приняла бы борьба, будь вся флотилия, то есть руководство ею, исключительно в руках революционных работников. Но их-то было раз-два и обчелся. Тем более, что именно они уходили на фронт.

Силы же противника были хорошо укомплектованы, технически оснащены и начали пополняться интервентами, что вынудило нашу Красную Армию и гвардию постепенно отходить и распадаться на отдельные отряды.

Наши лодки также вернулись в Хабаровск, в Осиповский затон — как с Имана, так и из Николаевска, где стояла брандвахтой канонерская лодка «Смерч». При этом из Николаевска военмор Старостин вывез на барже четыре крепостных 120-миллиметровых орудия Виккерса, взятые в крепости Чныррах. Они проследовали непосредственно в Благовещенск. Потом, во время колчаковщины, товарищи рабочие забросили их, под видом негодных, в хлам, так что белогвардейцы не могли ими воспользоваться.

С отступлением красногвардейских частей с фронта и с возвращением на базу наших судов во флотилии произошел раскол — как среди команды, так и в самом центральном комитете. Очень небольшая часть решалась — не сдавать судов без боя. Остальные во главе с комитетом говорили, что «мы не воюем с регулярными войсками союзников», а потому — должны сдать флотилию.

Такое же положение оказалось у рабочих мастерских: только организация Красной гвардии стояла за эвакуацию, за уход на лодках в Благовещенск для дальнейшего сопротивления.

Вечером 4 сентября на базе произошло заседание центрального комитета моряков и рабочих организаций. Атмосфера была какой-то жуткой. Не страх, но сознание неорганизованности, чувство обиды за невозможность мирного строительства наполняло душу. В то же время зарождалась мысль о беспощадном мщении буржуазии и ее прихвостням.

5 сентября в Хабаровск вошли войска интервентов. Буржуазное население и соглашательские партии эсе-

Герман Янович СПУРЕ (1889—1938)

ров и меньшевиков встретили их цветами и банкетами.

6 сентября на базу прибыла небольшая конная японская разведка. Командующего флотилией Огильви вызвали в город и арестовали.

7 сентября, в 6 часов утра, всю территорию и окрестность базы оцепили японские войска — пехотный батальон и кавалерийский эскадрон. Наши суда в полной исправности стояли на рейде в затоне. Из города на автомобиле прибыл представитель городского самоуправления эсер Граженский. С частью японского пехотного командования прошел в штаб.

К 8 часам в штаб прибежали командиры лодок — бывшие офицеры Бурнашев, Трусов, Берг, Белановский, Сиднев и Краснов, а также часть председателей судовых комитетов. Здание штаба немедленно оцепили японские пулеметные части.

Впоследствии мне удалось узнать, что японцы предложили командирам и председателям комитетов заранее подготовленный акт, по которому вся база флотилии со всем имуществом и все суда флотилии,

также со всем имуществом, передавались японцам, видимо, как военный приз, а личному составу гарантировалась неприкосновенность как от японских войск, так и от русских белых.

Японцы заняли базу, все суда и здания, кроме завода, который еще продолжал работать под руководством заводского комитета. Командующего флотилией Огильви белые освободили, и он перешел работать в штаб японского батальона. Русская охрана была снята и заменена японцами.

11 сентября произошел «печальный случай»: японцы отрубили голову служившему во флотилии мадьяру Андриевскому. В дальнейшем последовал ряд случаев избиения русских рабочих со стороны японцев, особенно зверски — столяра Беднарского. Перед тем, 6 сентября, в городе, калмыковцы до смерти заporоли заместителя председателя Хабаровского исполкома Н. Н. Перова, делегата рабочих завода флотилии, по профессии слесаря, всеми уважаемого человека, члена РКП(б).

Японцам достались кроме всей территории и самой базы, — канонерки «Смерч», «Шквал», «Бурят», «Монгол» и «Вотьяк» с полным артиллерийским вооружением и исправными для действия механизмами, а также весь вспомогательный состав с плавучими средствами и неплавающими судами.

17 сентября на базу начали прибывать эшелоны японского морского отряда, сперва триста человек, а затем, 19-го, еще четыреста со штабом командующего японским морским отрядом в Сибири. 10 октября прибыл и сам командующий — капитан 1-го ранга Накамура. Морской отряд принял от пехотинцев всю базу и суда, и пехотный батальон ушел на стоянку в Хабаровск.

13 января 1919 года японцы пустили в действие завод. Всего у них на службе состояло 160 человек,

в том числе и сам бывший командующий флотилией — Огильви.

Много моряков и рабочих ушли партизанить, благодаря чему территория в пяти верстах от базы находилась фактически в ведении партизанских частей. Калмыковцы и японцы наведывались туда только с карательными экспедициями.

Оставшиеся на базе партийные товарищи стали призадумываться над своим положением. К февралю 1919 года у нас уже была организация для снабжения ближайших партизанских отрядов и другой им помощи. Во главе организации встало несколько человек: моряки Устинов, Хорошев (погиб во время апрельского выступления японцев 1920 года), из рабочих и мастеровых — Спуре и я. Немедленно приступили на базе к сбору оружия, которое удалось так или иначе припрятать от японцев бывшим красногвардейцам. Наладили связь с ближайшими партизанскими отрядами Шевчука, Кочнева, Соколова. Собирали для них и денежные средства, белье.

Работали по системе пятерок. Вся наша организация насчитывала пять-шесть активистов и сорок девять членов, разбитых на группы по пять человек. Оружия партизанам передали — около сотни разных винтовок, один пулемет и части второго. Полный отчет по этому делу рабочий Тийсман сжег во время моего ареста японцами, из боязни, что он попадет в руки врагов.

Василий Петрович ГОЛИОНКО

ИЗ КОШМАРА КАЛМЫКОВЩИНЫ

В Хабаровск белогвардейщина вступила в сопровождении войск интервентов. С того же дня в мир-

ном до того городе полилась невинная кровь. Вечером уже слышались отдельные выстрелы, возвещающие о начавшихся убийствах на улицах и окраинах города.

Первыми были убиты два брата Балло (венгры, интернационалисты, активисты Совдепа). На следующий день арестованы советские работники Попов, Богданов, Свищев, Перов и отданы в распоряжение кадет. Их в течение суток истязали, а затем полуживых вывели в овраг, заставили самих рыть могилу, в заключение еще выпороли и потом уже пристрелили. 6 же сентября расстреляны шестнадцать (по данным исследований — восемнадцать. — Редколлегия) бывших военнопленных (австро-венгры) музыкантов. Их ставили по четыре человека на утес над Амуром, в городском саду, давали по ним залп, а потом сбрасывали вниз. Происходило это среди белого дня, публично. Яркое солнце освещало кровавое дело атамана. Изуродованные трупы вытаскивали из-за камней и укладывали на телеги в присутствии толпы народа, оцепеневшей от ужаса.

В городе и окрестностях производились массовые аресты. Сажали в сараи, из которых каждую ночь выводили на расстрел партиями в десять—двадцать человек. На рассвете в оврагах слышалась пальба залпами и в одиночку. Жители прилегающих слободок часто видели сцены этих расправ. Захваченных же в разных местах красногвардейцев расстреливали на месте.

В атаманский «вагон смерти» контрразведка бросала тех, кого пытали, добываясь каких-нибудь сведений. Там оказались и комиссары и партийные работники, захваченные при эвакуации на пароходе «Барон Корф» казаками (Екатерино-Никольской станции), партийные и советские работники Хабаровска — Станкевич, Нефедов, Тишин... Женщина-ком-

Василий Петрович ГОЛИОНКО
(р. 1880)

мунистка Станкевич, кореянка, держалась особенно героически, поддерживала дух товарищей.

После истязаний в числе первых жертв расстреляны в овраге работники городского комитета коммунистов и Совета — Станкевич, Нефедов, Тишин, Трошин, Кржкевич, Голобоков, Глушков и многие другие, часть которых арестована в Хабаровске и в окрестностях. Кобзаренко «недорасстреляли», он бежал, но был пойман, пока водворен в больницу.

Через несколько дней со времени вступления Калмыкова в Хабаровск число расстрелянных определялось уже сотнями. Многих, особенно тех, кого арестовали ночью, сразу же отвозили куда-либо в овраг — преимущественно в район выставочной площади (стадион «Динамо») и Муравьевской слободки — и там жестоким образом убивали. Только найденные впоследствии могилы с торчащими из них руками и ногами раскрывали судьбу исчезнувших людей. Казни свершались без суда, негласно. Никто из населения не знал, кого и за что расстреливают. Только род-

ственники и близкие знакомые случайно узнавали об участи арестованных.

Палачи творили гнусное дело с поразительным хладнокровием. Выводя на убийство обреченных, они тут же делили их для грабежа: отнимали деньги, ценные вещи и одежду. Заключенные в «вагоне смерти», ожидавшие с часу на час расправы, наблюдали, как вернувшиеся с расстрела палачи у них на глазах, возле вагона, обмывали окровавленную одежду и обувь расстрелянных и продавали приходившим скупщикам-китайцам.

При всем этом в Хабаровске «безмолвно» присутствовали японские и американские войска. А над одним из зданий на главной улице города развевался бело-зеленый флаг «временного Сибирского правительства».

В лучшем положении, несколько, находились заключенные городской тюрьмы, но недолго.

Я был арестован белогвардейской милицией 7 сентября и заключен в тюрьму. Туда попало около тридцати товарищей, из них хабаровские советские работники — Донга, Белотелов, Мельников, Куценко, Иевлев, Федоров, Шеронов, Иваненко, Роцин, Линнас, Пугачевский — погибли.

Из тюрьмы первыми были взяты Кобзаренко (из больницы, на вторичный расстрел) и член исполкома Шеронов (убили в ту же ночь на рассвете). Следующий — Линнас — левый эсер, один из комиссаров штаба Приамурского военного округа. Линнас сам сдался Калмыкову, рассчитывая на великодушие «политических противников». Его расстреливал известный палач, чех Юлинек, который заставил его самого вырыть себе могилу.

С наступлением холодов заключенных из сараев перевели на гауптвахту, которая находилась напротив тюрьмы, через дорогу. Мы в окна тюрьмы видели, как

с гауптвахты партиями выводили на расстрел. На второй же вечер пришло человек сорок конвоя, состоявшего, в основном, из молодых казаков. Конвой построился буквой «П» у двери гауптвахты. Конвойные с самодовольными улыбками перебрасывались фразами, ожидая свои жертвы. Обреченных выводили по несколько человек и ставили в ряды внутри оцепления. В тот вечер уведено было девятнадцать человек. В следующие вечера, а иногда и на рассвете, выводили партиями по шесть—девять.

Мы в тюрьме ждали своей очереди. Поступили сведения, что всех политических переведут на гауптвахту. Калмыков расправлялся уже со своими личными противниками. «Ликвидировал» войскового старшину Шестакова.

В тюрьму явилась «юридическая комиссия» — городской голова Збайков (эсер), прокурор Твердов, начальник милиции Крахмалев (эсер) — и освободила тех, кто по политическим взглядам примыкал к эсерам. А через несколько дней на гауптвахту перевели первую группу, числа 15 ноября — всех остальных нас. Путь — всего через дорогу, но повели под усиленным конвоем, который окружал нас плотным кольцом.

На гауптвахте было уже достаточно освободившихся мест. Размещали по общим камерам и в одиночки. Мне досталась одиночка. На двери ее было начертано: «Все кончено», — офицером, находившимся тут ранее.

Камера — напротив клозета. Приходилось дышать убийственным воздухом, но это было ничего в сравнении с тем психологическим состоянием, в каком мы пребывали. Даже дуновение свежего воздуха, когда удавалось открыть форточку, не радовало, а вызывало обратное воздействие, ибо напоминало о жизни, вернуться к которой не было никакой надежды.

Во время раздачи обеда, когда за недостатком посуды сводили по несколько человек, к волчку моей камеры подошел Чернышенко и сообщил, что будут расстреливать и надо перебить охрану и бежать. Но его тут же у дверей схватили, посадили в темный карцер.

На другой день новый караульный начальник принимал по книге заключенных. Подошли к моей камере.

— Голионко? К освобождению!

Смысл этой терминологии для нас уже был известен: такую отметку делали в книге о тех, кого расстреливали.

Через волчки передали, что пришел конвой и выстроился у дверей гауптвахты. Все замерло в тяжелом ожидании. Только слышны шаги часового. Послышался скрип наружной двери, шум вошедших людей. Опять воцарилась зловещая тишина, изредка прерываемая сухим кашлем. По этому кашлю я узнал тех конвоиров, которые переводили нас из тюрьмы сюда. Цель их появления понятна. Глухой топот ног на лестнице на второй этаж. Щелканье замка, открывание двери, выкрики фамилий. Шарканье ног приближалось к моей камере. Я приготовился с выдержкой встретить убийц. В сознании промелькнула вся прошлая жизнь, особенно юность, и мысль остановилась перед роковым: «Все кончено!»

Открылась дверь в соседнюю камеру, слышу выкрики нескольких фамилий, потом какая-то возня, удаляющиеся шаги и возглас:

— Прощайте, друзья!

Я ждал, но шаги не возвращались. Внизу раздавалась команда:

— Конвой, марш!

В изнеможении я свалился на койку. На рассвете снова шум. Полагая, что палачи явились за второй

партией, я снова надел пальто и приготовился. Но конвоиры куда-то ушли. Утром выяснилось, что с гауптвахты взяты были десять человек, среди них Куценко, Иевлев, братья Макстисы из Камень-Рыболова. Одиннадцатый — Чернышенко, из больницы. В карцере он отравился морфием, был в тяжелом состоянии, и его вынесли на руках со словами: «Там помогут!» Их расстреляли около кирпичного завода.

На другую ночь должна быть выведена следующая партия, и так далее. Состояние в этом ожидании «очереди» ужасное. Нервы напряглись до крайности. Хотелось, чтобы скорее наступила развязка.

Помешался Федоров. Он сидел в камере напротив моей.

А в городе оцепенение после первых массовых убийств прошло. Теперь родственники убитых и ждавших той же участи заключенных толпой отправились в американский штаб с просьбой о защите. Американцы под напором массового протеста и в виду того, что трупы расстрелянных одиннадцати человек накануне прихода делегации от населения были обнаружены и зафиксированы фотоаппаратами, приняли некоторые меры. В дополнение к калмыковскому был поставлен союзный караул из американцев, японцев и китайцев. Но эта мера оказалась фикцией. Калмыковцы стали брать обманным путем — под предлогом «допроса», с которого люди не возвращались. В караульной же книге отмечалось, что они «освобождены».

Женщины проявили неограниченную заботу, самоотверженность и усердие в изыскании способов спасения, защиты и помощи арестованным. Среди них Сулова, Донга, Белотелова (умерла от потрясения вскоре после гибели мужа), Коваль, Куксова, Тохтина (у нее на гауптвахте даже не было родственников). В течение всей зимы они в длинные морозные ночи

дежурили по очереди у здания гауптвахты и в случае опасности бежали в штабы, просили о помощи, настаивали. Японский генерал в ответ не раз грозил арестовать их на том основании, что, если они хлопочут о спасении большевиков, значит сами большевики.

Женщины были и нашей связью с волей.

Все-таки в период союзной охраны убийства значительно сократились. Обманным путем с гауптвахты были выхвачены десять—двенадцать человек. В это время зверствовал атаманский «юридический отдел», который размещался в центре города, на Поповской улице, в доме, принадлежащем Амурской флотилии. Главными сотрудниками и начальниками этого отдела были Михайлов, Кондратов, Унинский, Скворцов, Светлов, татарин Амиров, Булов, Бусыгин. Амиров бил хлыстом из бычачьих жил. Светлов заставлял жертвы пить их собственную кровь.

В феврале 1919 года в страшно избитом состоянии был доставлен на гауптвахту Семикоровкин (подпольщик). От потери крови он находился в полусознании.

С 5 на 6 февраля «юридический отдел» вызвал с гауптвахты Барсука (офицер, при Советской власти работал в отделе вооружения и снабжения краевого штаба) и Денисова (тоже офицер, был инструктором в Красной Армии). Им объявили, что они освобождаются, взяли с них расписки, что они не имеют никаких претензий и предложили обождать в соседней комнате, пока готовят документы. Ждать им пришлось долго. Ночью явились палачи, избili их до полусмерти, увезли на Амур и спустили в прорубь.

На следующий день вызвали лейтенанта Радыгина (начальник штаба на Уссурийском фронте), Ковалю и Больбата (участники Уссурийского фронта), дали подписать расписки об «освобождении» и опять

оставили в холодной комнате «до изготовления документов». Ночью была поднята по какому-то случаю боевая тревога, и это помешало палачам расправиться с новыми жертвами. Их вернули на гауптвахту.

Со слов самих же сотрудников «юридического отдела» нам стало известно, что готовятся «освободить» тридцать три человека по списку.

С развитием успехов на противокочкавском фронте и партизанского движения положение наше ухудшилось. В конце июня американский отряд ушел из Хабаровска. Тотчас же генерал Оой распорядился снять с гауптвахты японский и китайский караулы. Заключенные оказались в полной власти Калмыкова. Но и при последнем японском карауле начальник калмыковской охраны Барышников застрелил в камерах больного Федорова и Филья. После выстрелов Филья оставался живым. Барышников топтал его сапогами, потом выхватил у часового винтовку и штыком пронзил голову. Филья, обладавший богатырским здоровьем, долго еще мучился.

В первых числах июля Калмыков со штабом и «юридическим отделом» выбыл в карательную экспедицию по селам. Гауптвахту временно передали начальнику гарнизона полковнику Суходольскому. В этот момент, благодаря принятым на воле мерам, была освобождена группа заключенных, в которую посчастливилось попасть и мне под поручительство ряда лиц.

О судьбе оставшихся на гауптвахте мне потом стало известно следующее. В конце июня «в честь прибытия» атамана Дутова был устроен для формальности военно-полевой суд (первый за время господства Калмыкова), который приговорил лейтенанта Радыгина, Большата, Белотелова, Рюкута и еще четверых, фамилии которых уже не помню, к казни. Их застрелили и зарубили. Особенно жестоко избивался

Радыгин. Палачи дали в руки своим жертвам лопаты со словами: «Ну, идите, комиссары, рыть себе могилу!» И увели к польскому кладбищу. На месте казни снова били. Радыгин сказал им о бесцельной жестокости. Один из палачей обнажил шашку и начал рубить ему руки, которыми он инстинктивно защищался. После этого по нему дали залп, но умышленно мимо, и только после второго залпа прервались страдания героя и мученика. Товарищ Больбат, по словам самих же палачей, вырыл себе могилу под деревом, где и был убит.

Палачи не стеснялись рассказывать о своих злодеяниях как своим сотоварищам, так и заключенным, ожидавшим мучительной участи.

В это же время в тюрьме было убито шесть человек, в числе их Журавский, обвинявшийся в покушении на генерала Хорвата во Владивостоке. Затем стали убивать партию за партией. Много их увозили для убийства на станцию Верино, где убивали с особой жестокостью: уродовали, резали кинжалами, расстреливали под музыку во время пирушек и пр. Там, по всей вероятности, погибли член исполкома Хабаровского Совета доктор Криворучко, Гетман, капитан Прутьковский (инструктор в Красной Армии) и многие другие.

5 или 6 августа перед вечером с гауптвахты взяты Донга, Куксов, Коваль, Мельников, Серебреников, Суслов, Чуищев (Сидоров), Белотелов, Храпов и Калижский. Их публично, при рыданиях и истерике жен и детей, посадили на катер «Талисман» и увезли к устью Тунгуски. Только палачи да темная ночь знают, какую ужасною смертью погибли эти мученики, большинство которых одиннадцать месяцев ежеминутно ждали расправы.

К сентябрю гауптвахта была «ликвидирована». Из «старых» там каким-то чудом уцелели только

двое — Захаринов и Николаев, и их освободили в декабре 1919 года. Вновь арестованных сажали теперь в так называемую полевую гауптвахту — «вагон смерти». Там царила оргия дыток. Особенно зверским мучениям подвергся Бернштейн, член союза литографов. На телах мертвых Штылева, Воложанина и других подпольщиков, найденных в «вагоне смерти» после бегства Калмыкова, обнаружены были следы жутких истязаний.

Мы, живущие, должны помнить о погибших бойцах. Они самоотверженно выполнили свой долг перед пролетарской революцией. Идеи погибших могут жить только в сознании живущих, и долг их — передавать память о погибших борцах из поколения в поколение.

(Воспоминания В. П. Голионко воспроизводятся по первой публикации в журнале «Творчество» (Владивосток), 1920, № 3 и по рукописи 1924 года, хранящейся в фонде Дальистпарта — ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 236, л. 17—39)

Исаак Семенович БЕССОНОВ (АНИЩЕНКО)

ИЗ «ОВРАГА СМЕРТИ»

Яркое осеннее утро. Солнце весело играет золотистыми лучами. На улицах Хабаровска мертвая тишина, только изредка кое-где пройдет пешеход. Вдруг издали стали доноситься звуки солдатских песен. На главной улице показались «черные вороны» — казачья кавалерия во главе с палачом атаманом Калмыковым.

Начался разгул самой мрачной кровавой реакции. По городу поползли зловещие слухи о преследовании

Исаак Семенович БЕССОНОВ
(1889—1961)

всех, кто хоть сколько-нибудь активно принимал участие в работе Советской власти. Начались обыски и аресты, был запрещен выезд из города без пропусков. Стало известно: там арестовали, здесь расстреляли, там повесили пойманного под мостом комиссара. Тюрьмы были переполнены арестованными, которых вылавливали в городе и приводили из деревень. Арестованных «просеивали», затем группами уводили за город и там расстреливали.

Всего было замучено, расстреляно, изрублено шашками и вообще казнено в Хабаровске бандой Калмыкова три тысячи человек, а то и более, не считая тех жертв, которые пали в деревнях среди беднейшего крестьянства, когда началось партизанское движение. Там расправы Калмыкова были не менее жестокими.

По мере того как усиливались репрессии и контрразведка атамана Калмыкова все шире и глубже развивала свою работу, скрываться в городе становилось все труднее. Не менее трудно выбраться и скрыться

за городом, поскольку в деревнях была раскинута сеть разведки в лице кулаков и попов.

Узнав от знакомых, что меня ищут, я решил скрыться, но выбраться из города не удалось. Меня арестовали и привели в штаб Калмыкова. Отобрали часы, деньги, связали веревками и в сопровождении двух конвоиров отправили в пустой холодный сарай с железными решетками в окнах, находившийся около толкучки, рядом с помещением штаба полка. Сарай был переполнен арестованными. Начались мучительные ожидания грозного часа смерти.

На следующее утро появился казачий офицер. Слышу, говорят:

— Светлов пришел! — и все шарахнулись в стороны.

В шапке набекрень, с нагайкой за поясом, войдя в наше отделение, он отрекомендовался:

— Я есаул Светлов, личный адъютант Калмыкова. Атаман мне доверяет и разрешает в любое время заходить ко всем арестованным и вести себя с ними, как я захочу.

Далее слышим от него площадную брань, нагайкой он начинает бить всех по головам и лицам.

Избивали по получасу несколько раз в день.

22 сентября вечером у сарая появился конвой. Офицер стал вызывать заключенных по списку. Слышу, называет знакомую фамилию комиссара Дальневосточного водного транспорта Карпенко, затем Урядова — начальника артиллерийского управления в краевом штабе. Дошла очередь и до меня. Всего было вызвано семнадцать человек. Из них два чека и две женщины. Одна — красная сестра, другая — жена рабочего, которая застрелила во время обыска японца за попытку насилия.

Вывели на улицу и объявили, что хотят перевести в другую тюрьму, а повели на станцию, поместили

в арестантский вагон, который мы прозвали «пересылкой от жизни к смерти».

Появились два казачьих офицера. Присматриваюсь и узнаю одного — он меня арестовывал. Офицеры объявили нам через решетку, что все мы приговорены к смертной казни через расстрел и что приговор подписан атаманом Калмыковым.

Послышался стук сапог по ступенькам вагона. Все встрепнулись. Входит высокий, широкоплечий детина, с огромным носом, длинными усами и сверкающими злобой глазами — чешский палач. За ним — два вооруженных конвоира. Открывается дверь-решетка.

— Выходи! Поодиночке!

Подходя то к одному, то к другому, бил рукояткой револьвера по голове. Каждого выходящего сопровождал ударом в затылок, и уж затем нас принимали с площадки вагона и тут же крепко связывали ремнями по двое — рукой к руке. Меня связали с товарищем Карпенко. Шли мы в задней паре. Со станции нас повели вдоль полотна железной дороги за Муравьевскую слободку, окружив плотным кольцом конвоиров с обнаженными пашками и винтовками на плече.

Тишина. Город погрузился в сон. Лишь свистки паровозов изредка нарушали ночной покой. Измученные надругательствами, утомленные внутренними переживаниями, мы погрузились в тяжелые думы, медленно шагая по грязной осенней дороге.

Свернув по тракту в сторону от железной дороги и пройдя еще некоторое расстояние, остановились. Лунный свет. Мелкий лесок. Овраг.

Путь закончен.

Как только остановились, конвой направил на нас штыки.

— Раздевайся! — кричит палач.

Конвоиры срывают верхнюю одежду с тех, кто хорошо одет.

Раздался залп. Расстреляли первую четверку.

— Выходи следующие! — раздается крик.

Мы четверо быстро срываемся с места и, подобно первой четверке, шагаем в овраг в сопровождении восьми конвоиров. Нас подвели к могиле, заранее приготовленной, и скомандовали:

— Становись на краю!

Палач говорит:

— Стрелять перекрестным огнем, по двое в каждого, залпом, по моей команде... Раз!.. Два!.. Пли!..

Адская боль. словно щитом раскаленного железа придавили к стене... слышу кто-то рядом со мною стонет. В чем дело? Где я? Что случилось? Наконец очнулся совсем. В это время один за другим раздаются выстрелы в могилу. Брызнула кровь, залепило лицо землей, перемешанной с кровью. Дышать тяжело. Вдруг слышу, кто-то спускается в могилу и толкает ногой. Проверяли, все ли убиты.

Шорох лопат, посыпалась земля. Дышать становится трудно. Задыхаюсь. Вытаскиваю из-под трупов здоровую правую руку, высвобождаю голову и начинаю понемногу проделывать отверстие, приподняв кверху руку. Сырая глина дала возможность быстро устроить отдушину. Чем больше насыпали слой земли, тем выше я поднимал руку и не давал засыпать отверстие.

Доносится голос:

— Забросайте, чтобы не видно было. Утром придем солдат, они заруют как следует. А нам надо успеть до утра отвести еще две партии.

Выждав некоторое время, когда все смолкло, выбираюсь из-под трупов товарищей на поверхность. Ползу в кусты. Там проверяю, куда ранен.

Левая рука распухла, не поднималась, в горле

сильная боль, по бокам бежали струйки крови. Почувствовав, что ноги здоровы, и видя, что нигде никого нет, воспрял духом.

Местность не знакомая. Кругом огни. Куда идти, не знаю. Ночь холодная. Я совершенно раздет. Иду и попадаю к кирпичному сараю. На заборе висит рожа. Стянул ее, завернулся кое-как, иду дальше.

К утру вода начала покрываться тонкой пленкой льда. Все коченеет. Силы все больше и больше падают. Идти тяжело. Иду по кустам, болотным кочкам, не разбирая. Лишь бы скорее шоссе. Достигаю шоссе и вижу — навстречу движется японский разъезд. Кидаюсь в сторону, падаю в канаву, разбивая телом замерзшую корку льда... Дальше бреду в полусознательном состоянии. Ведет какой-то могучий инстинкт жизни и мести. Мозг горит.

Мне нужна девятая верста. Это сознаю.

Кустики, через них видна крыша шоссеиной будки. Стучу в дверь. Выходит жена рабочего и пугается. Через силу успокаиваю ее, прошу сходить за мужем.

Он узнал меня только по голосу. После рассказывали — я был в кровавой корке льда.

Прошу пить. Глоток воды — я захлебнулся и упал в глубокий обморок. Как меня мыли, как переодевали, перевязывали раны — я ничего не слышал. Рабочий съездил в город и привез знакомого мне инженера. Он приехал с товарищами, и они отвезли меня в городскую больницу к врачу Пиантковскому. Он боялся. Его действительно сильно контролировали. Но прятал меня и лечил. Меня записали под фамилией Лободы, богатого крестьянина из Приморья, до этого лечившегося в больнице.

Было у меня шесть ран. Особенно тяжелая — прострел горла. Пролежал я в больнице семнадцать суток. Когда стало возможно, я очень много ел, видимо

потому, что совсем не спал, из-за чего врач прозвал меня «бессонным больным» (отсюда и мой партизанский псевдоним). Выписал он меня досрочно, так как калмыковская разведка уже искала «комиссара, вылезшего из могилы»: я оставил следы.

Ушел я в деревню Воронежскую к крестьянину Пономаренко, сын которого лежал со мною в одной палате и дал к отцу письмо.

Восстановив здоровье, ушел в ряды красных партизан.

(Воспроизведено по рукописи, хранящейся
в фонде Дальистпарта — ПАХК, ф. 44,
оп. 1, д. 107, л. 1—71)

Рассказы о пережитом

Ивана КАРНАУХА, очевидца, жителя села Переяславки

Лето. 29 июня 1919 года.

Затаив дыхание, эту ночь Переяславка подавленно молчала. Крестьян посылали рыть могилы для казненных. На станции Верино начиналось гнусное кровавое дело палачей-калмыковцев.

На путях стояло два эшелона классных вагонов. Из вагонов при усиленной охране казаков под командой офицера стали выпускать людей. Все они были полураздеты и босы. При полусвете видны на лицах следы усталости и изнуренности. Их было шестнадцать человек. Были и наши односельчане, партизаны. Повели вдоль линии. Шагах в сорока от полотна железной дороги остановили, офицер скомандовал: «Штыки выше!»

В этот момент из рядов бросились бежать двое. В охране замешательство, недружные выстрелы по убегающим и по тем, кто стоит. Один сразу упал, но после вскопчил, скрылся. Второй был ранен и просил: «Пристрелите меня!»

Офицер крикнул: «Зажгите спичку! Не свои ли казаки бежали?»

Раненого дорубили шашкой. И остальных палачи расстреляли и порубили на куски.

Через несколько минут пригнали еще группу арестованных — снова шестнадцать человек, и с этими повторили то же.

...Палачи уехали. Один из расстрелянных заговорил: «Разрежьте ремни, я совершенно нетронутый».

Мы нашли нож, разрезали ремни, и он ушел в темноту. Жив оказался и мастер станции Верино Сердюк. Пули его не задели, он был разрублен. Пока лежал, говорил с нами. Но спасти его было нельзя. Когда стали переносить, он потерял сознание.

Кровавое дело, о котором знает Переяславка, пусть будет известно подрастающему поколению. И когда проезжаешь через станцию Верино, посмотри на могильный курган, в котором зарыты тридцать партизан.

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 236, л. 56—59)

Дмитрия САМОРОКИНА, спасенного после казни

Во время царствования колчаковщины и атаманщины я проживал в Хабаровске и работал на пользу трудового народа. Состоял членом подпольной организации. Наша организация была арестована. В том числе и я был арестован 29 октября 1919 года в иллюзионе. С черного хода вошел офицер с наганом в руке. С парадного входа — еще два офицера и околоточный, тоже с наганом. Продвинулись ко мне.

— Сдать наган, вы арестованы! (Д. А. Саморокин по заданию комитета служил в городской милиции. — Сост.)

— Кто вы такие? В чем причина ареста?

Офицер показал мне мандат контрразведчика и сказал:

— Потом узнаешь!

Меня вывели во двор. Там находился конвой, с ним меня отправили в 3-й участок городской милиции. Здесь оказался военный следователь, он сказал:

— Вы были членом Хабаровской организации, были посланы на базу создать и там организацию... Что вы и сделали.

На фотографии Д. А. САМОРОКИН и Е. Я. ГОЛУБЕВ. Они чудом спаслись после казни. Только что оправившись от ран, сфотографировались. С ними был и третий товарищ — Порфирий Луненко, руководитель Хабаровского подпольного военревкома. Он получил шестнадцать штыковых ран, но тоже оставался живой. Их подобрали крестьяне. Луненко скончался от ран

В участок привели еще трех человек и привязали их к моей левой руке. Затем всех отправили в «вагон смерти», где нас раздели, оставили только в нижнем белье. Утром приехал военный следователь, два офицера. Один взял цепь, другой — резину.

Мне скомандовали:

— Смирно! — начался допрос, на мою спину посыпались удары. Ничего не помня, я упал. Опомился только на третьи сутки.

Пытки и убийства продолжались до 27 ноября. Нас двенадцать человек отправили в полевой суд. Мы пытались через знакомых обратиться к защитнику. Но юрист нам сказал, что мы уже давно приговорены к смертной казни. Из двенадцати шестеро были приговорены к расстрелу, в том числе и я.

Снова водворили в «вагон смерти». 16 декабря в 12 часов пришел палач...

Отправлялся эшелон с солдатами в экспедицию. Нас довели до станции Дежневка, высадили и повели босых, в белье. Гнали к тайге. Около Даниловки офицер взял меня за воротник и повел в сторону, еще два офицера отправились за мной. Крикнули:

— Стой! Сними фуражку и помолись богу! Судьба ваша — здесь умереть.

Офицеры подняли меня на штыки и бросили в снег. Потом один из них три раза вонзил мне штык в грудь.

Привели второго и также расправились с ним, потом — третьего...

(ПАХК, ф. 44. оп. 1, д. 541, л. 1—4)

Андрей Матвеевича ЧЕРНИЛЕВСКОГО, отца казненного

(74 года, русский, малограмотный. Село Киинское района имени Лазо)

Сын мой Николай и сват, Вялый Эммануил, были в отряде Стеньки Разина — Караича (1918, Уссурийский фронт). Потом скрывались в тайге, но их выдали, и карательная экспедиция окружила это место и поймала сына и свата. Свата изрубили и бросили на дороге, а сына взяли в Хабаровск. По дороге пороли шомполами и раны притрушивали солью. В Хабаровске посадили в «вагон смерти», где каждый день три раза пороли. Через пять дней он умер.

Я не мог спасти сына.

В Хабаровске у меня на квартире стоял командир катера Евсей Яковлевич Голубев. Он покупал у калмыковских солдат, что работали в артиллерийском складе, винтовки и, по 4 рубля за сотню, патроны. Передавал партизанам Шевчука и Бойко-Павлова. Так как нужны были деньги, то Голубев, получая 150 рублей в месяц, 100 отчислял для этого дела. Его рулевой Воложанин получал 100 рублей и 50 отчислял. Я получал 75 и 50 отчислял. Так же делали и другие.

На Голубева донесли. Атаман Калмыков прислал солдат. Сделали обыск на катере и нашли две винтовки и патроны. Голубева и Воложанина забрали в «вагон смерти». Голубева через неделю повели расстреливать. Совершилась казнь. Калмыковцы думали, что он убит и ушли. Он пришел в сознание и дополз до ближней деревни. Через год, когда в город пришли партизаны, он ездил в Москву лечиться, но умер.

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 239, л. 174—176)

Открытое письмо английскому консулу

Мы, жены и дети убитых и замученных калмыковскими палачами мужей и отцов наших, узнав о необычайной отзывчивости вашего, господин консул, гуманного чувства к участи находящихся сейчас в заключении калмыковских офицеров, не терпящих, как выяснилось, никаких притеснений, не говоря уже о насилиях и издевательствах, просим вас ответить нам, почему вы во имя гуманности и человечности не считали своим нравственным долгом, как представитель высококультурной нации, проявить подобную же гуманную заботливость к участи истязуемых и убиваемых без суда и следствия мужей и отцов наших в период царствования здесь палача атамана Калмыкова? Сослаться на неведение того, что творилось, вы не можете, ибо мы ходили к вам и указывали вам факты: все окрестности Хабаровска завалены трупами убитых и замученных Калмыковым.

В ноябре минувшего года по нашему заявлению союзным командованием официально было зафиксировано убийство юридическим отделом Калмыкова заключенных гауптвахты. Вы, господин консул, правда, в этом зафиксировании участия не принимали. Когда мы обращались к вам во время кровавого террора Калмыкова о заступничестве, вы отвечали нам, что не можете вмешиваться во внутренние русские дела. Но почему же вы теперь находите возможным такое вмешательство в той форме, о какой мы просили вас?.. Когда убивали и истязали

После разгрома атаманщины революционной власти в Хабаровске удалось переловить некоторых калмыковских палачей. Готовился суд. Но интервенты через свои консульства заявили протест. Тогда женщины-патриотки, сестры и жены тех, кто был замучен в калмыковских застенках, выступили с разоблачением лживой «гуманности» иностранных заступников.

На снимке (слева направо): сидят — Суслова, Донга, Мельник; стоят — Куксова, Белотелова, Коваль, Сидорова-Чуищева.

Хабаровск, 1919 год. (Фото прислано В. П. Голионко)

наших мужей и отцов, то это не возмуцало вашего гуманного чувства, а теперь, когда в заключении находятся калмыковские сотрудники в безусловно гуманной обстановке, — у вас по отношению их появляется такая нежная заботливость, что вы находите даже возможным из-за этого вмешаться во внутренние русские дела.

Подписали: Тоня Донга, Мария Донга, Мария Белотелова с детьми, Варвара Коваль, Агафия Куксова, Анастасия Куксова, Анастасия Сидорова с детьми, Агафия Суслова с детьми, Куценко.

(Газета «Коммунист», Хабаровск, 19 марта 1920 года)

ЧЕРЕЗ ПЛЕН — В ПАРТИЗАНЫ

Памятен день 1 ноября 1918 года. На нашем Коваловском заводе был летучий митинг. Большевистский комитет сообщил, что белые войска угрожают Оренбургу и призвал рабочих вступить в ряды Красной гвардии. Я вступил. Мне в то время было 20 лет. На другой день, вечером, мы уже в эшелоне отправились на Троицкий боевой участок. Командир у нас был очень энергичный человек. На остановках мы проводили военные занятия. На фронт прибыли вечером, а на рассвете отряд пошел в бой.

Противник бешено наступал, засыпая снарядами и пулеметным огнем. Я, как и многие, первый раз держал винтовку в руках, но сила воли и вера в победу двигала нас вперед и вперед. Мы неоднократно бросались в атаку и заставили противника отступить. В этом бою мы потеряли много наших товарищей. Я был ранен, но, чувствуя себя в состоянии сражаться, попросил командира и комиссара оставить меня в полку. После этого боя Красная гвардия была переименована в Красную Армию.

11 ноября наш полк отправился на Челябинский фронт. Я участвовал в боях под Уфалеем и Нижним Тагилом с белочехами. Снова был ранен. Полк пополнили свежими силами, и мы вступили в многосуточный бой с чехами и колчаковцами под Кунгуром.

Здесь меня тяжело ранило в обе ноги, и я попал с другими товарищами в плен. Первым делом белые нас избили. Очнулся я на телеге, как мне сказали, только на другой день.

Утро. Мы на станции. Кое-кого из моих товарищей уже расстреляли. Не кормят. Через два дня погрузили в один из «эшелонов смерти», в которых па-

Николай Яковлевич ИСТОМИН
(1897—1955)

лачи отнимали жизнь у сотен и тысяч бойцов нашей Красной Армии. Пленные, как правило, раненные, гибли от варварского отношения. Кроме того, в эшелоне ехала контрразведка и все время выпытывала, кто из пленных стойко сражался с белыми и кто красный командир. На каждой станции выводили из вагонов по 5—10 человек и расстреливали тут же, возле эшелона. 1 декабря на станции Шамары я также с группой товарищей был приговорен к расстрелу. Нас уже высадили из эшелона, пришел поручик и истерически закричал:

— Ну, красная сволочь, стройся!

Мы сгрудились в ожидании побоев, поручик вынул из кармана мятую бумажку, расправил ее и начал читать:

— По постановлению полевого суда за измену родине приговорены к смертной казни... Что можете сказать в свое оправдание?

Мы молчали. Вокруг нас уже столпилась публика.

18 ноября 1918 года в города Дальнего Востока (Никольск-Уссурийский, Спасск, Иман) прибыли первые «эшелоны смерти», сопровождаемые чехами, сербами, черкесами, китайцами и русскими белогвардейцами. В эшелонах находились красногвардейцы и красноармейцы, захваченные в плен около Самары, Екатеринбурга (Свердловск), Барнаула... Сибирские партизаны. Каждый эшелон находился в пути по два месяца. Арестованным не давали ни пищи, ни даже воды, не выпускали из вагонов.

Держались они только тем, что на некоторых станциях рабочим удавалось передать им нелегально немного хлеба.

Всего было завезено до трех тысяч человек. От голода и тифа умерло около двух тысяч. Мелкими группами в дороге расстреляно до ста пятидесяти человек. На станции Даурия семеновские палачи сняли сто человек. Были в «эшелонах смерти» и женщины. Над ними конвоиры издевались до тех пор, пока некоторые не умирали, а другие сходили с ума.

Оставшихся выводили из вагонов полумертвыми и помещали в концентрационные лагеря — более всего было в Никольск-Уссурийском, незначительная часть в Спасске, Шкотово, Имане. Несколько групп попали в гарнизоны белых.

Постепенно оживая, пленные уже в течение декабря 1918—января 1919 годов почти все бежали в сопки, в партизанские отряды и создали в них основное ядро бойцов и политических работников.

(Свидетельство бывшего партизанского командира
в Никольск-Уссурийском районе К. П. Степаненко.
ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 86, л. 71—72)

Это были рабочие, крестьяне, разоренные белогвардейцами и ютившиеся по станциям железной дороги. Они выкрикивали:

— Долго ли вы будете еще расстреливать! Не стыдно вам?!

Получился шум, и в это время прибыл эшелон с чешскими войсками. К нам подошел чешский офицер и вступил в разговор с колчаковцами. Дело приняло неожиданный оборот. Нас погрузили в чешский эшелон, где пленных кроме их караула сопровождал специальный колчаковский конвой. Старшим его был Москаленко. Он оказался нашим товарищем. Сын бедного крестьянина, мобилизованный в колчаковскую армию насильно. В пути он оказывал всяческое нам содействие, всегда предупреждал обо всех опасностях.

Приехали в Иркутск и стояли там несколько суток. От истощения мы едва двигались. Я попросил Москаленко повести нас на базар, что возле станции, чтобы продать мои часы и купить хлеба. Конвоир отпросился у чешского офицера, и я на костылях пошел с ним на базар, неся на руке часы. Встретился извозчик и начал торговать часы. Подходит белый офицер, вырывает их из рук и, крикнув: «Награбил, красная сволочь!» — положил часы в карман и ушел. Публика вслед ему кричала: «Вот это самый настоящий грабеж, а еще офицер, позор!»

Возвратился я безо всего. Рабочий на станции дал кусок хлеба.

Привезли в Никольск-Уссурийский и сразу начали распределять по городам. Многих оставили в Никольске, Спасске, Имане, а нас девять человек из одной роты отправили в Хабаровск. Разместили в тифозном бараке военного госпиталя на Казачьей горе. И тут же мы подверглись допросам калмыковской агентуры. После каждого ответа били нагайками и шашками плашмя. Помню, так было до 28 декабря, а потом начали агитировать, чтобы мы подавали заявления на имя атамана Калмыкова о желании вступить добровольцами в его отряд, и опять били, уже в подвалах. Это было как раз в дни рождественских праздников. Арсенальские рабочие и грузчики принесли нам тогда подарки. От них мы узнали, что в Хабаровске существует подпольная большевистская организация. Подробности узнать не удалось.

Мы начали умышленно засорять свои раны, чтобы нас не выписали из госпиталя и пока оставили в покое. И так «удачно», что я должен был лишиться ноги. Тут ко мне пришел санитар Ширман. Этот парень вел себя как-то заискивающе, все расспрашивал о нашем путешествии в «эшелоне смерти», и я ему не доверял. Но скрыть от него все было трудно. Он осу-

дил мой поступок с заражением ран и советовал постараться скорее выздороветь. Меня перевели из тифозного барака в палату госпиталя. Ночью в конце января меня оперировали, нога осталась при мне. Вечером пришел Ширман и сказал, что в городе очень тревожно, возможно, будут бои, и тогда, завтра, я выйду отсюда.

Я долго не спал, а под утро был разбужен оттого, что услышал сильный стон. Привезли каких-то раненых. Потом пришел Ширман, мою кровать вынесли в коридор, и он сообщил, что рядом со мной лежит полковник Бирюков, тяжело раненный ночью восставшими казаками. Санитар предупредил, чтобы я лежал спокойно, к Бирюкову скоро придет атаман Калмыков. Тот пришел в сопровождении офицеров, и я слышал, как он громко разговаривал с Бирюковым:

— Я говорил тебе, что надо расстреливать эту красную сволочь!

— Вот благодаря этим расстрелам так и получилось, — услышал я в ответ.

Вечером зашел в третий раз Ширман, меня перенесли обратно в барак. Скоро с помощью этого санитаря мы бежали. Ушел с нами и конвоир Москаленко.

Я ушел в сопровождении Ширмана с двумя товарищами. Он вывел нас под предлогом работы на кухне, а на улице мы встретили Москаленко. Через решетку провели нас на Артиллерийскую улицу и около городской больницы впустили в избенку, где проживал рабочий Румянцев. Его не было, встретила его мать. Здесь были припасены для нас одежда и ботинки. Идти надо было в Новоалексеевку (Некрасовку), но туда далеко, мне бы не дойти, поехали на извозчике до Красной Речки. После некоторых мытарств получили точный адрес — Веселый Кут, Данила Ше-

ритон. Он, мол, дает направление в партизанский отряд Бойко.

Пошли уже десять человек. Это было в первых числах марта. Дошли до Новоалексеевки, переночевали, наутро двинулись дальше.

Для меня этот переход был очень тяжел, ранам становилось все хуже. И тут нас догоняет на лошади крестьянин с черной бородой. Не обгоняет, а едет шагом за нами. Я иду сзади, и он спрашивает меня, куда мы идем. Отвечаю, как нас учили, мол, на сплав к Сенкевичу, на реку Хор. Он интересуется, кто мы такие. Отвечаю, что демобилизованные из армии, я выписался из госпиталя. Сам спрашиваю, далеко ли до Веселого Кута. Да, говорит, порядочно, садитесь, доведу. Я подозвал Москаленко, сказал, что поеду, и подсел к приветливому крестьянину.

Приехали туда. Этот крестьянин идет со мной, Данила Шеритон принимает его и меня очень гостеприимно, хотя я ему не объяснил еще, кто таков. Победали, выпили чаю. Крестьянин ушел на двор, а я объясняю Даниле, зачем явился, спрашиваю у него о «Бойко».

— Да вин этот самый и есть!

Я обрадовался, выхожу на улицу. «Крестьянин» стоит и гладит коня. Я подхожу и говорю:

— Вас-то мне и нужно.

Он, видимо машинально, полез за браунингом. Я быстро говорю, что послан городской организацией, все ему рассказал. Тут подходят и наши ребята.

Так мы встретились с Бойко.

Наутро он собирается ехать, берет меня в Марусино, а ребятам дал адрес, и они пошли пешком. Потом — в Соколовку, оттуда в тайгу, в зимовье. Собирался съезд. Мы избрали штаб во главе с Бойко и тогда же дали Демьяну Ивановичу новую фамилию — Павлов. Меня избрали тоже в штаб, поручили

изыскивать вооружение для приходящих бойцов-партизан. А их уже дней через пять после съезда навалило человек 50—60. Пришли с дробовиками, берданами, кто с чем мог. Достали до 60 винтовок, бердан, и постепенно стали изымать оружие у населения. Но этого оружия было мало на стекавшуюся к нам массу. Нужно было достать еще где-то. Городская Хабаровская организация действовала. Везли к нам винтовки со всех сторон. Мы вооружились разнокалиберным оружием и стали на защиту пролетарской революции. Казалось, что мы очень хорошо организовались, что мы можем, хоть маленький, но дать отпор нашим врагам.

В начале июля 1919 года штаб партизанских отрядов уполномочил меня и командировал в Хабаровскую подпольную организацию, где я работал долгое время по разложению белых войск, доставке в партизанские отряды оружия и сопровождению переходящих на нашу сторону солдат белой армии, а также работал по связи между штабом отрядов и подпольной организацией города.

Многих из моих товарищей, красноармейцев, штаб назначил командирами отдельных отрядов, они перенесли в отряды свой боевой опыт Уральского фронта, стали примерными и стойкими борцами за власть Советов.

Светлая память остается о товарище Москаленко, погибшем в деревне Матвеевке.

Вот тот боевой путь, который я со своими товарищами красноармейцами прошел в борьбе с интервенцией и белогвардейщиной за власть Советов от Урала до берегов Тихого океана.

(Воспоминание воспроизводится по материалам фонда Дальистпарта, хранящихся в ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 93, л. 48—52; д. 118, л. 15—22; д. 136, л. 278—308)

НАЧАЛО ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Петр Дмитриевич СЛОБОДЧИКОВ

ОБЪЕДИНЕНИЕ

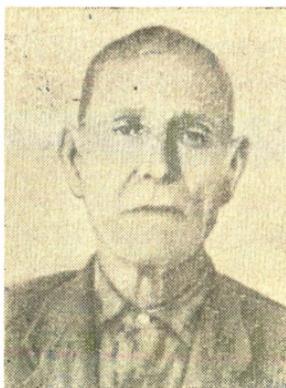
Работал я до революции у лесопромышленников Сенкевича и Риффа. Занимался охотой, трудился на своих огородах, как и все в наших местах. Жили скудно, бедно. Как началась война с Германией, жизнь вообще стала невыносимой. Нигде ничего нет, ходили в лаптях. У контрабандистов можно было достать ботинки или сапоги, но дорого. Денег не было.

Сенкевич вел заготовки по Хору, а Рифф — по Кие. Сенкевич жил во Владивостоке, а Рифф — в Хабаровске. Супруга моя работала у него в доме, так что я его хорошо знаю. У него было двенадцать домов по Вокзальной и лесозавод на Кругосветке. Революция этого домовладельца-тунеядца крепко задела.

В 1918 году пришло к нам в село воззвание из Хабаровска. Совет звал крестьян вступать в Красную гвардию, так как интервенты шли на Хабаровск.

Собрались мы и на лошадях поехали по селам. Всюду звали парней идти с нами. Пока доехали до Переяславки, набралось сто шестьдесят человек. Отсюда нас направили по железной дороге в Хабаровск (лошадей мы отправили по домам), где распределили по частям. Поехали на Уссурийский фронт.

Японцы уже прорвались, наши части отступали. На иманском мосту мы им дали бой и задержали. Но все же пришлось отступать. Я отступал пешком до самого Хабаровска, некоторые части уезжали на поез-

Петр Дмитриевич СЛОБОДЧИКОВ (р. 1893) — один из тех сознательных, преданных бойцов революции, о которых говорил Д. И. Бойко-Павлов. Из сельской Красной гвардии. Дисциплинированный партизан. После гражданской войны — рабочий, колхозник. Ныне пенсионер. Живет в селе Прудки района имени Лазо

дах. В Хабаровске мне пришлось побывать на одном из заседаний 5-го съезда Советов. Я был делегатом от Красной гвардии. Предложили выступить, но я не мог, так сильно устал.

Потом мы пошли домой, по тайге, через Марусино. В нашей группе шло около ста человек, остальные вернулись другими путями.

Дома винтовки спрятали. Через некоторое время явились белые казаки. Приказ: «Сдать оружие!» Кто-то сдал.

В 1919 году, в феврале, пришел ко мне домой Демьян Иванович Бойко. Я его не знал, а он меня, видимо, заметил в Хабаровске. Заходит, спрашивает меня на украинский манер:

— Здесь живет Петро Слободчук?

Познакомились, поговорили. Решили собирать силы. Только нужны продукты и одежда. Он предложил мне разведать склады.

Я с друзьями — Петром Вороновым, Трифоном Кочергиным и Тимофеем Рыбаковым — отправился «на охоту». Взяли сухарей на неделю и пошли рекой Кией. Перевалили через хребет, заходим в барак Сен-

кевича. Сторож — знакомый. Стал угощать. Пошли с ним в склад за провизией. Я прикинул на глаз: муки мешков сто, значит, четыреста пудов.

Сторож нажарил нам противень мяса — свежее, удэгейцы привезли. Отводим нашему доброму знакомому глаза: «Все кабаны и козы спустились сюда. За перевалом сколько ходили, ничего не видели...» Нам нужно на второй склад, что в восьми километрах, попасть без подозрений.

Побывали. Потом пошли на Матай — там тоже склад. В общем, по моим подсчетам, всего было 1400—1500 пудов муки, а также разные крупы, сало, одежда, инструменты и прочее. Доложил я Бойко-Павлову об этом. Он остался доволен. Поручил новое дело.

— Готовь на съезд ребят из красногвардейцев!

Прошел я по селам Каменец-Подольское, Святогорье, Полетное, Петровичи. Собирались ночью, как Бойко сказал. Я говорил, чтобы брали коня, оружие.

Ночью же приехали в Марусино. Нас было двадцать четыре человека. Встретил нас Бойко. Он ждал, как и договорились. Сразу же отправились в Соколовку. Туда же собрались делегаты от волостей и из города.

Заседали на заимке у Порфирия Сысоева — хороший, верный был старик. Народу собралось не меньше ста человек (делегатов было меньше). Заседали два дня и две ночи. На день большинство расходилось по тайге, подальше: вдруг казаки налетят. Охрану обеспечивали наши красногвардейцы. Места хорошо знакомые. Где надо, везде стояли дозоры — на конях, пешие, с оружием. Сигнализация была. Так что за много километров по любой дороге мы могли бы заметить казаков или японцев. Посты я проверял. На съезде присутствовал, но временами уезжал для проверки охраны: дело серьезное.

Меня избрали в штаб и, кроме того, помощником командира отряда.

Потом ушли в Бичевую, дальше в тайгу. К маю собралось сотни три. Расчистили полигон, занимались военным делом, старички-фронтовики обучали молодых бойцов. Знамя у нас было — портной в Бичевой сшил. Вскоре пошли в бой.

Семен Дмитриевич ЧИХУНОВ

ХОРСКИЙ БОЙ

Полетненская волость была отдаленной частью Хабаровского уезда. Местность лесистая. Крестьяне, наряду с сельским хозяйством, занимались лесозаготовками и охотой. Лесопромышленная фирма «Братья Сенкевичи» процветала за счет труда местных крестьян.

Здесь, в лесных деревушках, укрылись после ликвидации Уссурийского фронта красногвардейцы, некоторые из них — местные крестьяне. Это были наиболее сознательные люди, преданные власти Советов. Вокруг них стали группироваться недовольные белогвардейщиной крестьяне, возникли подпольные революционные группы. Помню, в деревне Марусино — вокруг Моисея Шупилова, в Соколовке был Семен Ткач, в Михайловке — Антон Могдий, в Петровичах — Александр Семченко, в Гродековке — Дмитрий Изотов. Была и у нас в Полетном. В деревне Прудки, Святогорье, Каменец-Подольском возникли боевые группы из смелой молодежи, а руководили ими фронтовики Слободчиков, Шахрай, Ветров.

Когда группа Бойко созывала Соколовский съезд, мы все были готовы выступить. Не хватало оружия. Ждали его от арсенальных рабочих и особенно из

Семен Дмитриевич ЧИХУНОВ (1897—1972) — из крестьян села Полетное, был красногвардейцем, участвовал на Уссурийском фронте, потом в партизанском движении — от начала и до конца. Рядовой боец. Позднее — на советской и хозяйственной работе, избирался депутатом Верховного Совета РСФСР (1938), был председателем Хабаровского облисполкома, управляющим краевой конторой «Заготживсырьё»

тайников базы флотилии, но вывезти было трудно, территория базы охранялась японским гарнизоном.

Все-таки Николай Кочнев с рабочими выполнили рискованное дело. Две ночи откапывали оружие, перетаскивали в более скрытое место и оттуда как-то сумели вывезти с базы. Привезли в Матвеевку, а оттуда местные подпольщики помогли члену штаба Шупилову отправить оружие через Князеволконку и Марусино на партизанскую базу в Бичевую.

Решено было уничтожить японский гарнизон, охранявший железнодорожные мосты на Хору и Кие, взять там оружие. (Главная часть противника — японский батальон и белогвардейцы — стояла на станции Верино у Кие.)

Подготовку к операции начала группа подрывников из одиннадцати человек, возглавляемая шахтером Кохаевым. Подрывники разобрали железнодорожный путь примерно в километре от хорского моста в направлении Дормидонтовки.

27 мая ночью партизаны переправились через реку Хор и заняли лесозавод Сенкевича. Отсюда напра-

вили вторую группу подрывников под командой Рубея. Она разобрала путь и оборвала провода связи между разъездом Хор и станцией Верино.

Развивая начатую операцию, взвод партизан под командованием Дмитрия Изотова совершил налет на казарму с японскими солдатами. От ружейных залпов и взрывов гранат почти все солдаты были уничтожены.

В то же время главная группа партизан под командованием Соколова напала на охрану хорского моста (операция захвата пулеметов) и обстреляла ее. Японцы открыли в ответ пулеметный огонь. На помощь им пришли конные казаки. Бойко-Павлов после говорил, что мы наделали много шума между мостом и казармой. Этот шум вызвал панику в наших же рядах, и операцию до конца не закончили, отступили скоропалительно.

Сначала мы ушли к лесопильному заводу, а затем, под прикрытием утреннего тумана, переправились на левый берег Хора, в село Новохорье.

За нами были пущены крупные военные силы, чтобы одним взмахом пресечь народное выступление. Мы уходили в глубь тайги, а озлобленные враги перенесли свою ярость на крестьянское население. Пострадала и моя семья. В Полетном сожгли восемь домов, один из них наш, издевались над матерью, замучили шестнадцатилетнего брата.

Петр Ефимович ИВАХНИШИН

ОТСТУПЛЕНИЕ

Жил в нашем селе Федор Степанович Шахрай. Вернулся с германского фронта и пошел в Красную гвардию, воевал против белочехов на Уссурийском фронте, командовал батареей в боях под Шмаковкой.

Он был делегатом от наших крестьян на Соколовском съезде. Вернулся оттуда и стал собирать отряд. Пошел и я. У меня был охотничий винчестер, с ним я и пошел. Всего из нашего села ушло до тридцати пяти человек, почти каждый с ружьем, в основном охотничьим. Повел нас Шахрай в Бичевую.

Подошли к Хору против этой деревни, а там уже налажена круглосуточная переправа. Подали сигнал-выстрел: «Давай лодку!» Переправлялись по пять-шесть человек.

В Бичевой уже штаб. Встречал нас Бойко-Павлов. Собрались к нему отовсюду. Мы поместились в пустующей землянке. Разделили нас по взводам. Шахраю дали отдельный взвод, но я попал к Соколову.

Из Хорского боя мы вышли сначала без потерь. Перевалили Медовую сопку, спустились к реке Хор и на лодках переправились в Новохорье. Казалось, все хорошо: бой провели с успехом, теперь можно передохнуть. Партизаны разместились в школе, а в доме Головатого — командир Соколов и штабники Петров и Василий Нохинов. Выставили два дозора: один в трех километрах от села (два дозорных) и второй в полукилометре от села (четыре).

Собралось тут нас не менее сотни, почти все из крестьян и в основном молодежь. Поджидали других. Стояли двое суток.

И вот, в 12 часов дня, только сменился караул, с первого поста прибежали дозорные Петушков из новохорских и наш каменец-подольский Мина Ткач.

— Казаки наступают!

Оказалось, на дороге появился передовой казачий дозор, наши сторожевые открыли стрельбу, сбили офицера и убили лошадь. Казаки, подхватив офицера, скрылись. За дозором, ясно, следует отряд.

Что-то надо делать. Занимаем оборону перед се-

Петр Ефимович ИВАХНИШИН (р. 1900) — тоже из крестьян. Переселенец из деревни Мурафа Каменец-Подольской губернии. Селения в новых местах на Дальнем Востоке тоже называли — Каменец-Подольское, Ямпольское. Он жил в Каменец-Подольском Полетненской волости. Была и Мурафа, в соседней Дормидонтовской. После гражданской войны снова крестьянствовал, был председателем колхоза в своем селе. Там проживает и ныне, в Каменец-Подольском

лом. Вскоре появился и казачий отряд, примерно в тридцать всадников.

Они спешились. Нашли позицию на опушке леса под самым селом и начали редкую стрельбу, временами залпами. Видимо, прощупывали, хотели узнать, много ли партизан.

Соколов куда-то отлучился, и командовал Петров. После перестрелки он вдруг подал команду:

— Вперед! Ура!

Мы бросились на опушку. Казаки вскочили на коней и кинулись наутек по дороге. Ясно, что это была только разведка.

Появился Соколов. Партизаны волновались.

— Уходить надо. Сейчас новые силы подбrosят.

— Не трусь, ребята! — подбадривал командир. Этих пугнули, и тех так же. Вот-вот Шахрай подойдет со взводом. Будем держаться!

Расположил он нас довольно толково. Заняли оборону редкой цепью по старой дороге на Мурафу. Очень удобно: вдоль дороги — канава с высоким бруствером, наша траншея. За селом Соколов выставил караул.

Ждали долго. Часа через два пошли колонны японцев и казаков. Казаки — по дороге, а японцы по обе стороны ее, по мари. Много их было, очень много.

Соколов взобрался на конек сарая и рассматривал в бинокль.

— Без команды не стрелять! — передал он по цепи.

Вот уже японцы совсем рядом. Идут медленно: по мари не разбежишься. Наконец Соколов сказал:

— Дергай, ребята!

Мы открыли огонь. Японцы все равно идут. Так же медленно и ровно идут. Выбиваем из их рядов солдат — падают, а остальные идут. И начали они бить из бомбомета, подожгли школу и дом Головатого. Потом остановились. Заработали их пулеметы.

Бьют по цепи. Левый наш фланг стал отступать, потому что японцы уже обходили нас. Получалось, что они хотят окружить и прижать нас к реке.

Вместе с Соколовым осталось в цепи человек двенадцать. Он подал команду отступать.

Бросились мы через марь в соседний березняк, а там японцы, стреляют. Припадаем между кочками, бежим по воде к деревне, чтобы через нее выйти на берег и там скрыться. Смотрим: там на конях казаки.

— Вперед, вдоль дороги! — крикнул Соколов. — Держись кучкой, ребята! Выбиваться из кольца будем!

И нам удалось уйти. Японцы не успели еще кольцо сомкнуть, а казаки на марь коней не погнажи. А там тайга, наш друг, выручила.

По дороге за Новохорьем стали собираться все партизаны. Погиб наш каменец-подольский парень Иван Швед.

Когда уже стали подходить к Ямпольскому, встретили отряд Шахрая. Он остался в прикрытии, а мы

поздно вечером пришли в Святогорье. Сделали небольшой привал. Шахрая нет, выстрелов не слышно. Отправились в наше село Каменец-Подольское. Пришли туда часа в два ночи, усталые страшно. В наш дом набилось человек до полсотни, легли, кто где мог, вповалку. Остальные — у Михаила Шпака.

Шахрай с отрядом ждал японцев до утра. Но они не появились. Видимо, ночью боялись идти. На рассвете Шахрай отступил, считая, что мы уже далеко. В Каменец-Подольское он не зашел, а, минуя его, подался на реку Матай.

Мы позавтракали: сварили нам картошки и рыбы. Решили перебираться в Бичевую.

Подшли к Хору против деревни Табань, и молодой парень Храпак поехал на лодке в разведку. На середине реки по нему открыли огонь. Мы поняли, что наступают на нас по всем дорогам. Храпак повернул лодку назад, но вражеская пуля попала ему в нижнюю челюсть. Раненный, он сумел выбраться на берег. Мы его оставили в Каменец-Подольском — взял его Карл Павлинец к себе в дом и спрятал. Храпак постепенно поправился.

На ключе Гольда остановились на отдых. Подошел Шахрай с отрядом, от него узнали, что японцы близко. Оставили трех партизан — Романа Галуха, Ветрука из Святогорья и нашего Ивана Моисеева — для охраны сзади, а сами пошли. Через два часа парни прибежали по тайге, принесли две офицерские фуражки. Ехали три казачьих офицера. Они их взяли на мушку, сбили сразу всех. Выскочили на дорогу, чтобы снять с них оружие. Особенно хотелось наганы иметь. Один офицер оказался только раненым, начал отстреливаться. На дороге в это время показалась колонна японцев: шли массой, катили пушки. Парни убежали.

Часть партизан уже переправилась через Матай.

Лодочка всего одна. Дело движется медленно. Продолжаем переправу. На небольшой сопочке оставлены для прикрытия двенадцать партизан.

Появились японцы. Идут по сопке цепью к реке. Мы с другого берега открыли по ним огонь. Редко-лесье, и для нас они были открытой мишенью. Задержали вражьи цепи и снова переправляемся на лодочке.

Опять пошли японцы. Мы усилили огонь, насколько было можно, чтобы оставшиеся — те двенадцать, кто был в прикрытии, и человек восемь остальных — отступили вверх по берегу Матая. Мы по своему берегу тоже пошли вверх.

Дошли до Юмо. Шли чуть ли не трое суток. Дороги никакой. Хор разлился. Рубили деревья, переправлялись через протоки вплавь. И голодали. Ели только дикий чеснок. Некоторые не могли дальше идти, мы их оставляли, пристраивая на кучах из веток и копнах, чтобы лежали до нашего возвращения. Погони мы теперь не боялись, а добирались до склада с продуктами.

Добрались. Собрали и оставленных товарищей. Нашли всех. Они уже не могли двигаться, и мы отпавали их болтушкой.

Всюду, где прошла экспедиция интервентов и где потом останавливались их части, — творились расправы. Только в нашем селе — Каменеце-Подольском — сожгли дом Федора Шахрая и Андрея Самуляка. Кирилла Мостового расстреляли и дом его сожгли. Расстреляли Андрея Казачишина за связь с партизанами. Пороли шомполами старика Павла Киселя.

В других селах и того больше за ними преступлений.

Но как бы ни зверствовали интервенты и белогвардейцы, как они ни стремились разгромить партизан — этого они не добились. Отряды наши оправались, окрепли и стали грозной силой.

ПЕРВАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ БАЗА

Ею стали склады лесопромышленника Сенкевича.

Небольшая часть продуктов хранилась в нижней конторе по реке Матай, остальное — вверх по Хору, в другой конторе под названием Юмо. Это, если по течению Хора, то на правой стороне, а на левой, против конторы, жил охотник. Тут и было место хранения продуктов.

С Матая можно было доставить продукты только вьючно и на себе, в рюкзаках или мешках. Дальность около 10 километров.

Весна 1919 года. По берегам Матая, в лесу — мокрый снег до метра. По льду идти всего километра четыре, но везде верховодка, нужны резиновые сапоги, а их нет. Отряд на тридцать процентов имел сапоги разбитые, худые, у остальных ботинки да лапти.

Нужны добровольцы. За продуктами идти опасно, под верховодкой могут быть ямы-проталины.

— Кто желает? — спросили.

— Пишите меня... Самойлов! — сказал я.

Записались Подобедов, Гончаров, Востриков, Рудаков... Всего одиннадцать, а надо пятнадцать. Еще четверых пришлось просить, убеждать.

Носили мы продукты недолго. Как-то вызывает Соколов и говорит:

— Завтра со мной!

— Куда?

— На месте узнаете. Секретно.

Раз сказал «секретно», значит закон. Утром вышли Соколов, Бондарев и нас трое. (Бондарев был десятником у Сенкевича, всю хорскую тайгу знает.) Пришли к базе Юмо. Никого нет. Соколов говорит:

— Мы должны перенести продукты в недоступное

Федор Трифионович САМОЙЛОВ (р. 1897) — после окончания гражданской войны крестьянствовал в родном Святогорье, затем работал плотником на стройках в Хабаровске и на Сахалине. Участник Великой Отечественной войны

место. Продукты — вся жизнь отряда. Не забывайте: казаки местные, тайгу не хуже нас знают.

Имелось в виду, если неустойка, — сжечь все строения и пустую тару, отвести глаза, а продукты сохранить. Соколов предупредил:

— Знать должны обо всем немногие — Шахрай, Бондарев. Ответственный за продукты на базе Востриков. Снабженец и ответственный за транспортировку — Самойлов.

Мы могли выполнять распоряжения только Василия Соколова и Федора Шахрая.

Поехали на лодке вниз по Хору, туда, где Соколов и Бондарев нашли подходящий остров. Проехали около шести-семи километров. Мы остались, а Соколов и Бондарев ушли в отряд, обещали подослать помощников. Дня через четыре приходят подсобники — Петр Чикачев и двое городских — оба Васи, оба из Пермской губернии, так мы их и звали «пермяками», или Большой Вася да Малый Вася. Работали с огоньком — грузили на лодки, спускали вниз, укладывали на лабаз. Настил подняли на метр — гарантия от наводнения.

Андрей МАЛКОВ с матерью

ПАРНИ ИЗ МАЛЫШЕВО

Парней в Малышево было мало: три сына у Малковых да три сына у Смирновых. Остальные ребята еще подростки. Село небольшое.

Андрей Алексеевич Малков — самый старший и самый опытный. 27 лет. Вернулся с фронта первой мировой войны по ранению в руку. Был в деревне центральной фигурой, имел связь с партизанами. Неоднократно посылал и младшего своего брата Иннокентия на лодке к базе флотилии за оружием.

Погиб он вскоре после свадьбы с матвеевской Ирриной Филипповной Рябковой. Дочь Нина родилась, когда отца уже не было в живых.

Было у нас четыре лодки. Каждая поднимала до шести кулей, то есть до тридцати пудов. К несчастью, одна из них разбилась об карч, ее унесло.

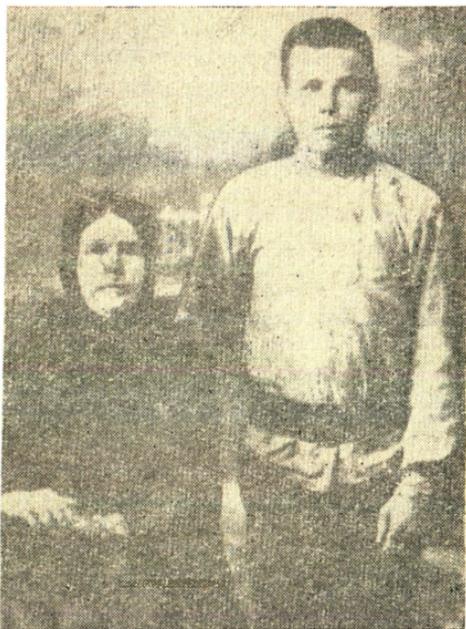
Через несколько дней принесли приказ от Шахрая в письменной форме: «Тов. Самойлов, представь муки, кеты и жиров, сколько поднимет лодка».

Погрузили двадцать пудов муки в пудовых мешках, двести штук вяленых кетин (это легкий груз) и две пудовые банки топленого сала. Проплыли мы с вестовым Ильей Подобедовым по Хору километров двадцать, подогнали лодку к Глубокому плесу, к сопкам. А дальше сплошь чистый лед стоит. Вытанули лодку на лед. Пробуем силу — тянется. Тянули с ки-

Произошло это в июле 1919 года. В село пришел отряд партизан. Человек сорок. Видно, что долго ходили по тайге. Оборваны и измучены. Разместились по дворам. Командир остановился у Малковых. Женщины готовили им еду. Почти в каждом доме пекли для партизан хлеб в дорогу. Переночевали, утром собрались на завтрак. Во дворе развели костер и в жестяных банках варили картошку с рыбой.

Только накормили всех, как увидели на Амуре целый караван лодок. Из Вятского ехали белые.

Партизаны отступили, а калмыковцы с известным карателем Пискуновым сразу же пришли в дом Малковых. Начались допросы: сколько почевало парти-

Петр СМІРНОВ с матерью

лометр. Выдохлись. Пошли в разведку: сколько еще этой ледяной дороги? Решили муку разгрузить на левом берегу, а рыбу и сало — на правом. Лодку протянули ниже. Все спрятали, надежно прикрыли сухой травой.

Вернулись на базу, работаем. Приходят Соколов и Шахрай. Спрашивают:

— Самойлов, почему не представлены продукты?

— У гиляцкой молельни лед стоит, — отвечаю. —

Разгрузили до ухода льда.

— Ладно, заберем. Делайте лодки, скоро понадобятся, — сказал Шахрай.

На складе тес был хороший — девяти аршин дли-

зап, где они, кто из местных ушел. Потребовали старшего сына. Узнали, что его нет, поставили условие:

- Если не явится, сождем село.
- Он на покосе, — отвечали ему.
- Послать!

Андрей действительно уехал на остров, где покос. За ним поехали, сказали об угрозе. Андрей явился, чтобы предотвратить расправу над селом.

Тем временем братья Смирновы, Яков и Тихон, унесли в условленное с партизанами место выпеченный деревней хлеб. На обратном пути белые их схватили. Отобрали пустые мешки, осмотрели и нашли хлебные крошки.

— Показывайте дорогу, куда ходили!

Избиваемые и понукаемые, Смирновы пошли к лесу: он большой, и тропинок в нем много. За ними — отряд калмыковцев. В лесу началась стрельба. Партизаны, видимо, хотели отбить юношей. Но калмыковцы, отступая, расстреляли братьев Смирновых в овраге. Их потом три дня искали всем селом.

Каратели вернулись, запалили дом и сарай Смирновых, погрузились в лодки и забрали с собой Андрея Малкова.

Третий сын Смирновых — Петр — вернулся в село после расправы. Узнал обо всем и решил тайгой идти в Вятское. Там были знакомые, можно узнать, где Андрей Малков, что-то предпринять, найти партизан.

Около Вятского его схватили дозорные калмыковцы.

30 июля 1919 года палачи расстреляли обоих.

В селе Вятском Петру Михайловичу Смирнову и Андрею Алексеевичу Малкову воздвигнут обелиск.

Двум братьям Смирновым — Якову и Тихону — поставлен памятник в родном селе Малышево, у здания школы.

ной. Начали строить баркас. Мы с Ильей Подобедовым — за плотников. Востриков и два Васи помогали и смолу вытапливали в железной бочке из кедровых поленьев. Обшили первый раз тесом, просмолили, обтянули мешками и стали обшивать второй раз.

Тут снова пришла записка от Шахрая:

«Срочно представь продукты на три роты в Святогорье. Сало и рыбу мы не нашли, муку взяли. Не представишь сало и рыбу — кинжал на сердце!» Это у него такая поговорка — «Кинжал на сердце!» И произносит ее с южным акцентом. Не поймешь, шутит или нет. Но тут дело серьезное: нас с Ильей заподозрили, видимо, в нехорошем.

Наши командиры прислали и помощников — Григория Баранова и Григория Болтушина, Иллариона Рудакова, Митрофана Чикачева и двух братьев Волковых. С ними закончили постройку лодки на четвертый день. Военный грузовой баркас готов. Получился он на манер нанайских батов — носовая часть полутупая, на ходу бороздила воду. Моторная сила — шесть весел.

Погрузили тридцать восемь пятипудовых мешков, двести вяленых кетин. Семь человек сели на баркас, а я на легкой лодке впереди — вроде наблюдателя. Дорогой забрали не найденные отрядом банки с салом и рыбу: хорошо были спрятаны, что и свои не нашли! В одиннадцать вышли, через пять часов — в Бичевой. Пятьдесят километров прошли по течению. Скорость большая. Хор из берегов выходит.

Пристали к берегу, а тут мальчишки бегут:

— Дяденьки, уходите, в деревне казаки и японцы. Стреляют!

Мы проплыли вниз километра четыре и пристали в тальнике. Пошли искать отряд. Часа через полтора встречаем командира взвода Рубеля.

Спрашиваем:

— Где отряд?

— Отряд отступил. Ушел в лес. Пойдемте, я туда иду.

Прошли километров десять, забрались в падь с водой и трясинной... Слышим разговор.

— Кто идет?

И вдруг стрельба. В чем дело?

— Кто стрелял?! — возмущается Рубель.

— Огонь стрелял! — хохочут в ответ партизаны. Их тут много. Собирали сухую траву для костра и кто-то выронил в огонь патроны.

Здесь и Бойко-Павлов, увидев меня, спрашивает:

— А ты как здесь оказался?

ТРАГЕДИЯ В МИХАЙЛОВКЕ

Сейчас этого села нет. Место было неудобное. Реки рядом нет, покосов. Почвы тяжелые — глина. А основалось село в 1907 году, когда переселялась голятьба. Через десять лет, к революции, в нем насчитывалось до ста пятидесяти дворов. Жили, в основном, белорусы и украинцы, поэтому, хоть и трудно, выращивали сады. А в советское время постепенно переехали в более удобные места, многие в Марусино. А кто в Петровичи, Полетное.

Теперь на месте этого села — молочнотоварная ферма. Пасутся стада среди старых, удивительно чистых грушевых садов. Летом здесь много людей; кто пришел за грибами, кто половить карасей в пруду, кто за келровыми шишками — в отдалении куртина темно-зеленых великанов, а детвора — за грушами и сливами.

Но всякий считает своим долгом посетить особо примечательное место — братскую могилу партизан.

Погибли они при отступлении после Хорского боя.

Через Князеволконку, Веселый Кут на Михайловку двигалась

— В Святогорье груз везем. Да вот остановка. Что дальше?

Утром Бойко-Павлов дал мне распоряжение доставить груз во что бы то ни стало в Святогорье. Это как раз мое село.

Отправились в путь. На Табани должен быть пост белых. Причаливаем к берегу, решаем, как быть. Мое предложение: замаскируемся под вид корейцев-лесосплавщиков, может, пройдем. Сняли верхние рубахи, остались в нательных, белых, как корейцы ходят. На головы повязали белые холстины из белых пудовых мешочков. Казаки на берегу, а мы проплываем реку по самой середине и делаем вид, будто изо всех сил стараемся подвернуть к берегу, кричим отдельные корейские слова. Казаки ни черта не понимают. Стоят на берегу и кричат нам:

— Ирбо! Ирбо! Сильней греби, унесет!

Нас уже пронесит мимо, а казаки хохочут. Нам только это и нужно.

карательная экспедиция под предводительством самого бешеного атамана Калмыкова. У села Веселый Кут ее подстерегала партизанская засада. Пальба из-за деревьев началась так неожиданно, что колонна казаков смешалась. Каратели потеряли несколько человек, задержались, чтобы смять засаду. Но партизаны ускользнули.

Взбешенные неудачей, калмыковцы выместили злобу в Михайловке.

Все парни из Михайловки участвовали в восстании. После Хорского боя и отступления многие потянулись по домам. Михайловские повстанцы жили в тайге, но приходили в свое село за продуктами, иногда оставались ночевать. В этот вечер несколько парней оказались дома.

Как только каратели въехали в село, сразу начались обыски. Некоторых партизан захватили в селе и на ближних заимках. Всех их вывели к пруду. Село согнали к месту казни. Арестованных заставили рыть могилу. Один из парней вдруг взмахнул лопатой и бросился на палачей. Его тут же зарубили. Потом расправились с остальными. Партизанские дома сожгли...

На братской могиле стояла сначала просто доска, вытесанная из большого кедра. На ней вырезаны были имена. Потом комсомольцы поставили памятник. Рядом склоняются плакучие березы.

Не доходя до Святогорья, завернули в заливчик, остановились. Идти опасно, и там могут быть белые. Разгрузили баркас, сложили все в сотне метров от берега, накрыли корьем. Идем пешком. На пути — рота белоказаков. Обходим их лесом. И только к дороге — слышим, идет бой, пулеметная стрельба. В отряде пулемета нет, значит белые бьют по нашим. Надо пробираться вперед. Рядом со мной Гриша Болтушин. Устал, хотел уж винтовку бросить. Подбадриваю:

— Какой ты боец без винтовки! Держись!

Вдруг наткнулись на японцев в кедраче.

— Ребята, уходим! — шепчет Григорий Баранов.

Да, нам здесь нечего делать, у нас пять винтовок и почти без патронов.

Снова обходим стороной. Так застигает нас ночь, холодная, майская. Уснули крепко и под утро промерзли до костей. Вскочили, быстро пошли, чтобы согреться на ходу. Через час вышли на дорогу, осматри-

«Здесь покоятся красные партизаны, зверски убитые белой бандой 24 июля 1919 года:

Горючко Михаил Андреевич — 24 лет
Крикун Иван Яковлевич — 21 год
Могдий Антон Ан[ик]еевич — 21 год
Супрун Емельян Павлович — 26 лет
Сидоренко Дмитрий Кузьмич — 24 лет
Сидоренко Роман Кузьмич — 21 год
Имя одного неизвестно.

Вечная память погибшим героям!»

Узнано теперь из рассказов очевидцев имя седьмого. Это Лисичкин Сергей Федорович, 26 лет. Каратели схватили его случайно на мосту, когда покидали деревню...

ваем следы. Следы обратные, конские и людские. Ведут на Святогорье. Значит, наши должны быть выше.

Идем вверх по речушке Гольде. Встретили партизан. Как раз тех, кто нам нужен; святогорские, каменец-подольские, георгиевские. Человек тридцать. Говорят мне:

— Мы думали, что Соколов на тебя барабан повернул! А ты жив!

Ну, если шутят, значит, все в порядке.

— Мы привезли вам продукты: муку, рыбу, сало. Обрадовались.

— Где командиры, где основной отряд? — спрашиваем.

— Все рассыпались, как крупа, и невозможно собрать. Чья вина? Виновников много, от командира до простого партизана.

— Соберемся! — угрюмо, но твердо заявил один партизан.

На другой день мы с Федором Подоляко пошли

на базу в Юмо. Наверное, там наши командиры. Дорога долгая и трудная. Варили галушки, но это невкусно. Решили хлеб испечь. Замесили крутое тесто, сделали низкие булки в виде лепешек. Завернули в березовую кору — и в угли. Хлеб вышел отличный, без загара, цвет бледно-розовый, пропеченный, как в духовом шкафу. Вкусный.

Шли два дня. Вот и Юмо. Вдруг окрик из-за дерева. Смотрю — Шахрай, Востриков. Зашли в домишко охотника. Здесь Соколов, Румянцев и другие. Человек десять, и с ними охотник.

Эта группа партизан так и оставалась на левом берегу Хора. А та, что осталась на правом, ушла тайгой во главе с Бойко-Павловым на Амур.

Меня с Подоляко Соколов отправил домой.

— Идите пока отдыхайте. Надо будет, кликну.

Пришли мы в свое Святогорье, прокрались к дому Филиппа Лычкова — надежный человек.

— Белые есть? — спрашиваю.

— Нет, — говорит. — У тебя, Самойлов, несчастье: дом сожгли.

Собрались мы — Исаев, Страшков, Стародубцев и я, посоветовались, решили снова идти к Соколову. Соколов сказал:

— Мы уходим в сопки надолго. А вам лучше быть около дома. Вы местные.

Вернулись. Отец и мать в слезы:

— Уходи, тебя ищут!

Решили мы идти на Тунгуску к Шевчуку, но на Кие нас арестовали станичные казаки, посадили в кладовку к атаману. Ночью мы бежали, причем караульный ранил меня в руку. К Шевчуку мы не попали, ушли обратно, были на Корфовской в батальоне Авраама Слободчикова, позднее — в Кульдурском отряде Анатолия Большакова-Мусина.

ШТАБ БОЙКО-ПАВЛОВА

Демьян Иванович БОЙКО-ПАВЛОВ

ТАЕЖНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Летом 1919 года мы пришли к выводу, что нет смысла сосредоточивать отряды в крупные единицы, а есть прямой расчет перейти на мелкие отряды, расположив их сплошной цепью по важным направлениям. Большие отряды не проявляли гибкости в операциях. Да и вообще партизанское движение не могло вести борьбу по фронтовому принципу, а успешно мы действовали методом внезапного нападения. К тому же крупные части трудно было снабжать.

Летом нам удалось сформировать целый ряд отрядов. В памяти остались — Жукова, Мизина, Гармашова, Рубеля, Кочнева, Шахрая, Погорелова. Шевчук действовал самостоятельно на Тунгуске.

Отряды были разбросаны по всему Хабаровскому району. Часть располагалась по линии железной дороги, часть — по Амуру, справа вокруг Хабаровска, шевчуковский — на Тунгуске. И, помню, после поражения на Бичевой, когда штаб находился в деревне Жулихе, к нам прибыли Бессонов, Тряпицын и Караваев. Они были в отряде, который располагался на Уссурийской железной дороге. Тряпицын, как мне сказали, прибыл из Приморья. Сейчас он говорил о сворачивании их отряда, проявлял пессимизм, и все сводилось к тому, что он с рядом самоотверженных бойцов уйдет снова в Сучанскую долину. Оказывается, у них были затруднения в снабжении. Бессонов

Демьян Иванович БОЙКО-ПАВЛОВ
Хабаровск, 1920 год

Михаил Ефимович ПОПКО с партизанами. 1920 год

явился тем лицом, которое предотвратило распад отряда, и он в полном составе прибыл к штабу. Бессонов был тем человеком, что восстал из мертвых и здесь проявил твердость.

Но вопрос о снабжении отрядов был действительно острым. Еще следовало разработать четкие методы борьбы. И штаб, связавшись через Истомина с Хабаровским подпольным комитетом, который возглавлял тогда Луненко, договорился о созыве объединенной конференции. Она состоялась в деревне Алексеевке. На нее прибыл сам Луненко с рядом членов комитета.

Все решалось без особых затруднений. Возник только один вопрос, выдвинутый кем-то из городского подполья, — не лучше ли сосредоточить руководство боевыми организациями в городском комитете? Но сам Луненко такой точки зрения не поддержал. И все признали, что решение боевых задач требует живого руководства на месте, кроме того, подпольная организация, сосредоточив руководство в Хабаровске, может разоблачить себя перед врагом, а это приведет к ее гибели и к колоссальному поражению партизанских отрядов. Конференция одобрила переход на метод борьбы мелкими отрядами и указала, что нужно стремиться не за количеством объектов военных операций, а к уязвлению больших мест противника, особенно его связи и транспорта. Нам сказали, что японские интервенты хотят перебросить войска из Владивостока в Хабаровск и Благовещенск, заменить старую дивизию свежими силами. Вот нам и работа — «встречать» оккупантов.

Тогда же, в принципе, решили создать в будущем ревкомы на местах. Объявлять об этом официально еще не пришло время, но они уже были необходимы. Революционный подъем среди населения требовал всестороннего и повседневного руководства; партизанские отряды нуждались в более реальной и систематической помощи со стороны села. В общем, ревкомы нужны были как революционная власть, которая должна изгонять белогвардейскую и теснее связать трудящихся партизанским движением.

После Некрасовской (Алексеевской) конференции мы провели ряд операций, особенно на железной дороге и на реках. Были бои, и успешные. Отряды к осени количественно выросли, поднялось их боевое качество, вводилась дисциплина, что имело очень большое значение. Мы пресекали все случаи, когда компрометировалась идея защиты Советской власти.

Тут произошло следующее. Калмыковский штаб выпустил приказ хвастливого характера, что, мол, снег выпадет, и красные зайцы будут выловлены, то есть зима настанет, и можно будет партизан найти по следам и уничтожить. И более того, заявлялось, что уморят нас голодом: запрещался вывоз всяких продуктов из города. Мы тогда, согласовав вопросы с хабаровскими товарищами, издали контрприказ: предлагали крестьянскому населению воздержаться в свою очередь от обеспечения города сельскохозяйственной продукцией. Эта мера имела успех. Но калмыковский приказ многими был принят неверно. Заговорили о сворачивании отрядов, о том, что надо перезимовать, забираться в берлогу. Приказ же, несмотря на хвастливость, выдавал слабость белогвардейцев: они пришли к убеждению о невозможности покорить партизанское движение трудящихся. Новым тут было для нас то, что мы теперь сталкивались непосредственно с японскими интервентами. Успех Красной Армии на Восточном фронте против Колчака вызвал изменения в соотношении сил и у нас. Прочие интервенты уходили из Хабаровска, японцы развязывали инициативу и тем большую, чем меньше было боевого духа у белогвардейских приспешников. Вскоре японские отряды провели карательные экспедиции по деревням, сопровождая их экзекуциями, пожарами. Началась полоса битв партизан непосредственно с японскими частями.

Но пока у нас возник ряд вопросов.

Осенью с особенной силой встал вопрос о том, чтобы партизанские отряды имели материальную базу. Пока что мы просто находились на иждивении населения и еще после ряда удачных боевых операций завладели трофеями противника — это был наш запас, те ресурсы, на основе которых мы обеспечили рост отрядов. Мы нуждались и в гораздо большей информации, чем имели от городского подполья, и в таком руководстве, которое было бы связано с Центром и с опытными большевиками. Пробовали связаться с Постышевым, который находился на Тунгуске в отряде Шевчука. Хотя до вступления в Хабаровск личной встречи с Постышевым у нас не было, но именно его пребывание на Тунгуске приводило нас и группу Шевчука к объединенным действиям. На следующей конференции, которая проходила в селе Анастасьевке, был представитель от Шевчука, и в штаб вошел их представитель — Гнатенко.

В тот момент, когда созывалась конференция (ноябрь), из-за предательства неких Заварзина и Лапты почти весь состав подпольного комитета в Хабаровске был арестован.

Все-таки мы ее провели. Мы решили, что настала пора организовывать ревкомы как органы Советской власти совершенно открыто по всем деревням. Население было подготовлено к этому всем ходом событий, и противник с каждым днем все больше терпел поражения. Эти ревкомы должны взять власть в свои руки и заняться учетом всех материальных ресурсов, что имелись у населения. Перейти на централизованное и хорошо налаженное снабжение, пайковое как для населения, так и революционных частей.

Тут и выявились сторонники сворачивания боевого партизанского движения. В этом духе высказалась бежавшая от ареста член революционного подпольно-

го комитета эсерка-максималистка Лебедева. Дискуссировали долго. Помню, беспощадно отражали атаки паникеров Михаил Попко и Исаак Бессонов. Мы указывали, что ход событий диктует не сужение, а развитие партизанского движения, ссылаясь на известные факты успеха Красной Армии в Сибири, а также на яркие примеры падения мощи противника. И еще мы указывали на то, что население по Амуру от Хабаровска до Николаевска большей частью богатое, там много кулачества, есть большие запасы скота, в каждой деревне — склады подрядчиков, которые заготавливают лес, дрова, пушнину и так далее. Этот район даст нам материальную базу, и новые массы населения будут втянуты в партизанское движение.

Когда договорились, выбрали штаб, который должен был уже руководить Хабаровским и Николаевским районами. В штаб вошли Попко, Бессонов, Гнатенко, Холодилов, Лебедева, Жуков и другие. Председателем и командующим отрядами и на этот раз избрали меня.

Мы с Попко выдвинули оперативный план: часть вооруженной силы перебросить в низовья Амура. Попко с агитгруппой пойдет впереди для осуществления основной задачи — организации ревкомов, разъяснении партизанского движения — и других мероприятий. За ним двинутся экспедиционные отряды. (Потом их ушло три). Тут же был решен вопрос о переброске средств в районы железной дороги. Насколько помнится, эта почетная задача выпала на долю Бессонова. Он должен был отправиться в глубокую тайгу в Полетненскую и Князеволконскую волости, найти наиболее удобную в стратегическом отношении, изолированную местность, чтобы там устроить продовольственно-снабжениескую базу для отрядов по линии железной дороги.

Герасим Константинович ГНАТЕНКО

Николай Николаевич КОЧНЕВ (1895—1920)

Иван Федорович ЖУКОВ (р. 1897)

Штаб местом своего постоянного пребывания избрал деревню Нижнетамбовскую. Это почти половина расстояния между Хабаровском и Николаевском. Оттуда мы и должны были развернуть свою работу, направляя свои действия так, чтобы своевременно руководить обоими направлениями.

Сил наших было недостаточно. Мы очень нуждались в людях, способных на командные должности и для политической работы. Приходилось выбирать из того человеческого материала, который имелся.

Один историк мне сказал: «Вы сами родили этого «героя», Тряпицына». Да, я должен сказать, когда стоял вопрос о том, что неизбежна посылка головного экспедиционного отряда по направлению к Николаевску и речь шла о командире, это назначение поручили мне, и по моему распоряжению был направлен Тряпицын. Я не знал его политического лица. В период работы конференции, во время отбора я беседовал с ним. Он держался очень сдержанно. На вопрос о том, как он смотрит на объединение всех отрядов под одним руководством, он не проявил себя анархистом, как это после оказалось. И я должен сказать, что

Ефим Павлович ШЕКИН (1878—1962) — участник первой русской революции, потом крестьянин амурского села Елабуги. В своих записках, которые он назвал «На память моим детям», Ефим Павлович писал: «Бедняку трудно было выбиться из нужды. Стал я присматриваться к жизни, прикидывать. В 1911 году организовал кредитное товарищество в надежде избавить бедняков от эксплуатации и кабальной зависимости от богатеев. Прослужил в правлении товарищества председателем, а потом счетоводом до 1918 года... Был делегатом на 5-м красном съезде первых Советов в Хабаровске. А когда пали наши Совдепы, вступил в борьбу с врагами революции. В 1919 году был избран членом воссозданного партизанских отрядов». После гражданской войны он остался там же, в Елабуге, работал счетоводом, лесничим

я с ним нянчился долго, но дело в том, что я не знал его нутра, а как боевик он был неплохой, но, видимо, только в небольшом отряде и под непосредственным здоровым руководством.

Еще вблизи от штаба — в Троицком, Вятском — он переступил грань меры, что выразилось в лозунге: «Кто не с нами, тот против нас». Первый раз мне сообщила об этом Лебедева, я приехал, и оказалось, что он проводит сплошную реквизицию. Пришлось нам поработать с населением, а он извинялся, сказал, что больше это не повторится. Позднее эсерка Лебедева спелась с ним.

По мере удаления посланных отрядов к Николаевску Тряпицын все более проявлял самовольства, но Николаевский фронт основные задачи выполнял, там были неплохие работники, командиры.

Поход по суровой тайге и по льду Амура, полная победа над белогвардейским батальоном николаевского гарнизона, пятидневный бой с остервеневшимися интервентами, и, наконец, свержение анархистствующего командования — вот геройская эпопея партизанского движения на Нижнем Амуре и Амгуни.

Дочь его — Мария Ефимовна (р. 1906) — часто выполняла поручения отца-партизана, ей поручали дежурить у телефона на партизанской линии связи. Она — одна из первых комсомолок в Хабаровском уезде. В дальнейшем была на советской, комсомольской, партийной работе. Живет в Хабаровске

А нашему штабу к концу 1919 года пришлось концентрировать свое внимание и силы на Хабаровском участке, как наиболее важном. Мы тогда дали ряд товарищей для подпольной работы в так называемых колчаковских частях и в самом городе. Постепенно Хабаровск брался в кольцо отрядов, штаб стал приближаться к месту основных действий. Потом пришла связь от Постышева, ставилась задача ликвидировать остатки оголтелой атаманщины.

(Воспоминание воспроизводится по докладу от 31 мая 1932 года — ПАХК, ф. 44, д. 136)

Елизавета Петровна КОВАЛЕНКО (ЛИПКОВА)

ПАРТИЗАНСКОЕ СЕЛО

Село наше таежное тянулось вдоль царской колесуши, что вела от Хабаровска через Князеволконку к Амуру, на Вятское и дальше, к Николаевску. Были и поперек одна-две улочки да Глухой переулочек —

начинался от нашего сарая и за дворами выходил в конец села. Назвали село Анастасьевкой, видно, по имени царевны: так тогда принято было. Глухое вроде бы село, церкви и то не было, кто хотел, ходил в Князеволконку за шестнадцать верст. Но школу мужики построили, и учитель приехал из Хабаровска, молодой еще, Виталий Ефимович Пащенко. Школа была начальная.

Мы жили сначала в городе, в Арсенальской слободе. Мать — акушерка. Братья работали на заводе. Но мать не хотела там жить и через знакомых переселенцев купила недостроенный дом в Анастасьевке. Когда достроили, переехали. И как раз калмыковщина началась.

Старший брат остался на заводе, второй брат Иван и младший Сафон уехали с нами. Мать для старшего еще домик купила, рядом с нами. Но он пустовал. Ссыпали туда картофель, закатывали тыкву. Во дворе была старая землянка, в которой хозяева жили, пока дом строили. В этой землянке, когда стоял у нас отряд партизан, была кухня. И еще сарай — в одной половине что-то вроде амбара, во второй конюшня. Напротив, через дорогу, стоял пустой дом. Хозяева уехали, дом продавался, но в то время покупателя не находилось.

В этом доме напротив и обосновался штаб Бойко-Павлова. Обедали все штабные у нас. На кухне стоял телефон. Здесь всегда дежурные. Приходилось дежурить и мне, четырнадцатилетней девочке.

Почти постоянно у аппарата находился партизан Нечаев, молоденький, худощавый, лет восемнадцати паренек. Потом его перевели на другой участок, а к нам прикрепили партизана из Вяземской — низенького чернявого паренька. Звали его Иван Косачок.

Через наши села проходила телефонная линия Ха-

Анна ДЕМИДАС и Елизавета ЛИПКОВА. 1920 год

баровск — Николаевск-на-Амуре. При вызове сел мы пользовались позывными.

«Сопка! Сопка!» — это Елабуга, там дежурила такая же по возрасту, как и я, Мария Щекина, и телефон в доме у них тоже стоял.

«Утес!» — село Сарапульское. Там дежурили парни, партизаны.

Все заговаривали с нами: девчата, познакомимся, как вас звать, приезжайте в гости...

«Тайга!» — это наша Анастасьевка.

Телеграммы передавали шифром — цифрами. Что значили эти цифры, мы, телефонисты, не знали.

Слышим, японец включился. Значит, из Хабаровска.

— Ольхонка! Ольхонка!

— Ишь, япошке понадобилась Князеволконка! — услышала я голос Лавренкова из соседней деревни. Он был начальником связи у партизан.

— Кто? Кто? — зовет японец. — Бурсука?

— Бурсука! Бурсука! — отвечает Лавренков.

— Много бурсука?

— Хватит вас, чертей заморских, передуть!

Смех, и только.

Первыми из партизан у нас в доме появились Бойко-Павлов, Николай Истомина. Частенько приезжали Попко, Бербат, Макаров, бородач Анискин. Серьезные люди. Жили подолгу, а иной раз переночуют и уйдут. Куда — неизвестно.

С тех пор как они появились, жизнь у нас круто изменилась. По их совету учитель собрал вокруг себя группу молодежи.

Было сначала восемь человек. Составили музыкально-драматический кружок, собирались вечерами. Пашенко разучивал с нами русские народные и революционные песни. Он отлично их знал.

Были у нас гитара, балалайка, бубен, бас. Украшение оркестра — скрипка. На ней играл деревенский любитель, уже в годах, Гаевский, а когда его не было — мой брат Иван, который обычно был с гармонией. Иван готовил весь оркестр. Он хорошо чувствовал и знал музыку, хотя самоучка, но играл свободно, без всяких репетиций на любом инструменте.

В кружке участвовали Анна Сазанская, брат и

сестра Александр и Екатерина Вигор, Мария Бевзюк, Анна Демидас, мои братья Иван и Сафон.

Заходили к нам на огонек партизаны. Рассказывали о революции, особенно Попко.

Однажды Миша Попко дал мне стихотворение, переписанное им из журнала. Сказал:

— Выучи, да как следует. Проверю. Чтоб с выражением было. Прочитаешь со сцены.

Я забралась на чердак и учила стихотворение два дня. Он прослушал. Сделал замечания. Вечером я вышла на сцену.

— «Пред судом!» — сказала я первые слова и почувствовала, что дрогнул мой голос.

Стояла она пред судом —
Свободная Рима гражданка.
И громко, с восторженным, светлым лицом
Призналась она:
Я — крестьянка!

Гордая и смелая девушка клеймила неправый суд.

Я знаю, что мы победим!..
За нами идут легионы!

Закончилось стихотворение тем, что девушка погибла на арене, растерзанная голодными зверями.

Когда я кончила, зал молчал. Девушки плакали, у парней-партизан тоже блестели глаза от близких слез, хотя они крепились.

Теперь я понимаю, что Миша Попко заменил в каком-то старом стихотворении некоторые слова («христианка» — «крестьянка»), приблизил ситуацию к нашим дням, и оно глубоко затронуло наши чувства.

Успехом пользовалась украинская песня, которую я пела под гитару:

Я одна соби, як былиночка,
Без родини на свиты жила.
Я ще з малочку сиротиночкой
По наймах у людю пошла.

В концертах выступали и партизаны. Георгий Иваненко хорошо пел. Семиренко — командир (все его звали комбатом) — и пел и плясал. Особенно ему удалось «Яблочко».

Эх, яблочко, куда котишься?
К Калмыкову попадешь — не воротисься.

Эти наши народные, партизанские концерты превращались в торжество, в праздник. Даже Демьян Иванович Бойко-Павлов выступал на сцене со стихами. Мне запомнилось несколько строчек:

Некрасива песня моя —
Знаю я.
Не похож я на певца,
А похож на кузнеца —
Знаю я...

Восторженно аплодировал ему Михаил Попко. С Демьяном Ивановичем они были друзьями. И росту примерно одинакового. Михаил чуть посветлее, русский. Здоровые, молодые, такие круглые из себя мужчины. Друг к другу они очень подходили. Все знали их боевую дружбу и уважали.

Первая пьеса, которую нам удалось разыграть, была «Женитьба» Гоголя. И опять здесь участвовали партизаны, Георгий Иваненко прежде всего. Прекрасный был парень. Играл на балалайке в оркестре, пел, участвовал во всех пьесах. Погиб он в стычке с казаками под Князеволконкой. Участвовал и Александр Семиренко.

Сначала крестьяне недоверчиво относились к нашим сценическим затеям, а потом все пошли на представления — «живые картины». А «картины» мы выбирали трогательные. То шли постановки на украинском языке: «Наталка-Полтавка», «Шельменко-денщик», то революционные пьесы. Например: два брата, один у красных, другой, старший, у белых. Встретились. Старший — он офицер, с ним пришли

в село и солдаты, — арестовал младшего. В этой драме участвовала еще девушка, которая любила младшего. Особенно волновала сцена на кладбище ночью, куда привели младшего брата на расстрел.

С пьесами и концертами мы выезжали в соседние села — Константиновку, Смирновку, Матвеевку.

Домишко, который мама купила для старшего брата, партизаны заняли под мастерскую. Сделали верстаки, прикрутили тиски, поставили наковальню. Инструмента повезли. Воронили, чистили, сверлили, ковали, пилили металл. Привозили винтовки, берданы, патроны. Занимались тут, в основном, мой брат Иван, Дмитрий Евдокимов из Матвеевки (они с Иваном вместе еще в арсенале работали) и Степан Савельев — этот пришлый, красноармеец. Мастерская работала все время, но как только появлялась опасность, все исчезало. Не раз и мне приходилось увозить, прятать их имущество. Партизаны им очень дорожили.

Как-то ночью, когда партизан в селе не было, слышу — приехал Сафон. Расседлал коня, открыл конюшню. В дом не вошел, лег спать на сеновале.

А утром нагрянули калмыковцы — небольшой разъезд. Знать, кто-то доложил, может, случайно. Офицер и казаки вошли в дом.

— Где ваш сын, мамаша? — спросил офицер маму.

— Он служит в Благовещенске.

— Да?.. Сделаем обыск. Открыть подполье!

Мать открыла, но они почему-то не полезли туда. Казака офицер оставил в доме, а меня повел во двор.

— Открывай конюшню!

Я боялась и за себя и за Сафона, но что делать, открыла.

Надеялась, брат что-нибудь сообразит.

В конюшне жеребец — красивый, у казаков отби-

тый. Карабин в углу, гимнастерка брошена, и шнурок коричневый от кобуры свесился... Постоял офицер подбоченясь, поплясал носком сапога... Видно, картина эта привела его в чувство.

— Закрывай, красавица!

Сели на лошадей и ускакали в направлении Князеволокони.

Сафона, оказывается, уже не было, он успел скрыться по глухому переулку, залег в траве с наганом и держал на мушке офицера. Вывели мы рысака, оседлали, и он уехал в отряд.

— Не бойся, Лиза! — сказал он на прощание. — Они нас больше боятся.

Я знала, что Сафон стрелял без промаха.

Партизаны уходили и возвращались вновь. Наведывались и враги. Но хозяева здесь были — партизаны. Поэтому и конференцию партизанскую проводили тоже здесь. Съехалось много народу, и опять совещания проходили в доме напротив и в нашем.

Всегда стояла партизанская охрана.

Я думаю, белые знали, что в Анастасьевке собрались партизаны. У них были шпионы. Но сунуться сюда уже боялись.

Как-то в доме появился офицер-связи.

— Вот здесь телефончик поставим, — сказал он, проходя на кухню. Осмотрел окно. — О! Да здесь и место для него готово!

Он показал на выщербленный уголок в раме.

Они, несомненно, знали, что у нас стоял телефон. Мы и не отказывались. Мы, мол, женщины, и это не наше дело. Нужен вам телефон — и вы его ставьте. Но никто, кроме меня, не знал, где спрятан партизанский. Я для него хорошее место нашла — на улице под печкой. В ней мы летом пекли хлеб. Под печкой — узенькая щель, там всегда натолкано полным-полно щепок для растопки, бересты и всякого

мусора. Засуну аппарат и батареи в самый дальний закуток, завалю щепой.

Один раз вдаль показались конники. А из села далеко видно по дороге. Прибежал партизан и крикнул:

— Экспедиция идет!

Схватила я телефон, пооборвала провода. Куда деться?

Сунула в ботву на огороде.

Тревога оказалась ложной.

Ехали наши кавалеристы. Долго потом с телефоном возились, пока наладили. Бойко-Павлов говорил мне:

— Что же это ты, сестричка, неаккуратно с аппаратом обращаешься? — И, улыбаясь, добавил: — Не переживай. Мы тебя не подведем. Разведка наша работает четко. А этого паренька ты прости: он ошибся.

Трудностей пережить пришлось немало. Но ведь мы знали, за что боремся.

Ездил с Андреем Шудяковым (мы его звали «дядя Андрей» — серьезный партизан, из городских рабочих) в разведку в Князеволконку. Там как раз японцы стояли. Обошлось благополучно. Раненых сколько прошло через мои руки. Раненых и обмороженных везли к маме. После боя на Черной Речке семь человек привезли. Андрей Сазанский из Чичаговки в руку ранен был, Паша Засельский из Волконки — в ногу, тяжелое ранение. У Изотова, командира, оказалась перебитой ключица и задето легкое. Целую ночь я держала его на руках, на подушках. Делала, как мать говорила. Утром партизаны всех раненых увезли дальше — на Вятское и Троицкое. Оставаться было нельзя, японцы и калмыковцы начали наступать на партизанские села с трех сторон, хотели окружить партизан.

* * *

Кто из врагов наших понял бы наши желания и мечты?

Полковник Суходольский, который приезжал с карательной экспедицией? Или японцы? Нет. Они говорили, что воюют против большевиков, а воевали-то против всех нас.

Мы хотели жить по-новому.

ОТРЯД ПОГОРЕЛОВА

Михаил Ульянович РУДЮК

ПАРТИЗАНСКИЕ ДИВЕРСИИ У ВЯЗЕМСКОЙ

Наш командир Александр Евтихievич Погорелов — деповский рабочий со станции Вяземская. К началу партизанского движения его дома не было, он находился в Полетненской волости, где тогда собирались партизанские силы.

И когда там уже пылал пожар войны, у нас в волости было еще тихо. Тихо, но все ждали, что вот-вот и у нас объявятся партизаны.

Начиналось так. На станции стоял японский гарнизон. Комендантом станции назначили бывшего жандарма Чепикова, а в станичном правлении вяземских казаков заправлял атаман Кузнецов. Они взяли на учет всех сочувствующих Советской власти, составили список лиц для ареста. В него попал и руководитель подпольной группы рабочих Федор Михайлович Силютин.

Это был политически грамотный человек, старый рабочий, опытный конспиратор. Дом его стоял на окраине, из сарая тайный лаз вел в огород и в овраг. Предосторожность не подвела. В одну из осенних ночей японцы начали проводить аресты. По списку были арестованы Федот Демидович Коваль, Игнат Филиппович Власюк. Оцепили дом Силютина. Стук в дверь, солдаты у окон. Но Силютин ночевал в сарае и через тайный лаз скрылся.

Арестовывал японский караул с казаками. Они

Народоармейцы 7-й роты 8-го Амурского полка (1920 год), бывшие партизаны отряда Погорелова: Иван Ульянович КОЗЕЛ, Семен Андреевич ОРЕХОВИЧ (погиб в 1941 году в сражении с немецкими фашистами под Москвой), Марк Ульянович РУДЮК.

обыскали все и сожгли дом. Спалили дома и у Вла-сюка, Гулака, Еремина, Плюснина и других, кто был заподозрен в большевизме, кто был в Красной гвар-дии. Со стариком Ковалем расправились зверски: за-кололи штыками и бросили в огонь.

Силютин ушел в Отрадное, а оттуда перебрался в Соболево и жил там у верного товарища Тестика. Подпольная группа держала с ним связь через тока-ря депо Горбача.

Стали и в селах создавать подпольные группы. Первую — в Котиково. В нее вошли Курач, отец и сын Шульги, Бей, Хмелевский, Авдейчик, Писарен-ко, Бондарец, Чмиль. Все они — бывшие красногвар-дейцы.

Прослышали, что в соседней Дормидонтовской во-

лости действуют партизаны. Силютин предложил послать туда своих ходоков и просить прибыть к нам в Котиково.

Послали в Новую Мурафу Курача и охотника-следопыта Шульгу. Таежными тропами они прошли на партизанскую базу и имели разговор с командиром отряда Ефимом Гармашовым и партизаном, нашим земляком, Погореловым. У Гармашова в отряде было шестнадцать человек.

В Новой Мурафе остался отряд Ивана Рубеля, а Гармашов 3 сентября с нашими проводниками прибыл в Соболево. Отряд сделал здесь дневку и направился в Котиково.

Провели собрание. У нас осталось восемь человек и среди них Погорелов. Остальные восемь во главе с Гармашовым ушли дальше, в деревню Бирскую.

Командиром избрали Погорелова. Начали строить базу в верховьях Авана.

Слух, что появились партизаны, прошел по селам. Стали нас искать и крестьяне села Роскошь.

На охотничьей тропе старик Батуриин и бывший фронтовик Резанович встретили Погорелова и нескольких партизан. Обрадовались, привели их в Роскошь. По селу побежала весть:

— Партизаны пришли! В доме Батурина...

Ревкач прибежал:

— Здравствуйте! С прибытием!

Познакомились, поговорили. Ревкач сказал, что тут много фронтовиков. «Все пойдем с вами!»

Собрались в дом у братьев Андрея и Андрияна Черняковых пятнадцать бывших фронтовиков. Выступил Погорелов. Создали отдельную роскошанскую группу партизан — человек из двадцати, которая подчинялась головному отряду. Руководил ими Иван Максимович Ревкач — местный житель, путевой обходчик.

Создали также группы в Отрадном и Соболево.

В шести километрах от Роскоши, в тайге, были два барака лесопромышленника Носкина. Партизаны конфисковали склад, а бараки приспособили под казармы. Многие жили по своим селам, но часть постоянно находилась в бараках. Туда прибывали новые партизаны и те, которым опасно было оставаться в селлах. Здесь же размещался и штаб отряда. В случае надобности, по сигналу Погорелова, партизаны собирались из всех сел в условленное место очень быстро. Поставили все строго, следили, чтобы не объявился где-нибудь предатель.

С партизанами было связано все население окружающих сел: кто-то пек хлеб, кто-то возил его в тайгу, у кого-то ночевали. Посторонних не было.

Приехал в Котиково бывший жандарм Кононов. Он там жил. Нежелательный тип. Следовало сразу пресечь попытки шпионства. Пришли к нему ночью, постучали:

— Откройте, партизаны пришли! Просим не стрелять — гранатами забрасаем. С вами ничего не будет. Надо поговорить.

Открыл. Вошли. Забрали у него револьвер, конфисковали пять пудов меду и другие продукты, часть теплой одежды. Предупредили. Он хорошо понял урок и никого не выдал.

Однажды наши дозорные недалеко от главного стана задержали казака-охотника Коровина. Охотник-то он охотник, но ведь в то же время, может, и разведчик. Карабин и патроны у него забрали. Поговорили с ним и решили отпустить, но с тем, чтобы передал, что отныне путь казакам в тайгу закрыт: если поймем в лесу, то будем считать их за вражеских разведчиков. Вяземские казаки и раньше отличались контрреволюционностью, а то вдруг объявят «нейтралитет». Сыновья их служили у Калмыкова охотно. Тех из

ПАРТИЗАНЫ ОТРЯДА ПОГОРЕЛОВА

А. П. БОНДАРЕЦ

Г. А. ПРИМАК

Л. П. ЧМИЛЬ

Андрей Пантелеймонович Бондарец (р. 1896) — крестьянин из села Котиково, красногвардеец, партизан-разведчик, рабочий железной дороги. Фото нынешних лет.

Георгий Афанасьевич Примак (р. 1900) — рабочий из Вяземского, партизан, народоармеец, за Спасский бой награжден орденом Красного Знамени. В дальнейшем много лет проработал на транспорте.

Леонтий Петрович Чмиль (р. 1900) — крестьянин из Котиково, красногвардеец, один из первых партизан отряда. По окончании гражданской войны работал на железной дороге вплоть до ухода на пенсию.

них, кто сочувствовал борьбе с интервентами и белогвардейцами, мы наперечет знали.

Первая диверсионная операция. На станции Котиково находился резервуар для водоснабжения паровозов. В двух километрах стояла водокачка. Отряд поставил цель: вывести водокачку из строя. Разделились на две группы. Одна раскомплектовала водокачку, вторая, дойдя до разъезда Аван, срезала тридцать столбов телеграфной связи и обрубила провода.

Дней через пять отряд снова вышел из тайги на станцию Котиково. Сняли телеграф и вывели из строя жезловый аппарат.

Через десять дней та же операция, и водокачку вновь вывели из строя.

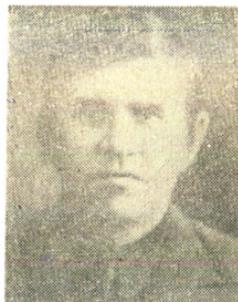
ПАРТИЗАНЫ ОТРЯДА ПОГОРЕЛОВА

М. Т. КИЯНЕЦ

М. И. ВЛАСЮК

М. Г. БОБАРЫКИН

Михаил Терентьевич Киянец (р. 1896) — крестьянин из села Отрадного, партизан. Участник Великой Отечественной войны, воинское звание — полковник.

Максим Игнатьевич Власюк (р. 1895) — рабочий депо станции Вяземская. Красногвардеец, партизан, народоармеец. С 1923 года — на железной дороге. Почетный железнодорожник. Награжден орденом Ленина.

Матвей Григорьевич Бобарыкин (1890—1938) — учитель из поселка Венюково. Происходит из бедной казачьей семьи. Партизан отряда Погорелова. Участник съезда делегатов от крестьян, казаков и партизанских отрядов в поселке Кукелево Хабаровского уезда, на съезде избран членом исполкома. По окончании гражданской войны на советской работе.

Наш отряд взял близлежащий железнодорожный участок под свой контроль. Таким образом мы сами определили на долгое время специализацию своего отряда.

На речках Щебенчихе, Китайке и Аване мосты были взорваны еще при отступлении с Уссурийского фронта. Взамен их интервенты соорудили обводные мосты на деревянных клетках из шпал. Жечь их нам стало нетрудным делом. В октябре сожгли мост на Аване, спилили тридцать шесть столбов, а проволоку обрубили и утанули километра на три-четыре в лес.

Люди прибывали в отряд. Оружия не хватало. Надо было добывать винтовки. Наметили разоружить казачий поселок Алюнино. Два дня разведчики ходи-

ли, изучали подходы. Потом скрытно вошли в поселок, распределились по два человека на дом и за тридцать минут разоружили казаков. После операции провели в поселке собрание. Выступал Силютин — он у нас был агитатором. Рассказал казакам, кто мы такие и почему боремся против белогвардейцев. Казаки нам дали две подводы, и мы увезли трофеи километра за два от поселка. Возчиков отпустили, а сами по сопкам двинулись на базу.

Потом штаб начал переговоры с казаками поселка Венюково, привлекая их на свою сторону, в противном случае требовали сдать оружие. Станичный атаман заявил, что казаки будут биться с партизанами. И правда, по ночам они стали выставлять на дорогах патрули. Штаб решил захватить поселок и разоружить казаков. В день, на который назначили операцию, пошел снег. В 11 часов вечера отряд на сорока подводах по реке Аван спустился к поселку. За полчаса заняли две улицы, захватили поселкового атамана и приказали ему собрать оружие. Разоружили и таможенную заставу. На обратном пути сожгли пустующую полуказарму на переезде. В ней одно время стояли японцы, могли теперь снова прислать гарнизон. Затем запалили мосты на железной дороге. Рейд был удачным.

Отряд вырос, возникли трудности с питанием. Решили конфисковать муку у хозяев мельниц. В Отрядном у Жабицкого взяли шестьдесят пудов муки и одного быка. Мельник Качан в Котиково сам дал тридцать пудов и обещал дать еще, когда будет нужда.

Молодежь очень хотела идти к нам в отряд, но некоторые боялись, как бы не обрушились репрессии на их семьи. Штаб стал посылать в села активных партизан, они объявляли себя воинскими начальниками партизанских частей, собирали сход и «уводи-

Иван Максимович РЕВКАЧ. 1916 год

ли» людей в тайгу, прямо со схода. Это как-то оправдывало стариков перед белыми властями. Они могли заявить, что их сыновей партизаны увели силой.

Шла обычная партизанская жизнь. Но запомнились эпизоды, связанные с геройскими действиями нашего командира Погорелова, и о них хочется рассказать, тем более, что их в исторической литературе описывают не совсем точно.

20 декабря 1919 года продвигался поезд под охраной японцев. На нем приехал проводник моста через Аван, он же партизан из Котиково, Евдоким Козел.

Как уже говорилось, мост этот был обводной, на деревянных клетках, уже несколько раз смененный. Бывало так: сгонит крестьян белогвардейское началь-

ство на восстановление моста, они возят лес, кладут клетки, а к концу работы, смотрят, по мосту прошел незнакомый человек. Все понимают: это разведчик. И действительно, ночью мост, облитый керосином, снова пылает. Вот на этом шатком мосту и работал проводником, вроде лоцмана, Евдоким Козел. Только лоцманом он был нашим.

Провел он поезд и поехал дальше. В вагонах продовольствие и, главное, оружие, а охрана небольшая. Что-то надо предпринять. Поезд остановился на разъезде Гедике в ожидании, когда пройдет встречный (в те времена была однопутка). В километре от разъезда — село Роскошь, там партизаны. Евдоким быстро — в село, но по дороге встретил Ивана Ревкача и рассказал ему о продовольственном составе. Ревкач вернулся и доложил Погорелову — он как раз был в деревне.

Через полчаса партизаны уже были у поезда. Укрылись за поленицами дров, сложенных у линии, и открыли огонь по вагонам с японской охраной. Интервенты отстреливались, потом затихли. Когда партизаны открыли вагон, оттуда двое бросились врукопашную и успели ранить Петра Тестика и Иосифа Лузана. Ранения оказались нетяжелыми, через десять дней наши товарищи снова вступили в строй. Зато были уничтожены пятнадцать вражеских солдат — вся охрана.

Вагон отцепили, отогнали на мост, подожгли. Стогел и мост и вагон с трупами интервентов. Путь с одной стороны был прерван.

Чтобы обезопасить себя со стороны Вяземской, командир послал к соседнему разъезду Каменушка трех партизан — Ревкача, Богданова и Коваленко. Они расширили упорную сторону рельсов, сняли накладку стыков. В это время остальные партизаны разгружали вагоны. Трофеи богатые: четыре пуле-

мета «гочкис», патроны, двадцать пять японских винтовок, два вагона с мукой, два с сахаром, мануфактура, сто ящиков апельсинов, какая-то сушеная рыба и прочее.

Разгружали не спеша, уверенные в безопасности. Вдруг появился паровоз — только паровоз, без состава. Но как же он прошел? Ревкач и группа партизан поспешили на проверку. Все нормально. Машинист провел паровоз тихим ходом, и рельсы в снегу не сдвинулись. Пришлось учесть оплошность. Но нет худа без добра: теперь у нас в плену два паровоза.

Японцы должны были выехать навстречу застрявшему неизвестно где составу. Вечером, уже в темноте, к разобранному участку пути подошел их бронепоезд. Через некоторое время наши наблюдатели доложили обстановку: паровоз сошел с рельсов и свалился под откос, один из вагонов стал поперек пути, слышна японская речь и возня.

Погорелов принял решение — добить бронепоезд. В 2 часа ночи паровоз (один из захваченных нами) стоял под парами. Погорелов к регулятору пара привязал веревку, сделал пробный пробег по разъезду. Получается хорошо. С командиром сели на паровоз еще четверо. Не доехав до сбитого бронепоезда километра два, партизаны сошли, на паровозе остался один Погорелов. Он дал полный ход и тоже прыгнул. Партизаны дернули за веревку — паровоз пошел на цель. Минуты... Минуты... Раздался грохот страшного удара. Но японцы вовремя заметили мчащийся на них паровоз и успели выскочить. Спаслись, но остались без укрытия.

Утром шестеро японцев из прибывших на бронепоезде появились в селе Роскошь. Увидели стариков Ревкача и Богданова на подводах, заставили их ехать с собой. Куда они хотят ехать, в какую сторону? Партизаны послали разведчика в Гедике. Поехал Дворяк.

У разъезда из-за поворота вышла на него группа японцев до пятидесяти человек. Дворяк повернул лошадь и поскакал к селу. Японцы открыли залповый огонь и убили нашего партизана. Это была единственная тяжелая утрата во всей операции.

Интервенты с двумя захваченными подводами и с двумя вагонетками, в которые погрузили пулеметы и боеприпасы, пошли в сторону Вяземской. Мы решили преградить им путь. Бросились по снегу в обход. Через шесть километров вышли и оказались от японцев на расстоянии еще до восьмисот метров. Уйдут! Погорелов приказал рассыпаться в цепь и вести огонь. Японцы начали отстреливаться. Бой длился полтора часа. Мы их крепко держали. Стало темнеть, пришлось прекратить перестрелку. Отряд вернулся в Роскошь.

Во время боя старики Ревкач и Богданов угнали своих лошадей со всей японской поклажей и привезли все это в носкинские бараки.

Японцы ушли, нам не удалось их задержать. Зато утром на разбитом бронепоезде мы нашли сто двадцать пулеметных лент. В отряде появилась пулеметная команда. Нашлись и бывалые пулеметчики — Примак, Павлов, Лузан и Яковлев.

Потом — операция на станции Котиково.

Были отцеплены два вагона по неисправности. Погорелову сообщили, что вагоны загружены рыбой. Сейчас же вызвали тридцать пять подвод с лесозаготовок Носкина, часть собрали в деревне. За несколько часов вывезли в тайгу девяносто бочек рыбы. Пока шла разгрузка, Погорелов опять послал двух партизан сжечь ближний мост, а сам тем временем позволил в Вяземскую.

У аппарата оказался комендант Чепиков. На его вопрос, кто интересуется движением поездов, наш командир ответил:

— Я — комиссар 109-й сопки, 8-й Приморской долины. Приказываю: все воинские поезда направлять в мое распоряжение для соответствующей обработки.

Чепиков оборвал разговор.

Из захваченной рыбы две бочки оставили в деревне, часть передали в отряд Гармашова.

Наши вылазки не прошли безответно со стороны врага, тем более, что мы затронули интервентов. Японское командование и Калмыков бросили против нас карательную экспедицию. Одна часть войск направилась через Отрадное на Соболево. Вторая высадилась в Котиково и тоже пошла в сторону Соболево. Японцы допытывались у крестьян: где большевики, где партизаны?

Им отвечали:

— В сопках много-много большевиков!

Отойдя от села километров пять, они постреляли из пулеметов по кустам (это как обычно!), но идти вглубь не рискнули. Калмыковские войска отступили вслед за ними.

* * *

В 1920 году после японского выступления 4—5 апреля наш отряд, как и отряды Федотенко, Буссея, Гармашова и несколько других, был влит во 2-й ударный полк. Увел его на левый берег Амура партизан из Ильинки Василий Слесарев.

Из партизанских отрядов создавалась Народно-революционная армия. Наш ударный полк расформировали, многих старшего возраста демобилизовали, а оставшиеся партизаны влились в 8-й Амурский полк регулярной НРА. Погорелова назначили командиром роты и вскоре отправили на учебу комсостава в Благовещенск.

Я — КАЗАК ИЗ КЕДРОВО

Это казачье село на Уссури. Прибыли мои деды из Забайкалья. Ехали на плотах. Отец на плоту и родился.

В 1918 году был я на Уссурийском фронте в красногвардейском отряде Гаврилы Шевченко. Когда стало невмоготу сдерживать фронт, он нас распустил и сказал:

— Идите, ребята, по домам. А когда кликну, чтоб все были!

Живем дома. Интервенты прошли, и прочно задержался Калмыков-атаман. Призывает казаков служить. Кто пошел, кто воздержался.

Я не пошел...

На германском фронте всех нас бросали на прорыв: и в пешем строю и в конном ходили мы в атаки. Сколько гибло людей! Я как-то уцелел, но четыре года не был дома. Вернулся благодаря революции, а дома атаман Калмыков опять за старую армию, за старое казачество.

Знали мы его: он у нас в полку сотней командовал. Видели, как он с шайкой офицеров да кулацких сынков по крестьянским деревням расправлялся. Теперь всех казаков тянул на преступления.

Среди крестьянских парней у меня было много друзей, особенно из деревни Роскошь. Они у нас ночевали, мы — у них. Эти все парни ушли в партизаны, и я с товарищем своим, тоже казаком, Яковым Щebenьковым, решил уйти к ним.

Взяли мы свои винтовки, сабли и пришли в партизанский барак. Нашли Погорелова, докладываем:

— Хотим послужить общему делу.

Он говорит:

Бедняцкая казачья семья Патриных. 1914 год

— Вот это хорошо! Разведчиками будете. Выдать этим ребятам наганы!

Так мы стали партизанами отряда Погорелова. Нам часто приходилось ходить в разведку. Ходили только с наганами, их легче прятать под одеждой.

Один раз вышли на железнодорожную линию. Смотрим: японцы стоят около будки. Яков говорит:

— Бежим! Пропали!..

— Тихо, — говорю. — Иди за мной и улыбайся. Если побегим, пули нас догонят.

Подходим к японцам, шапки снимаем:

— Здравствуйте, аната!

Отвечают:

— Кури-кури есть?

Дали они нам папиросы. Курим... Один из них показывает на сопки и спрашивает:

— Партизана много?

— Много, аната! Много. Туда ходить страшно.

Постояли, раскланялись и пошли. Идем, а уверенности, что в спину не выстрелят, нет. И думаем: только не оборачиваться. Вдруг придет им в голову вернуть нас и обыскать. Наганы выдадут с головой. Но все обошлось.

Однажды зимой Погорелов и Власюк пошли на задание, нас со Щebenьковым взяли для дозора и на случай прикрытия. Нужно было разобрать водокачку, что подавала воду на станцию Котиково. Мы со Щebenьковым наблюдали за тем, чтобы вдруг японцы не появились со станции, а Погорелов и Власюк разбирали водокачку. Они сняли какие-то детали с машины, а мы их забрали и спрятали.

В открытых же боях врага мы не боялись. Тут все было ясно, и не впервой.

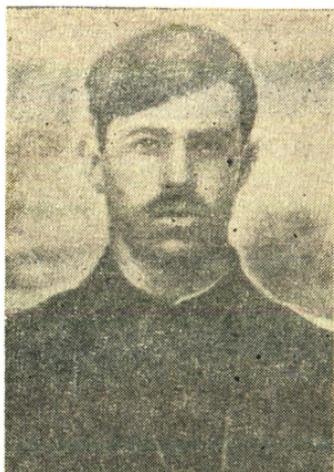
Приходилось участвовать в разоружении своего брата — казаков. Если у крестьянского населения Калмыков отбирал оружие (сколько людей поплатилось за него!), то у казачества не только не изымал, а, наоборот, давал оружие. Были у всех карабины берданочные — старые, потом получили карабины винтовочные, а теперь Калмыков выдавал винтовки со штыками и патроны в достаточном количестве.

Наш отряд разоружил сначала небольшой казачий поселок Алюнино. Тут было просто, никто не противился. Заходим в дом.

— Где у вас оружие? — спрашиваем.

— Да вот, паря, бери! — отвечает казак.

Но в Кедрово все оказалось посерьезнее. Кедрово — поселок довольно большой, до ста дворов. Возможны осложнения. Погорелов послал меня предварительно, и я беседовал с казаками. Говорил им пря-

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1894 году в Ставропольской губернии, в селе Новотроицком, в семье рабочего. В 1901 году мы переехали на Дальний Восток. Отец работал на железнодорожном транспорте на станции Вяземская, мать была домохозяйкой. Я до 1909 года учился в сельской школе на станции, окончил три класса и поступил в депо слесарным учеником. Работал слесарем до 1915 года и был призван на военную службу в 5-й Финляндский полк 11-й армии, был в команде разведчиков на юго-западном фронте (в первую мировую войну).

В 1917 году, в сентябре, получил отпуск, как дальневосточник, на 56 дней, уехал домой и на фронт не вернулся, но с нового года был определен в 4-ю вятскую дружину в Хабаровске. В марте демобилизовался и поступил в

А. Е. ПОГОРЕЛОВ (1924 год)

мо, что придут партизаны, что были уже в Алюнино и что сопротивляться бесполезно: партизан много, окружат. И есть пулеметы. К тому же народ все опытный — фронтовики.

И вот наши партизаны пришли. Собрали оружие, повезли в тайгу. А часть партизан осталась. Погорелов велел казакам идти на собрание в школу. Три раза заседали, говорили о политике. Поговорят, разойдутся, опять тянутся в школу. Выступали на собрании Силютин, Бурмистров. Объясняли казакам смысл борьбы. Предлагали объединяться в отряды. Наконец выступил сам Погорелов и сказал:

— Как хотите, так и бейте своего Калмыкова, а мы, между прочим, можем и без вас справиться. Только после не жалейте, что опоздали.

Вскоре к партизанам перешла сотня казаков.

Красную гвардию на станции Вяземская, служил до занятия края интервентами и белогвардейцами.

До марта 1919 года скрывался в тайге около Вяземской, с появлением партизанского движения вступил в отряд, возглавляемый Бойко-Павловым. В августе командирован партизанским штабом в район Вяземской для организации отряда, был его командиром, а затем командиром роты в войсках НРА.

В марте 1921 года демобилизован, как транспортник, и работал слесарем, бригадиром, машинистом и дежурным по депо станции Вяземская до 1942 года. С 1930 по 1933 год находился с семьей в заграничной командировке.

В марте 1942 года по решению парторганизации депо Вяземской назначен директором подсобного хозяйства.

Член ВКП(б) с 7 января 1929 года.

Написал в октябре 1942 года.

А. ПОГОРЕЛОВ

(ПАХК, ф. 69, д. 1337, л. 32—35)

В дальнейшем А. Е. Погорелов — зам. председателя Вяземского райисполкома (годы Великой Отечественной войны), заведующий райсобесом, райкомхозом.

Умер в 1946 году.

Вера Федоровна СИЛЮТИНА

МЫ ВМЕСТЕ ВСТУПАЛИ В ПАРТИЮ

В моей памяти отец сохранился как образец настоящего коммуниста-ленинца, борца за дело партии и народа. Этому он учил и меня. Я в шестнадцатилетнем возрасте, в тяжелых условиях гражданской войны, вступила в Коммунистическую партию. Мы с ним вместе — 2 февраля 1921 года — получали партийные билеты. По поручению Хабаровского укома РКП(б) мой отец тогда же организовал на станции Вяземская комячейку.

Революционную деятельность отец начинал значительно раньше.

Он происходит из семьи крестьян-бедняков Орлов-

Федор Михайлович СИЛЮТИН
(1876—1945)

ской губернии. В 1906 году переехал на Дальний Восток и работал на строительстве Уссурийской железной дороги мостовым плотником и на балластных работах до 1915 года, когда был мобилизован и отправлен на фронт империалистической войны. Служил рядовым солдатом. На фронте познакомился с программой большевиков. Вернувшись домой в 1917 году, включился в работу по распространению среди рабочих и крестьян идей большевиков, призывал к установлению власти Советов. Выступал на митингах в Вяземской, ездил по соседним селам. С приходом интервентов и белогвардейцев подвергся преследованию со стороны реакционного казачества и властей. Когда его жизни стала угрожать опасность, он перешел на нелегальное положение, скрывался в селах Пушкино, Розенгартовке, Соболево. А мы остались — пять человек семья, я старшая. Преследовали и нас, но товарищи отца помогли нам бежать и скрыться, а враги сожгли все наше имущество.

Началась партизанская эпопея. А в марте 1920 го-

Комсомольская организация Вяземской, влившаяся в Хабаровский отряд особого назначения (командир Мелехин), участвовала в боях под Волочаевкой. В. Ф. Силютинна — в первом ряду вторая справа. Фото 1923 года

да отца назначили военным комендантом станции Вяземская, а впоследствии он был избран председателем Вяземского волисполкома, где проработал до 1926 года. В дальнейшем занимал разные хозяйственные должности в Вяземском.

Вступив в партию, я была секретарем в организации и вела работу среди молодежи. В июне 1921 года организовала комсомольскую ячейку на станции Вяземская, а осенью вместе с другими коммунистами и комсомольцами ушла на фронт, участвовала в боях под Корфовской и Покровкой. Обморозила ноги.

Потом была в отряде ЧОН. Четырнадцать лет проработала с мужем, бывшим красным латышским

Шествие жителей села Котиково к месту открытия памятника герою-партизану Василию Ивановичу Курачу (партизан-разведчик отряда Погорелова, погиб от рук интервентов в феврале 1920 года). 1965 год

стрелком, на охране дальневосточной границы и в партийной комиссии. Десять лет — в Москве, на строительных работах. Участвовала в обороне Москвы от немецко-фашистских захватчиков...

Я до сих пор восхищаюсь и с благодарностью вспоминаю, какое большое влияние отец оказывал на воспитание нас — детей. Моя сестра Галина в трудное время Великой Отечественной войны по его настоянию окончила институт, стала тоже членом КПСС, теперь работает в должности главного экономиста, заместителя директора Комсомольского завода имени Ленинского комсомола, — награждена орденом Ленина.

ОТРЯД ГАРМАШОВА

Первое время, как восстановилась Советская власть, каждая манифестация в селах заканчивалась на могилах павших партизан. Шли с красными знаменами, возлагали венки, вспоминали их, героев-борцов, говорили прощальные речи. Со временем люди стали разъезжаться из глухих деревень: могучая жизнь страны звала на стройки и заводы, свободный народ поднимался на новый подвиг. Потом в старые села пришли тоже новые люди. Они не знали имен героев. Большая повседневная работа заслоняла прошлое. Драгоценно то, что историей борьбы отцов дорожат их дети. В зрелом возрасте они возвращаются в отчие места, находят старожилов и бывших партизан, которые ведут их по дорогам своей юности. Здесь, хотя и не полностью, восстановлена память о славном гармашовском отряде.

Рассказы сыновей

Алексея Ефимовича ГАРМАШОВА

Был у нас конь. Мне отчетливо запомнилось, как отец на этом единственном коне уезжал из дому в партизаны. Доехал до реки, остановился, посмотрел на нас и уехал. Больше мы его не видели.

Летом пришли японцы. Зашли к нам в дом. Допрашивали мать: где хозяин? Мать держала меня на коленях, а офицер, размахивая шашкой, все пытался вырвать меня у нее из рук, а я кричал на него. Он отстал от матери и стал угощать меня галетой. Потом они выскочили на улицу, захлопнули двери и ставни, дом подожгли. На кухне было небольшое оконце, кото-

Ефим Сергеевич ГАРМАШОВ
(1890—1919)

рое осталось открытым. Мать выбралась со мною через него, и мы убежали в лес.

Жили у кого-то из прудковских крестьян. Родилась сестра моя Антонина. Отцу ее увидеть не пришлось.

Отец, Ефим Сергеевич Гармашов, родом из деревни Гармашовки бывшей Воронежской губернии Богучарского уезда. Вместе с матерью моей, Маврой Ивановной, он приехал на Амур как переселенец в 1910 году и поселился в селе Богородском. С ними вместе приехали Жибровские, Коваленко и еще четыре семьи. Держались кучкой, и все вместе вступили в отряд корчемной службы.

Я родился уже в Богородском в 1915-м и в том же году семья переехала в Прудки. Отвели нам участок земли за рекой Кией, на отшибе. Отец построил дом. Крестьянствовал, занимался и охотой.

Много лет спустя после смерти отца я встречался со многими бывшими партизанами из его отряда. В частности, с Малышевым и Розгановым. Они рассказывали, что отец собирал отряд в Добролюбовке, Пушкино, Бирском, Лермонтовке, Глебовке, что погиб он в бою с японцами на станции Розенгартов-

ка и что жители Лермонтовки схоронили его тайно на деревенском кладбище. А партизаны сообщили о его гибели нашей матери.

Действительно, мать тогда через год перевезла нас в Лермонтовку, где был похоронен отец. Жили у знакомых: Коваленко как раз туда переехал с семьей, и семьи партизан давали приют.

Крестьянствовать матери было не под силу, и, когда восстановилась Советская власть, мы переехали в Хабаровск. Мать получала на нас пенсию за отца. Конечно, не хватало. Я вырос и работал грузчиком, а мать уборщицей. Все же я окончил техникум, потом партийную школу, долгое время работал директором ГПТУ-5, сейчас — Хабаровской конторы «Вторсырье». Сестра Антонина давным-давно замужем, у нее одиннадцать детей. А матери в живых нет, мы ее похоронили в 1949 году.

Данила Сергеевича БАЛАНДЫ

Лермонтовка, а рядом — Пушкино, Добролюбовка...

И места красивые, и история гордая, под стать именам.

Лермонтовка — мое родное село, родина, батьковщина. Мне дорога ее история, она богата борьбой за лучшие народные идеалы. Партизанский отряд — жизнь отцов. Комсомольская ячейка — юность моего поколения.

Пишу я, в основном, по памяти и рассказам старших, документам старшего брата и письмам других партизан — Гайдая, Шевчука (лермонтовского), Кутнюка, Розганова, Гайдачука... О партизанском отряде Гармашова.

Отряд, как рассказывают, был создан в сентябре 1919 года по указанию военревштаба, которым руководил Войко-Павлов. Собрались сперва в Лермонтовке у Иосифа Головки. Для организации отряда из штаба прибыли Гармашов (он одно время жил в Лермонтовке, служил в таможенной охране), Зарубин (балтийский матрос) и с ними еще человек пять. От мест-

Созон Игнатьевич ГАЙДАЙЧУК (р. 1896) — агитатор отряда

ных — несколько наших крестьян и из Пушкино. В отряд вступили Кирилл Баланда (мой старший брат), братья Головка — Иосиф и Иван, Заяц, Лещинский, Малиновский, Александр Шевчук, Олейников, Гайдайчук, Гузов.

Командиром отряда избрали Ефима Сергеевича Гармашова, заместителем — Головка, агитатором — Гайдайчука.

Второе собрание провели в тайге за деревней Бирской, где отряд пополнился новыми бойцами.

Первоначально было шестьдесят человек, а в дальнейшем — восемьдесят. Если же учесть и тех, кто был дома или, работая на железной дороге, поддерживал связь с отрядом, помогал ему разными способами, а при проведении значительных операций принимал личное участие, то численность отряда составит более ста человек, может, и все сто двадцать.

Бойцы отряда, за исключением Зарубина, Савченко (рабочий с арсенала) и Гармашова, который последнее время жил не в Лермонтовке, а в Прудках Полетненской волости, — это бедняки сел Лермонтовской волости, крестьяне Глебовки, Добролюбовки, Бирского, Великомихайловки, Пушкино, самой Лермонтовки, и рабочие с разъездов Снарский, Бейцуха, станции Розенгартовка. В район действия отряда входили также казачьи села — Шереметьево, Видное, Лончаково. Казаки тоже вступали в отряд, но редко. Многие партизаны — бывшие участники

империалистической войны, фронтовики, а главное — красногвардейцы 1918 года.

Назову известных партизан отряда Гармашова, кроме указанных. Из Лермонтовки — Клименко, Заволока, Пряжников, Косьяненко, Щербаков, Михаил Бабурин. Из Пушкино — Величко, Мацебурский, Малышев, Саволук, Янчук. Из Бирского — Шаройко, Розганов, Воробьев, Болдавкин. Из Добролюбовки — Камков, братья Бабурины, Бессараб, Дысь, Калиберов.

Таежная база отряда и лазарет находились в пяти километрах от деревни Бирской и в двадцати — от линии железной дороги, в бараках лесопромышленника и заводчика Скидельского. В Лермонтовке был фельдшерский пункт, заведовал им фельдшер Ладыгин. Отсюда партизаны получали медицинскую помощь и медикаменты.

Вооружение в отряде было примитивное. Первоначально берданы и дробовые охотничьи ружья. Некоторые красногвардейцы имели русские трехлинейные винтовки с тремя—пятью патронами. После разоружения казаков в Шереметьево и Видном и ряда боевых операций все постоянные бойцы вооружились русскими винтовками и карабинами, японскими «арисака». Стало больше патронов. Появились казачьи пашки, наганы, гранаты — фабричного изготовления и самодельные, которые изготавливал из консервных банок машинист паровой мельницы в Лермонтовке (фамилия, к сожалению, забыта).

Отряд снабжался продовольствием и фуражом за счет реквизиции складов и баз Скидельского, которые находились в районе деревни Бирской, на станции Розенгартовка и разъезде Бейцуха. Помогали соседние отряды. Приходилось заниматься и охотой. Получали помощь от крестьян. У Скидельского реквизировали дюжину лошадей, сани, сбрую, овес, муку, крупу, рыбу, соль и прочее. Лошади использовались в обозе и в разведке.

В тех же целях была проведена диверсия на железной дороге.

Это было между Розенгартовкой и Бейцухой. Недалеко от моста через речку Шипку есть очень крутой поворот, проходя-

Партизан отряда Кирилл Сергеевич
БАЛАНДА (1893—1959)

щий по насыпи высотой метров в двадцать, если не больше. На этом месте партизаны расширили путь и спустили под откос эшелон интервентов, в составе которого было шесть вагонов с продовольствием, три — с лошадьми и два — с солдатами.

Но диверсии — это, конечно, не только для снабжения. Со станции Розенгартовка вывезли жезловый аппарат, стрелочные переводы и крестовины, вывели из строя водонапорную башню, несколько раз разбирали рельсы и рвали телефонную связь.

Наиболее значительная операция отряда — уничтожение японского гарнизона на той же станции 11 января 1920 года.

События развивались следующим образом.

9 января в Лермонтовке появился небольшой карательный отряд полковника Ширяева и подразделение японцев под командой офицера. Станция со стороны села прикрыта сопкой, и прибытие поезда с карателями оказалось неожиданным. На беду, в селе было двое партизан — Лещинский и Малиновский. Они пришли собрать сведения на железной дороге, захватить приго-

товленные на мельнице самодельные бомбы и запастись дома продовольствием.

Первым в поле зрения белогвардейцев попал Лещинский. Он побежал по снегу через огород к дому Павла Посметьева. В руках у него была винтовка и что-то еще. Это хорошо видели враги и начали бить по нему залпами. Смерть настигла восемнадцатилетнего партизана, когда он уже перебирался через забор в конце огорода. К убитому подбежали японцы. Положили его на подводу и повезли по селу для опознавания. Никто не признавался. Тогда японцы вернулись к дому Посметьева. Белогвардейцы уже допрашивали хозяина. Не получив показаний, они увели его на станцию и закрыли в леднике, привязав к столбу.

Почти в то же время белогвардейцы захватили в конце села второго партизана. При обыске нашли наган. Двое ширяевцев повели и его на станцию. В центре села, на главной улице, Малиновский ударил одного из них и бросился бежать в направлении реки. Но был убит.

Потом интервенты и белые каратели ходили по домам и выведывали партизанские семьи.

Расправа над партизанами послужила толчком к тому, что решено было уничтожить японский гарнизон на станции. Вечер и ночь с 10 на 11 января были оживленными. Шла подготовка. Группами ходили односельчане и среди них несколько партизан. Договаривались о подводах, оружии, о пунктах встречи.

Ночью в село вошел партизанский отряд, усиленный стариками — охотниками из окружающих сел. Теперь отряд был в полном составе.

Командир выделил две команды, которые разобрали несколько звеньев рельсов, срезали телеграфные столбы и сняли провода на три—пять километров по обе стороны от Розенгартовки. Рельсы, накладки, болты и провода зарыли в снег.

Гармашов разделил отряд для наступления на три группы.

Первую — северную, по числу небольшую, возглавлял мой старший брат Кирилл. Наступая со стороны Снарского, она

должна была занять здание вокзала и ледник, освободить там запертого Посметьева; затем, укрывшись за штабелями дров, поддерживать огнем две другие группы. (Дрова эти японцы сложили в несколько рядов, засыпали снегом, облили водой и сделали бойницы. Партизаны должны были их захватить.) Группа Кирилла задачу выполнила и Посметьева освободила. Потерь не было.

Вторая наступала с востока, с сопки, которая падает вплотную к станционным путям. Сопка, заросшая дубняком, была хорошей позицией. Этой группой командовал Головка. Она была самой значительной. Партизаны расположились по гребню прямо перед японской казармой.

Третья группа во главе с Гармашовым расположилась на той же сопке, но с левого фланга, предостерегая наступление от железнодорожного моста.

В 5—6 часов утра в безветренной, но морозной тишине раздались дружные винтовочные выстрелы, похожие на треск сухих веток под ногами. Стрельба продолжалась до полного рассвета, то есть до 9—10 часов утра. Только тогда, когда увидели поезд, продвигающийся со стороны Бикина, партизаны отступили в тайгу, чтобы не подвергнуться артиллерийскому обстрелу. Оказывается, японцы, обеспокоенные отсутствием связи с Розенгартовкой, послали поезд с солдатами. Восстановив путь, они приехали в Розенгартовку и увидели полный разгром. Быстро погрузили убитых, раненых, немногих оставшихся в живых солдат и уехали в Бикин.

В этом бою погиб командир отряда Гармашов и партизан Слободенюк. Ранены были Величко, Гайдай, Саволук, Шаройко и еще один, фамилия которого не установлена.

Смерть Гармашова — результат оплошности разведки. Гармашов послал ее к мосту, чтобы она задержала охрану, которая, услышав стрельбу, пошла на подмогу к своим. Наша разведка в темноте не заметила движение, вернулась и доложила, что японцев на мосту нет. А японцы с моста временем подходили к станции и стреляли по группе Гармашова, скрываясь за высокими штабелями осиновых чурок. Гармашов, не

зная об этом, поднялся во весь рост... И был сражен насмерть вражеской пулей.

Отрядом стал командовать Головко.

Позднее (после 4—5 апреля 1920 года) отряд стоял на Красной Речке и подчинялся Ивану Павловичу Шевчуку. Затем молодые бойцы вошли в состав НРА.

После Розенгартовского боя в наших местах ни белых, ни японцев не было. Только в декабре 1921 года через Лермонтовку прошла «белоповстанческая» армия генерала Молчанова. Но уже 21 февраля 1922 года она стремительно прокатилась обратно. Навсегда.

ЛЕТУЧИЕ ОТРЯДЫ

Иван Федорович ФЕДОТЕНКО-ВРЕДНЫЙ

ГЛАВНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Я не задержу вашего внимания, так как литературно выражаться не умею, я крестьянин. Укажу только на несколько эпизодов из нашей партизанской борьбы.

В организации отдельных частей, таких, как у командира Изотова, у меня — «Вредного» — и еще у некоторых товарищей, был интересный момент. Мы помимо штаба брались организовать свои собственные маленькие отряды, но они тоже очень быстро разрастались. Так, когда я посмотрел, что громоздкие отряды собрались в кучу, пришел в деревню и говорю между своими крестьянами:

— Давайте, ребята, воевать!

Организовалось человек двадцать. А через три месяца набралось уже триста.

Одежды нам хватало, а не было пулеметов. Помогли товарищи из городского подполья. Давидюк наладил связь с пулеметной командой 36-го колчаковского полка. В ответную связь вошли унтер-офицер команды Найденов и фельдфебель Беспрозванный. Они привели к нам всю пулеметную команду. Стало у нас четыре кольца.

Боевой эпизод. Японцы выскакивают на Черную Речку. Ребята пошли в наступление. Выбили всех японцев. С Черной Речки ушло четыре или пять японцев, а было их там — сто пятьдесят.

Иван Федорович ФЕДО-
ТЕНКО с женой и сыном
в 1919 году (1894—1944)

Еще эпизод. Наступление в 20-м на радиостанцию. Там находилась охрана интервентов, человек пятьдесят пять. Послал команду разведчиков, чтобы разбить эту охрану и захватить оттуда, что нужно. Ходила группа под командой Тарасюка и Харитоновы. Тридцать человек. Сделали налет, взяли, что нужно, и вернулись.

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 93, л. 21—22)

НАЛЕТ НА РАДИОСТАНЦИЮ

Партизанские отряды Холодилова и Михаила Изотова в ноябре 1919 года под давлением превосходящих сил белогвардейцев оставили свою базу в районе села Брянславки и отступили в низовья Амура. При этом небольшая группа партизан — всего двадцать человек — из отряда Ивана Холодилова, отступавшая в противоположном направлении, остановилась в деревне Новоалексеевке. К ним в первых числах декабря присоединилось более двадцати солдат 36-го полка, в том числе и я. Перейти к партизанам нас убедили член партизанского ревштаба Истомин и член разведгруппы ревштаба Давидюк.

Они же, Истомин и Давидюк, вместе с Федотенко и другими разоружили кулаков и «нейтральных» из деревень Ильинки и Гаровки, благодаря чему взяли двадцать три винтовки, два револьвера и несколько сотен патронов и вооружили вновь прибывших людей.

6 декабря Федотенко повел нас в село Сарапульское, где базировался штаб. По пути влились крестьяне деревень — Веселый Кут, Брянславка, Благодатное, Князеволконское, Анастасьевка, Вятское, Елабуга. Присоединилась и другая группа партизан бывшего отряда Холодилова — человек пятьдесят. Рос отряд и на месте стоянки за счет местных крестьян.

В декабре на общем собрании отряда командиром назначили Федотенко (партизанская кличка «Вредный»), помощником — Власенко, которого через некоторое время заменили Иваном Харитоновым. Три взвода, на которые был разбит отряд, возглавили Красильников, Власенко и Зубарев, командиром разведки стал Дементий Тарасюк. Отряд назвали «Пер-

Василий Ерофеевич СЛЕСАРЕВ (1898—1972) — бывший крестьянин-середняк села Ильинки Хабаровского уезда. До революции служил в 4-м артиллерийском крепостном полку (Владивосток), настроенном революционно. В Красной гвардии не был, но от службы в колчаковско-калмыковском войске уклонился, работал на Сучанской железной дороге, потом на угольных копях; осенью 1919 года попал во Владивостоке под облаву и был направлен в 36-й Сибирский колчаковский полк, в Хабаровск. Бежал в тайгу, в отряде Федотенко-Вредного зачислен в команду пешеходных разведчиков. Потом служил в НРА и опять был в разведке. В дальнейшем работал в крайпотребсоюзе

вым Мстительным». Такой был у нас тогда настрой. Мы должны были выполнять оперативные задания штаба, делать разведку с диверсией, налеты и так далее. Потом он назывался «Летучим».

С приходом пулеметной команды отряд вскоре перебазировался ближе к городу — в село Князеволконское и начал действовать в контакте с другими партизанскими отрядами.

Блестящая операция — налет на хабаровскую радиостанцию в январе 1920 года. Штаб дал задание — разоружить охрану, вывести из строя аппаратуру и захватить в плен начальника. В это же время другая группа партизан должна была совершить налет на интендантские склады на разъезде Красная Речка. Там действовали пулеметчики Беспрозванного.

На радиостанцию пошел взвод. Партизаны подъехали на подводах. Бесшумно обрезали с двух сторон телефонные и телеграфные провода. Группа бойцов обезоружила русскую и японскую охрану, так что в наших руках оказались два десятка винтовок, несколько гранат и револьверов. Остальные обстреляли из ружей и забросали гранатами деревянную казарму, где размещалась команда японцев.

Чернореченский бой партизаны провели по всем правилам военного искусства. В наступлении четко взаимодействовали два отряда — пеший и конный. Кто предложил такой план наступления — Изотов, командир кавалерийского отряда, или Федотенко-Вредный, командир пешего партизанского отряда, — сказать теперь трудно. Возможно, даже кто-нибудь из взводных. Но успех был полный. Партизаны говорили: «Сражение разыграли, как по нотам!»

Общая картина местности, где происходили события, такова.

Село Князеволконское. Отсюда партизаны наступали. Красивое старинное село. Раскинулось на крутом взгорье, как птица в полете. Перед селом, внизу, река Сита, большой деревянный мост на сваях. Справа — подо льдом тогда, озеро Петропавловское, в него впадает Сита. Пять верст ближе — Сергеевка, еще пять верст — село Черная Речка, потом восемнадцать верст — Хабаровск.

Село Черная Речка и река, у которой оно расположено, одного названия. Река эта впадает в Кривую протоку, почти у самого озера. К Сергеевке река делает крюк. Вот эта кривулина в плане наступления имела решающее значение.

Яков Андреевич АГАФОНОВ

ПЕХОТА ВРЕДНОГО

К зиме 1919 года наш отряд вместе с изотовским расквартировался в Князеволконском. Расположились в домах, по два-три человека. Всего — более трехсот партизан. Все из приамурских сел — Некрасовки, Матвеевки, Славянки, Челнов, Синды и других. Тут и парнишки семнадцати лет и старики-бородачи. Но больше всего ребят призывного возраста. Вооружены — кто винтовкой, кто берданкой, а у многих охотничьи ружья. Мне было девятнадцать, пришел в отряд с батиней ополченской винтовкой. Одеты так — кто в шубу, кто в телогрейку. Обувь — ичиги, легкие и удобные в походе, у иных торбаса, гольдские рукавицы и шапки.

Ранним декабрьским утром прискакал к штабу верховой, поспешно соскочил с лошади, доложил:

Яков Андреевич АГАФОНОВ
(1900—1973)

— Товарищ Федотенко, связь с первым разъездом. Докладываю: из Хабаровска по направлению к Черной Речке движется рота японцев на подводах. Впереди группа казаков до пятнадцати сабель.

— Ясно. Будет им встреча с партизанами. Наблюдение продолжать.

Отряды подняты по тревоге. Военревштаб дает согласие на выступление.

Нас продвигают по дороге до Сергеевки. Японцы к этому времени въехали в Черную Речку и выставили не только заставу, но и оборону к Князеволконскому. Стоят с пулеметами. Они тут бывали и раньше, окопов понарыли. В лоб их взять трудно.

Федотенко и Изотов придумали маневр. Наш отряд будет осторожно продвигаться по дороге в сторону Черной Речки, используя кривуны и кустарник. Кавалеристы Изотова, используя русло речки и ее кривизну, скрытно обойдут японцев справа и ворвутся в деревню с фланга.

Изотов крикнул:

— Кавалерия, за мной!

Лошади побрели по глубокому снегу.

А мы, пехота, пошли дальше по дороге.

На подступах к Черной Речке заговорили японские пулеметы.

— Вправо, в цепь! — скомандовал Федотенко.

Мы залегли в снегу за низкорослым кустарником. Японцы тоже выдвинули цепь. Началась перестрелка. Те стреляли густо и в основном разрывными пулями. Пули их хлопают по кустам, разрываются, шуму много, а цели не достигают. Нам все это знакомо. Мы отвечаем не торопясь. Патронов немного, зря не суетимся. Главное — поддержать врага, пока изотовцы не забегут им в бок.

Рядом со мной в цепи Иван Могилевич — наш, свечинский, Иван Медведев из Матвеевки и мой близкий друг и ровесник Захар Федотенко из Некрасовки — младший брат командира. Тут же пристроились разведчики Дементия Тарасюка, ведут прицельный огонь по пулеметам.

Вдруг видим: Беспрозванный — командир нашей пулеметной команды, а с ним еще двое выскочили в повозке на дорогу и помчались к Черной Речке. Мы прикрыли их усиленным огнем. Вот они на прямом участке дороги. Развернулись. Повели лобовой пулеметный огонь.

В этот момент конники Изотова ворвались в деревню.

Иван Кириллович ЗАБЛОЦКИЙ

КОННИЦА ИЗОВОТА

Обход должны совершить быстро. От этого зависит не только успех боя, а жизнь наших товарищей из группы Федотенко. Правда, там пулеметы, но все же...

Иван Кириллович ЗАБЛОЦКИЙ
(р. 1891)

Лошади у нас хорошие и привычные к таежному бездорожью. Но снег, по нему не так-то просто сделать бросок.

— Попробуем по льду! — сказал Изотов.

Мы сунулись вниз по руслу реки. Но тут снегу набито столько, что коню по уши.

— Придется по берегу, — сказал Изотов. — Переезжай речку!

Здесь снег сорвало ветром, и вдоль берега густые заросли ивняка. Хорошее укрытие. Рысью мчимся к деревне.

Около моста у деревни выскочили на дорогу. Сверкнули на солнце клинки, понеслось боевое «ура!». Завязался уличный бой.

Калмыковцы сразу удрали из деревни. Японцы, прячась за заборами и постройками, упорно отстреливались. Но кавалерийский натиск неукротим. Смолкли и японские пулеметы. Неуклюжие солдаты в толстых шубах прыгали в сани и гнали лошадей галопом наутек.

Изотов направил своего скакуна прямо на плетень, за которым еще отстреливались несколько интервентов. Взмах сабли и выстрел — одновременны. Японец

Михаил Дмитриевич ИЗОТОВ
(1893—1940)

свалился замертво, Изотов тоже получил тяжелое пулевое ранение в плечо. Бой подходил к концу, и командир продержался до конца.

В разгар атаки на улицах, когда мы гнали японцев, подо мной вдруг рухнул мой белый конь. Пал прямо на скаку. Я сорвался с него кувыркком и чудом остался цел. Как жалко мне было коня. Хороший был, строевой конь. Все завидовали мне. Снял я с него седло и пошел в центр села, где собирались еще возбужденные боем партизаны. Валялись разбросанные ящики с японскими галетами, оружие, сраженные японцы.

В отряде Федотенко не было ни убитых, ни раненых. У нас кроме командира получили ранения Савельчук, Засельский и Сазанский. Да мой конь погиб. Командира двое конников, поддерживая с боков, сопровождали в Князеволконское. Он немного выздоровел и снова принял отряд.

Я ушел пешком. Потом мне дали новую лошадь.

ХОРСКО-КИИНСКИЙ ОТРЯД

Михаил Яковлевич ШИЛОВ

БОЙ В ГЕОРГИЕВКЕ

После партизанского налета на охрану Хорского железнодорожного моста японское командование разместило свои гарнизоны во многих селах. Стоял гарнизон и в нашей Георгиевке — занимал поповский дом и надворные постройки. Патрули каждую пятидневку делали обходы по дворам, проверяли, все ли дома, снова и снова допытывались, нет ли у кого родственников среди партизан, а попутно забирали скот, птицу. В нашем селе казнены В. Д. Гончаров, Р. П. Лебедев и Т. М. Емельяненко. В каждом селе были жертвы.

Наглые действия оккупантов разжигали еще большее недовольство. Жители села старались уклониться от повинности по перевозке японских солдат, рвали телефонные провода, старались помочь партизанам.

В ночь на 19 января 1920 года наш отряд под командованием Соколова скрытно прибыл в Георгиевку и разместился на крайних улицах. На следующий день старинный русский праздник — крещение (6 января по старому стилю). Решили воспользоваться. Перед отрядом стояла задача — разгромить гарнизон. (Партизанский штаб ставил целью выгнать интервентов из периферии, загнать в город.)

Мне, как местному жителю, дано задание организовать вечерку.

Шиловых в Кининской и Полетненской волостях было много, особенно в Георгиевке. Были среди них две-три семьи богатые, паучьи, а остальные — как все, бедняки-переселенцы из Белоруссии, собственным трудом поднимали пашню и огороды, через подрядчика или своей артелью нанимались на рыбалку или лесозаготовки. Михаилу Яковлевичу Шилову было 24 года, когда грянула гражданская война. Вместе с активными односельчанами в Георгиевке он встает против атаманов и интервентов, уходит в партизаны. В мае 1919 года, в группе члена штаба Сысоева он впервые участвует в бою при стычке с калмыковцами и японцами (на Черном ключе около Бичевой), а по-

том их было много. Служил он и в НРА (1920—1921), тогда же принят в ряды Коммунистической партии (октябрь 1920).

В дальнейшем работал в милиции (Переяславка), потом завмагом и одновременно заведовал избой-читальней, руководил комсомольской организацией (Георгиевка); после совпартшколы снова в Переяславке — в райпотребсоюзе, директор подсобного хозяйства и секретарь ячейки РКП(б), опять в Георгиевке, потом в Марусино — председатель колхозов, председатель сельпо в поселке Хор. Участник Великой Отечественной войны.

Утро. Крестьяне с попом идут на реку Кию, несут иконы, поп — крест. На реке тоже делают кресты во льду, святят воду. Тут же толкнутся японцы.

Вечером в один из домов местного лесоторговца Марченко собиралась молодежь. Особенно повалил народ, когда стало известно, что играет на вечерке славный гармонист Артем Лагута. Он бежал из калмыковской тюрьмы и пришел с партизанским отрядом.

В суетне подразделение партизан прокралось поближе к этому дому, затаилось в соседних дворах. А Кузьменко, Лагута, Решетнев и я — на вечерке.

Японский ночной патруль в двенадцать человек не преминул заглянуть на вечерку. Девушки Дуня Шилова, Дуня Лебедева, Ирина Парфененко и другие, весело улыбаясь, пригласили японцев в хоровод.

Вдруг на улице раздался выстрел. Солдаты бросились к двери на улицу. Тут их встретили партизаны. Несколько японцев бросилось в дверь, ведущую во двор, — этих поймали мы, скрутили, отобрали винтовки.

Народ быстро рассеялся без особого шума, а стрельба на улицах усилилась.

Интервентов в селе было не менее ста человек, и все наступали на дом Марченко. Гранатой они подожгли амбар во дворе, загорелся и дом. Ночной пожар видно далеко вокруг. Увидел его и переяславский гарнизон. Телефонную связь мы прервали, и когда японцы сунулись к аппарату, то, конечно, поняли, что в Георгиевке — партизаны.

Мы отбивались изо всех сил. Отряд, потеряв в ночном бою шесть человек, отступил к Соколовке.

Уставшие после ночного боя и быстрого перехода, мы отдыхали. Но вот прискакал из Петровичей партизан Семченко, доложил, что из Полетного в Переяславку вышел японский обоз в двести подвод под усиленной охраной. Наши командиры рещили его перехватить.

Лаврентий Иванович ШИГОНЦЕВ

БОЙ ПОД СОКОЛОВКОЙ

Десять лет прошло с тех пор, как был этот случай. Многие уже забыто, но все же помнится яркая картина боя с японцами близ Соколовки.

Мы находились в этой деревне. Нас — один взвод, около тридцати человек, остальная часть отряда в других деревнях.

Вот нам сообщают наши разведчики, что японцы выезжают из Полетного, вывозят все свое имущество, запасы продовольствия и прочее. Обоз состоит пример-

Воспоминание Л. И. Шигонцева хранится в фонде Дальистпарта (ПАХК, ф. 44, д. 235, л. 6—7). Написано еще в 1930 году. Любопытное дополнение к предыдущему рассказу М. Я. Шилова.

но из двухсот подвод, охраны — семьдесят человек при одном пулемете.

Решили отбить, хотя для нас это дело тяжелое. Но мы учитывали, что за нами — первый выстрел.

К счастью, подошли и остальные из нашего отряда. Были они сильно изнурены, так как ночью напали на японский отряд в деревне Георгиевке, потерпели неудачу, потеряв шесть человек убитыми. Семеро ранены. Все же нашлись из них охотники, идут с нами. Набралось до пятидесяти человек. Остальная часть отряда села в другую засаду, на всякий случай, для поддержки.

Засада наша рискованная, так как мы в мелком кустарнике, от дороги не более десяти или пятнадцати сажен. Договорились не отступать ни шагу.

Ждать японцев пришлось недолго, скоро показалась их разведка, а вслед за ней длинной вереницей тянулся обоз. Командование нашим отрядом принял на себя командир первого взвода Ляхнович. Он стоял от дороги саженях в пяти за огромным кедром, откуда ему видна была вся дорога на протяжении нашей цепи. И как только поравнялась разведка с нашим правым флангом, то есть прошла всю цепь, сразу раздалась команда:

— Товарищи! Дергай по японцам!

Раздался залп, а следом бешеная перестрелка ружей, винтовок и бердан.

Надо отдать справедливость — японцы храбрые солдаты. Уцелевшие от первых выстрелов быстро открывают стрельбу. Тут уж началась отчаянная дуэль, так как каждой стороне хотелось поразить против-

ника. Но, хотя между нами близкое расстояние, из-за горячности много промахов.

Бой продолжался около двух часов, в результате весь обоз, пулемет и масса пулеметных лент в наших руках. На месте боя осталось до шестидесяти человек убитых интервентов.

У нас погиб командир 1-го отделения Иван Румянцев, смертельно ранен Ляхнович и еще несколько человек ранены.

Часть груза была спрятана, а часть отправлена в штаб партизанских отрядов, где был Бойко-Павлов, в село Вятское (на Амуре).

Иван Хрисанфович ДЕНИСОВ

БРАТЯ ИЗОТОВЫ

Село наше Гродеково (часто называют Гродековка, в отличие от одноименной станицы), расположено в трех километрах от райцентра Переяславки. Основано в 90-х годах прошлого века переселенцами из Могилевской губернии. К началу первой мировой войны в нем насчитывалось до ста дворов. Многих тогда на фронт, в солдаты забрали, в том числе молодых Изотовых — гордость нашего села.

Старики Изотовы — братья Иван Васильевич и Исаак Васильевич — поселились в Гродеково с самого начала. Третий их брат — Дмитрий Васильевич — уехал в Приморье. Вот их сыновья: у первого Дмитрий и Георгий, у второго — Иван и Харитон, у третьего — Михай (Михаил) — и стали активнейшими борцами за Советскую власть в Приамурье. Вернулись они с фронтов империалистической войны большевистски настроенными. Их активность объясняется, наверное, и тем, что в прошлом, когда они еще жили в Белоруссии, их отцы уходили на зара-

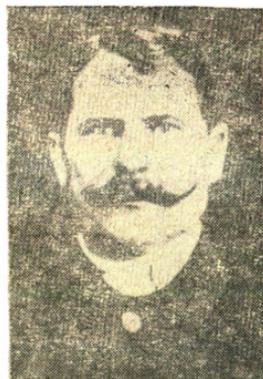

Иван Хрисанфович ДЕНИСОВ здесь в форме бойца Народно-революционной армии. Был и партизаном

ботки в Донбасс. Там впитали они революционный дух рабочих-шахтеров. Это резко выражалось в характере самого старшего из отцов — Ивана Васильевича Изотова. Я помню этого старика — сурового, мрачноватого, со страстной ненавистью к духовенству и монархии, прямолинейного, откровенного в высказываниях. Таким был и его старший сын Дмитрий — наш командир.

Дмитрий вернулся в Гродеково после Февральской революции, вскоре вступил в Красную гвардию в Хабаровске. В должности командира взвода участвовал в боях на Уссурийском фронте, а когда вернулся домой, его стали преследовать белоказаки. Крестьяне помогли ему скрыться. Он перешел на нелегальное положение, участвовал в Соколовском съезде как представитель сел Киинской волости. По поручению партизанского штаба вел работу в селах — налаживал цепочки связи, выявлял красногвардейцев, их актив. Командовал взводом и был ранен в Хорском бою, а потом организовал подпольную боевую группу в нашем Гродеково. В нее вошли его братья, Свердлов, Потап и Василий Пантелеенко, Левшов, Котов, Усов

Дмитрий Иванович ИЗOTOB (1891—1936)

и я. Мы добывали оружие, продовольствие, проводили разведку и передавали все в штаб Бойко-Павлова. Связным от штаба был прикреплен Орлов. Группа наша к концу 1919 года выросла в отряд — сорок человек. Все имели оружие, запас патронов. Командиром взвода избрали Василия Пантелеенко, а командирами отделений — Тишкова, Турова и Сорокина. Все они пожилые, опытные фронтовики. Руководил всеми Дмитрий Изотов.

В январе 1920 года он с группой бойцов ушел в отряд Соколова, участвовал в бою с интервентами, между Марусино и Соколовкой.

В феврале, когда Калмыков бежал из Хабаровска и его надо было преследовать, штаб направил нас с Изотовым во главе в помощь группе Шевчука, где были отряд Погорелова, казачья сотня и шевчуковская рота.

После японского выступления 4—5 апреля Дмитрий Изотов был назначен командиром Хорско-Юинского отряда. Наша гродековская группа теперь вся влилась в этот отряд. Стояли мы в Переяславке гарнизоном, обеспечивали охрану железной дороги от Кор-

фовской до Вяземской. В конце апреля заняли линию Правобережного фронта против японцев на участке Хехцирский хребет — Корфовская. В мае нас сменил крепостной полк из Владивостока. Наш отряд отозвали в Переяславку, а затем мы переправились через Амур, где были главные силы и формировались полки Народно-революционной армии, был создан Хабаровский фронт. Мы стали 3-й ротой 8-го Амурского нарревополка. Нашего командира Изотова отозвали в штаб Хабаровского фронта на станцию Бира, а командиром роты был Александр Казаков. Меня назначили военкомом 9-й роты, потом, когда заняли Хабаровск, откомандировали в арсенал с группой бойцов-специалистов для выполнения задания командования.

Дмитрий Иванович Изотов работал в политотделе Восточного фронта, часто бывал в нашем полку. Был членом правительства ДВР. После освобождения Дальнего Востока его избрали председателем Киинского волисполкома, в 1925 году он вернулся в Гродеково, вступил в товарищество по совместной обработке земли, а в 1929 году организовал и возглавил колхоз «1-е Мая».

В 1936 году Д. И. Изотов умер от крупозного воспаления легких и похоронен с почестями в Гродеково.

1-Й СВОДНЫЙ ОТРЯД

Андрей Ефимович ПРАСОВ

НОВАЯ МУРАФА

Около двух часов ночи 25 октября 1918 года на разъезд Красицкий прибыл японский бронепоезд. Из двух орудий сделали десять выстрелов. Снаряды ложились веером вокруг села, рвались в 150—200 метрах от жилых построек. После обстрела пехота оцепила село. В 6 часов утра по улицам пошли группами солдаты — по два-три японских интервента и с ними местный житель, вроде как понятой. Населению объявили: собраться на площади у школы. Здесь стол, две скамейки, по краям — пулеметы. Люди подходили и становились как бы в две шеренги. За столом сидели два японских офицера — капитан и поручик, стоял староста нашего села Бабич и японский переводчик в штатском костюме.

Староста держал в руках подворную книгу и выкликал по фамилиям. Кого называли, тот выходил и становился в новый ряд. На тех, кого не оказалось в селе, японский офицер потребовал через переводчика список, заверенный печатью.

Пока шла проверка на площади, в домах солдаты делали обыск. Искали оружие, но при этом забирали и ценности: часы, золотые вещи, деньги. Людей с площади отпустили в 8 часов вечера, продержав целый день голодными и под страхом оружия.

От обстрела с бронепоезда в селе была убита корова у Ивана Калиты, других жертв не было. Потом

Андрей Ефимович ПРАСОВ
(р. 1893)

японские экспедиционные операции в селах проходили с еще большей высокомерной дерзостью и бесчеловечностью.

На перегоне между станцией Вяземская и разъездом Красицким стояла сторожевая будка, где жил со своей семьей Гордей Иванович Цибульский.

В сильную пургу в декабре 1919 года японский бронепоезд едва пробивался через снежные наносы и остановился против сторожевой будки. Соскочили пятнадцать японских солдат и пошли в сторожку. В коридоре они увидели дробовое ружье. Набросились на Цибульского:

— Бурсука! Партизана!

Цибульский стал объяснять им, что ружье он имеет для охраны, он сторож. Его избили прикладами, избили и жену. Сын Иван бросился к двери, солдаты закололи его штыками. Всю семью в пять человек расстреляли и сожгли в будке.

В Дормидонтовке японцы оцепили дом Степана Корнатовского и подожгли, хозяина и его сноху Станиславу убили.

Калмыковцы расстреливали любого заподозренного. А если попадет крестьянин в казачье село —

станичный атаман прикажет выпороть, потом посадит в баню, и сидит он там голодом два-три дня, пока не придет свой староста и не заберет его домой под расписку с заверением в «благонадежности».

Люди прятались, таились, а потом пошли в партизанские отряды.

После летнего выступления 1919 года партизаны, отступая, разбивались на группы. В Новую Мурафу одна такая группа пришла из Полетненской волости. Остановилось здесь сначала четырнадцать человек во главе с Иваном Семеновичем Рубелем — рабочим с лесозаготовок промышленника Сенкевича. Зародился отряд Рубеля в августе, активно стал действовать в сентябре.

В отряде сначала были красногвардейцы Бондарь, Жихарев, Михаил Янус (латыш) и сразу же к ним примкнули крестьяне из нашего села Красицкого — Гаврилюк, Матвей и Федос Волошины, Василий и Иван Чернявские, Макар Кошельник, Михаил Смещук, Петр Чижук.

Я жил в Красицком, работал стрелочником. Однажды пришли ко мне Рубель и с ним Гаврилюк, Силютин, Чернявский, Волошин и Михайлюк. Они рассказали мне о Новой Мурафе и своем отряде, предложили, чтобы я поговорил с жителями, особенно с бывшими красногвардейцами и фронтовиками, узнал настроение, сказал об отряде.

Далеко за полночь у меня собралось сорок семь человек. Федор Силютин сделал информацию о положении на фронте у Колчака и о том, что делается в Хабаровске. Иван Рубель предложил создать нам в Красицком подрывную группу — взвод. Желавшие нашлись. Меня избрали командиром. Некоторые таежные партизаны тоже числились в нашей группе — Чернявские, Волошин.

Боевые группы созданы были также в Капито-

новке, Дормидонтовке, Ярославке. Руководили там Артем Постоюк и Григорий Скибюк. В нашем селе организовалась еще группа сочувствующих партии большевиков во главе с Макаром Кошельником. В нее входили Гаврилюк, братья Волошины, Чернявский и Гресь. Все эти группы подчинялись партизанскому штабу в Новой Мурафе. Партизаны жили каждый в своем селе и занимались обычными делами. Но как только поступало распоряжение из штаба, все собирались в указанном месте для выполнения боевого задания.

В ноябре на станцию Дормидонтовка прибыла 1-я рота 36-го Сибирского стрелкового полка. Колчаковцы. Она стала нести охрану железнодорожных мостов через Подхоренок и Пашино. Служил в этой роте солдат Моисей Шапор. Родители и братья его жили в Капитоновке, и Шапор быстро связался с нашей группой. Договорились с ним и решили роту обезоружить. Связались с Рубелем. Все подготовили на 12 декабря. В караул были назначены солдаты, склонные перейти на сторону партизан. Рубель с семнадцатью партизанами на подводах подъехали ночью на станцию. Фельдфебель Буссель и Шапор сняли посты, вывели всех солдат из вагонов, офицеров убрали. Рота целиком с оружием и при двух пулеметах решила перейти на сторону партизан.

После этого отрядом стал командовать Буссель.

Дела у нас, и военные и гражданские, шли хорошо. Связи с населением были тесные. Но один случай чуть было не поколебал наш партизанский авторитет.

На станции Дормидонтовка был магазин общества потребителей. Устроился в нем продавцом К., бывший жандарм. И вот решил он магазин обворовать, а вину свалить на партизан. Взломал ставню, раму, забрал железную кассу с деньгами, утащил два мешка сахара, десять кусков мануфактуры. Утром заявил,

Г. Е. СОКРАТ.

Ф. И. БУССЕЛЬ

Г. Н. СКИБЮК

Георгий Ефимович Сократ (Попович) (1888—1955) — большевик, политический работник в отрядах партизан. В период ДВР работал в органах госполихраны ДВР

Федот Иович Буссель (1894—1963) — командир 1-го сводного отряда. В дальнейшем — рабочий

Григорий Никитович Скибюк (р. 1893) — крестьянин из Дормидонтовки. Один из первых партизан отряда. Руководил продовольственным снабжением партизан

что магазин обворован не иначе как местными партизанами. Пайщики заволновались: двести тридцать тысяч убытку! Молва прошла по всей волости: партизаны начинают воровать, а не бороться за Советскую власть.

Меня вызвали в отряд и сказали:

— Бери двух надежных партизан, езжай и проведи расследование. Сутки сроку тебе. Дело важное, иначе позор всем нам.

Я и сам понимал, насколько это важно. Со мною отправились Чернявский и Чижук. Запрягли мы доброго коня в кошевку, приехали в Дормидонтовку. Председателем кооператива был там наш человек, Григорий Скибюк. Пригласили его, взяли продавца, пришли к магазину. Смотрим: ставня, положе, выло-

Павел Пантелеймонович КОВАЛЕНКО (р. 1897) — бывший рабочий-слесарь хабаровского завода «Арсенал», красногвардеец, партизан Хорско-Кинского отряда. Участник Великой Отечественной войны. Научный работник — кандидат технических наук

мана снаружи. Зашли в магазин, осмотрели раму. Нет, явно выломана изнутри. Задаю вопрос: согласны ли с этим?

— Ну, что вы! — не согласился продавец.

Скибюк пожал плечами, будто его все это особенно не касалось, и сказал: «Вечером тут появлялись двое из контрразведки, так что поторопитесь».

— Значит, скорее надо. А ну, К., снимай свои ватные штаны! Шомполов всыпем! — сказал я.

К. испугался и все рассказал. Кассу нашли в сугробе на его огороде, сахар и мануфактуру в погребке — присыпаны были картошкой. Составили акт, и Скибюк все найденное принял. К. в ноги нам:

— Не губите, братья-партизаны! Корову отдам в пользу кооператива.

Скибюк ответил:

— Ладно кланяться. Доложу о проступке на сходе.

Собрание в Дормидонтовке, как нам сообщили, проходило бурно. Впоследствии К. выгнали из села.

В Красицком у нас содержался взвод белых по охране железной дороги. Командовал поручик Смотров, а помощником у него был старший унтер-офицер

Болтенко, который кое-когда заходил ко мне. По разговорам я понял, что он не прочь бы уйти к партизанам.

— Ты знаешь, как рота ушла в сопки к партизанам? — спрашивал он. — Как бы и нам податься?

— Смотри сам, — уклончиво отвечал я.

— Знаю я, в Новой Мурафе они. Там много знакомых ребят из 1-й роты. Уйдем и поручика уведем.

Под Новый год он взял солдата Шеяна, пригласил и Смотрова в лес. Зашел ко мне, попросил топор — елку срубить. И попросил объяснить, как пройти к партизанам. Я рискнул и начертил ему схему тропы, там их встретит наш разъезд. Отошли они в лес, чуть не на три километра.

— Рубите здесь! — сказал Смотров. — Елок везде полно.

— Пройдем еще, — предложил Болтенко.

— К партизанам потянуло? — крикнул Смотров и выхватил наган.

Но Болтенко опередил, вскинул винтовку и выстрелил в поручика. Забрали у него наган и ушли в Новую Мурафу.

Таких случаев перехода к партизанам было множество.

А как мы добывали оружие?

Атаман Калмыков щедро вооружал казаков по станицам, видя в них свою опору. И партизаны этим воспользовались. Однажды штаб отряда дал и мне задание разоружить казачий поселок Чупрово. Это не так далеко от Красицкого. Наши соседи, чупровские казаки, были настроены контрреволюционно, а крестьяне Красицкого, все, как один, — за Советы. Я собрал смелых ребят из своего взвода подрывников и пригласил командира 3-го взвода из Новой Мурафы Михаила Януса. Поехали в Чупрово.

На краю поселка выставили посты, оцепили дома.

В два часа ночи мы с Янусом постучали в дом чупровского атамана Игната Тарана. Сообщили ему, что прибыли по поручению партизанского штаба конфисковать оружие. Атаман пошел по поселку, стучал в окна домов и приказывал выносить все оружие. Все шло хорошо, но во дворе казака Петраченко произошла стычка. Распахнулась дверь, выбежал старик и его три сына, открыли стрельбу. Партизаны из темноты дали ответный залп. Казаки, как стреляли с колена, бросили оружие и так, на коленях, подняли руки.

В поселке в эту ночь мы собрали 25 винтовок, 10 бердан, 25 сабель и два нагана. Таран выделил четыре подводы, и мы с изъятым оружием и арестованным за оказанное сопротивление стариком Петраченко выехали через Красицкое в Новую Мурафу.

Старика допросили в штабе. Буссель решил:

— Отвезите его домой. Пусть расскажет казакам, что большевики хотят, чтобы и казаки шли вместе с народом.

В пути старик говорил мне:

— Думал, что вы меня в тайге расстреляете.

— Слышал, дед, что командир сказал? И мужик и казак объединиться должны и вместе бить атаманов и японцев.

— Спасибо тебе, сынок, я ведь другого мнения был о партизанах.

Были у нас и другие дела, посерьезнее.

30 декабря мне со взводом дали задание выйти на диверсию к железной дороге. В эту ночь против Тигрового мы пустили в русло речки японский бронепоезд. Всю команду его уничтожили, спилили двадцать телеграфных столбов, а провода увезли в тайгу.

На перегоне Дормидонтовка — Вяземская мы неоднократно сжигали деревянные мосты.

Декабрьским вечером зашла ко мне учительница

Бобровская, попросила провести в отряд двух большевиков. Мы ее хорошо знали и доверяли ей. Те двое оказались действительно большевиками — Георгий Ефимович Сократ и Иван Михайлович Колесников. Они рассказали, что были на нелегальной работе в Харбине, но пришлось бежать. Бобровская была родственницей Колесникова.

В конце 1919 года белые из войсковых частей уже попритихли. Дела их шли неважно. Помнится случай. Ехал я однажды в Новую Мурафу — на нашу партизанскую базу — с докладом в штаб. Мурафа — глухая, таежная деревушка, там было всего пять-шесть домов. Жили охотники. Отсюда наши партизаны ходили тропами в Соболево — на базу соседнего отряда, отсюда делали вылазки, налеты. Пробраться в Новую Мурафу было не так-то просто: на едва приметной дороге завалы, а за ними засада...

Солнце слепило глаза, но было холодно. Лошаденка едва трусила рысцей, в санях лежало два куля с зерном. Перед самым выездом на старую переселенческую дорогу я увидел отряд белогвардейцев. Шли по направлению к Капитоновке. Впереди офицеры верхами, за ними примерно сотня солдат в пешем строю и в конце две подводы с пулеметами. Что делать? Повернуть наутек? Догонят. Смотрю, ко мне едут верховые.

— Кто таков?

— Крестьянин из Красицкого. Еду на мельницу. Подъехал полковник, развернул карту, спрашивает:

— Сколько верст до Капитоновки?

— Пять.

— А как ехать в Ярославку? А Подхоренок где? Я на все ответил. Полковник сказал:

— Это не партизан, а местный крестьянин. Пусть пристраивается сзади колонны.

Я поехал сзади. Ко мне подсели два унтера. Интересуются:

— Слышал, партизаны нашу роту взяли в плен?

— Да, слышал, все говорят.

— А где партизаны? Много их?

— Не видал, не знаю.

В Капитоновке развели солдат по квартирам. Ночевать думают. Село большое — церковь, паровая мельница, лавка есть. Что если партизаны ночью нагрянут? Крови много будет, мирное население пострадает. А уйти мне, чтобы предупредить наших, никак нельзя. Тут же и офицеры устроились на ночлег. Но не спят, все бегают в штаб, который разместился у кулака в доме напротив.

На рассвете выстроились, произвели расчет. Куда пойдут?

Повернули и пошли назад в Дормидонтовку. Побоялись идти дальше в тайгу.

Я запряг лошадь и поехал в Новую Мурафу. Рассказываю Бусселю.

— Да мы их ждали у завала, — ответил он, — жаль, не пришли.

Полковник Меньшов, как назвал его Буссель, конечно, понимал, что поиски «плененной» партизанми роты бесполезны, встречи с партизанами опасны. Того и гляди, что остальные солдаты тоже перебегут. Война шла к развязке в нашу пользу.

Штаб нашего отряда в январе 1920 года получил задание от военревштаба провести объединенный съезд крестьян, казаков и представителей партизанских отрядов. Сократ и Колесников многое сделали по подготовке этого съезда. Созвали его 18 января в казачьем поселке Кукелево. Присутствовали делегаты от многих партизанских отрядов, от шести волостей и десяти казачьих поселков. Съезд принял решение объединенными усилиями крестьянства и каза-

чества бороться против белогвардейцев и избрал исполком Совета.

Исполком определил своей резиденцией деревню Новая Мурафа.

Перед Кукелевским съездом произошло одно важное событие.

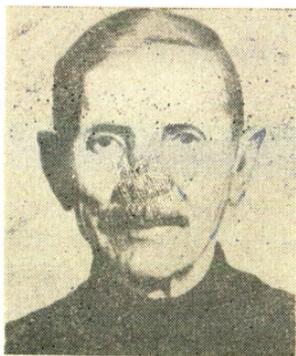
Полковник Меньшов после экспедиции в Капитоновку на «выручку» 1-й роты вернулся ни с чем. Атаман Калмыков послал с той же задачей эскадрон казаков под командованием Козулина. Этот эскадрон во главе со своим командиром тоже переходит на нашу сторону. Для проверки Буссель дал ему задание охранять Кукелевский съезд. Впоследствии козулинские казаки приняли участие в преследовании Калмыкова.

Петр Степанович КОРНАТОВСКИЙ

МЫ БЫЛИ КУЗНЕЦАМИ

Я — бывший красногвардеец и партизан на Дальнем Востоке, в 1918—1921 годах. Октябрьская социалистическая революция застала меня в городе Владивостоке. Работал на Первой Речке в железнодорожных вагоносборочных мастерских кузнецом и клепальщиком.

Революцию в Петрограде большинство рабочих встретило как должное: она освобождала нас и крестьян от эксплуатации и векового угнетения, прижатого положения. В мастерских выступало тогда много ораторов. Проходили собрания, митинги. Мы слушали большевиков — Кушнарёва, нашего любимого профсоюзного организатора, и товарища Костю Суханова, председателя Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Петр Степанович КОРНАТОВСКИЙ

Я вступил добровольно в дружину Красной гвардии. Командовал Матвеев.

После поражения на Уссурийском фронте наши части отступали. Отступил и я до станции Красная Речка и здесь был захвачен калмыковцами и посажен в «вагон смерти», который стоял на Батуевской ветке у Хабаровского вокзала.

11 сентября 1918 года нас, арестованных, десять человек повели в направлении Чернореченского шоссе на расстрел. Был поздний вечер. Воспользовавшись темнотой, по команде одного из заключенных: «Разбегайся!» — мы бросились в разные стороны. Бежали под пулями. Многие товарищи пали, убитые, но несколько, в том числе и мне, удалось скрыться. Помогли кусты и овраги. Ночью я ушел к Красной Речке. Оттуда, держась поблизости от железной дороги, но по лесу, — в Дормидонтовку. Там скрывался.

В 1919 году при появлении в Новой Мурафе партизан мы с братом Романом ушли в отряд с одним дробовым ружьем. Там я вскоре получил винтовку. Был зачислен в отделение разведчиков под командой Афанасия Тихоновича Пуца. Разведка участвовала во всех операциях отряда. Сжигали мосты, ломали и

выводили из строя водокачку и стрелочные переводы на станции Дормидонтовка, выводили из строя линию связи. Почти каждую ночь обстреливали проходившие воинские эшелоны врагов.

После возвращения из-за Амура в 1920 году болел и лежал в лазарете в Хабаровске, откуда был уволен в запас. А потом крестьянствовал, работал в колхозе «Друг бедноты» в Дормидонтовке, затем снова потянуло к рабочему классу, на железной дороге был кузнецом (станция Вяземская).

Рассказ младшего брата

Антон Степановича КОРНАТОВСКОГО

Приехали мы в Дормидонтовку в 1908 году. Денег нет. Семья большая. Дальше ехать не можем — и так наголодались.

Пошел отец в волостное правление.

— Из бунтовщиков? Да еще лях! Нет, ляхов нам не надо, — заявил не очень грамотный старшина, просмотрев отповские документы.

— С Украины приехал, какой я лях, — возразил отец, — Пристать мне к месту надо, вон смотри, семьяца какая!

Под окнами расположились мы. К нам уже подошли крестьяне, расспрашивают, и старший брат Адам показывает кузнечные инструменты и мех. Нужен был в деревне кузнец, очень нужен, давно искали, а тут сам приехал. Долго рядили в волостном правлении (отец действительно на родине участвовал в крестьянских волнениях) и наконец решили: приписать к обществу кузнеца Степана Мартыновича Корнатовского. Дали нам на краю деревни, на увале, участок земли для огорода и для построек.

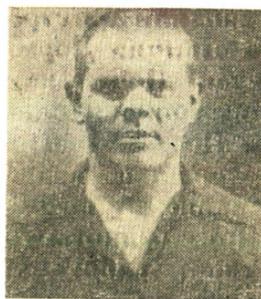
Жили сначала в клуне у Харитона Ткача, потом построили кузню и дом. Отец, Адам и Эдуард работали в кузне, а мать и ребятишки занимались огородом. Жилось трудно. Снаряже-

ЭДУАРД

РОМАН

АНТОН

ние у нас небогатое, крестьяне в округе тоже голытьба. Шли с мелкими заказами — ремонт плугов, телег. На это не прокормишься. А тут мать умерла от родов. Осталось нас у отца семеро. Жить как-то надо. Дали нам тогда под заимку участок.

Шли годы, но земля не кормила, и с кузни проку мало. Но когда отец работал в кузне, к нему сходились мужики: разговоры, беседы, про политику судят, про жизнь. Отец любил кузню, душу там отводил — и за работой, да и в беседах с умными мужиками. Крестьяне его уважали. Избрали на сходе старостой. Да недолго он побыл им. Построили в деревне церковь, и нужно было на ней устанавливать кресты. Но прежде требовалось их «освятить». Пошли к священнику (был такой Патрикий Яськов). Он запросил с общества двадцать пять рублей. Дорого, большие для наших крестьян деньги. Отец сказал:

— Поставим неосвященные! Приедет благочинный и пусть святит.

Мужики согласились. Но для отца это кончилось тем, что его выгнали из старост и посадили на две недели в каталажку. Отец вернулся домой и выбросил иконы.

Семья выросла. Старший брат Адам женился и уехал во Владивосток на заработки. Подрос Петр, уехал к нему. Работали кузнецами в вагоноремонтных мастерских. Эдуард и Роман пока оставались с нами. Потом их забрали в армию.

Трудно было отцу с оставшимися малышами. Земля на сопке все еще оставалась неразработанной. Лето трудились дома по хозяйству да в кузнице. От нас помощи было еще мало. Зимой отец уходил на лесозаготовки.

Пошел 17-й. Революция. Отец воспрянул духом. Был у него друг Ермолай Чернышук. А я дружил с его сыном Гришей. Вот отцы нам и сказали, чтобы мы в школе отказались от закона божьего. Нам только дай. Мы встали и заявили:

— Закон божий учить не будем! От батюшки Патрикия отказываемся!

А жена Патрикия — «матушка» — учительствовала. Они нас выгнали, но начался такой скандал в деревне, что нас пустили в школу. Устанавливалась уже Советская власть, и церковь от школы была отделена.

В 1918 году вся семья собралась дома. Вернулись из армии Эдуард и Роман. Старший, Адам, и Петр приехали из Владивостока. Мы с сестрой Марией уже подросли. Теперь, думал отец, и кочарник и мохарник не страшен, раскорчем сопку. Весело загудела кузня.

Но вот Петр ушел на Уссурийский фронт. Потом пришли калмыковщина и интервенция.

Что творилось в селе! Общество резко размежевалось на два лагеря. Богачами руководили меньшевик Каракаш (учитель), впоследствии расстрелянный по суду за предательство партизан и сотрудничество с Калмыковым, Яков Слободюк — мельник и торговец, поп Яськов. Против них резко выступали мои братья и отец, Постоюки, Скибюки, Шульга и другие бедняки и те, кто хватили лиха на фронте. Борьба шла жестокая, вплоть до кулачных боев на сходах и даже на вечерках. Встречались на улице — и опять доходило до драки.

Брат Роман, Григорий Скибюк, Изот Закасовский и Артем Постоюк написали от руки листовки и стали их передавать из дома в дом. Мосты стали жечь на железной дороге.

Калмыков направил тогда к нам карательную экспедицию. Это было в июле 1919 года. Отец об опасности узнал заранее. Меня отправили по ягоды и сказали, чтобы до вечера не появлял-

ся. Адам с Эдуардом на сенокос ушли, Роман и Петр — на ремонт железной дороги. Отец уехал в Капитоновку. В селе весь день были на чеку, присматривались: если что — скрыться в лес.

Я встретил Ваню Скибюка, и мы с ним ходили вслед за женщинами по тайге и, не торопясь, рвали голубицу. Женщины давно ушли, а мы добрали ведра и в обед вышли на капитоновскую дорогу. От села слышались два выстрела. Из-за поворота, от нашего села, галопом скакали на нас казаки. Прятаться поздно, и мы стояли на обочине.

Около нас остановился офицер и крикнул:

— Откуда?

— Из-за речки, ягоды собирали.

— Откуда, спрашиваю? Из какой деревни?

— Из Дормидонтовки.

— Фамилии?

Ваня назвал свою, а я — какая на ум пришла.

Другой офицер вынул книжечку, посмотрел в ней и сказал полковнику:

— Нету таких... — а нам крикнул: — Марш с дороги!

Сотня двинулась, но уже медленно. Казаки кричали нам:

— Давай, хохол, голубицу!

Мы бегали между лошадей и подавали им ягоды, пока не опустели ведра.

В этот наезд казаки, вычитывая из книжечки фамилии, убили в нашем селе Антона Лукича Михайченко, по сто плеток дали на глазах у всего общества Дмитрию Пугачу, Артему Постоюку. В Капитоновке расстреляли Павла Трофимовича Вашерука, а в селе Пашенном — Назара Ивановича Циесь. Избили до смерти старика Василия Осадчего и расстреляли двух его сыновей — Леонида и Григория.

И когда в Новой Мурафе объявился партизанский отряд, все пошли в него. Из нашего села ушли Анисим Постоюк, Яков Шульга, Артем Постоюк, Василий Колоцюк, Исидор Бурдюк, Григорий Кириленко, мои братья — Эдуард, Роман и Петро, кроме Адама.

РАБОЧАЯ СЕМЬЯ

Они жили в служебном помещении водокачки на станции Дормидонтовка. Степан Михайлович Рыберт работал машинистом на водокачке и одновременно слесарем-вагонником. Молодая жена его Александра Львовна, хотя из казачек (села Донского на Уссури), но занималась не только огородом, домашним хозяйством, а, если надо, помогала ему. Это были партизанские разведчики.

По почам их посещали посыльные из Новой Мурафы, а если срочное дело, они мчались туда сами. Все, что происходило на железной дороге, быстро становилось известным в партизанском штабе.

Однажды Рыберт отцепил от состава вагон — загорелась букса. Дело нехитрое, но в вагоне тысяча пудов рыбы, о чем следовало дать знать штабу. Рыберт усердно работал, а жена его тем временем пошла в деревню к Якову Шульге — местному партизану. Застала в доме у Якова и других — Григория Скибюка, Артема Постоюка. Они срочно донесли в штаб нужные сведения и собрали подводы. Ночью партизаны прибыли на станцию, вагон быстро разгрузили, бочки с рыбой увезли в тайгу.

Рыберт снабжал партизан инструментом для ночных диверсий на линии, и часто на эти операции уходили сам он и его жена.

Пока все удавалось. Но вот как-то ночью на станции произошел случай. Белые задержали паровоз из Никольск—Уссурийского. Вытолкали машиниста, помощника и кочевара, поставили в ряд в свете прожектора, и офицер из пагана, не говоря ни слова, их застрелил. Утром рабочие схоронили казнен-

---

К нам в дом часто приходили партизаны, ночевали, оставались по кузнечным делам и для ремонта оружия. Дом стоял на краю. Придут, а меня посылают на разведку. У нас была волостная управа, и белогвардейские чины с охраной заглядывали в село часто.

Карательные экспедиции тоже не миновали нашу деревню: казаки, японцы.

Часто бывали перестрелки: то отряд выйдет из тайги и поставит посты на краю села, то свои сельские партизаны доставят винтовки из тайников и подстергают врагов. И когда из села постреливают, японцы или калмыковцы только сунутся от железной дороги к селу — и назад. Боятся.

Трагедия в нашей семье произошла 8 февраля 1920 года. Ночью в село прибыл отряд японцев до ста человек. Старосте вручили список. В нем числилось сорок дворов «бурсуков».

А. Л. РЫБЕРТ

— Меня полковник Меньшов вызывал!

Полковник, сумрачный, с черной бородой, сидел за столом. Рядом охрана. Арестованные стояли в углу. Полковник вскинул глаза:

— А эта красотка откуда?

— Я, ваше благородие, казачка!

ных недалеко от станции. Потом приехали жены убитых...

Страх за счастье, за любовь, за мужа осел глубоко в душе, но Александра Львовна не показывала вида, стала только осторожнее.

Когда солдаты местного гарнизона перешли к партизанам, на станцию прибыли каратели во главе с полковником Меньшовым. Они оцепили здание вокзала и согнали туда всех, кого захватили — рабочих, пассажиров. Взяли и Рыберта.

Александра Львовна действовала решительно. Не колеблясь, она пошла на станцию. Солдаты преградили ей путь.

— Нечего там женщинам делать.

В эту же ночь партизаны перевозили оружие, отобранное у кукелевских казаков. Часа в три ночи к нам заехали партизаны и попросили отца запрячь лошадь и везти оружие дальше, в Капитоновку. Подъехал еще сосед Ефим Баранов. Мы с отцом быстро управились с лошадью, переложили оружие в свои сани. Баранов тоже. Те подводы были казачьи, их отпустили домой, а я и Баранов повезли оружие с партизанами дальше. Отец, Эдуард и его жена Станислава остались дома.

Мы только со двора (это уже потом мы узнали), а японцы к нам в дом. Выбили прикладами стекла, выломали дверь. Стали сбрасывать с кровати и с нар солому на пол. Из печной дверцы высыпали угли — и все загорелось. Японцы выскочили, а наши остались. Эдуард стал напирать на солдата, стоявшего за дверью. Тот позвал остальных, а те обрезали супони с хомутов, связали всем нашим руки и вывели на улицу. Эдуарду в спешке связали слабо, и он незаметно освободился. Один солдат стоял на охране, а другие пошли поджигать кузню.

Эдуард крикнул отцу: «Бегите!» — и бросился на японца, стал вырывать у него винтовку, а тот кричал и не выпускал

Меньшов уважал казачество, сказал:

— О! Я вас слушаю.

— Мужика моего заперли, а котел вот-вот взорвет! Пусть идет воду качать.

Полковник быстро всгал, шагнул от стола и остановился напротив Рыберта.

— Смелая у тебя жена, машинист! Боевая казачка!

Их отпустили.

Потом поступил приказ партизанского штаба — вывести из строя водокачку. Только не ломать. На помощь пришло несколько партизан. Рыберт разобрал машину, а партизаны унесли ее по частям в лес. Помогала и Александра Львовна. Торопились и в спешке уронили ей на ногу тяжелую деталь. Перелом. Так на всю жизнь и осталась хромота.

В начале 1920 года пошли на Хабаровск красные эшелоны. И тогда привезли из тайги машину, смонтировали, разморозили трубы. Рыберт снова качал воду для паровозов.

После гражданской войны Степан Михайлович много лет проработал машинистом на станции Вяземская. Александра Львовна и по сей день активная общественница.

ее из рук. Прибежали двое других. Отец и Станислава, связанные, только отшатнулись в сторону — куда тут убежишь, а Эдуард бросился в сторону Капитоновки. За ним — каратели. У моста он остановился, и японцы тоже. Отдышавшись, Эдуард крикнул:

— Партизаны! Вперед! — и пошел на японцев. И те отступили, побежали в деревню, подняли шум: партизаны идут. Горнист сыграл сбор, каратели быстро собрались и скрылись, уехали на станцию. До тревоги они успели сжечь несколько домов. Сгорели вместе с хозяйством Харитон Иванович Кириленко и Семен Петрович Бараник.

Эдуард, раненный в грудь, добежал к партизанам в Капитоновку, но когда они прибыли в наше село, там уже все было кончено.

Отец и Станислава были мертвы. У отца проткнута штыком горло и пробита пулей грудь. Станислава прострелена шестью пулями, а она была беременна, ходила уже последнее время. Эдуард тоже вскоре умер от ран и сильной простуды.

В 1921 году, когда на Хабаровск наступали молчановцы,

в наших местах вновь был создан партизанский отряд из сорока человек. Командовал Шишкин. И база сначала снова находилась в Новой Мурафе, но через некоторое время отряд было решено распустить, только Шишкин и часть бойцов ушли в тайгу, к Хабаровску.

В отряде Буссея меня использовали только как возчика и связного, а в отряде Шишкина я уже был равноправным бойцом, хотя мне было шестнадцать лет.

«МОРСКОЙ» ОТРЯД

Константин Варламович ЗАГОРОДНИКОВ

В ТРУДНОЕ ВРЕМЯ

Я помню, когда в нашей деревне Нижнеспаской скрывался от белогвардейцев товарищ Мизин. Он еще в 1918 году подготовлял местную молодежь для вступления в партизанское движение. Из нашего села за ним пошли семь человек. Мы приготовили каждый себе по одной трехлинейной винтовке и дожидали команды выступить против белобандитов в организованном порядке.

Меня в декабре один предатель выдал японцам. Когда взяли в плен, в первую очередь потребовали сдать винтовку и задали вопрос: «Где ваши?» На все их требования я говорил, что я не красный и не знаю их, а винтовки у меня нет. Тогда японцы применили телесные пытки: вытаскивали в сорокаградусный мороз на улицу и избивали, потом снова затаскивали в помещение, и переводчик говорил: «Сдашь винтовку, выдашь остальных, и ничего не будет, мы тебя отпустим». Я твердил свое — ничего и никакой организации не знаю. Тогда офицер через переводчика объявил, что я буду расстрелян в 10 часов вечера. Меня тотчас под конвоем отправили на станцию Волочаевка.

За мной следили товарищи, чтобы дать мне помощь. При слабом карауле японцев, в 7 часов вечера я бежал, и, когда выскочил из казармы, мне была подана лошадь. Я сел и скрылся на китайской тер-

Константин Варламович ЗАГОРОДНИКОВ

ритории, где уже были остальные, в том числе Мизин.

Потом мы оказались в разных отрядах. Но поднял нас на борьбу, ободрил в трудное время большевик Григорий Мизин.

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 234, л. 101—104)

В. П. ПЕТРОВ

КРАСНОФЛОТЦЫ

Наш партизанский отряд организовался в августе 1919 года в большинстве из краснофлотцев. В село Синду вошли в составе двадцати двух человек под командованием Мизина.

Первое время обстреливали курсирующие пароходы и катера белых и интервентов. Однажды обстреляли большой пароход, который буксировал баржу. Мы отбили ее, и нам достался груз — 22 тысячи пудов муки. Тогда враг послал карательную экспедицию.

В истории партизанского движения такой отряд — редчайший случай. Амур с его многочисленными протоками, островами в них, подсказал отважным морякам-красногвардейцам и местным рыбакам смелую мысль о партизанском речном отряде. Командир и комиссар его погибли. Первый предателем убит анархистами. Другой — белоказаками. Некоторые сведения из истории отряда и о его руководителях удалось собрать.

Григорий Семенович Мизин — командир отряда — до революции служил матросом в Амурской военной флотилии. Коммунист (1918). С установленным властью Советов рабочим и крестьянскими депутатам в Благовещенске он некоторое время был председателем комитета Амурского водного транспорта, членом комиссии по национализации речного флота и объединения его в «Националь-флот», участвовал в организации Красной гвардии, затем — комиссар речной флотилии на Уссурийском фронте. В сентябре 1918 года — член военрештаба в Благовещенске, занимался эвакуацией, а после с группой матросов-красногвардейцев скрывался в селах по Амуру, вел агитацию за развитие партизанского движения. Был связан с хабаровским большевиком М. Е. Попко и с революционным подпольем в городе. Летом 1919 года партизанский штаб Бойко-Павлова вызвал его, договорились, что будет создана партизанская флотилия. Командиром назначался он, Мизин. Отряд действовал в районе сел Воронежское — Синда — Малмыж. После занятия Николаевска был начальником городской милиции. Во время выступления там японских интервентов (12—15 марта 1920 года) — один из руководителей отпора. Погиб от рук предателей в мае.

За «Морским» отрядом есть славные боевые дела. Развернулся он при поддержке местных жителей. Среди них особенно большим авторитетом пользовался Иван Иванович Шерый, которого и партизаны, и крестьяне называли с полным правом комиссаром. Он был из крестьян-переселенцев, жил в Синде. Грамотный, развитый. С фронта первой мировой войны вернулся большевистски настроенный.

Об отряде рассказывают бойцы-партизаны. Несколько воспоминаний взято из старых архивов Дальистпарта.

Из Хабаровска пришла японская флотилия, а снизу — отряд белых во главе с Токаревым. Токаревы сожгли Синду и схватили одного партизана, казнили его. Наш отряд сохранился. Когда отряд белых ушел, мы продолжали действовать. Несмотря на большие охраняемые силы японских интервентов, мы причиняли врагу немалые затруднения.

НАШИ ВОЖАКИ

Партизанский отряд Григория Мизина, получивший название «Морской», действовал на Амуре от Хабаровска до села Малмыж.

Река Амур — огромная водная артерия, единственный путь к северным районам, к золоту, пушнине, рыбе. По Амуру везли тогда награбленное русские и иностранные «промышленники». Кроме того, в низовьях, у Николаевска, и в самом городе располагались военная крепость, гарнизон и большие склады белогвардейского военного ведомства, а поэтому Амур охранялся японскими канонерками и колчаковскими военными частями, курсировали карательные отряды, которые двигались на пароходах и катерах.

Партизаны ставили своей целью нарушить движение врага по Амуру, помешать интервентам и белогвардейцам перебрасывать живую силу и военные грузы, помешать империалистам грабить богатства русского Севера. Действия речных партизан, таким образом, во многом похожи на действия тех отрядов, которые располагались вокруг железнодорожной магистрали.

Наше село Синда стало базовым для «Морского» отряда. Многочисленные протоки, вокруг тайга, озера. Это позволяло лодочной партизанской флотилии скрытно передвигаться, вдруг появляться в неожиданных местах, нападать на вражеские пароходы и катера, разрушать створы, фонари и исчезать в зарослях тальника так, что невозможно было найти никаких следов.

Крестьяне Синды занимались тогда заготовкой и вывозкой дров. Лес был еще совсем близко. На лошади за день можно было съездить семь-восемь раз, то

Иван Иванович ЦЕНЦЕВИЦКИЙ

есть вывезти до восьми возов. Сначала сами крестьяне пилили и вывозили дрова на берег. Приезжал подрядчик, принимал у каждого и расплачивался. Потом подрядчики стали нанимать рабочих. В артели шли и местные крестьяне и пришлые рабочие, которые жили в землянках и зимовьях. Их тут было постоянно до пятидесяти—семидесяти человек. Лошади — крестьянские. Многие из нас тем и кормились, что работали на вывозке дров. За зиму, бывало, столько вывезут на берег, что пройти негде. Потом все лето пароходы и баржи эти дрова вывозили. Дрова шли в Хабаровск, часть — на пароходы, вместо угля.

В селе богатых не было. У каждого дома огород — у кого побольше, у кого поменьше. Сажали овощи. Хлеб не сеяли. Жили трудно. Дома и то не все успели построить. У нас, например, так и осталась небольшая избушка, какую построили, как приехали. У других поднялись неплохие дома, но это у тех, где было много мужиков в семье. Жили бедно, зато дружно.

Заметной семьей были Шерые. Иван и Степан вернулись с фронтов империалистической войны революционно настроенные, рассказывали о событиях

Григорий Семенович МИЗИН

в Питере и все агитировали, что лучшую жизнь может дать только Советская власть. Во время гражданской войны они оба проявили себя очень ярко, стали борцами в борьбе за власть Советов. К сожалению, оба погибли.

Особенно мне запомнились две встречи со Степаном Шерым еще в 1918 году. Я работал матросом на переселенческом катере «Сатурн». Когда пал Уссурийский фронт и советские войска эвакуировались из Хабаровска, мы встретились с ним на Амуре. Наш катер подошел к пароходу «Нижний Новгород», на нем была рота красноармейцев, которой командовал Степан. Он спрыгнул к нам на катер, мы поговорили о родных местах. «Нижний Новгород» отправлялся в Зею, Степан передавал со мной приветы знакомым девочкам и ребятам в Синде, если я окажусь дома раньше его. Но я задержался. Хабаровск заняли враги, и мы направились в Николаевск-на-Амуре. Там в порту наш катер забрали японцы, а нас, команду, высадили на берег. Разными путями мы стали возвра-

Иван Иванович ШЕРЫЙ (1887—1919)

щаться в Хабаровск. Я прибыл на почтовом пароходе.

И вот брожу по нижнему рынку, ожидаю случая уехать в Синду. Вдруг встречаю Степана. Не сразу его даже узнал: в шляпе, изысканно одет. Он торопился.

— Поехали, после расскажешь. Эй, извозчик! — крикнул он и повез меня к своим знакомым. Там мы ночевали, а вторую ночь — уже на пароходе, в ожидании, когда он отправится. Пароход был заднеколесный, двухпалубный, мелкосидящий. Ходил только по протокам. Во время ветра идти на нем уже было нельзя: сильно парусил. Вот и ждали, что называется, погоды.

Наконец тронулись. По пути Степан рассказал, что многие советские работники Хабаровска и командиры Красной гвардии схвачены. Надо быть осторожным. Он уже наладил связи. Нам, молодежи, надо сбиваться в группы, он скажет, когда будет время выступить.

В Синде я оставался до прихода Мизина с отрядом, а Степан зимой уехал в Хабаровск. По подполью у него была фамилия Мохов. Погиб он в 1921 году, выполняя поручение подпольной организации.

Степан Шерый дружил с Порфирием Луненко. Его мы все тоже хорошо знали. Порфирий был парень верткий, смелый. Среднего роста, темноволосый. Уважительный к народу. Не пройдет по деревне, чтобы с кем-то не поздороваться. Был он, как оказалось, один из главных подпольщиков в Хабаровске. Летом 1919-го оба они появились у нас в деревне. Особенно не показывались, но мы знали, что прибыли с группой. Ночевали у Ивана Шерого. Потом ушли на лодках в Троицкое. Какой-то земец в газете «Приамурье» сообщал, что 15 июля отряд красных в восемнадцать человек приехал на лодках, взяли они в волостном правлении бланки паспортов, деньги оставили, сказав, что народное они не берут. Забрали в лесничестве оружие, на почте — казенные деньги, в чем выдали расписку.

Вскоре к нам пришли лодки Мизина. Партизаны прибыли с ведома подпольного комитета, которым руководил Луненко. Ночью в доме у старосты Вошковца провели собрание. Мизин объяснил задачи партизанской борьбы с белогвардейцами и интервентами. Выступил Иван Шерый. Он сказал, что да, пора и нам вступать в отряд, пришло время, когда надо выступать везде.

Иван Иванович Шерый имел в деревне вес. Он был грамотный, рассудительный, не молодой уже, семейный. Было ему тридцать два года. Высокого роста, темнорусый. Носил бородку. Одежда аккуратная. В сапогах. Городского вида человек. С ним считались все.

После собрания в отряд вступили многие, а потом, постепенно, почти все мужчины — двадцать девять

человек. Братья Вошковцы, Кашинские, Богдановские, Ценцевицкие, Малаев, Петровский, Куба, Курбатов и другие.

Оружия не хватало. Иван Шерый предложил план нападения на волостную милицию. Его поддержал Мизин. В это время Иван Шерый уже считался у нас в отряде комиссаром. Он был связан с подпольным комитетом Хабаровска через брата Степана и непосредственно с Порфирием Луненко.

Нападение на милицию прошло удачно. Часть оружия получили из города — Луненко прислал. Вооружились. Чтобы не было придинок к крестьянам со стороны белых властей, Мизин настоял уйти в тайгу. Ночи проводили у костров в глухих протоках, на островах, в труднодоступных местах.

К командиру Григорию Мизину у нас в отряде относились с должным уважением. Знали, что он большевик и флотский матрос. На вид он худощавый, выше среднего роста, крепкий. Любил морскую форму, никогда ей не изменял. Только носил сапоги. Много не говорил, а дело знал, особенно следил, чтобы оружие хорошо содержалось, чтобы всегда был запас боеприпасов. Лодочный флот имел всегда отменный порядок. На каждой лодке старший — рулевой, вся команда ему подчинялась. Перебегать с одной лодки на другую не разрешалось. Дисциплина строгая. И когда выходили на боевое задание, это сказывалось: команды лодок действовали четко.

В районе своего действия мы уничтожали береговые створы, фонари и все другие путевые знаки, указывающие фарватер. Белогвардейцы восстанавливали навигационные знаки, но мы их снова убирали. Нормальное движение по Амуру нарушилось. Ночью вражеские военные катера, пароходы и канонерки вообще проходить не могли.

Бывали стычки. Однажды от нас буквально убе-

жал пароход «Владивосток», прибывший для восстановления речных знаков. Но если это были боевые катера и пароходы, они сразу же начинали преследовать нас. На них были пушки и пулеметы. Тогда единственное спасение — берег, заросли тальника. Мизин подавал команду, и наш флот резко поворачивал к берегу, на мелкие места. Бывало, и дальше преследовали — на шлюпках. Тогда приходилось лодки перетаскивать волоком и нырять в другие протоки. Уходили мы всегда без потерь.

У всех нас появились новые фамилии. Это нам даже нравилось. Но происходило это не из пустой романтики, а по необходимости — для конспирации, чтобы не узнали каратели, кто ушел в партизанский отряд, и не мстили семьям. Меня звали Яшкой Медведевым. Даже сейчас старые знакомые спорят: «Какой же он Иван, когда Яков!»

В самом начале все было в новинку. Мы привыкли к новым именам, к новой жизни. Название «партизан» тоже было приятным.

Раз стояли мы на Дубсовом мысу в Синдинском озере.

Расположились свободно, жгли костры, варили еду, отдыхали. Ночью Мизин послал в Синду разведку. Отправился молодой партизан Томский (тоже, наверное, вымышленная фамилия, он был не из местных) и с ним пожилой матрос. Ушли на лодке, к утру должны были вернуться.

Мы переночевали, снова костры разожгли, ведра подвесили — варим завтрак. А разведчиков все нет. Мизин говорит:

— Надо нам, ребята, отсюда убраться.

Все посмотрели на него: в чем дело, не струсил ли командир. Кругом тайга, кто тут нас найдет? Мизин, не обращая внимания на недовольных, распорядился:

— Снимай ведра с костров! Садись в лодки!

Пошли, хотя и ворчали, что не поели на месте. А что получилось? Дубовый мыс как на ладони. Смотрим, выскакивают на берег солдаты и казаки, да много! Вот было бы дело! Ясно, что врагов кто-то пригнал. Но только не наши разведчики. Через некоторое время явился Томский и рассказал следующее.

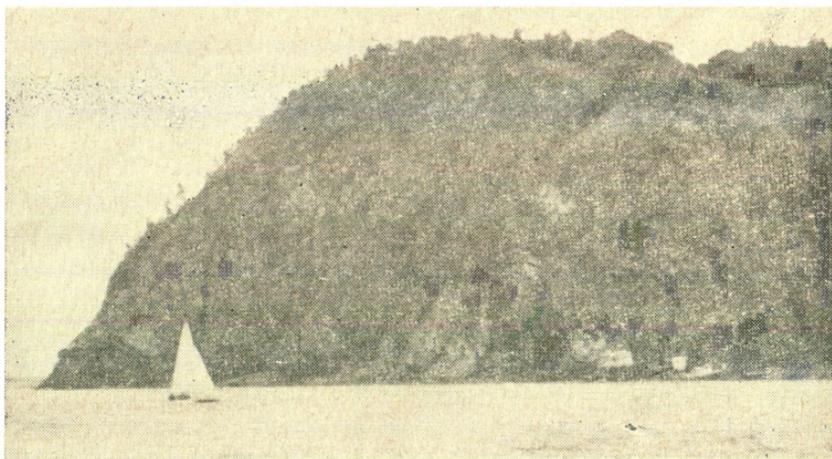
На протоке повыше Синды стоял белогвардейский пароход. Огни погашены. Тихо. С парохода, конечно, услышали приближение лодки наших разведчиков по всплескам весел. Как только лодка приблизилась, вспыхнул прожектор, раздалась команда:

— Огонь!

Томский повернул лодку к берегу, но из луча прожектора уйти не мог. Выстрелы. Матроса ранило в ногу. Томский бросился в воду, подтянул лодку к берегу. Там низкий луг, мелкий кустарник, кочка. Он помог товарищу вылезти из лодки, бросился в кустарник. От парохода уже шла шлюпка с группой солдат...

В каждом селе находились товарищи, которые вступали в наш отряд. Особенно много присоединилось в Троицком и Славянке. Росло и количество лодок. Образовалась целая флотилия. Мы стали ходить по протокам не все сразу, а группами: одни появлялись в одном месте, другие — в противоположном направлении. Создавалось впечатление, что нас очень много. Питались сначала только за счет крестьян. Особенно сытые не бывали, тем более, что чаще ночевали в тайге. Потом решили отбить баржу у белых или интервентов и вскоре провели эту операцию.

Мизин получил сообщение из Хабаровска, что пароход «Джон Коккериль» выйдет на днях с баржей вниз по Амуру. На барже отправляется большой запас муки для золотопромышленных компаний, кото-

Малмыжский утес

рые намерены нанять рабочие артели и расширять дело.

— Надо выбрать место, — сказал Мизин.

Иван Шерый предложил Малмыжский утес. Согласились. Отправили туда два взвода. Одним командовал Иван Шерый, другим Иван Лавров. Перед приходом парохода группа Ивана Шерого расположилась внизу за камнями, группа Лаврова наверху. Семь человек с Михайловым (они все вооружились только наганами) вышли на берег и смешались с населением. Никто из местных жителей не подозревал, что партизаны задумали напасть на пароход.

Вот пароход дал гудок и развернулся. Брошен якорь. Матросы на лодке вывозят конец. Капитан, видно, что-то заметил на берегу, стал кричать матросам в лодке, а через минуту на второй палубе резко раскрылась дверь и застрочил пулемет. Стреляли японцы. Пули их летели в скалу.

Партизаны открыли ответный огонь, и пулемет заглох. Народ на берегу бросился наутек, а перестрелка продолжалась.

Пароход дернул раз-другой, но его держала баржа. Капитан послал обрубить канат. Освобожденный пароход дернул с разгона, оборвал якорь. Он быстро удалился. А баржа медленно поплыла по течению.

Партизаны крикнули баржевому:

— Бросай якорь, а то стрелять будем.

Якорь загремел, и баржу мы подтянули к берегу. Потом мы ее долго, хотя и торопились, разгружали. Возили муку всю ночь на лодках в залив за Малмыжем. Пять или шесть раз обернулись. Мешки складывали в штабель, потом закрыли брезентом, который взяли тоже с баржи. Часть муки раздали населению. Многие крестьяне увозили ее подальше, на острова, закапывали в песок.

Этой муки нам хватило надолго. Кормились до зимы и зимой. Когда пошли отряды вниз по Амуру, их тоже снабдили этой мукой.

После боя часть партизан ушла на лодках вверх по Амуру. Осталось нас человек пятьдесят. Командовал Михайлов. Потом на базе, где сложили муку (Журбатова заимка), оставили часовых — караул и тоже двинулись вверх.

Вышло лодок восемь. Было холодно по-осеннему. Шел дождь. Измокшие и замерзшие, мы прибыли по протоке в Иннокентьевку. Добирались долго, и когда вышли на берег, рады были теплу в домах, как раю. Кормили нас жители, чем нашлось. Каждому хотелось отдохнуть, и после быстрого ужина, кто ушел в баню, кто завалился спать. Казалось, что в такую погоду мы в совершенной безопасности. Командир даже охрану не поставил. Ребята из того дома, что и я, пошли к друзьям. Остались Александр Кашин-

ский и я. Кашинский разобрал винтовку, собираясь ее чистить. Я вышел на улицу.

Иннокентьевка расположена по-портовому. Сразу от берега идут амбары, сараи, а дома уже вторым рядом. Так что не сразу увидишь, что там, на берегу, творится. Вижу, бежит женщина и плачет.

— В чем дело? — спрашиваю.

— Пароход идет! А за ним японцы. Канонерка! Я назад в дом.

— Белые причаливают! — кричу Кашинскому. Он засуетился: винтовка-то разобрана!

— Собирай все части в пиджак!

Схватил я в углу остальные винтовки в охапку, и мы побежали через огород. Беляки уже строчат из пулемета, но берег высокий, пули нас не достают. Лес рядом, сразу же за огородами. Мы скрылись. Слышим, ударили из пушки. Прибегают еще несколько партизан. Двое даже голых, прямо из бани. Винтовки мы все прихватили, а шинели многие пооставляли.

Надвигалась ночь. Кое-как заночевали, утром стали искать остальных. Собралась группа, но не все. Белые из деревни не уходят, видимо, ждут, что холод и голод вернут нас, и все мы попадемся как кур во щи. Не долго думая, мы решили идти вокруг Иннокентьевского озера. Обойти по телеграфной линии и попасть в Славянку. Пошли. Где река или протока — делали плоты. По просеке было заготовлено много столбов, мы стаскивали их, связывали поясными ремнями и переправлялись. Местами рубили жердй. Был у нас один тесак на всех. Трудно пришлось с теми, кто не умел плавать. Глядишь, маленькая речушка, а плотик надо делать.

Шли четверо суток. Голодные. Под конец — без спичек, а значит, без костра. Шли марьями. Такая тишина вокруг, что даже в ушах звенит. Когда подхо-

дили к Ченкам, на взгорке в лесу нашли виноград. Поели. На берегу увидели землянку. Жили в ней рыбаки, старики нанайцы. Они быстро замесили тесто, сварили галушки, дали по куску юколы. Предупредили:

— Много не ешьте, с голодухи плохо будет.

Через день к нам пришла лодка. Прибыли из Славянки член ревштаба Михаил Попко и Иван Шерый. Ревштаб собирал все группы Мизина, чтобы поставить новые задачи.

Иван Шерый, выслушав рассказ о нашей группе, сказал, что поедет в разведку, выяснит, где товарищи, что в Иннокентьевке. Он уехал, и больше мы его не увидели.

Белогвардейцы схватили его в Иннокентьевке ночью, как только он вышел на берег. Привязали к мачте парохода и целый месяц возили от села к селу. Делали очные ставки, истязали, допрашивали. Иван Шерый не назвал ни одной партизанской семьи, ни одного села, где бывают партизаны. Казнили его в селе Вознесенском. Он был настолько изранен и избит, что не мог двигаться. Вытаскивали его за руки. Стоять он тоже не мог, так его прислонили к поленице дров, он ухватился за поленья, и стоял, а казаки стреляли в него, как в мишень. Всего изрешетили и не разрешили хоронить. Население возмутилось, пришел даже поп, стыдил казаков, ругался и ходил на пароход увещевать командование. После того пароход ушел, а народ захоронил тело павшего героя.

Белые не давали нам покоя после боя в Малмыже, когда мы отбили баржу. Рыскали везде и все время с японцами, часто в сопровождении канонерок. Высаживались в каждой деревне. Разгромить нас им не удалось, отряд рассыпался на мелкие группы. Потом, когда мы вернулись в Синду, то увидели на месте села одни догорающие головешки. Только наша из-

бушка, что еще отец строил, да несколько землянок оказались целые. Жгли дома в первую очередь новые, а наши завалюхи остались незамеченными.

Вскоре по Амуру пошла шуга. Каратели больше не появлялись. Нам тоже пора было бросать лодки и настраивать лыжи. Зимой наш отряд двинулся вниз по Амуру.

Петр Антонович ЛЕБЕДЕВ

СЛУЧАЙ НА ОЗЕРЕ КАТАР

Озеро Катар мне хорошо известно. Работал я там с весны 1919 года на заезке. Подрядчики — богатая знать, главари кадетского учебного корпуса полковники Гроссевич и Жуковский. Ездили они на «ласточках». Хозяйство у них было добротное: засольный сарай, погреба, палатки. Рыбы брали много — солили в бочки и свежую возили кунгасами в город. С мая забили заезки на обеих протоках — одна метров шестьдесят, вторая узенькая. Черпали рыбу, сколько хотели.

Приехал вечером Гроссевич. Поставил меня сторожем на меньшем заезке. Дал винтовку и пять патронов. Построил я балаган, сторожу. Поймал верхогляда. Сварил в ведре и поставил на холодное. Гольдячья собака подкралась — чашка с ведра полетела. Не вижу собаку, только слышу: лакает уху. Крикнул — урчит, совсем как медведь. Я и думал — медведь. Выстрелил, ранил немного. Собака ушла и воет около другого заезка. Я залез в полог и сплю. Утром опять приехал Гроссевич. Ночевал он на главном заезке. Там с ними солдаты — двенадцать человек.

— В кого стрелял?

Сказал, он успокоился.

Петр Антонович ЛЕБЕДЕВ

Зацепили мы баркас и отправились в Хабаровск. Там Гроссевич нас рассчитал и приказал явиться на призыв, в солдаты.

Пришел я в свою Смирновку. Брали нас по повестке, восемь человек, но никто пока не явился к воинскому начальнику, а ушли на луга сено косить и меня ждать. Отец мой был старостой, вот парни и думали: если Петька пойдет, тогда посмотрим. Прихожу на луга. Все тут, в сборе. Решили: может, отсидимся? Но вслед за мной прислали из деревни старика. Мир просит: идите в армию, а то сожгут село.

Мы сказали, что пойдем. Устроили провожание.

Бродим по селу. Вечер, темно. Кто-то шлепает по грязи из чужой деревни. Оказалось, матвеевские, тоже призывники. Договорились и с ними, что явимся, припишемся, чтобы не тревожили наши семьи, а там удерем.

Утром уехали на подводах в город, к воинскому начальнику.

Врачи при погонах. Кресты, медали на груди. Осмотрели только Никиту Зубарева и Леона Архангелова — они не проходили службу в царской армии. Привели в казарму. Двор. Ворота. Как удрать? Я обманул дежурного поручика.

— Отпустите за ворота. Свои, деревенские, приехали.

Вышли — и на нижний базар у Амура. Время осеннее, базар людный. На прилавках овощи, лодки с рыбой, матвеевские крестьяне сено продают.

— Что, смиРНовцы, отслужили уже?

— Домой надо ехать, — говорим.

— Ну, подвезем!

Приехали в Матвеевку, сидим в кустах. Вышел Сергей Глушаков, потом жена его вынесла нам яичницу с салом.

— Идите на руденковские заимки, — сказал Глушаков. — Там уже собирается подходящий народ.

Пришли на заимки (теперь это место Баски называется). Сидят двое на нарах — оборванные, закопченные. Терехов из Благовещенска и Краснов — красногвардеец из Красноярска.

— Где командира найти? — спрашиваем. Они переглядываются, улыбаются.

Их всего-то оказалось шестеро, да нас восемь человек. Разговариваем... Старик Яков Рябков вошел, отдышаться не может. Рассказал, что его по пути из Матвеевки нагнал каратель Пискунов с отрядом, спросил, не видал ли кого из красных.

— Видал. Много их там, — сказал Рябков. — Кони такие здоровые, сытые. Артиллерия. Жалко мне вас, мужики, вернитесь.

— Какие мы тебе мужики?! — вознес плетку Пискунов.

- Братья казаки!
- Нашел братьев, мужичья харя!
- Господа казаки!
- Ну то-то!..

Повернули коней, только грязь из-под копыт полетела. Вернулись в Матвеевку. Видно, кто-то донес, что здесь скрываются люди.

— Идите на Воронеж, — посоветовал Рябков, — к Амуру выходите. Столкните лодку, и никто вас не догонит.

Ушли и жили на сопке две недели (пионеры ее теперь называют Партизанской). Примкнуло к нам еще четверо из села Воронеж.

Оружие: у Терехова — карабин, у Краснова — берданка-обрез, у третьего — наган. И все. Но караул ставили. С сопки нам видно, как на ладони. Укараулили: отряд на лошадях приближается.

— Калмыковцы!

Убежали в Средний Воронеж. Столкнули шесть лодок, гребем палками, плывем по Прямой протоке. Потом свернули в залив и причалили к остожью. Там оказались Болотин, Кривулин, Печернин, Заварзин (этот оказался в дальнейшем предателем), а всего их тут было восемнадцать человек, да нас столько же. Зарылись в сено, переночевали. А утром:

— Куда ехать?

— На Смирновскую тony! — предложили мы. Места нам знакомые.

Избрали командиром Болотина. Но тут приехали с базы флотилии Николай Кочнев (он уже был членом партизанского штаба) и Мизин. Командиром у нас стал Мизин, а Болотин — заместителем.

Кочнев попросил у Мизина одного человека, чтобы сопровождал его. Выбор пал на меня, мы отправились в город, на речную базу. Нас уже поджидали. Погрузили в лодки шесть десятков винтовок, два ящика

патронов, связки подсумков. Многие, кто был на берегу, поехали с нами на своих лодках.

Чтобы раздобыть оружие и продовольствие, решено было напасть на «рыбокомбинат» Гроссевича. И когда из города нам сообщили, что Гроссевич с командой солдат выехал на свои заезки, Мизин послал в разведку меня (узнал, что я там работал) и Ивана Кубинского.

Взяли мы косу, вилы, грабли. Винтовки внизу, а инструмент торчит, вроде на покос едем. Через Амур перевалили, по Пчелинке едем, направляясь к главному заезку. Высадились чуть в стороне, забрались на сопочку и наблюдаем. На заезке оказалось несколько человек кадет: бегают, кричат и стреляют в нашу сторону. Мы недоумеваем: «Заметили, что ли?» Оказалось, они стрельбище устроили. Потом угомонились, погрузились и уехали. Мы прикинули: рабочая палатка большая, а рабочих нет, их вывезли. Еще солдатская палатка, круглая. Солдаты тут есть: катер стоит.

Вернулись, доложили.

Мизин приказал:

— В путь!

Вышли на восьми лодках, на весельных. Как Ермак в поход шел. Поздно вечером — заря уже занималась — подошли к протоке Верхнекатарской. Подходили тихо, на веслах были тряпки. Бесшумно вступили и на берег.

Оцепили засольный сарай — пусто. Осмотрели ледник — нет никого. Окружили палатку. Залегли. Мизин крикнул:

— Эй, солдаты! Хватит спать — партизаны пришли! Выкидывай винтовки, выходи!

В палатке защелкали затворы. Тогда Мизин командовал:

— Огонь!

— Сдаемся! Сдаемся! — закричали солдаты и стали вылезать, поднимая руки. Гроссевица среди них не оказалось. Нашли его на катере.

— Кто вы такой? — спросил Мизин.

— Моторист.

— А нам сообщили, что вы полковник Гроссевич.

Тот сник. Связали ему руки и увели на берег. Винтовку он бросил за борт. Мы ее достали. Магазиновая коробка была пуста. Значит, стрелял, значит, он убил наших партизан. А погибли у нас Тимофей Стариков из Воронежа — пуля попала ему в сердце — и один матрос. Матроса похоронили на месте, Тимофея Старикова отправили в родное село.

В перестрелке мы ранили нескольких солдат. Их отпустили в город. Часть из команды попросилась к нам, и мы их приняли в отряд. С полковником закончили. Правда, с ним мы поторопились, у партизанского штаба были на его счет другие планы.

Заезки Гроссевича как белогвардейское гнездо мы уничтожили. Забрали все хозяйство: муку, свиней, засоленную в бочках рыбу максун, оружие, катер. Катер пришлось бросить — горючего трудно достать.

ПАРТИЗАНЫ МАТВЕЕВКИ, СМИРНОВКИ, ИЛЬИНКИ

Гавриил Фомич КАЗАНСКИЙ

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Есть в старых фотографиях неувядающая сила. Они возвращают нам нашу чистую смелую юность и наших близких, друзей.

Долгие десятилетия хранится под стеклом у Сергея Меркуловича Внукова дорогая для нас фотография. Небольшая группа молодежи из Смирновки. В центре — Внуков. Рядом — Даша Лебедева. Между ними сидит Петя Лебедев и справа — Аким Теленченко. 1916 год. Им по шестнадцать—восемнадцать лет. Росли мы вместе. Через два-три года всех нас коснулась гражданская война.

Мы — переселенцы из Румынии. Наши предки с незапамятных времен переехали туда и жили в чужой стране, сохранив свои обычаи, язык. Сердце звало на родину. После 1905 года в Румынском королевстве по русским деревням объявили: желающие могут переселиться в Россию, только на Дальний Восток. Старики послали ходоков. Те съездили и рассказали, что увидели приволье. В 1909 году мы приехали на Амур и основали село Верхнеспасское. Было нас до 150 семей, и ни у кого ни одной лошади. Голь. Построили землянки, раскопали огороды, кто сколько смог. Посадили овощи. Растет хорошо. Но к июлю—августу начала неудержимо прибывать вода. Все у нас затопило, залило и землянки. Подошел из Хаба-

ровска пароход с баржами, погрузились мы и поехали в город.

Предложили нам селиться на новых местах — кому за Амуром (основали село Марковку), а кому вблизи города. Так, в двадцати верстах от Хабаровска в сплошной тогда тайге, основали мы Смирновку. Двадцать пять дворов. Некоторые семьи по несколько лет корчевали под огородишки лес, а жили заработками в городе, на рыбалках у рыбопромышленников и кулаков. Мой старший брат Денис, например, нанялся в работники к старожилу в селе Воронежском. Многие стали заниматься извозом, как только завели по одной лошадке. И очень многие везли в город дрова, бревна. Вырубали лес и этим кормились.

Мы построили хату быстро. Запомнилось, на нашем участке стояло восемьдесят две лиственницы. Шли дожди. Нас заедали комары, мошка, мокрец, который лезет в глаза, света не видишь. Сделали мы шалаш, натянули в нем полог и ночами скрывались там. Питание — сухари, пшено и немного растительного масла. Днем нещадно работали. Валили деревья, резали на куски, кололи, ставили столбы, собирали стены. Мать занималась небольшим огородом. Построили дом и ушли в город на заработки. Мать временами тоже ходила стирать и нянчить детей у купцов.

Старая бедная темная Смирновка! Ты подготовила нас к солидарности с рабочим пролетарием. Сначала мы не выдавали партизан. Потом сами ушли к «лесным братьям», а кто остался, тот помогал нам, чем мог.

Начну с Даши Лебедевой. В 1919 году, когда началось партизанское движение, она уже вошла в дом Уткиных, вышла замуж.

Как-то осенью въехала в деревню японская кара-

Ребята из Смирновки:
А. Х. ТЕЛЕНЧЕНКО (слева),
С. М. ВНУКОВ (стоит),
П. А. ЛЕБЕДЕВ, Д. Ф. ЛЕ-
БЕДЕВА. 1916 год

тельная экспедиция. В доме Уткиных были партизаны. Они выскочили на улицу, перебежали через огороды и скрылись в тайге. Японцы бросились за ними, но бесполезно. Для партизана тайга — дом родной. Хозяева тоже скрылись. Каратели согнали народ, переводчик долго угрожал, требовал, чтобы выдали хозяев дома. Крестьяне отвечали, что они тоже скрылись в тайге. На самом деле Даша и старики стояли тут же в толпе.

Японский офицер подал команду, солдаты проворно подскочили к скирде сена, надергали по охапке и побежали в дом Уткиных. Вскоре изнутри повалил дым, занялось пламя.

Бойцы 4-го Краснознаменного Волочаевского полка НРА, бывшие партизаны отряда Вредного из села Смирновки. Слева направо: Г. Ф. Казанский, К. Я. Уткин, П. Ф. Лябухов (погиб в Великую Отечественную войну), И. П. Голованов, комсомолец Николай Гуков (политрук «Летучей» команды полка). 1922 год

Каратели уехали, и народ отстоял дом Уткиных, но в нем все сгорело, стены обуглились.

Этот случай послужил толчком для ухода в партизаны нескольких парней. Среди них был Теленченко. Его принял в «Морской» отряд Мизин. Судьба нашего друга трагическая. Он погиб в Николаевске-на-Амуре во время выступления японских интервентов.

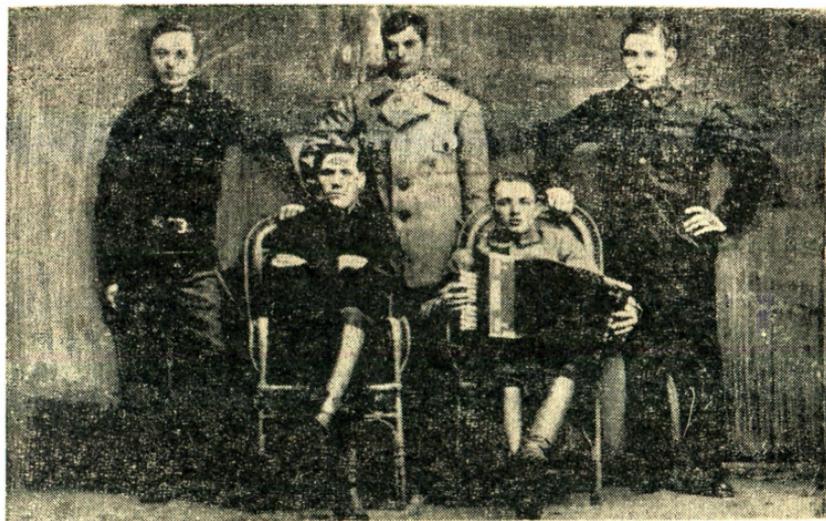
Партизанский билет (образца 1932 года)

Старший его брат, Семен, воевал в отряде Федотенко-Вредного.

Внуков и Лебедев ушли тоже к Григорию Мизину, потом были в «Летучем» отряде Федотенко-Вредного, участвовали во многих боях.

Моего старшего брата просветили еще на германском фронте. Когда он ушел в партизаны, я тоже за ним. Было мне тогда восемнадцать лет. Брат — в отряде Мизина, потом в кавалерии Изотова, а я — в отряде Федотенко.

Сначала было семь смировцев-партизан. Петр и Аммос Лебедевы, мой брат Денис, Внуков, Никита Зубарев, Федот Уткин и Теленченко. Старшие. Потом пошли младшие братья: я, Петр Лябухов и еще

Слева направо: Иван Руденков (был в кавалерийском отряде Изотова), Клементий Максименко (участник Циммермановского боя, погиб в Николаевске-на-Амуре во время японского выступления в марте 1920 года), Филипп Буйенков (был в отряде Соколова), Василий Перепонов (погиб в 1921 году в разведке, выполняя задание Бойко-Павлова), Иван Королев (был в «Морском» отряде Мизина, участник Великой Отечественной войны)

шесть человек. Наша деревушка в двадцать пять дворов дала партизанскому движению двадцать пять бойцов.

В ужасном бою с японцами 4—5 апреля 1920 года в Хабаровске я потерял своего друга Никиту Зубарева. Он погиб в рукопашной схватке.

Тяжелые утраты в борьбе за Советскую власть понесло не только наше село, а и все другие. В нашей округе тяжело пострадала Ильинка. Кроме того, что молодежь этого села активно участвовала в партизанском движении, здесь партизаны дали бой японским интервентам. Враги в отместку выжгли чуть ли не все село.

Партизан из села Матвеевки Иван Федорович Рябков, был в кавалерийском отряде М. Д. Изотова

Партизаны из села Матвеевки. Были в «Морском» отряде Мизина, затем в низовьях Амура

Партизаны из села Ильинки Н. Т. Рудаков и Н. Л. Назаренко

НАША СЕМЬЯ

Село Матвеевка — переселенческое, старое. Приехали сюда крестьяне в основном из Белоруссии. После отмены крепостного права наш дед Глушаков получил два надела земли — около двух десятин — на себя и на внука. Шли годы, семья росла, но два надела земли оставались прежними. Вот и решили ехать на Дальний Восток. Раньше многие искали лучшую долю в далеких «сказочных» краях.

В Матвеевке жили сначала в шалашах и землянках. Подросли сыны, и старик, мой дед Дмитрий Глушаков, поставил дом. Но старик был своеволен и выгнал своего старшего сына — моего отца — с детьми из дому за непослушание. Два года отец и мать с пятью ребятишками ютились по квартирам односельчан, работали по найму, потом отец работал в городе на частных предприятиях. А в 1914 году купил на отработки за 15 рублей крохотную старую избушку, перевез и поставил ее на краю деревни за оврагом. Не успели избушку отделать и войти в нее, как отца призвали в армию «защищать царя и отечество».

Мать осталась одна с нами. Не имели мы в хозяйстве ничего, кроме этой избушки на курьих ножках да огорода. Нелегка была жизнь солдатки, батрачила за 25—30 копеек от зари до зари.

Отец служил в крепостном полку во Владивостоке писарем, но скоро за вольные разговоры его отправили в штрафной роте на фронт. Вернулся он к нам после Февральской революции. Был избран на сходке делегатом на волостной съезд, а там — председателем Некрасовского волисполкома. В Некрасовскую волость входили тогда села — Матвеевка, Смирновка, Константиновка, Свечино, Березовка, Федоров-

Александр Сергеевич ГЛУШАКОВ

ка, Воронежское, Гаровка, Ильинка, Некрасовка, Красная Речка. А волисполком размещался в Хабаровске.

С приходом калмыковцев отец был арестован в городе и посажен со многими другими в конюшню, рядом с саперными казармами (сейчас это район школы № 4 по улице Кооперативной). Ночью они сделали подкоп и бежали. Отец прибыл в Матвеевку, жил настороже, скрывался.

Таких было много — бывший арсенальский рабочий Дмитрий Евдокимов, Лука Руденков, братья Антон и Семен Максименко, Иван Леваньков, Рябованов, Рябков, Сергей Медведев, мой дядя Гавриил Глушаков.

Потом появился Бойко-Павлов, в жизни наших отцов стало еще больше тайны. Наш домик и банька Евдокимовых превратились в конспиративные квартиры. Мы, ребята, многое видели, но умели молчать. Знали, что через руки наших отцов и матерей прошли десятки красногвардейцев, часто больных и раненых. Здесь их кормили, лечили, вооружали, куда-то переправляли. Безопасным местом были заимки стариков Марка Рябкова и Михаила Руденкова, распо-

Сергей Дмитриевич ГЛУШАКОВ
(1876—1920)

ложенные за Грязной речкой в восьми—десяти километрах от нашего села. На заимке Рябкова был хороший жилой дом. Содержал его столетний старик, отец Марка. Старик крепкий, сам перевозил на лодке товарищей, кормил их, охранял.

Мне в то время было пятнадцать лет, сестре Лиде — шестнадцать, Варе — четырнадцать, а брату Ивану — двенадцать. Постепенно все мы были втянуты в тайны старших. Я стал связным подпольной сельской группы, иногда вывозил из города в Матвеевку оружие, патроны и прочее. В августе 1919 года мне поручили вывезти пишущую машинку, ротор и краску. Подпольная группа затеяла тогда печатать воззвания к населению.

Большую помощь отцам оказывали их жены, наши матери, а кроме того — Марфа Мацакова, Матрена Максименко, Евдокия Гусакова, Фекла Демехова, Татьяна Рыжакова.

Отец имел связь с подпольщиками в городе, организовывал доставку оружия и медикаментов. Участвовал он и в работе партизанских конференций. Вернувшись с последней, Анастасьевской конференции, 4 ноября ночью был схвачен калмыковскими карателями. Но отец не растерялся: Глушаковых много, и, дойдя до соседнего дома, он сказал:

— Вот мой брат Сергей, а я Андрей, с большевиками связи не имею, работаю счетоводом в кооперации.

Когда стучали в дверь, отец ловко ударил наотмашь кулаком одного и другого казака, а сам перескочил через забор и скрылся. В ту ночь погиб красногвардеец Иван Данилович Москаленко. Его пытались взять живым, но это казакам не удалось.

Из Матвеевки в партизаны ушло сорок один человек, из них одиннадцать — на своих оседланных лошадях. Члены подпольной группы все вступили в отряды. Отец был направлен ревштабом в низовья Амура. Я тоже уехал на нашей лошади в отряд Кочнева.

Отец погиб в бою с японскими интервентами во время их выступления в Николаевске-на-Амуре.

НА НИЖНЕМ АМУРЕ И АМГУНИ

Сергей Александрович ПТИЦЫН

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКИ МСТЯТ

Первое время после высадки десанта японских интервентов в Николаевске к власти здесь пришло земство во главе с эсером Шелковниковым, родственником кулаков села Большемихайловки. Каждая власть имеет свою армию. Земство тоже объявило набор в добровольческий отряд. Пришло в него человек полтора. Четвертая часть — офицеры. Во главе стал подпоручик Токарев, из местных мещан, известный тем, что, примерно в апреле 1918 года, с явно контрреволюционной целью втерся в «организаторы» Красной гвардии, был разоблачен, затем участвовал в заговоре против Совета, милосердно прощен и теперь оказался как раз у места.

После прихода Колчака к власти в Сибири николаевские эсеры вздумали протестовать против диктаторского переворота и выпустили воззвание, оканчивающееся словами известного выборгского возвания представителей разогнанной царем Государственной думы: «не давайте правительству налогов и солдат». Кадетская николаевская газета «Восточное Поморье» ехидно высмеяла авторов, а лидеры местных эсеров Шелковников и Лимберг выступили в той же газете с заявлением о своем разрыве с этой партией. Николаевская обывательщина и контрреволюция с энтузиазмом подчинились «верховному» и «единому» диктатору.

Началась мобилизация воинства.

Первоначально были призваны молодые люди рождения 1897, затем 1898, 1899, и последняя мобилизация — 1900 года. Из собранных молодых людей создали отдельный запасной батальон, который вместе с добровольческим отрядом составил шестьдесят—семьдесят штыков. Недолго командовал им тот же Токарев, а с января 1919 года непосредственно от Колчака, из Омска, прибыли полковники Виц и Медведев. Первый возглавил батальон, заместителем у него остался Токарев; второй — гарнизон и в сущности стал диктатором округа, правда, с полной зависимостью от японских интервентов.

Вот тогда-то развернулась работа белогвардейской контрразведки. Все жаждущие места «бунтовавшим» рабочим и крестьянам нашли свое место.

Выделилась пулеметная команда — шестьдесят человек, исключительно сынки местной буржуазии, ученики реального училища. Начальником команды назначили поручика Гарфа, сына николаевского крупного акцизного чиновника.

Учебная команда, где готовились ефрейторы и унтеры, — также состояла из добровольцев. Начальник — подпоручик Бармин.

Комендантская команда — пятьдесят человек, составленная по специальному отбору офицеров из самых благонадежных солдат. Начальник — поручик Крошевец, подчиненный непосредственно полковнику Медведеву, а помощники — сотник Ивановский и прапорщик Кобыляченко, прибывшие от атамана Калмыкова, участники карательных экспедиций по Хабаровскому уезду. Эта команда стала опорой контрразведки, постоянными сотрудниками которой были офицеры — человек десять во главе с ротмистром фон Лаунцем и корнетом Парусиновым. Было еще некое «управление государственной охраны» во главе со

статским советником Лехом. На вторых ролях, но тут же находился некий Гарпун, без чина, просто шпион. Кроме того, милиция во главе со штабс-капитаном Немчиновым.

Остальная часть батальона составила три роты, которые использовались в помощь спецкомандам и службам.

В городе процветал спекулятивный ажиотаж, офицерство пьянствовало, водило компании со всякого рода хозяйчиками и торгашами, срывало взятки, буйно гуляло с кокотками, хулиганило и придиралось по всякому поводу, чтобы кого-нибудь оскорбить, побить и прочее.

В таких условиях общественная жизнь замерла, революционную работу вести было крайне трудно. Однако она была. Среди грузчиков, например. Руководил там служащий Амурского пароходства Чепурков.

В ротах мобилизованных тоже назрело брожение. Здесь революционное настроение внесли студенты Фраерман (ныне писатель) и Нил Смирнов, один из авторов эсеровского воззвания против Колчака Хаим Клявер, Губанев, Василенко, унтер-офицер Соловьев. 1 мая 1919 года они устроили в казарме митинг и развернули красный флаг. И это имело успех во 2-й роте. Подавили митинг японцы. Они окружили казарму и разоружили роту. Клявера, Смирнова и Василенко отправили к Калмыкову. (Судьба Василенко неизвестна; Смирнов расстрелян, а Клявер дождался освобождения тюрьмы партизанами.)

С лета 1919 года николаевская белогвардейщина начала посылать карательные экспедиции.

Одна из первых, под начальством Гарфа, Бармина и Сеничкина, в составе пулеметной и учебной команд прошла по Кербинскому приисковому району. В поселке Керби произвели повальный обыск, ища ору-

жие, и, выпоров нескольких крестьян, отбыли на крестьянских подводах по тракту Керби — Экимчан, производя по пути все те же обыски и порку рабочих. «Работали» каратели рьяно.

Добравшись до Софийска, не вернулись, а, прослышав о партизанах на Бурее, пошли в верховья этой реки, оттуда на лодках спустились вниз и, дойдя до населенных пунктов, снова шли пешком. Встретились с небольшой группой партизанского отряда, отступавшего от казаков, застрелили двух партизан, а двоих им удалось захватить. Отличился тут доброволец Маевский — и провокаторскими способами захвата партизан и экзекуцией над ними. Вместе с подпоручиком Барминым он порол их и сыпал на раны соль. Затем они же произвели казнь. Один партизан не выдержал пытки, застонал — его повесили. Второй мужественно вынес все — его расстреляли. После того отряд Гарфа спустился до станицы Иннокентьевской и вернулся в Николаевск по Амуру на пароходе. Кадетское «Восточное Поморье» возвеличило этот «боевой поход», все участники карательной экспедиции были представлены к наградам, отличившихся палачей повысили чином.

Тогда же уходил с 1-й ротой солдат с карательными целями до селения Синды Токарев. Он должен был найти и разбить партизанский «Морской» отряд Мизина, но не нашел и не разбил, а потому выпорол захваченных мирных жителей. «Отличились» в этой экспедиции опять добровольцы: сын николаевского рыбопромышленника Брунера (одного старика заколол штыком) и офицер из местных жителей Цуканов (порол даже женщин).

Контрразведка постоянно шныряла на катерах по лиману и вблизи морского побережья. Прочесывала рыбалки, вылавливала комиссаров. Во всю старался произведенный в прапорщики Кобыляченко. Кажет-

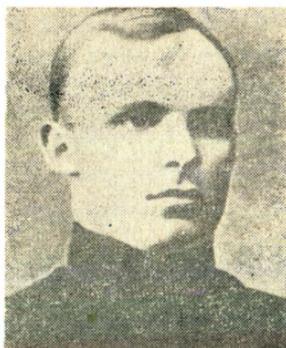
ся, с его участием были схвачены большевик Бунин и ведущий агитацию за Советскую власть Карякин.

С самого начала интервенции, еще при земстве, были схвачены и брошены в тюрьму комиссары Слепов, Бебенин, Будрин, Жоголев, Павличенко, Иваненко, затем переведены в арестное помещение полиции. С помощью сочувствующих солдат охраны, подпольщиков и родственников комиссары бежали. Иваненко и Жоголев скрылись в городе, а Будрин, Бебенин, Слепов и Павличенко в тайге, в районе села Сергеевского в верховьях речки Бамбасовой, где их снабжал провизией старый пастух Константин Павлов. Он же доставил им некоторое оружие.

За комиссарами бросилась в погоню комендантская команда, но следа их не нашла. Товарищи уже ушли на Амгунь, где организовали первую партизанскую группу в нашем районе. Было их тогда немного, человек пятнадцать, в основном красногвардейцы и рабочие приисков.

За будринским отрядом на Амгунь пошел зимой все тот же Кобыляченко. Вел его с комендантской командой контрразведчик Слепухин, из местных, имеющий разветвленную агентурную сеть. Но, видимо, предатели из местных кулаков ничего не знали, каратели напали на след будринского отряда случайно. По пути захватили в плен двух партизан, не успевших уничтожить письмо Будрина к крестьянам Полещукам, отцу и сыну, которые помогали отряду. Ни партизаны, ни Полещуки не выдали отряда. Каратели их расстреляли. Провел экспедицию один местный житель, которого подкупил Слепухин.

Хоть и внезапный и хитростный был налет — ночью, бесшумно, уверенно подкрались, — но захватили отбившихся ночью от отряда только двоих, Слепова и Васильева, да нескольких партизан успели застрелить в зимовье. Будрин увел остальных, поч-

Иван Гаврилович ЧЕПУРКОВ (1893—1919) — большевик, в 1918 году — работник «Националь-флота», в 1919 году — подпольщик в Николаевске-на-Амуре. Убит из-за угла белогвардейцами из колчаковской контрразведки

ти раздетых, замерзающих на жгучем морозе (погиб Бебенин) к озеру Дальжа.

Слепова контрразведчики растерзали в тюрьме. Нашли его партизаны, когда вошли в город. Искали останки партизанского парламентаря, а наткнулись на целую братскую могилу казненных. Об этом следует рассказать.

Партизаны послали парламентаря Орлова, когда белогвардейцы были уже разбиты, держались в городе только гарнизоном японских интервентов. Партизаны предлагали, во избежание кровопролития и бомбежки города, сдаться. Парламентар не возвратился. И вот, после входа в город, они поймали контрразведчиков Слепухина и Парусинова, которые после долгого запырательства признались, где «захоронен» парламентар.

Он был найден замороженным в яму во льду недалеко от берега, в конце города. В этой же ледяной яме лежали трупы Слепова, ямщика парламентаря — Шетникова, крестьянина, и бывших земских деятелей Жердева и Курова, заподозренных в сочувствии Советской власти. Все были изуродованы до невозможности, на теле каждого насчитывалось по несколько

Николай Васильевич СЛЕПОВ (1892—1920) — большевик, рабочий-бондарь; делегат 4-го краевого съезда Советов в Хабаровске в 1918 году; комиссар Красной гвардии, председатель военревштаба в Николаевске-на-Амуре в 1918 году. Партизан. Расстрелян белогвардейцами

десятков колотых, резаных, жженных ран, следы порки шомполами и каких-то других орудий пыток.

Сыновья хозяев приисков, рыбопромышленников, крупных домовладельцев мстили в бессильной злобе рабочим, крестьянам, всем, кто хотел восстановить власть Советов.

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 292, л. 30—60)

Рассказы детей подпольщиков

Николая Леонидовича БЕБЕНИНА

Наш отец, Леонид Петрович Бебенин, работал столяром в портовых мастерских Николаевска-на-Амуре, получил увечье левой руки и вынужден был идти бондарем на завод Рубинштейна. За организацию маевки и отца и мать уволили, они устроились в частную бондарку.

Сразу же после Февральской революции отец углубился в революционную работу, часто выступал на митингах, организовывал профсоюз чернорабочих и был его председателем. В 1918 году отец был депутатом Совдепа и членом военревшта-

ба, один из организаторов Красной гвардии. За несколько дней до высадки в Николаевске японского десанта он выезжал в крепость Чныррах, ему было поручено привести орудия в небоеспособное состояние, чтобы им не мог пользоваться враг. Замки с пушек попрятали. Затем он скрылся. Несколько дней наша квартира находилась под охраной белогвардейцев. В газетах было помещено объявление об отце с приметам, обещалась денежная премия за его поимку. К нам ночью нагрянули белогвардейцы. Один офицер ругался и кричал, угрожая матери наганом:

— Где муж? Взять ее в нагайки!

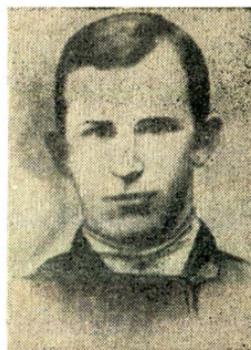
Нас, детей, было пятеро. Мне тогда шел тринадцатый год. Мы все проснулись, младшие прижались к матери, плачут.

Через несколько дней мать послала меня насобирать дров на берегу Амура. Я спустился по Адмиралтейской улице. Там стояли большие скирды сена. Из одной меня окликнул отец. Потом я несколько раз прокрадывался туда и приносил отцу еду. Он сказал, чтобы я сходил к типографскому рабочему Лаптеву. Они назначили свидание на кладбище. После этой встречи отец стал готовиться, как он говорил, «в дальний поход» — в деревню Иски, где должны были собраться его товарищи. Я принес отцу зимнюю одежду, продукты, паспорт на имя Петрова, патроны, винчестер и наган. Провожал отца километра три по дороге. Он успокаивал меня (я был исключен из училища как сын комиссара), просил заботиться о матери и младших.

Пришлось мне тогда работать. Продавал газеты, потом товарищ отца устроил меня в союз чернорабочих, я топил печи.

В деревне отец никого не нашел и вынужден был вернуться в город, скрывался у знакомых грузчиков и бондарей. Арестовали его на моих глазах. Вечером он зашел в помещение союза, я как раз топил на ночь печи. И вдруг нагрянули белогвардейцы. Все они были в гражданской одежде, но когда увидели отца, выхватили револьверы и увели его, посадили в тюрьму вместе с другими схваченными комиссарами.

Сначала свидания нам с ними не разрешали, принимали только передачи, потом стали пропускать детей — меня, сестру

Леонид Петрович БЕБЕНИН (1880—1919)

Шуру и Бориса Будрина. Нам отцы передавали записки Жердеву и Брусникину, а Лаптеву — тексты листовок. Он их печатал, а мы — Клячин, Борис Будрин, сестра Шура и я — распространяли.

Была ли в городе подпольная организация? Безусловно, была, но состав ее я не знаю. Мне же приходилось по заданию отца и других комиссаров встречаться с доктором Покровским, Клячиным, Лаптевым, Жердевым, Мануйловой (сестра Любови Львовны Будриной), с Брусникиным, Павловым, грузчиком, которого звали Андреем, и женами других комиссаров. Возможно, из нас, детей их, знал об организации Борис Будрин, самый старший. Но он убит бандитами из окружения анархиста Тряпицына.

В начале августа наших отцов перевели в арестный дом при милиции или контрразведке. Тогда началась подготовка к побегу. Доктор Покровский устроил меня разнорабочим в госпиталь. Он и передал со мною в «каталашку» два плоских бачка со спиртом и какое-то снотворное.

В это же время поздним вечером мы с Борисом Будриным разбрасывали листовки. Мы их оставляли в местах, где всего больше бывает народа, опускали в почтовые ящики и кое-где приклеивали. Борис решил приклеить листовку на доме контрразведки, и нас тут заметили. Пришлось убежать. Я спрятался

в круглой будке, на которой наклеивали афиши, а Бориса поймали. Его и мать Любовь Львовну арестовали. Их долго допрашивали, увозили из Николаевска. Но все-таки выпустили.

А наши отцы бежали в первую субботу сентября 1919 года. Они устроили вечером «именины», на которые пригласили охранников, угостили их снотворным и в полночь скрылись. Ясно, что кто-то из охранников им помогал.

Бежали в тайгу, стали создавать партизанский отряд. Но их выследили, когда у них было еще мало людей. Нагрянул карательный отряд к зимовью ночью. Большинство с Иваном Будриным сумели уйти. Наш отец в дороге погиб.

Веры Николаевны ЛАПТЕВОЙ (СМИРНОВОЙ)

Наш отец Николай Павлович Лаптев (1884—1938) был сослан в Николаевск-на-Амуре за организацию забастовки типографских рабочих в Саратове (1905). А дед наш еще в 1902 году был сослан в Сибирь за участие в поджоге помещичьей усадьбы и где-то погиб.

В Николаевске отец работал наборщиком в типографии газеты «Амурский лиман». Позже, когда к нему в ссылку приехала семья, вместе с ним стала работать и мать, Серафима Антоновна. В революцию отец вступил в партию большевиков, во время колчаковщины и интервенции вел подпольную работу.

Мы жили во флигеле, рядом со зданием типографии. Наш дядя Илья был управляющим, а отец наборщиком. После рабочего дня типография всецело оставалась в их распоряжении. Оттуда можно было брать краску и шрифт. Дядя дал ручной валик — старый, чтоб не быть уличенным. Все было загодя продумано. Когда набрали достаточно шрифта, начали печатать листовки.

Типография в буквальном смысле была подпольной. В нашей квартире отодвигался комод, поднимались половицы — узкая щель вела вглубь, в тесную каморку. Там и стояли верстаки со шрифтом. По ночам отец и мать делали набор и ручным ва-

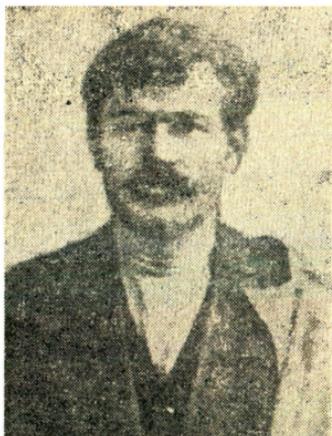
Семья Лаптевых. Вера Николаевна — в верхнем ряду, над отцом. 20-е годы

ликом печатали листовки. В это время бабушка Евгения Ивановна дежурила на улице, в коридоре или у окна.

В подготовке материалов, как теперь я понимаю, главную работу выполнял Чепурков. Он составлял текст. Для одной из листовок он даже вырезал клише — Козачок с лошадиной мордой в цилиндре и три виселицы с повешенными. Расклеивал листовки чаще всего Борис Вудрин, бесстрашный юноша.

При белых в городе появилась вторая типография. Оба владельца типографий перетягивали рабочих каждый к себе. Мать осталась при первой — от ее хозяина мы имели квартиру во флигеле, а бабушка — сторожем и уборщицей; а отец перешел в другую.

Он и там набирал понемногу шрифта. Иногда, когда я приносила из дому отцу обед в судке с тремя мисками (они вставлялись одна в другую), он клал шрифт на дно этих мисок. Все это было достаточно серьезно, я это уже понимала. Шрифт нужно было незаметно пронести, промывать горячей водой и рас-

КОМАНДИР «ГОРНОГО» ПОЛКА

О Будрине я слышал еще в детстве, но рассказы о нем старых партизан не были законченными, обрывались на самом интересном. Прошло много лет. Я был солдатом, студентом. Стал учителем. Пошли мы походами (я и мои ученики) по партизанским тропам. Встречали на Нижнем Амуре много участников гражданской войны. Записывали их рассказы, сравнивали. События приходили в некоторый порядок. На этом фоне все ярче вырисовывалась фигура серьезного человека, пламенного, уверенного борца Ивана Александровича Будрина. Казалось, покажи мне его фотографию, и я узнаю его — внешне обаятельного, волевого, умного, подвижного, легкого на ногу, исходившего

И. А. БУДРИН (1874—1920)

всю нижнеамурскую тайгу, изведавшего все золотые прииски. Но фотографии не было.

Началась переписка, и поиски увенчались успехом: нашлась в Москве внучка Ивана Александровича — Ирина Ивановна. Она бережно хранит альбом бабушки и дедушки. В нем кроме снимков легендарных предков меж картонных листов вложена бархатная повязка красного цвета. Ее сшила бабушка Любовь Львовна, с нею выходил Иван Александрович на демонстрации в Николаевске — в 1917, 1918 и 1920 годах. К сожалению, в старом альбоме не оказалось фотографии Бориса Будрина, погибшего вместе с отцом.

В семье Будриных было еще два сына. Один из них, Сергей, погиб в Николаевске же в период японского выступления, сраженный шальной пулей.

кладывать по кассам, вернее, по клеточкам. На каждой клеточке сделали наклейки, чтобы я не перепутала, где какие буквы и знаки препинания. А буквы были разложены в разбивку, не по алфавиту, не так, как в азбуке.

Я училась в третьем классе городского женского училища, и отец с матерью мне доверяли, как старшей.

Набор длился обычно два-три дня, а то и больше, потому что работа велась урывками, в подходящее время. Потом начиналось печатание. Я несколько раз видела, как это делалось.

Самый младший, Иван Иванович, участник Великой Отечественной войны, офицер Советской Армии, погиб на фронте.

Будрины в низовьях Амура были старожилками. Брат Ивана Александровича работал учителем в приисковом селе Карбя, сестра жила в Николаевскена-Амуре.

Иван Александрович и его жена Любовь Львовна были достаточно образованными людьми, в детях своих воспитывали передовые взгляды на жизнь. Будрин занимал должность техника в горном управлении, в рабочей среде пользовался уважением. Будрины водили дружбу не с чиновниками и буржуазной интеллигенцией, а с рабочими — Бебениными и Слеповыми. В дни революции Будрин бесповоротно примкнул к большевикам.

В 1918 году Ивана Александровича избрали в Совет рабочих и крестьянских депутатов, он стал комиссаром горной промышленности. Лето 1918 года для него было очень трудным. В июле в Николаевске прошел съезд горно-рабочих, на котором приняли решение национализировать прииски. Надо было организовать дело по-новому: создавать приискательские артели, избирать вместо хозяйских контор горные комитеты. Прииски разбросаны, дорог почти нет. Старые хозяева вооружали банды, по тайге шныряли хищники — грабители, спекулянты, контрабандисты. Постоянных рабочих на приисках, сравнительно с сезонниками, было не так уж много. Все это предстояло менять, наводить строгий рабочий порядок.

Комиссар горной промышленности выехал на прииски. Проводил собрания, докладывал решение съезда, разъяснял суть национализации. Избирались новые органы власти и управления производством. Дело облегчалось тем, что основной костяк рабочих знал его и доверял ему.

В золотосплавочную контору Николаевска начало поступать золото от коллективов приисков.

А 8 сентября в Николаевске высадился японский десант.

Будрина выслеживали все контрреволюционные силы — и хозяева приисков, и земцы-эсеры, и интервенты.

Брошенный в тюрьму, Иван Александрович проявился как самый негибав-

---

Кисть слегка обмакивали в краску и наносили краску на колонки столбцов. Потом клали лист бумаги и проводили по листу валиком. Листовка готова.

Однажды листовки упаковали и меня направили с ними к солдатским казармам, где служил наш кум Семен Вехтеков. Он их ночью подсунул всем солдатам под подушки.

Один раз отца арестовали земские власти. При нем были прокламации. Когда вели мимо наших знакомых Прохоровых, он попросил конвоира напиток. Паша Прохорова вынесла кув-

мый борец. Через стены тюрьмы от него шли вести в тайгу, на прииски. Он призывал рабочих организовываться.

Он и товарищи сумели вырваться из застенка. Зимой, загнанные в глухое место, сумели организовать маленький отряд. Сумели уйти от карателей. А потом этот отряд вырос в большой полк, состоявший главным образом из горных рабочих и бывших красногвардейцев. Он пришел в Николаевск, когда выступили японские интервенты, которые ставили своей целью частично перебить и разоружить партизан.

Будринцы, как рассказывают, услышав об этом выступлении в походе, сели на крестьянские подводы и мчались бешено. Успели вовремя.

С помощью свежих партизанских сил интервенты были смяты. Рассказывают, что Будрин обрушился на штаб врага и сам уничтожил его главаря, чванливого самурая майора Ионкаву.

Еще не смолкла перестрелка, открылся съезд трудящихся. Будрина снова избрали горным комиссаром, остался он и командиром полка.

Погибли он и его сын Борис в непримиримой борьбе с анархистами.

Составитель Е. М. ЗОЛОТЫХ

шин с водой, будто знала беду. Отец напился, как-то ухитрился вытащить из-за пазухи прокламации — те, с Колчаком, — и всунул их в кувшин. Вот этим он и был спасен, а то бы петля неминуема.

Когда отца арестовали второй раз, типографию пришлось перенести в другое место.

Когда комиссары совершили побег из тюрьмы, контрразведка многих арестовала по подозрению в сообщничестве. Дольше всех держали Любовь Львовну Будрину и сына ее Бориса, а вместе с ними и нашего отца. Ему выбили на допросах маузером передние зубы, и, когда он вернулся, вся спина у него была в красных рубцах от шомполов.

В декабре 1919 года пришло страшное известие, что в тайге погибли лучшие товарищи отца — Будрин, Бебенин, Слепов и другие. Отец это сильно переживал, весть оброс бородой, усами и сильно похудел, начал кашлять. У него были обнаружены зачатки туберкулеза. Только благодаря тому, что он не пил и не курил, ему удалось потом свое здоровье поправить. Вскорости стало известно, что Будрин жив и с отрядом партизан ушел на прииски. Это поддерживало силы в отце.

ЛЕСНАЯ КОММУНА «ЛЕНКОДА»

Я возглавлял в Николаевском Совете военную секцию и тоже был арестован. Оставшиеся на свободе товарищи организовались и вели подпольную работу.

Часть арестованных, в том числе и меня, через несколько дней перевели из тюрьмы в здание Красной гвардии, которое охранялось японцами, поскольку было занято ими. Под японской охраной мы каждый день ходили за хлебом. Потом японский купец Симада взял нас к себе на работу, и нам разрешили до 9 часов вечера ходить по городу без охраны. Мы вели себя «скромно», а сами начали подготовку к побегу в Амгуно-Кербинский район. Надо было заготовить продукты, орудия лова рыбы и охоты на зверя. Все это закупали Малахов и Офицеров. Деньги у нас сохранились. Мы их получили при роспуске исполкома — выдана была зарплата за полтора месяца вперед. Тюки наших грузов отправляли пароходом с квитанцией на предьявителя.

Мне дали задание подобрать ряд товарищей, с которыми я и должен выехать. Цель: накопление сил для восстания. Это задание я получил лично от Самуила Бунина, секретаря горкома коммунистов. Подобрал я следующих товарищей: Чибисова, Худякова, Генералова, Коняшина, Котельникова и Сурина. Это кроме тех, кто был в нашей группе прежде.

Настал день побега. Мы отправлялись на пароходе «Амгунец», который уходил последним рейсом перед закрытием навигации. Товарищи взосли на пароход. Я ждал третьего гудка. У меня был на всякий случай небольшой грим. Документов у всех — никаких. После третьего гудка пароход стал отходить от причала, но на рейде вдруг остановился: объявили проверку

документов. Мы подняли шум, протестуя. Публика нас поддержала. Проверяющие махнули рукой, и «Амгунец» отправился в рейс Николаевск — Керби.

В Керби поместились в доме Михаила Глухова. В тюках у нас была литература, охотничьи припасы, дели для неводов, оружие, много палаточной ткани. Дом Глухова был большой, разместились.

Начали знакомиться с местным населением, в первую очередь с бывшими фронтовиками, которым угрожала мобилизация в белую армию. Нашли очень надежных товарищей — охотник Уткин, крестьяне (занимались извозом и рыбалкой) Ильясов, Иванов, Смагин, Баширов, Мавлеткулов, Горчаков, Абросимов, Коваленко, Уртаев, Глухов и служащие — Кирьянов (радист), Тихомиров (начальник радиостанции), Болдовский (начальник почты). Связь была в наших руках.

На собрании решили создать трудовую коммуну. Кто-то предложил ее назвать «Ленкода» — по названию таежной реки, где нам предстояло заготовливать лес. Меня избрали командиром.

О нашем исчезновении из Николаевска вскоре узнали белогвардейцы. В погоню послали пароход «Муромец» с карательным отрядом. Но было поздно. Вода в Амгуни резко падала, пароход дошел до Удинска и вернулся. Об этом мы узнали из телеграммы и запросов к местным властям. Урядник Симакин боялся нас, старался обходить, не замечать.

После окончания рыбного сезона, за который мы успели немного подработать, нам предложили подряд на заготовку дров для радиостанции и конторы связи. Тем временем отправили в город Худякова с моим письмом. Там он прежде всего должен был обратиться к братьям Прикшайтисам, которые были связаны с подпольщиками. Поездка его оказалась удачной. Худяков действовал от имени трудовой коопера-

тивной артели «Ленкода». Заключили договор на поставку лиственничного леса для клепки, из которой в городе изготавливались бочки под кету. Потребность в клепке всегда была большая. Под договор мы получили задаток в сумме 2000 рублей на выкуп лесорубочного билета.

Заготовку дров закончили довольно быстро, получили расчет и деньги пустили на питание. Начали готовиться к выезду на лесозаготовки. Вышли уже зимой. Несколько дней пробивались к месту по снегу, тянули нарты с имуществом и инструментами. Построили зимовье, приступили к заготовке леса.

В бараке день и ночь было дежурство, и выставлялся вооруженный постовой на дороге, в километре от нас. Кроме того, охрану вел охотник Уткин, проживавший в десятке километров от нас. Из Керби на лыжах приходили наши знакомые, поддерживали связь. Бывали охотники-эвены. Мы их встречали как добрых гостей. Делились продуктами, давали соль. Они нам привозили мясо — оленину, сохатину.

Никто из карателей не наведывался на прииски. Приезжали лишь отдельные представители колчаковской власти. О скрывавшихся большевиках они знали, но что-либо предпринять против нас не решались.

В Керби наши подпольщики в это время организовали драматический кружок, в который входила местная молодежь. Руководил кружком ветфельдшер Михайлов. Мы с ним в старое время служили в крепостной артиллерии николаевского гарнизона. Через кружок велась политическая работа. Молодежь села потом приняла активное участие в восстановлении Советской власти в Амгуно-Кербинском районе.

С открытием навигации в Керби прибыл карательный отряд. Нас заранее предупредил о его приближении местный житель Ганеев. Мы ушли в тайгу.

Стало известно, что во многих местах Приамурья

возникли партизанские отряды. Мы начали готовиться к свержению колчаковской власти в Керби. Создали подпольный комитет во главе с Власовым-Днепровским, вырвавшимся из благовещенской тюрьмы. Коммуна «Ленкода» стала вооруженной силой комитета.

14 января 1920 года наше восстание в Керби свершилось успешно и без жертв. Создали ревком снова во главе с большевиком Власовым. Наш отряд поехал на прииски, расположенные в шестидесяти и более километрах в тайге, чтобы и там восстановить Советскую власть.

Январь был вьюжным и снежным. Телефонную связь с приисками мы прервали, но на приисках считали, что все произошло из-за бурана. Когда погода притихла, мы выехали.

На Главном Стане нас ждали свои товарищи — Худяков, Пильнов, рабочие Корташевский, Сидоров, Зиновьев. Переворот здесь произошел быстро. Арестовали управляющего приисками Тыркова, стражника Немчинова и кое-кого из промышленников и купцов на Веселой Горке. Забрали оружие и золото. Строго следили за тем, чтобы никто не выехал на дальние прииски и не предупредил хозяев и белогвардейскую стражу. Ждали появления урядника Симакина, который выехал на прииск Гонгрэн и должен был вернуться.

К вечеру опять пошел снег. Постовой Корташевский в это время сообщил:

— На дороге подвода!

В кошеве сидел тушеподобный, закутанный в тулупы, как мумия, Симакин. Он был мертвецки пьян. Мы его втащили в здание конторы, где устроили штаб, и стали «распаковывать». За пазухой нашли недопитую бутылку самогона, отобрали наган. Из кошевы забрали винтовку с патронами. Тараща пьяные глаза

Почетный караул на похоронах партизана Петра Даниловича Черанева. Слева направо: Шамколович, И. В. Кузнецов, А. С. Петров, С. П. Днепровский (задние ряды с винтовками). 1920 год.

и не понимая, что с ним произошло, Симакин начал истерически кричать. Наш товарищ Черанев объяснил ему, в чем дело, и водворил в приисковую кутузку.

Предстояло арестовать еще офицера Бучинского. Тот жил в зимовье в пяти километрах от Гонгрена, на Кербинском перевозе, где находился контрольный пропускной пункт.

Отправились к зимовью Черанев, Корташевский, Зиновьев и рабочий. Прибыли. В зимовье-сторожке горел свет. У Бучинского оказался еще десятник Крестов. Они сидели за столом и играли в карты. На столе — бутылка самогона, закуска. Перед Бучинским лежал наган.

Наши товарищи осмотрели все через оконце и решили их брать. Рабочий остался с винтовкой на улице, остальные вошли в зимовье. Черанев поднял наган:

— Руки вверх! Вы арестованы!

Бучинский ударил рукой по лампе, схватил свой наган и выстрелил дважды в направлении двери. Стрелял он метко. Черанев был убит наповал, Зиновьев ранен в руку. Бучинского свалил Корташевский выстрелом из винтовки, ранил его. Как оказалось, наган Черанева дал осечку.

На другой день тело Черанева было доставлено на Главный Стан, а затем в село Керби, где его похоронили с почестями.

Через некоторое время к нам пришел партизанский отряд Будрина. Коммуна влилась в этот отряд, который вскоре вырос за счет приисковых рабочих в полк.

Наша коммуна «Ленкода» вместе с местной молодежью стала ротой в «Горном» полку Будрина, командовал ею кербинец Андрей Петров. Меня избрали начальником штаба полка.

Иван Иванович ЦЕНЦЕВИЦКИЙ

ЦИММЕРМАНОВСКИЙ БОЙ

Декабрьским вечером экспедиционные группы, посланные партизанским штабом Бойко-Павлова, вступили в Циммермановку. Разместились по домам. Спали вповалку на полу. Но часовые и патрульные выставлялись строго. Нас беспокоило то, что человек тридцать—сорок верховых казаков бежало раньше из Киселевки в направлении Софийска и Мариинска. Могли вернуться и привести с собой подкрепление из белых.

Отряды наши насчитывали тут, мне помнится, триста человек. Несколько командиров. Потом объединились, общим командиром назначили Дмитрия Бузи-

на. Стал отряд, разбитый на взводы. У кого оружия не было, выдали берданки.

Циммермановка была большим селом, помнится, в 70—80 дворов. Дома добротные, рубленные из лиственничного дерева, многие под цинковыми крышами.

Постояли мы здесь дня четыре. Потом команда — подготовиться к выступлению вниз по Амуру. Переход предполагался до Софийска, довольно длительный — два почтовых перегона, через станки Пульсы и Больба. Они настолько маленькие, что в них и взводу партизан не хватит места погреться. Мы прятали хлеб за пазуху, чтобы не замерз. Утром выступили.

Впереди по узкой санной дороге, обозначенной вешками, ехали пять конных разведчиков. На подходе к первому стану они свернули с Амура и поскакали туда. Отряд же не думал заходить, спешили в Софийск. Вдруг с бугра послышалась пулеметная очередь. Разведчики ехали на подъем, как раз навстречу тем, кто стрелял. Пришлось соскочить с коней, залечь. Под огнем они ползком добрались до торосов и перебежками направились к отряду, растянувшись вдалеке по Амуру. Кони вернулись сами.

Мы никак не предполагали, что на почтовом станке окажется засада, да еще с пулеметом. Командование решило вернуть отряд в Циммермановку и произвести серьезную разведку. Мы не знали еще, что навстречу нам вышел из Николаевска отряд белых под командованием Токарева.

Простояли в Циммермановке еще шесть-семь дней. Обстановка прояснилась. Бuzин дал указание сделать укрепление вдоль берега. Рыли окопы в снегу и брустверы обливали водой. Потом мы их пробовали — пуля не пробивает, дает рикошет. И все-таки мы не знали, что бой придется принять именно здесь. Делали

Отряды партизан-лыжников создавались на Нижнем Амуре как необходимость: зима 1919—1920 года была необыкновенно снежная. Лыжники ходили в разведку, совершали стремительные обходы, первыми нападали на врага. Среди партизан-лыжников было немало и представителей местных народностей. Вот некоторые из них: Ливока Кириллович КИЛЕ, нанасц из села Верхний Нерген; Илья ЗАКСОР, нанасц из села Верхний Нерген; Николай Яковлевич САМБА, ульч из села Удан; Петр Иванович ДЖОРКО, ульч из села Мариинского

укрепления на всякий случай, а готовились в поход...

Вечером мы, партизаны, получили распоряжение, что утром выступаем. Спалось мне плохо: идти ведь, по сути, в наступление. Мы лежали на полу. Тут было много своих ребят из Синды, словом, из «Морского» отряда Мизина. Я несколько раз обувался и выходил на улицу. Тишина стояла морозная, чуткая, звезды горят. Ничто не предвещало плохой погоды. Это хорошо. Но под утро повалил снег, подул верховой ветер. Куда тут выступать!

И в это время наши караульные в нижней части села подняли стрельбу. Шли белые.

Встретив оборону в селе, они рассыпались в цепь на Амуре. Застрочили их пулеметные очереди. Пули грохотали по цинковым крышам, выл ветер, снег слепил глаза...

Мы били залпами по цепям белых. Они лежали перед нами внизу, и их огонь не достигал цели: пули то впивались в отвесный берег, то свистели высоко над нами или стучали по крышам. А мы, несмотря на буран, многих выбивали из их цепи, их тут же задувало снегом.

Мы приспособились и стали бить залпами по пулеметным расчетам. Пулеметы замолчали. Белые

пытались произвести замену, но мы ее тоже выбрали.

В другом месте белые пытались провести атаку, но и она сорвалась. К обеду стрельба стала утихать. Смотрим, против нижней части села сползаются в кучку человек тридцать—сорок белых. Они уже вне досягаемости нашего огня. Токарев собирал остатки отряда, чтобы отступить. Один пулемет они пытались утащить, но мы не дали. Партизаны вывалили на Амур, и белые, не сопротивляясь, начали уходить на подводах.

В наших руках оказались два пулемета — «максим» и крепостной, на больших колесах. Сдались многие солдаты. Откопали мы и раненых. Погоня за Токаревым не удалась. Ездил кавалерия, но кони сбивались с дороги, а идти целиком, по торосам и снегу, было невозможно.

Пленные, встретив нормальное отношение и помощь их раненым, стали проситься в наш отряд. Многие приняли.

Несмотря на то, что враг по численности и особенно по вооружению превосходил наш отряд, партизаны смело обрушились на него и разбили. Это подняло наш дух. К нам присоединились пленные. Все это сильно сказалось на дальнейшем нашем движении

к Николаевску. С этого времени наш отряд превратился в грозную силу для врага. Проходя по селам, он вырос колоссально. К нему спешили рабочие с приисков, и ничто нас теперь не могло удержать — ни глубокий снег, ни морозы.

Петр Иванович ПРИКШАЙТИС

СИЛА РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДА

Я считаю, что нельзя правильно оценить исторические моменты гражданской войны на Нижнем Амуре без того, чтобы не упомянуть о том политическом наследстве, которое получили партизаны от большевиков 1918 года. Благодаря их работе, их авторитету еще в Николаевском Совдепе, поднялись массы за восстановление Советской власти и создалась трехтысячная армия партизан, которая уничтожила, смела белогвардейщину, морально подавила японских интервентов.

Я помню, когда партизаны заняли город, на митинге выступали освобожденные из тюрьмы, пришедший с партизанами бывший работник Дальсовнаркома Бузин и большевики. Они давали лозунг, их слушали. Помню, в Народном доме было организовано собрание, там записывал в партию большевиков Власов-Днепровский (так, по неопытности, сделали). Мы стояли к нему в очереди чуть ли не два часа. А рядом сидели эсеры, еще дальше — анархисты. Самая большая очередь была у Днепровского.

Некоторые участники событий в своих воспоминаниях неверно показывают состав населения Николаевска, считают всех обывателями. Но я знаю, там была ячейка на электростанции, где, за исключением

Связным подпольной революционной организации в Николаевске (1918—1919), затем партизаном был Петр Иванович Прикшайтис. Он из очень интересной семьи. Дед его, литовец, Иван Иванович Прикшайтис, и отец, тоже Иван Иванович, были сосланы на остров Сахалин как «политические». Дед погиб на каторге, отец, отбыв срок каторжных работ, — переведен на поселение и вступил в брак с дочерью известного революционера Домбровского. С 1900 года им разрешили жить в Николаевске-на-Амуре. Отец был рабочим, умер в 1906 году. Осталось пять сыновей, Георгий Иванович — старший. Он известный на Дальнем Востоке революционер, большевик (1917), был комиссаром областного Совдепа (Николаевск), один из организаторов подпольной работы, в командировке во Владивосток (ездил на связь) был арестован, пережил калмыковский «вагон смерти», в период ДВР — министр почт и телеграфа, затем на кооперативной работе. Второй брат — Иван Иванович — фронтовик первой мировой войны, участник революционных событий в Великий Октябрь в Риге, погиб (1918). Третий — Михаил Иванович — красногвардеец, участник борьбы с белыми и интервентами, расстрелян японцами 9 июня 1920 года. Младший — Николай Иванович — кандидат исторических наук, доцент.

Петр Иванович Прикшайтис — инженер, живет в Вильнюсе. Здесь публикуется отрывок из его выступления в 1931 году.

начальника-инженера и его двух помощников, — все рабочие, и все были настроены большевистски. Среди грузчиков велась подпольная работа во время интервенции. В отряде Будрина рабочих было человек триста. Все они пошли сознательно за большевиками и советским комиссаром Будриным. Этот отряд сыграл крупную роль в подавлении японского выступления.

Путь (по Амуру к Николаевску) отрядов Хабаровского партизанского штаба был облегчен предыдущей работой николаевских большевиков, создавших определенное настроение в крестьянстве, которое и пошло за этими отрядами.

К сожалению, благодатная почва, возделанная большевиками, многие из которых погибли в интервенцию или перешли на нелегальное положение и затем уехали в другие районы, — эта благодатная почва была использована не теми, кому нужно. Пришед-

шая повстанческая армия оказалась в руках анархистов.

Но позднее здоровые силы в партизанской среде сумели победить. В борьбе с анархистами, с губительной политикой Тряпицына, окружившего себя бандитами, погибли большевики Будрин, Мизин, Иваненко. Но их дело не пропало без следа. Хотя и не было партийной большевистской ячейки, лучшая часть партизанской массы сумела организовать и избавиться от анархического нароста.

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 290, л. 121—125)

КОНСПИРАТИВНЫЕ КВАРТИРЫ И ПОДПОЛЬЩИКИ-БОЕВИКИ

Афанасия Зиновьевна МИКИТЧУКОВА

БОЕВЫЕ ДЕЛА ПОДПОЛЬЩИКОВ

В 1918 году проклятая буржуазия поназвала интервентов и белобандитов, вроде Калмыкова, и выгнала в тайгу наших красных. Пошли они в сопки. Настали холода, голод, страдания.

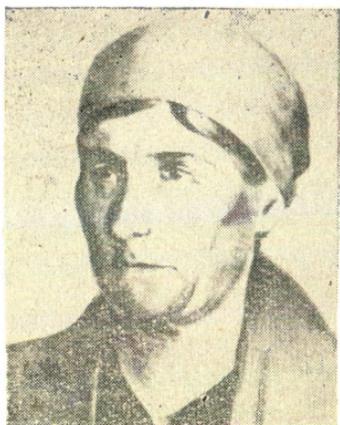
Приходят однажды партизаны вместе с моим сыном Михаилом в нашу избушку. Михаил говорит:

— Накорми нас, мама.

Я их кормила, топила им баню, шпарили они там паразитов. Так продолжалось долго. Изверг Калмыков все царствовал и царствовал. Стали рабочие из арсенала убегать в тайгу. По дороге они заходили ко мне, так как знали меня. Сначала приходили часто, потом товарищи Попко и Бойко-Павлов сумели приютить своих партизан. Стали они драться за общее дело, стали добывать и пищу.

1 мая 1919 года были у меня Михаил Попко и Иван Погудин, попросили меня работать с ними для связи. Я согласилась, дала слово, что умру за их дело, семьей пожертвую... Стали собираться в меня Луненко, Погудин, Борматов, Жданов, Болотин с женой, Лесницкая и другие. Человек до восьмидесяти всех, кто бывал у меня.

Иван Погудин как-то говорит, что в здании управы у них спрятано сто пятьдесят четыре бомбы, семь наганов и три браунинга. Нужно их оттуда вынести. Мы договорились и решили сделать так: посторонне-

Афанасия Зиновьевна МИКИТЧУКОВА
(1869—1951)

му мужчине в здание пройти невозможно, а женщины не можно что-нибудь придумать. Молоко носить можно.

Я выходила в 5 часов утра, подходила к этому помещению. Стоит японский караул. Подношу одному молоко, второму — никто не хочет. А милиционер, звали его Артемом, работал с нами вместе, он улыбается и ест молоко, а я прохожу назад уже с бомбами в кринках.

Действовала я смело, но все-таки ноги тряслись. Иду из города до артиллерийского склада с опаской, а дальше до дому иду уже бодро, так как тут народу мало. Жили мы на берегу, все можно спрятать, и тут подкопаться к нам трудно. Приношу домой бомбы и говорю:

— Ну вас, рукам тяжело такое «молоко» носить!

Ходила я три утра, и все их припасы перенесла. Иван Погудин целый чемодан загрузил бомбами. Их нужно было где-то спрятать. У нас как раз малина разрослась, и трава была в огороде. Там и спрятали.

Потом носила револьверы. Это уже легче ноша. Приношу револьвер и говорю:

— Вот вам подарок!

Наши товарищи радовались от таких подарков, особенно Погудин. Я высказала сомнение: как бы нам не влопаться. А Иван запел: «Смело, товарищи, в ногу...»

И меня это взбадривало, я никак не могла думать, что мне уже пятьдесят лет, мне все казалось, что каких-нибудь двадцать.

А Луненко и Погудин еще лучше делали: переодевались в офицерскую одежду и им удавалось доставать винтовки, штыки, патроны и другое.

Зимой мы напали на пакгауз. Участвовали Погудин, Давидюк, Болотин, Лукьяненко, Ткач, Верста и еще кто-то. Решили нарядиться переселенцами. Пошли к складам, все остались поодаль, а я подошла и предложила караульным:

— Не надо ли молока?

— Нет, не надо.

В это время выскочили наши и скрутили караульных. Погудин командует:

— Мать, бери ключи, открывай сейф и забирай, что там есть!

Я не знаю, сколько там было денег, до сих пор не знаю, но были мешочки — то ли с золотом, то ли с серебром. Были и большие пачки романовских денег. Все это мы сложили в мешок из-под отрубей. Погудин всех оставил, а меня отправили с ношей. Она оказалась нелегкой. Иду домой, как будто с ярмарки. На второй день мы с Иваном Погудиным сделали закупки, приобрели сапоги, головки, ичиги, и все это отправили в отряд.

Нужно было достать лошадей. Мы жили на берегу, и мимо нас калмыковцы водили поить лошадей.

НЕУЛОВИМЫЙ «ТЕХНИК ФЕДЯ»

Не только враги, но даже партизаны не знали в лицо опытного и осторожного подпольщика, действовавшего под кличкой «техник Федя». И среди подпольщиков почти все его знали только под этой кличкой. Иногда операции он вел открыто, с большим риском, но смело, уверенно. И эта дерзость и неуловимость говорили о том, что у него много друзей, широкие связи. С ним бывали на подпольных заданиях Иван Погудин, Николай Истомин, Александр Бербат и некоторые другие. Он часто появлялся на конспиративной квартире у Микитчуковой. Где-то

в городе имел свою квартиру. Часто совершал переходы из города в штаб Бойко-Павлова и обратно.

Добыча оружия, диверсия в стане врага — обычные дела «техника». Действовал в одиночку и группой. Но самым главным его делом была связь с подпольными группами, действовавшими в белогвардейском гарнизоне. К

А иногда лошади сами приходили. Мы открывали ворота и заманивали их. Хорошо, что соседей рядом с нами не было — никто не видел. А как только начнет смеркаться, мы сейчас же отправляем коней в отряд.

Бывали случаи, по ночам приходилось пробираться мимо казачьих застав и идти в Некрасовку (Алексеевку). Проводила и других — на партизанскую конференцию.

Так мы работали до осени, но потом случилась беда. Заварзин выдал всю нашу организацию. И Лапта стал выдавать.

Мне удалось предупредить товарищей Луненко и Версту, чтобы они уходили из города.

ним являлся в форме солдата «навестить землячков». Иногда после того, как дезертировала часть, в стане врага вспоминали, что перед этим видели незнакомого офицера.

В ночь на новый, 1920 год он увел из казармы пулеметную команду. Ушло более ста человек с полным боевым снаряжением, пулеметами, подводами, запасом патронов и продовольствия. Никакого подозрения не вызвала команда, минуя дворы японских казарм, посты в городе и на окраине. Думали ведет ее офицер против партизан, а она пришла к партизанам. «Техник» ехал впереди на лошади. Операцию номер один — уничтожение дежурного офицера, известного палача-карателя Немчинова провел фельдфебель Беспозванный, потом не раз отличившийся в боях с интервентами и белогвардейцами.

В дальнейшем все узнали, что «техник Федя» — это Аким Фролович Давидюк (1896—1941), известный партизан. В числе первых он был награжден высшей правительственной наградой того времени — орденом Красного Знамени, наряду с Шевчуком, Бойко-Павловым, Алексеем Кочневым, Михаилом Изотовым, Зубишиным.

После гражданской войны до 1929 года Давидюк по-прежнему работал в Хабаровске, в госполитуправлении. Дочь его, Ольга Акимовна, сообщила некоторые подробности дальнейшего. Потом он жил в Сибири, по болезни переведен в Ялгу, работал директором гостиницы, в санатории, где и лечился. После тяжелой операции язвы желудка скончался.

Родом из села Кухтерин Лог Амурской области, его родные и двоюродные братья живут на станции Шимановская.

Но все-таки их арестовали.

Тогда схватили многих, почти всех.

Только я успела проводить Ткача, фельдшера Яшу, сына своего Михаила, как в четыре часа ночи нагрянула облава. Начали стучать в дверь.

Открыла. Вошли казаки.

— Где сын?

Я ответила, что не знаю. Казак ударил меня рукоятью нагана по голове. А моего старика стащили с постели, поставили на колени и заставили богу молиться. Потом его увели. Меня таскали за волосы и били. Я уж думала, что лучше бы скорее расстреляли. Дети страшно перепугались.

На вторую ночь такая же пытка. Меня снова би-

ли. Спрашивали мою дочь: «Где твой брат?!» Девочка стояла бледная, но молчала.

Потом я догадалась сказать, что помогала партизанам под силой оружия. Лапта меня больше не преследовал, его совесть, очевидно, мучила, так как я ему сделала много хорошего. Меня оставили живой, а те товарищи, которые попали в смертный вагон, погибли.

Прошло некоторое время, я немного оправилась после побоев. Старик сидел в смертном вагоне. Я знала, что у нас в сене на лугах остались винтовки. А сено горожан казаки часто продавали японцам. Думаю, а вдруг этот стожок продадут? Что будет, если негодяи заберут мое сено и найдут там винтовки? Тогда уж не откручусь. Запрягаю кобыленку... Не я, а мой сынишка четырнадцати лет. Прихожу к Татьяне Лесницкой, говорю:

— Позови Шаповалова, он поможет винтовки забрать.

Шаповалов — сосед, бывший красноармеец. Он пришел, и мы поехали на луга. Сынишка вскарабкался на стог и стал подавать оттуда винтовки. Винтовки мы повезли к Лесницкой, а там уже ждал нас Борматов. Он увез их в Некрасовку.

Не падали духом наши товарищи — Попко, Давидюк, Борматов. Остались на свободе и работали. А я уже от работы отказалась, стала совсем больной.

Под Новый год пришли они из тайги. Зашли к Лесницкой, попили там чайку, ждали полуночи, когда офицеры уйдут встречать Новый год. А месяц светит хорошо! Борматов подшучивает:

— Месяц светит — нам мешает. Закрывать бы его шапками!

Месяц закатился. Пошли наши товарищи и сумели свернуть на свою сторону солдат колчаковских.

Забрали они обоз и пулеметы, и повез все это Федор Давидюк в свое царство леса.

(Выступление на вечере воспоминаний
9 февраля 1929 года. ПАХК, ф. 44,
оп. 1, д. 93, л. 12—20)

Даниил Емельянович ГРОМЫКО

ПОГИБ НА ЗАДАНИИ

Брат Антон в 1916 году служил артиллеристом в крепости Чныррах, что в лимане Амура. Когда свершилась революция, вернулся домой в Сергеевку. Потом при белой власти был мобилизован как артиллерист. В Хабаровске участвовал в восстании казачьего полка в январе 1919 года и вместе с другими оказался в американском лагере для военнопленных на Красной Речке. Я к нему туда ходил, удалось перебраться парой слов. Из лагеря он бежал к партизанам и из Жулихи, где стоял летом 1919 года штаб Бойко-Павлова, прислал домой весточку, и я пошел туда по тайге, встретился с братом, а потом носил письма, которые передавал штаб в села.

Пришла новая повестка в наш дом — призывали в белую армию меня. Возраст подошел. Такие же повестки получили и другие парни из Сергеевки. Подумали, решили поехать в город, посмотреть. На Иркутской улице — бойкое место: притоны, харчевка. Оставили лошадей у коновязи (здесь обычно останавливались приезжие крестьяне) и вдруг увидели брата Антона. Он был в приличной гражданской одежде. Антон поздоровался с ребятами и спросил:

— На призыв явились? — и, помедлив, добавил: — Бра-тишка! И вы, парни! Если хотите служить Калмыкову, дело ваше, если нет, идите в Матвеевку.

Мы повестки порвали. Заехали на квартиру к Антону. Он насыпал в телегу на мешковину патроны, сказал, чтобы отвезли домой. Придут такие-то люди, чтобы им отдали. Жена моя (мы

В Сергеевке по-прежнему живет брат героя — Даниил Емельянович Громыко, бывший партизан отряда Федотенко-Вредного.

только что свадьбу сыграли) поехала домой, а мы пошли в Матвеевку. Скрывались на заимках, на лугах, потом стали партизанами отряда Мизина. Поздней осенью нас передали в отряд Федотенко-Вредного. Участвовали во многих боях с белыми и интервентами.

Встреча с братом на Иркутской улице была последней. Тогда его послали в город на подпольную работу, и он, видимо, связался со знакомыми в колчаковском полку, стоявшем в Хабаровске.

Многое из этой его жизни осталось неузнанным, ведь работа его была конспиративной.

Я знаю единственное, что он занимался доставкой оружия и обуви в партизанские отряды.

В августе 1919 года Антон должен был съездить в Благовещенск. На вокзале был опознан, схвачен, привезен в Хабаровск и после истязаний в «вагоне смерти» расстрелян. Где захоронили его палачи — неизвестно.

Так погибали тогда сотни и тысячи борцов за свободу. Лучшие люди в гражданскую войну и интервенцию сгинули безымянно. Только не напрасно и не бесследно.

Памятник в Сергеевке — признание односельчанами бесценных заслуг брата Антона перед Родиной, за которую он отдал жизнь.

Много лет назад поставлен памятник герою-партизану в Сергеевке. Краткая надпись на бронзовой табличке: «Громыко А. Е. (1895—1919). Погиб в борьбе за Советскую власть».

Иван Николаевич СЕМИКОРОВКИН

ДОМ КАМИНСКОЙ

Молодежь ее называла Агриппиной Яковлевной, а люди постарше, — разумеется, близкие знакомые, — просто Груней. Интеллигентный вид, манеры, умение держаться не вызывали никаких сомнений у белогвардейцев в ее «благонадежности», и дом ее стал надежным пристанищем, местом явок подпольщиков и партизан, проникавших в город с целью разведки или за оружием.

Дом стоял на углу Поповской (ныне улица Калинина) и Лесопильной. Но теперь этого дома нет, остался он только на фотографиях, на его месте возвышается пятиэтажное здание. И все-таки дом и хозяйка его остались в памяти. Каминская с гражданской честью служила большому делу борьбы за Советскую власть.

Рядом жили два ее брата — Сергей и Иннокентий Машуковы и две ее сестры. Каждый отдельной семьей, в своих домах. Это были небольшие деревянные доми-

Иван Николаевич СЕМИКОРОВКИН
(р. 1898)

ки, можно сказать, на одной усадьбе. Надворные постройки, калитки, тропинки, садовые деревья и прочее — все это создавало удобные условия для конспиративной квартиры. Агриппина Яковлевна привлекла к работе и своих родственников.

Братья-красногвардейцы вернулись с фронта. Иннокентий стал связным с партизанами, потом и сам ушел к партизанам. Впоследствии он был чекистом. Сама Каминская обладала тонкими способностями разбираться в характерах людей, умением подбирать нужных и способных для конспиративной работы товарищей. Вокруг нее группировались активные женщины, через которых к ней стекались со всего города необходимые сведения. Женщины собирали перевязочный материал и медикаменты, приносили подпольную литературу и оружие. Все это, до поры, пряталось в ее доме или в домах родственников и в условленное время передавалось в партизанские отряды, а в 1920 году — на левый берег Амура, на фронт.

Здесь можно было надежно укрыться. Неоднократ-

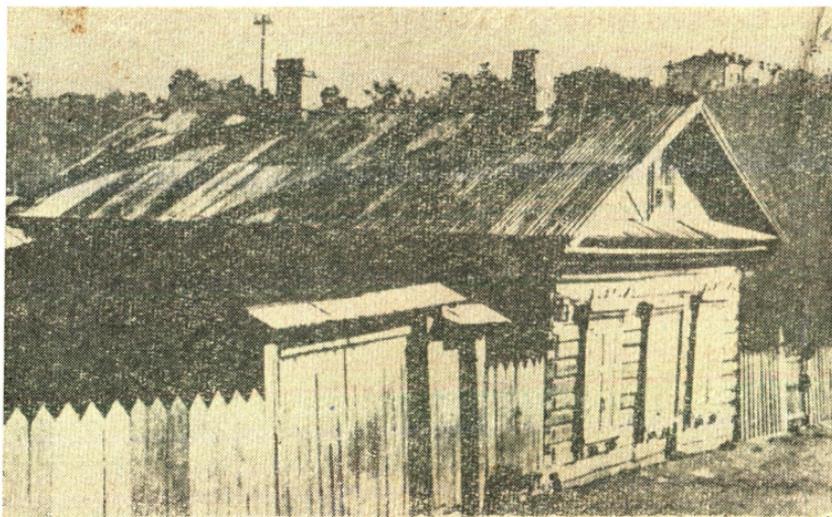
Агриппина Яковлевна КАМИНСКАЯ

но останавливался у Каминской партизанский командир Шевчук.

Ближайшими ее помощницами были Татьяна Брагина, Анна Машукова — жена старшего брата, Клавдия Окунева, Наталья Волкова, Елена Лебедева и дочь Зина, уже взрослая девушка-невеста.

Поддерживать секретную связь с партизанскими отрядами Шевчука и Кочнева чаще всего приходилось мне. Семья моя с давних пор была в близком знакомстве с Агриппиной Яковлевной. Позднее связью Хабаровского фронта с конспиративной квартирой Каминской руководил политработник-разведчик Сокрыт. В штат комендантской команды фронта зачислили тогда Иннокентия Машукова и Леонида Марцинкевича. Последний жил с супругой в доме Каминской как квартирант. Поляк по национальности, специалист-гравер и ювелир, он делал нам печати, паспорта, пропуска и другие документы. Все это передавали в комендантскую команду, то есть мне, а мы выдавали их подпольщикам и тайно выписавшимся из

Хабаровск, ул. Калинина, 131, дом Каминской. Снимок 50-х годов (теперь этого дома нет)

госпиталей раненым нашим бойцам, которых Каминская передевала и направляла с проводниками за Амур.

Несмотря на то, что Агриппина Яковлевна постоянно подвергала жизнь свою риску в обычной конспиративной работе, она нередко и сама выполняла ответственные поручения.

Как-то после японского выступления в апреле 1920 года она получила через Елизавету Андреевну Плеханову (Мучник) задание большевистского подпольного комитета переправить пакет за Амур и вручить командующему фронтом.

Только что прошел ледоход. В опасный путь Каминская отправилась на лодке со знакомыми женщинами. Японцы обстреляли лодку. Убили одну из женщин. Пришлось вернуться. Пакет Каминская незамет-

но уничтожила, утопила его в реке. Улик не было, женщин отпустили. А Каминская все же перебралась на левый берег и передала комиссару фронта Постышеву необходимые сведения.

Деятельность Каминской стала заметной. За два месяца перед окончательным освобождением Хабаровска ей пришлось «уехать к родственникам». Ушла она в партизанский отряд Шевчука.

Конспиративная квартира Каминской действовала на всем протяжении гражданской войны и не имела провалов.

Агриппина Яковлевна скончалась рано — в 1930 году, ей не было сорока пяти лет.

От ред коллег и. Втянула Каминскую в подпольную деятельность, видимо, старшая из сестер Плехановых, Ксения Андреевна. Она была медсестрой военного госпиталя, подпольщица, погибла на задании в период партизанского движения. Младшая ее сестра, Елизавета Андреевна, по мужу Мучник (известный революционер, публицист), приняла активное участие в подпольной работе большевиков во второй этап борьбы за освобождение Приамурья от белогвардейцев. Семьи Плехановых были дружны с Каминской, одно время снимали квартиру в ее доме. После восстановления Советской власти в Хабаровске Агриппина Яковлевна Каминская была известна как общественница. Потом уехала с семьей в Москву.

1-й ТУНГУССКИЙ ОТРЯД

О КОМАНДИРЕ

Павел Петрович ПОСТЫШЕВ

Шевчук со своим отрядом до 1920 года (потом в Народно-революционной армии) дрался с белыми за Советскую власть и имеет колоссальное количество заслуг наряду с другими руководителями партизанских отрядов. В отряде Шевчука был я сам с первых дней его основания.

У Шевчука были свои странности, как и у целого ряда командиров того времени. Я могу назвать нескольких таких командиров: Бойко-Павлова, Кочнева, Изотова, Шевченко (в Анучино) и других, которые имели отряды, ничуть не отличавшиеся от отряда Шевчука. Состав их был пестрым. Массовое красное партизанское движение — это ведь не такое организованное движение, к которому можно было подойти с определенной меркой и оценкой. Были в отрядах и люмпен-пролетариат и выходцы из мелкобуржуазной среды. Одни шли драться за Советскую власть, другие против японцев «за Россию»... Но в своей основной массе это было революционное движение трудящихся под руководством Коммунистической партии.

Степан Михайлович СЕРЫШЕВ

Режим, установленный Калмыковым в Приморской области, вакханалия расстрелов и пьяный раз-

Иван Павлович Шевчук в период первой мировой войны. (В кругу семьи во время отпуска). Слева направо: Екатерина (старшая сестра), И. П. Шевчук, Матрена (сестра, сидит), Елизавета Федоровна (жена) и сын Вася

гул его опричнины, вынудили тысячи рабочих и крестьян бросить мирный труд и бежать в тайгу, где они находили приют в многочисленных отрядах партизан.

Командирами партизанских отрядов выдвигались лица, пользовавшиеся доверием массы и авторитетом в решении военных вопросов.

Командир Тунгусского отряда Иван Павлович Шевчук, грузчик по профессии, работал в Хабаровском речном порту. Человек большой физической силы и роста. Малограмотен, но обладает природным умом, понимает хорошо военное дело, прямой и честный. Не совсем усвоив пути революционного движения и тактику Коммунистической партии последних двух лет, он тем не менее предан заветам Октябрьской революции и умрет на своем посту, но не покривит душой. Отряд его, в начале 1919 года состоявший из нескольких десятков человек, к концу этого года достиг тысячу человек пехоты и кавалерии (более шестисот бойцов. — Ред.). Действуя в хорошо знакомой ему местности, отряд Шевчука имел ряд крупных побед не только над калмыковцами, но и над японскими частями. С последними он не вступал в правильные сражения, а бил их путем чисто партизанских приемов — из засады или внезапным налетом. Отряд отличался суровой дисциплиной и спайкой. Большую роль в отряде играли и партийные работники, особенно старый революционер Павел Постышев и Вележев, человек большого ума и больших способностей.

Им обязана духовная сторона развития в отряде Шевчука.

Тихий в мирной обстановке, Шевчук становился в бою грозным не только для противника, но и для своих, если кто из последних проявит признаки трусости.

Шевчук Иван Павлович — это кристальная личность, революционер, представлял собой большую ценность в гражданской войне на Дальнем Востоке.

Михаил Максимович ХОХ

НАБЕГ НА ИНСКИЙ ГАРНИЗОН ИНТЕРВЕНТОВ

По указанию Хабаровского Совета Иван Павлович Шевчук летом 1918 года формирует красновардейскую роту из грузчиков и избирается ее командиром. С ней он отправляется на Уссурийский фронт и дерется там с белочехами и калмыковцами.

После падения фронта он был схвачен на улице города Хабаровска белогвардейцами и заключен в тюрьму. Случай помог ему бежать. В Архангеловке на Тунгуске, где жили его родные и семья, он с помощью деревенских активистов Сидора Капулина, Федора и Василия Шептюков стал формировать партизанский отряд. Здесь же был и я. Окончательный переход на положение постоянного боевого отряда подтолкнул такой случай. В один майский день к деревне прибыл пароход «Переселенец», на борту которого находились каратели во главе с офицером Пискуновым. Приехали они для поимки Шевчука. Первыми выбежали к реке ребяташки, увидели на пароходе вооруженных людей и вернулись в деревню с криками:

— Казаки приехали!

Карателям удалось захватить в деревне из молодежи только Сидора Капулина и Василия Шептюка. Иссеченных шомполами, их бросили в трюм. Сами

Иван Павлович ШЕВЧУК и
Михаил Максимович ХОХ.
Бывший адъютант партизан-
ского командира, М. М. Хох
(р. 1899) после гражданской
войны окончил инженерно-
экономический институт, ра-
ботал в угольной промыш-
ленности, ныне в Молдавии

белогвардейцы устроили попойку. Команда парохода помогла нашим ребятам бежать.

Объявлена была мобилизация в белую армию. Староста из Восторговки преуспел в этом деле, собрал группу парней призывного возраста и отправил в Хабаровск. Ехать им надо мимо нашей деревни. Помню, там были Лаврентий Тряпичка, Егор Голынга, Дмитрий Загоров. Мы их встретили. Шевчук сказал, что организуется партизанский отряд. Выбор такой: либо возвращаться домой, либо вступать в наш отряд. Все они дали слово, что придут к нам, и сдержали его.

В отряде сначала были Федор и Семен Шептюки, Иван Романенко, два брата Шевчука — Василий и Трофим (двоюродный), а потом пристал и меньшой, Максим, еще Семен Бердник, Сергей Демин, Николай Кузнецов, Григорий Власовский, Николай Зубишин, братья Капулины — Сидор и Сергей, Устин Коваленко, я и те ребята из Восторговки, а вскоре влилась молодежь из деревень Верхне- и Нижнеспасской. Весть об отряде быстро прошла по селам. Парни, мужчины, подлежащие мобилизации по приказу Колчака, шли к Шевчуку. Большинство приходило без оружия. С винтовками первыми пришли Василий Локтев и Федор Суслов. Прибыли скрывавшиеся в приграничных местах большевики и красногвардейцы. Среди них центросибирцы Вележев, Ежов, Постышев. Коммунисты.

С Постышевым мы встретились в деревне Преображенке на реке Кур. Он там скрывался под именем «дядя Тарас». Это был выдающийся политический организатор. Он взял на себя работу среди населения и партизан. Шевчук его очень уважал.

Постышев наладил широкую агитацию за партизанский Тунгусский отряд. Вечерами он диктовал текст воззваний. Множителями-писарями были Пустарников, Локтев, я и другие грамотные партизаны.

До утра переписывали, а потом эти воззвания отправлялись по деревням.

Избрали штаб в составе: Шевчук, Постышев, Федор Шептук, Вележев, Ежов. Командирами рот Шевчук назначил Федора Шептюка и Николая Зубишина. Связистами при штабе, помню, были Сергей Капулин и Зенковский.

Отряд стал представлять собой вполне сформировавшуюся воинскую часть, но развернуть свою боевую деятельность еще не мог, так как доставало оружия. Присылалось оружие из Хабаровска, но все-таки его не хватало. Доставали сами. Так, разоружили таможенников в Верхнеспасской.

Первой нашей боевой операцией был бой с японским гарнизоном на станции Ин. Прибыли мы туда к рассвету. Локтев и Голынга получили указание от Шевчука ликвидировать телеграф, остальные пошли в наступление.

Японцы отбивались и ружейным и пулеметным огнем, но не попадали. Мы же их много побили. У нас пали два партизана — Сеня Широков, убитый насмерть, и Власовский, тяжело раненный разрывной пулей в лицо.

Наш бой с интервентами расстроил нервы атаману Калмыкову. В декабре он послал в Архангеловку крупную карательную экспедицию под командованием генерала Суходольского, но кончилось это тем, что генерал с передовой группой бежал на станцию Волочаевка, а отряд почти весь был уничтожен — кто пал от партизанской пули, а кто замерз на льду реки. Были у нас и пленные, которых мы отпустили. Взяли хорошие трофеи: винтовки с патронами, сахар, муку, полевую кухню и, самое главное, пулемет.

Взбешенный атаман гонит на Тунгуску новую экспедицию. Она шла с орудиями, пулеметами и в сопровождении японских частей.

Партизаны отступили через тайгу в тыл врага и сожгли там мосты, разрушили телеграфную связь, взорвали в нескольких местах железную дорогу.

Белые ворвались в партизанскую «столицу» Архангеловку, но деревня оказалась почти пустой. Тогда стали расправляться со стариками и женщинами.

Через короткое время — новая карательная экспедиция, чтобы усмирить крестьян в селах по Тунгуске. Но на этот раз белогвардейщина просчиталась. Посланный батальон, прибыв в Восторговку, повернул штыки против офицеров и перешел к партизанам. Распропагандировали солдат влитые в часть пленные красноармейцы.

Я в эту ночь находился с группой разведчиков в Преображенке. Весть о намерении батальона перейти к нам сообщили нам старики Голынга и Загоров. Мы прибыли в восставший батальон. Нас встретили с воинскими почестями. У них были пулеметы «гочкис» и «максим» и горная пушка. Мы повели восставших на соединение с Шевчуком. Встреча состоялась в селе Забелово. Когда подошли партизаны, — командир наш был впереди на коне, — выстроившийся батальон встретил его возгласами:

— Ура! Ура! Слава командиру Шевчуку!

Новый 1920 год мы отметили вторичным наступлением на японский гарнизон в Ине. Но здесь, во время наступления, Шевчук был ранен. Когда он упал, как электрический ток пронеслось по цепи:

— Шевчук убит!

Цепь дрогнула. Шевчук с помощью подоспевших к нему партизан приподнялся — показался всем, что он жив. И все же пришлось отступить.

Раненого Шевчука отправили в Забелово, а затем увезли к друзьям на китайскую сторону. Во время лечения Шевчука командиром был оставлен Ряскин, перешедший к нам с батальоном. Он оказался к пар-

тизанской войне малоприспособленным. После неудачного боя под селом Луговым Шевчук, так и не поправившись, вернулся в отряд. Ходить он не мог, в Забелово, куда мы отступили, приехал в кошевке. Помню, вылез, на костылях подошел к братской могиле, где мы захоронили павших товарищей, отдал им последнюю почесть.

В дальнейшей борьбе, когда партизанские отряды стали частями НРА, наш отряд преобразовали в 7-й Амурский стрелковый полк, потом он стал называться 8-м Тунгусским полком. Командиром по-прежнему был Шевчук. Мы стояли тогда на станции Ин.

Сергей Кузьмич ДЕМИН

ТРОФЕЙНЫЕ ПУЛЕМЕТЫ

В 1918 году жил я в селе Архангеловке. Семья наша была — отец да я. Имущество — одна халупенка, которая скоро развалится.

После красногвардейского фронта я встретился с Иваном Павловичем Шевчуком, когда он только что пришел из Хабаровска, вырвавшись из когтей Калмыкова, из застенков казней. Он сразу начал агитировать нас и населению пояснять, что город заняли бандиты, бьют и казнят налево и направо. Начал организовывать отряд.

В первой нашей боевой операции участвовало тридцать человек. Пошли мы тогда биться с японцами на станцию Ин. Там нам удалось взять пулемет. Но японским пулеметом никто владеть не мог. В нем не было какой-то части.

Вторая наша встреча уже с большими силами белогвардейцев произошла во время совещания командиров в Архангеловке. Были Постышев, Кочнев и че-

ловек пять наших партизан. Собрались они в избе Шевчука. А в село нагрянула экспедиция под командованием Суходольского и застала наших партизан врасплох.

Подъехали к избе казаки. Из дома выскочил Кочнев. Потом, выбрав момент, — Шевчук и Постышев. Иван Павлович вспрыгнул на своего любимого коня Ваську, а Постышев расположился за пеньком и приготовился к бою. Казаки бросились за Шевчуком. Нагнать его они не могли.

Шевчук прискакал в расположение отряда (это в четырех километрах от деревни) и дал команду:

— В цепь! Наступать на Архангеловку!

И мы пошли. Экспедиция Суходольского была отеснена на север. Взяли несколько раненых в плен и направили в нашу лечебную часть.

Наш партизан Сысоев сбил в этом бою четырех вражеских офицеров, но и сам погиб.

На колокольне монастыря был у нас пост. 19 декабря нашим постом было замечено, что по Тунгуске движется на подводах неприятельский отряд.

Мы залегли цепью в ста метрах от монастыря. Отряд ждет приказа Шевчука к открытию огня.

Бой начался в три часа дня. Через несколько часов командир крикнул:

— Кто жив, сдавайся!

Но все были убиты, а кто не хотел признаться, лежал и мерз. Мы пошли собирать трофеи. Командир Кочнев на другой стороне Тунгуски нашел пулемет «Льюис» и принес его в штаб. Шевчук предложил мне:

— Сможешь на нем работать?

— Может, и сумею!

С 1915 до революции я служил рядовым в крепости Чныррах.

Взяли мы пулемет с товарищем Михеевым, пуле-

Сергей Кузьмич ДЕМИН (р. 1895)

метчиком. Стали пробовать — не работает. Разобрали и добились, что он стал работать.

Тут через монастырь, где мы пробовали пулемет, со старой Тунгуски стали бить артиллерийским огнем. Оказывается, опять прибыла калмыковская экспедиция.

Прискакал кавалерист от Шевчука с приказом отступить. В этот день мы были уже бессильны сопротивляться (несколько ночей не спали) и начали отступать в направлении Калиновки по дремучей тайге и болотным кочкам. Шли целую ночь. Так обессилели, что не могли дойти. Ждали рассвета у костров, потом двинулись. Километра три прошли — и Калиновка.

Один день отдыхали, затем пошли в село Марковку на Талге. Там простояли два дня. Подкрепились, подобулись — получили от рабочих арсенала три мешка ичижных головок. Вместе с отрядом Кочнева стали продвигаться снова в Калиновку, а там в Каменку — Николаевку — Покровку — Владими-

ровку — Самаро-Орловку и Верхнеспасское. 6 января 1920 года пошли в казацье село Казакевичево. Командир решил его разоружить. Но тогда казаки относились уже к нам дружелюбно. После нашего ультиматума сами принесли винтовки, шашки. Даже лошадей дали.

После нашего отступления белогвардейцы страшно расправились с Архангеловкой. Издевались над женами партизан, жгли дома. Из мужчин схватили Сергея Бердника, Коваленко, Семена Шидловского и Герасима Ильченко — все они старики да инвалиды. Казнили их в нашем доме. Резали на груди карманы и набивали солью, а в бока, прорезав раны, заталкивали мерзлую рыбу. Это со слов моего отца — Кузьмы Демина. Он попал в плен к белым, когда ехал на лошади. Привели его в штаб (стояли у Шанина), начали допрашивать:

— Куда красные отступили?

— Не знаю.

Начали грозить нагайкой, потом бить. Но часа через три выпустили.

Как только открыл отец дверь нашего дома, сразу увидел подвешенного к потолку Шидловского. В боках у него торчала рыба. На полу — другие, порублены на куски.

Отец бросился бежать через огород. Казаки увидели, скомандовали: «Стой!» — и начали стрелять. Но ему удалось скрыться в сопках.

А в деревне издевательства продолжались. Всех женщин и детей погнали в Волочаевку, во всех домах пооткрывали двери, даже погреба, так что померз картофель, все остальное было ограблено, сожжено.

В отряде было уже четыре пулеметчика — я, Михеев, Волков, Лебедев. Отряд действовал налетами, и нам приходилось прикрывать отступление. В бою под Луговым я с пулеметом засел на крыше черной

бани. Враги шли натиском. Били тоже из пулеметов и бомбометов. Пули сыпались как дождь. Наш отряд, не выдержав этого огня, стал отступать. У меня кончилась лента. Прикрывала отступление рота Николая Зубишина.

После Луговского боя отряд сосредоточился и стал продвигаться поближе к Хабаровску.

После преследования бежавшего Калмыкова мы получили еще два японских пулемета. Теперь у нас организовалась пулеметная команда. Меня назначили командиром. Действовать пришлось до 1922 года.

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 283, л. 174—180)

Илья Васильевич ПРОЦЕНКО

ВТОРОЙ НАБЕГ НА ИН

В конце декабря 1919 года, после боев в Архангеловке, наш отряд остановился в казачьем селе Луговое на берегу Амура. Привели в порядок свое оружие. Приняли в свой состав перешедшую к нам воинскую часть из бывших пленных красноармейцев и мобилизованного местного населения. Шевчук нас реформировал. Готовились к новым схваткам с врагом. Решили дать второй разгром японцам на станции Ин.

Разведка установила, что в железнодорожной казарме находится до ста человек. Казарма обложена мешками с песком, проделаны бойницы, остальная часть обита асбестом, чтобы не могла сгореть. Вокруг казармы понаделаны окопы и блиндажи. Выход укреплен пулеметом.

Командование нашего отряда решило напасть внезапно. Цель — показать японцам и калмыковцам,

стоявшим на других станциях, что даже такое укрепление, как Ин, и то взято партизанами.

В обеденное время вышли из Лугового. Расстояние — сорок пять километров. Нас было до пятисот человек.

Оружие, принесенное перешедшим к нам отрядом, мы разделили, но все же ни его, ни боеприпасов не хватало. Одеты мы были чрезвычайно бедно. Часть — в солдатских ботинках, а другие — кто в чем, даже в лаптях. Большинство в обуви собственного изобретения. Делали ее так. Расстилали на снегу только что содранную шкуру животного, партизан становился ногой, и шкуру обрезали по размеру, проделывали дырки. Из той же шкуры вырезали супонь, которую вдевали в дырки — обувь готова. Зашнуровывай и носи. Чтобы теплее, делали шерстью внутрь. Кое-кто ходил в сапогах из войлока. Некоторые партизаны одеты были роскошно — имели шубу или теплую ватную одежду, а другие только в брезентовых дождевиках.

Зато каждый одинаково был уверен, что мы обязательно победим. Не сегодня, так завтра уберутся и калмыковцы и японцы.

Шли мы почти всю ночь. Перед рассветом были уже под Ином и занимали исходную позицию.

Подходя к станции, Шевчук выслал две особые группы: одну в сторону Тихонькой (Биробиджан) — она должна была сжечь несколько мостов, прервать телеграфное сообщение, обязательно срезав столбы; вторая — в сторону Волочаевки с той же задачей.

Мы окружили поселок, но не вступали в него, чтобы не всколыхнуть врага. Командование получило сведения, что со стороны Тихонькой все прервано, а со стороны Волочаевки по ряду причин задание не выполнено.

Мы, лежа в снегу, готовились к бою. Наше коман-

Илья Васильевич ПРОЦЕНКО (р. 1895)

дование решило занять старое депо, захватить паровозы и пустить их в сторону Волочаевки на полный ход, сделать столкновение и этим прервать движение оттуда.

По команде Шевчука дан первый выстрел из трехдюймовки-горнушки, привезенной с собой батальоном солдат. Командир батареи у них офицер, пришедший вместе с ними. Первый снаряд дал перелет. Второй пробил казарму насквозь. Японцы моментально заняли окопы, и началась перестрелка.

У нас плохая позиция. А японцы, конечно, защищались жестоко. Их пулеметный огонь заседал весь тот снег, всю ту местность, где мы залегли. Почти пятидесятиградусный мороз выводил из терпения. Лежа в снегу, мы едва передвигали затвор, чтобы произвести выстрел.

Депо товарищи заняли, взяли паровоз и отправили его в сторону Волочаевки. Но стрелка оказалась переведенной в тупик, паровоз с разбегу свалился. Путь со стороны Волочаевки остался открытым.

После занятия депо заняли и станцию.

Во время боя командир наш, Шевчук, был ранен в ногу, командование принял Ряскин из батальона.

Ход боя сразу ухудшился. Напор огня с нашей стороны ослаб, и японцы начали перебегать в блиндажи и окопы. Тут подал нам пример шестидесятилетний старик Дмитрий Преданников. Он из своей берданы «маруси» свалил до пяти врагов, перебегавших в окопы. В разгар боя, когда японский пулемет вдруг замолчал, показался дым бронепоезда. Враг получил подкрепление. Партизаны отступили в лес.

Отступая, мы не имели продовольствия, так как рассчитывали пообедать в Ине, а теперь нам снова приходилось идти в Луговое. В течение двух-трех суток мы ничего не ели и не спали. Под конец многие не могли уже идти, оставались в снегу. Тогда командировали более сильных партизан, и они стали подбирать голодных и полузамерзших людей. Остальные же, взявшись за руки, человек по десять, проходили два-три километра, отдыхали и снова шли дальше. И вот радость — из Лугового навстречу нам выехала подвода — привезли два мешка пшена. Сырой, смерзшийся. Мы его разбивали на куски и ели. Все-таки поддержали силы.

Мы потеряли в Инском бою семь человек убитыми. Японцев же из сотни осталось человек десять — двадцать. И мы добыли с полсотни винтовок, верхнее обмундирование.

Налет наш на станцию Ин не дал тех результатов, которые мы предполагали получить, но в Хабаровске он вызвал большую панику.

В погоню за нами был направлен карательный отряд. Экспедицией командовал казачий офицер Перетятко, сын скотопоставщика для белогвардейской армии. Сам старик Перетятко был до этого взят нами в плен, был объявлен за него выкуп деньгами на нужды отряда. Сын тогда его не выручил. По слухам, в Хабаровске купцы провели сбор пожертвования, набрали, кажется, пятьсот тысяч рублей. Деньги при-

везла жена самого Перетятько. Мы его отпустили. И вот сын этого Перетятьки шел к нам с карательным отрядом.

Командовал нашим отрядом по-прежнему Ряскин. У него было много беспечности, во всяком случае охрана была поставлена плохо. В результате каратели перед утром подошли вплотную к Луговому; наши партизаны еще спали по избам. Подняла всех перестрелка заставы уже в самом селе. Оказалось, с казаками шли и японцы.

Мы дрались, в бою не победили, но враги не добились главного — не разбили наш отряд и не захватили в плен ни одного.

БОЙ ПОД НОВОТРОИЦКОМ

Февраль 1920 года. Отряд Шевчука находился в тринадцати километрах от Хабаровска, в деревне Владимировке. Мы получили от подпольной организации города сообщение, что Калмыков произвел чистку своих частей, сколотил довольно большой отряд, забрав всех белогвардейских бандитов, забрал в банке золото и, видимо, начнет прорываться через Новотроицкое, чтобы уйти на Усури, в свои казачьи станции.

Получив эти сведения, наш командир Шевчук перевел отряд через Амур, чтобы встретить здесь Калмыкова. Штаб отряда командировал 3-ю роту во главе с Колыбиным и батальон во главе с Зубишиным. Они должны были связаться с казачьим населением, увеличить силы с его помощью и встретить калмыковскую рать.

Наша рота пришла в Новотроицкое перед утром. Калмыков в это время выступал из Хабаровска.

В селах Курсаково и Новотроицком казачество

встретило нас с большой радостью. Пути его с Калмыковым разошлись. Даже из тех, кто служил у атамана, многие не захотели бежать. К нам присоединился отряд из казаков — примерно сто двадцать человек. У них было достаточно и винтовок и боеприпасов. Население ушло в тайгу, бросив скот и всю живность.

Ночью разведка сообщила, что первая колонна калмыковцев с двадцатью орудиями подходит к Корсаково, к утру возможно ее вступление в Новотроицкое. Засада расположилась перед утром на утесе. Чтобы не выдать местонахождение, каждому бойцу-партизану объяснили, что положительный исход боя зависит от маскировки и строжайшей дисциплины. Расположились мы сплошной цепью на протяжении пятисот метров. В цепи около меня, в аршинном снегу, лежали два мои младшие брата — Антонин и Анатолий. Их винтовки были направлены на дорогу, по которой должны сейчас проходить убийцы старшего брата Александра. В их юношеских глазах можно было прочесть многое, и, конечно, жажду мести за родного брата и за тысячи братьев по классу, замученных этими бандитами, царствовавшими с помощью интервентов в нашем крае уже полтора года.

Калмыковцы, исключительно верховые, продвигались тесными сотнями по льду протоки. Они должны были пройти в сорока—пятидесяти метрах от утеса.

Пропустив разведку, мы ждали, когда подойдут те сотни и сравняются с нашим головным взводом. И вот, когда калмыковцы вытянулись вдоль нашей цепи, командиры скомандовали: «По золотопогонным белобандитам пли!» — раздался громкий страшный залп. Нервы у всех были напряжены, пальцы на взводе, глаз на мушке, и в первый выстрел была вложена вся наша страстная ненависть.

После залпа калмыковцы и часть лошадей без всадников смешались. Теперь мы били наверняка.

АЛЕКСАНДР

ВЛАДИМИР

АНТОНИН

ПЯТЬ БРАТЬЕВ

Родное село братьев Проценко — легендарная Волочаевка. И хотя родились они не здесь, а на Кубани, все равно село родное: они в числе первых переселенцев, вместе с семьей ходока Волочаева, прибыли сюда в 1908 году. Строили первые дома, раскорчевывали первые клочки земли, участвовали в первых деревенских сходах. Тогда же и решили, что село будет носить имя ходока Волочаева.

Волочаевка входила в Тунгусскую волость, центром которой было село Покровка. Селения по Тунгуске были самыми заброшенными, самыми бедными в Хабаровском уезде. Бездорожье, избы, крытые корьем. Вместо магазинов — лавочки торгашей, да и то не везде.

Во время гражданской войны крестьяне Тунгусской волости поголовно встали на защиту Советской власти, в числе их были и братья Проценко.

Старший — Александр Васильевич Проценко (1892—1919). В 1918 году крестьяне избрали его председателем волостного исполкома. Его уважали за деловые качества. А дел было много: национализировались лесозаготов-

---

Калмыковцы поправились, стали отстреливаться. Но мы были недосыгаемы. Большинство же врагов старалось убежать.

Бой подходил к концу, когда мы услышали в тылу у себя пулеметную стрельбу. Мы были окружены второй колонной калмыковцев. Оставался один выход: по берегу, в село Новотроицкое. Но и здесь, как выяснилось, уже пройти было нельзя. И тогда нам

АНАТОЛИЙ

ки, создавались кооперативы, надо было открывать школы, разгораживались засады в устье Тунгуски, подготавливался по предложению населения перенос волостного центра в Дежневку. Не хватало сельхозинвентаря. Когда председатель выезжал по селам, то вез с собой то связку литовок для косарей, то кузнечные гвозди, то связку лопат.

Не успела укрепиться Советская власть, пришли белогвардейцы. В селах были учреждены земства. Александра Проценко поставили волостным старшиной. Белые надеялись, что он будет им служить. Работа его в управе была согласована с большевиком Павлом Петровичем Постышевым, скрывавшимся в этих местах, и с подпольной организацией, существовавшей в то время в волости.

Атаман Калмыков издал приказ о мобилизации. Его опубликовали в газете, расклеили в городе и в селах. Он гласил: «явиться на волостные сборные пункты в кратчайший срок».

Проценко дал воинскому начальнику ложные сведения о призывниках. На призыв шли больные и возвращались, а здоровые получали в управе справки, в которых было указано, что их год не призывной.

В мае 1919 года появился новый приказ, в нем угроза: «Объявляю, что все уклонившиеся от призыва на военную службу лица, а также содействующие уклонению от такового, будут предаваться прифронтовому военно-полевому суду».

Настало время открытой борьбы, и Александр Проценко, договорившись с Постышевым и Шевчуком, пошел по селам с призывом — идти в партизанский отряд.

Его начали преследовать, но крестьяне его не выдавали. Он проводил сходы то в одном селе, то в другом. Говорил о Советской России, о гражданской войне. На сходе принималась резолюция: от посылки сыновей в белую

пришлось отступать в сопки, путь к которым хорошо знали казаки из нашей группы. Они вывели нас в Казакевичево. В этом бою мы потеряли убитым одного — товарища Бабия.

Казакевичево было почти пустынно: и здесь население ушло в тайгу, боясь калмыковского нашествия. Мы же продвинулись в деревню Чирки, где должны были встретить партизанский отряд, посланный нам

армию на братоубийственную войну воздержаться, лошадей, амуницию и фураж тоже не давать. Молодежь уходила в тайгу.

20 августа 1919 года Проценко проводил сход в Калиновке. Здесь и заповедал, намереваясь рано утром уйти в Голубичное.

На рассвете в деревне появились белоказаки. Приехали на пароходе. Проценко схватили.

В двух верстах за деревней они привязали его к дереву и казнили.

Через день пришли в деревню партизаны Качнева. Крестьяне пошли с ними на место гибели героя. Ныне над могилой его, под сводами деревьев, поставлен обелиск.

Все остальные братья Проценко были партизанами в отряде Шевчука.

Владимир Васильевич (1893—1958). В 1949 году ушел в отставку в звании подполковника милиции, коммунист с 1924 года.

Илья Васильевич (р. 1895) — строительный рабочий с четырнадцати лет, красногвардейцем на Уссурийском фронте был в отряде Шевчука, а потом у него же в партизанах; позднее работал в учреждениях торговли, награжден орденом Красной Звезды (1967), коммунист с 1927 года.

Антонин Васильевич (р. 1898) — тоже рабочий и красногвардеец, за участие в Волочаевских боях награжден орденом Красного Знамени, служил в пограничных войсках, за боевые операции награжден орденом Ленина и шестью медалями, ушел в отставку (1952) в звании полковника, коммунист с 1921 года.

Анатолий (1903—1930) сгорел от чахотки, когда учился уже на четвертом курсе Воронежского горного института. Чистый и серьезный юнша, герой гражданской войны. Совсем еще мальчик — пятнадцати-шестнадцати лет — участвовал во всех боях шевчуковского отряда, в 1920 году его приняли в партию большевиков. Тогда же, во время японского выступления, он был ранен, чуть поправился и снова ушел в отряд, в октябре 1922-го вступал с красными частями во Владивосток.

на помощь. Соединились и пошли по Уссури, чтобы сделать новую засаду Калмыкову.

...Когда мы вернулись в Новотроицкое, то увидели жуткую картину. Прошла только ночь. Калмыковская ночь. Валялись трупы. Дома, заборы, снег были залиты кровью. Тут же внутренности животных, перья птиц. Кое-где дымились обгорелые дома. В одном амбаре нашли изуродованные тела партизан. Они были схвачены в засаде у деревни. Одна женщина сошла с ума. Такие же случаи были и в Казакевичево, и в Невельском.

Озверевший классовый враг в смертельной агонии мстил страшно.

У нас впереди был еще новый этап борьбы. Интервенты оставались в Хабаровске.

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 234, л. 142—157)

Максим Павлович ШЕВЧУК

КАК Я ВСТУПИЛ В ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД

В 1918 году, когда мой брат Иван Павлович Шевчук был на Уссурийском фронте, мы с одним товарищем по деревне пошли в город для того, чтобы вступить в Красную гвардию. Мне было тринадцать лет, а моему товарищу — пятнадцать. Пришли в штаб, но нас там не приняли, сказали: «Придите через месяц». Вернулись в деревню. В то время наши уже отступали с фронта.

Брат Иван Павлович попал Калмыкову в руки. Он дал знать в Архангеловку, и мы со средним братом Василием передали ему старые документы, которые были у него еще с германской войны. Из них следовало, что он офицер, и это помогло ему выйти из тюрьмы.

Иван приехал в деревню, мы взяли подряд на вывозку дров с реки и работали почти год. Брату часто приходилось скрываться. Были у него какие-то дела на стороне.

В июле 1919 года начал он формировать партизанский отряд.

До этого я, по его заданию, ездил по деревням

Максим Павлович ШЕВЧУК

и собирал оружие. Меня там ждали. Брат уже провел работу. Но в отряд он меня не брал, говорил, что я еще молод.

Когда началась колчаковская мобилизация, я сказал, что пойду, хотя и «молод», там дадут мне винтовку и форму. Тогда брат посмотрел на меня и стал объяснять, кто такие красные, а кто белые и чего каждый из них добивается. А я упрямо решил не отставать от брата и идти вместе с ним. Наконец он все же взял меня с собой.

Кроме меня в отряде были еще молодые ребята: Михаил Зенковский, четырнадцати лет, Проценко, Дроздов — приблизительно тех же лет. И еще помню, когда мы пришли в отряд, то товарищ Постышев удивился, но сказал:

— Вот хорошие ребята для разведки!

Был еще один парень, фамилии его не помню. Когда, бывало, шел бой, то он всех нас смешил своими анекдотами и прибаутками. Он был убит, когда мы ходили в наступление на Ин. Похоронен в братской могиле.

Я был во всех боях отряда.

Помню выступление японцев в апреле 1920 года...

Мы стояли уже в Хабаровске. 4 апреля я получил задание выехать из Хабаровска вниз по Амуру. Выехал, все сделал. 5-го утром, возвращаясь обратно, около базы речной флотилии был задержан японской заставой. Я пошел на заставу, так как предполагал, что мне будет выдан для проезда пропуск. Но с меня сняли клинок и наган и отправили в японский штаб для допроса, а затем в казарму, где был японский караул. Там заставили снять сапоги и дали взамен какие-то порванные, все в заплатах, ичиги. Через час услышал вокруг города стрельбу. Ночью в караульное помещение пришел японский офицер, допрашивал, избивал и хвастал:

— Скоро тебя изрубим, бурсука!

На другой день караул сменился и опять начали избивать — прикладами. Привязали к нарам за руки. Кушать ничего не давали.

Когда сменился следующий караул, ко мне подошел старший японский унтер-офицер, посмотрел, что у меня отекли и посинели руки, развязал, повернул их вперед и связал их только для вида. Принес чай, сахар, галеты. Накормил и сказал:

— Ложись спать!

Дал рогожу, чтобы я лежал не на сыром полу.

Просидел я на базе около месяца, и за этот период меня кормили только пять-шесть раз. Руки почти все время были крепко связаны. При смене караула попадались разные японцы. Некоторые относились сочувственно, и видно было, что они о нас другого мнения, чем все остальные.

30 апреля японцы привязали меня к телеге и привезли в тюрьму. Там они многих расстреливали, а когда приходил кто-нибудь из родных справиться, то им говорили, что он убежал. Меня же скоро отправили в лагерь военнопленных, где русских было около двух тысяч.

Бежал я из бани. Часовой ушел в караульное помещение, а мы, кто тут был, выбили окно, выпрыгнули. Когда перелезали через проволочное ограждение, то оборвали не только одежду, но и всю кожу. Шли всю ночь, попали в Воронежское, в лодке переправились в партизанский отряд.

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 238, л. 195—202)

1-Й ОТРЯД ХАБАРОВСКОГО РАЙОНА (2-Й ТУНГУССКИЙ)

Иван Николаевич СЕМИКОРОВКИН

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ОТРЯДА

Рождение отряда Кочнева было тесно связано с работой подпольной организации рабочих на базе флотилии. И потом из города шло оружие, присылали товарищей.

Была очень тесная связь с Шевчуком: координировались боевые операции, вместе совершали походы, часто через кочневцев шла почта подпольных организаций города в отряд Шевчука.

Сначала братья Кочневы были в отряде Ивана Жукова, но, видимо, по указанию подпольной организации, выделились и стали формировать новый отряд. Костяком были красногвардейцы и рабочие базы флотилии — всего двадцать восемь человек. Большинство имели винтовки, принесенные с Уссурийского фронта.

В ноябре в отряд прибыли активные участники революционного подполья Хабаровска Иван Караванов, Борис Жданов, Михаил Васильев. Они были арестованы, но им удалось бежать. Я тоже в это время бежал из-под белогвардейской стражи и прибыл в отряд Кочнева. В отряде с появлением подпольщиков поднялось боевое настроение. Избрали штаб, в который вошли вновь прибывшие товарищи. Разделились на два взвода, выделили конную разведку, командиром которой назначили меня. Ребята в разведку добрались боевые, молодые — Антипов, Донич, Шма-

И. Н. СЕМИКОРОВКИН и А. Л. МАРКОВ

Если добираться до базы отряда Кочнева прямо от города Хабаровска, то надо в лодке пройти множество протоков и таких кривулин у левого берега Амура, что временами кажется — возвращаешься назад — и выйти на простор озера Дарга. Далее плыть по нему, к лесистой сопке, берег которой спускается к воде обрывом.

От главного барака — партизанского лазарета — мало что осталось, но заметно, что был он типа землянки, с двумя дверьми — одна против другой. Обе давно рухнули. Посредине землянки выросла большая береза, чистая, белая. Крона ее тянется ввысь, к солнцу.

Место это показали эти бывшие партизаны. И рассказали историю отряда.

ток, Евтушенко, Мельников, Протченко, Костриков, Смирнов и другие. Мне тогда было двадцать один год.

Мы совершали рейды по тылам врага. Не раз встречались лоб в лоб с калмыковцами, иногда с ин-тервентами.

Однажды, зимой, послали сопровождать большой обоз. Надо было взять муку на мельнице, в районе богдановской заимки. Кочнев рассчитывал еще захватить в Минный городок и взять у наших людей взрывчатку.

Перевалили Амур, обошли Осиповку, выехали на дорогу. И здесь неожиданно наскочили на японскую засаду. Поднялось на нас человек двести. Драться пришлось чуть ли не в рукопашную. Потеряли половину лошадей, семь человек у нас ранили, одного убили. Все-таки мы вырвались. Погода была снежная, помогла уйти.

Через несколько дней мы прошли другой дорогой и муку на мельнице взяли. А взвод, стоявший в охране Минного городка (солдаты 36-го колчаковского полка), перешел к нам в полном составе и со всем снаряжением. Солдаты принесли в отряд все, что только могли захватить с собой.

В январе 1920 года против нас выступили одновременно японцы и калмыковцы. Японцы наступали с базы флотилии, напрямик по льду, а калмыковцы на конях через Николаевку, Калиновку и Голубичное, чтобы зайти с тыла. Хотели дать комбинированный удар.

В Калиновке белогвардейцы остановились, выслали в сторону Голубичного разъезд. А мы устроили здесь засаду. Когда разъезд приблизился вплотную, открыли огонь. Калмыковцы повернули лошадей и галопом умчались в Калиновку, а оттуда весь их отряд отступил в направлении Хабаровска.

Тем временем командир наш Алексей Кочнев с остальными партизанами встречал японцев у протоки Талга.

Шли три цепи солдат, сзади катили две пушки. Партизаны залегли за релкой и, подпустив противника на расстояние полтора-два сот метров, откры-

ли пулеметный и ружейный огонь. Первую цепь ско-сили почти полностью. Уцелевшие бросились за торо-сы. Японские солдаты brave и напористые, но здесь, когда мы их прижали ко льду, они быстро стали ко-ченеть от холода и пронизывающего ветра. Сколько раз офицеры их пытались поднять в атаку, но парти-заны дружным огнем снова и снова прижимали их ко льду. Бой длился часа два. Японцы отступили. Парти-заны их не стали преследовать. И так было все хо-рошо — полная победа.

В этом бою опять двое наших погибли и семь че-ловек получили ранения. Ранен был и лихой Николай Кочнев, брат командира.

Как мы выяснили в дальнейшем, между калмы-ковцами, действовавшими под Голубичным, и япон-цами, наступавшими на Талгу, не было связи, иначе нам пришлось бы значительно труднее. Кроме того, они надеялись, что мы испугаемся их силы и начнем отступать, не думали они встретить такой отпор.

Наша база осталась недосыгаемой. Она существо-вала до конца партизанской войны. Население нас поддерживало, иначе невозможно было бы создать и оберегать эту базу.

После декабрьских боев с калмыковцами в Архан-геловке, где вместе с шевчуковцами сражались и коч-невцы, и боев с японцами на подступах к Минному городку и у протоки Талга в партизанском госпитале собралось до тридцати человек раненых и обморожен-ных. Многие из них нуждались в срочной и серьезной операции. Фельдшер у нас был свой, военный. Он перешел к партизанам вместе с ротой колчаковцев в ноябре 1919 года из подразделения генерала Но-сова.

Не хватало перевязочных материалов и медика-ментов. Доставали их на базе флотилии через под-польщиков Делендину и других.

Фельдшер настаивал, чтобы привезли хирурга. А где его взять? Решили пригласить хабаровского доктора Здановского. Он жил на Поповской улице. Человек он хороший, помогал крестьянам безотказно, и знали его: то приедет на рыбалку, на отдых, на охоту. Не должен бы отказать. Послали к нему хорошо знакомого ему человека. Здановский согласился. Но как уехать: ведь если белые власти узнают, тогда беда и ему и семье. Договорились, что партизаны обставят его отъезд как насильственный.

Поздним вечером к дому Здановского подъехали сани, запряженные двумя лошадьми. Явление обычное — мало ли кому нужна в селе его помощь. В санях двое — Александр Кочнев и Евтушенко, смелые ребята. Вошли в дом. Как раз семья в сборе, за ужином. Жена забеспокоилась: к партизанам опасно. Но Кочнев ее успокоил:

— Чтобы вы не опасались, вот вам письмо от нашего командира. Обязуемся доктора через три дня доставить домой.

Доктор собрал саквояж и передал партизанам. Уехали. Через час жена позвонила по телефону в комендатуру и сообщила, что были у них партизаны, связали доктора и увезли неизвестно куда. Калмыковцы послали на поиски конный разезд. Но куда там! Дорог много, и над городом ночь.

Езды на добрых лошадях до нашей базы было два-три часа. За два дня доктор Здановский сделал более десяти операций, дал наставления фельдшеру и сестре, как ухаживать за ранеными. На третью ночь его отвезли в город. На окраине Здановский встал из саней и сказал:

— Все, ребята, езжайте назад. Дальше вам нельзя.

После ряда боев с партизанами в районе Хабаровска белогвардейские части были деморализованы и по

существо небоеспособны. Партизанские отряды готовились штурмовать город. Наш отряд в это время действовал на правом берегу Амура, в тылу японских частей — в деревнях Березовке, Смирновке, Матвеевке, Виноградовке, Анастасьевке.

Алексей Лукьянович МАРКОВ

ХОЗЯЙСТВО ОТРЯДА

Много лет проработал я в колхозе «Ленинский луч», село Марковка. Ныне пенсионер. А был рыбаком, мастером по постройке лодок. Много их сделал для колхозных рыбаков.

Лодки строить научился у отца. Лодки-румынки из нашей деревни славились по Амуру: легко отгрываются на волне во время шторма, как утки. Это потому, что формы они яйцеобразной, удобны для рыбной ловли сетями.

Как только заходит разговор о молодости и партизанской жизни, сразу вспоминается мне родная Марковка тех лет. Ведь она и названа по нашей фамилии, почему и родная. Переселились сюда крестьяне в 1914 году и построили четырнадцать домов. Переселенческое начальство дало деревне название Новосергеевка, но крестьяне воспротивились и упорно называли ее по фамилии нашего отца Лукьяна Трофимовича, потому что он первый сюда приехал.

Жили замкнуто. Перемен у себя больших не видели. Были бабы только в мировую войну по убитым мужикам. В белую армию никто не хотел идти. И вот в 1919 году, летом, появился у нас партизан Алексей Кочнев с десятком человек. Постепенно партизан прибавлялось. Пошли и наши. Артамон Марков (потом был пулеметчиком), Павел Теленченко,

Никифор Василенко, Петр Коваленко, Доници и я. К январю 1920 года вооружены были не только винтовками, а даже пулеметами.

Первое время в Марковке к партизанам относились недоверчиво: люди незнакомые, неизвестно, как себя поведут. Но через некоторое время так сдружились с партизанами, что приглашали в любой дом. Были в деревне две богатые семьи, кулаки — с ними, конечно, дружбы не вышло.

Я не сразу с винтовкой стал ходить, хотя и считался партизаном. Кочнев настаивал, чтобы побольше рыбы заготовить на зиму, и мне с группой ребят долгое время пришлось ее ловить. Потом пришла пора строить базу. Местные рыбаки помогли место выбрать и отрядили десять лучших плотников. А всех, вместе с партизанами, было много, и дело продвигалось быстро. Лес валили прямо на месте. Через три недели все было готово. Успели даже конюшню построить из жердей и накатника. Обоза набиралось до 50—60 лошадей, да были и верховые кони, для разведчиков. Скот тоже содержался. Конфисковали его в хозяйствах белогвардейских воинских ведомств и богатых промышленников.

В общем, успели вовремя, как раз заморозки начались.

Потом приходилось выполнять разные задания. Раз отвозили Ивану Павловичу Шевчуку семь подвод мороженого карася, а оттуда — фураж для наших лошадей. Ходили с Павлом Теленченко встречать роту колчаковцев, которая решила перейти к нам. Зимой из белогвардейских частей стали переходить группами. Вот тогда нас было уже сотни три.

Боевые действия нашего отряда — диверсии на железной дороге между разъездами Покровка, Николаевка, Дежневка. Порой дорога выходила из строя на много дней.

БРАТЬЯ КОМАНДИРА

Широко известны в истории борьбы за власть Советов в Приамурье партизаны братья Кочневы — Алексей, Александр, Николай и Григорий. Они из рабочей семьи со станции Зима, все начинали трудовую жизнь со слесарных учеников.

Старший, Алексей Николаевич (1885—1928) стал машинистом паровоза, служил во флоте во Владивостоке (1907—1911), потом работал на Амурской железной дороге, в мастерских речной флотилии. Переехали в Хабаровск и братья, жили на базе флотилии.

В 1916 году рабочие поручили Алексею формирование отряда Красной гвардии, с ним он был на Уссурийском фронте. Потом стал командиром партизанского отряда. Сначала собрались на заимке, на Малышевском острове, — братья и несколько красногвардейцев.

Не менее популярен был Николай Кочнев. В марте 1919 года на съезде в деревне Соколовке партизаны и подпольщики избрали его в состав партизанского штаба Хабаровского уезда. Он отличался храбростью, сам участвовал в налетах на белогвардейцев, был ранен. Но более всего ценили его в штабе за связь с городскими рабочими, умение найти и доставить оружие.

Александр был разведчиком и членом штаба в отряде. Вдвоем с младшим братом Григорием они прокрались ночью на базу флотилии, связали японского часового, охранявшего склад оружия, и захватили станковый пулемет. Это был первый пулемет у приамурских партизан вообще, и кочневы гордились им немало.

Отряд Алексея называли 2-м Тунгусским партизанским отрядом. Он долго сражался рука об руку с бойцами 1-го Тунгусского, Шевчука, и после японского выступления в апреле 1920 года волился в его состав.

Судьба братьев сложилась трагически. В 1920 году в селе Воронежском погиб от рук бандитов Николай, летом 1922 года на Рыбачьем хуторе —

Парфен Семёнович ДОНИЧ

МОЛДАВАНСКАЯ ЗАИМКА

Была она в пяти верстах от Марковки. Переселились мы из Бессарабии, вот и называли нашу «усадьбу» молдаванской. Семья состояла из шести человек — отец, мать, нас три брата и сестра. Сначала мы приткнулись в Переяславке, даже свой домишко за-

Группа отряда Кочнева. В первом ряду (слева направо): А. Кочнев, И. Семикоровкин, М. Васильев, И. Караваяев, А. Кочнев (командир); во втором ряду: Г. Кочнев, Евушенко, И. Донич, Н. Мельников (погиб 5 апреля 1920 года в бою с японскими интервентами в Хабаровске)

Александр, в 1923 году на Малышевском острове — Григорий. В 1929 году в Чите убит из-за угла скрывавшимся белогвардейцем Алексей. В последнее время он работал председателем президиума учпрофсожа Читинского участка Забайкальской железной дороги.

имели, но не прижились. Сказал кто-то нашим родителям, что за Амуром много ягоды голубицы и можно даже зарабатывать на ней. Мы переехали. Тайга, и нет никого поблизости. Построили землянку и жили в ней много лет. Распахали немного земли, и отец занимался хозяйством, старший брат Леонтий — рыбалкой, я — охотой, а младший Иван с матерью и сестрой собирали ягоды на продажу.

Были у нас берданка и дробовик. Охотился я на козу, зайца, лису и хорька. Добывал много дичи —

Парфен Семенович ДОНИЧ
(1897—1972)

рябчиков, тетеревов. Меха и дичь продавали, мясо козье тоже, из шкур делали унты. Хорошая обувь. Правда, выделывать шкуры мы не умели, отдавали нанайцам, те мастера отменные. Жили они по Тунгуске в стойбищах.

Когда началась империалистическая война, Леонтия забрали на фронт, потом призвали меня. Я служил во Владивостоке. Но вот грянула революция. Вернулся Леонтий, вскорости и я приехал. С собой привез винтовку и двести пятьдесят патронов. Оставил винтовку на займке, отцу наказал: «Смотри, чтобы никто не утащил, пригодится еще», а сам нанялся на работу в Амурскую флотилию. Плавал на шаланде, потом с Леонтием работали клепальщиками в котельной.

Винтовка скоро пригодилась. Пошли на нас белочехи, и я отправился на Уссурийский фронт. На вокзале нас провожали с духовым оркестром. Леонтий тоже был красногвардейцем, уехал на подавление гамовского мятежа и там задержался. На фронте был я

в батальоне у Флегонтова. Смотрю, и младший, Иван, здесь. С ним еще двое, такие же мальчишки. Флегонтов заметил и отправил в Хабаровск: «Малы еще под пули лезть!»

Вернулись с фронта, отступили... Я снова в клепальщики, да заняли японцы базу, нас вылавливать стали. Мы на лодку, да на левый берег, к отцу на заимку. И Леонтий вернулся. Словом, опять все собрались.

Кочневы тоже перебрались на Малышевский остров. Там у них рыбацкая халупка стояла. Леонтий ушел к ним, женился на их сестре. К Кочневым помаленьку стали прибывать люди — Зайцев, Гребенюк (был в отряде интендантом, а нелегкое дело накормить и одеть партизан), потом прибыл Николай Максимович Фищенко, участник еще первой русской революции, арсеналец. И мы — все братья, даже Ваня, — оказались у Кочнева в отряде, только отец оставался дома.

На заимку к нему частенько партизаны заходили: то обогреться, то переночевать. И как-то калмыковцы заявили. Но собака выручила, лай подняла, и случившиеся тут товарищи вовремя повыскакивали.

Уже под осень пришел к Кочневым связной от Шевчука. Когда стал возвращаться, спросил меня, как лучше пройти. Я места знаю, до самых сопок Вандая все исхожено, вот и направили его ко мне. Решил проводить сам. Пришли к нам на заимку, взяли оморочку и через протоки и по Тунгуске приплыли к монастырю в Архангеловке (мужской монастырь там был). Когда Шевчук увидел меня, сказал:

— Оставайся-ка у меня. Будешь связным разведчиком.

Много раз я носил бумаги туда и обратно. В Ха-

баровск, на речную базу, оттуда связь шла в отряд Кочнева, к Шевчуку.

Раз я прибыл на базу флотилии, нашел Делендину, как и было сказано, отдал ей бумагу.

— Давай, что назад нести, — говорю ей, — скоро вечер, японцы посты выставят, не пройдешь.

Она меня угостила обедом, и я пошел. Как назло, у японцев переполох получился, все начальство выехало к Березовке, партизан обнаружили. Меня около штаба задержали, поволокли к офицеру. Им оказался врач, других не оказалось. Он спрашивает: кто я, большевик? Нет, говорю, рыбак и показываю жестами, как рыбу ловлю. А сам пьяным притворяюсь. Он посмотрел и выписал мне на дощечке пропуск. Так у них было принято. Иду вниз по дороге, упаду, как вроде пьяный, а когда поднимаюсь, смотрю, не бегут ли они за мною. Ведь станут обыскивать — найдут бумагу. Ушел.

Однажды чуть казакам не попался. Приехал в Калиновку на лошади. Винтовку подвязал у самих полозьев саней, под вязками, и кстати — в деревне оказались белоказак. Подскочили, сено в санях переворошили, а винтовку не заметили. Если б посередине подвязана была, заметили бы, а то сбоку, сразу не видно.

Отец наш тоже пошел в партизаны. Получилось так. Я прихворнул. Лежал у знакомых в той же Калиновке. Отец пришел ко мне. А тут как раз надо вести в отряд группу новых партизан. Отец сказал: «Я отведу!»

Ушел и остался у Шевчука. Чуть ли не самый старый партизан там был — пятидесяти семи лет, да и по виду дед — бороду не брил. Когда вошли в Хабаровск, Шевчук его отправил домой. Иди, — говорит, — Семен Григорьевич, домой, спасибо тебе за службу, старик!

С отрядом я участвовал во втором бою под Ином. Но главная моя задача была — разведка и связь. Ходил ночами, а морозы крепкие были. Однажды пришлось целую ночь на морозе пролежать, как говорится, под самым носом у колчаковцев. Обморозил и руки и ноги. Долго мазали мне их гусиным жиром, вроде прошло, а потом еще раз прихватило. Борьба, казалось, шла к концу, я не обращал внимания на болячки. И так получилось, что когда партизаны заняли Хабаровск, я, как ни тоскливо было, остался на заимке. Словно птица с подбитыми крыльями: отстал от стаи.

Ходить я уже не мог. Кончилось тем, что ноги пришлось ампутировать.

За боевые заслуги перед Родиной имею орден Красного Знамени.

КУЛЬДУРСКИЙ ОТРЯД

Константин Владимирович МЕЛЬНИКОВ

КОМАНДИРЫ И БОЙЦЫ

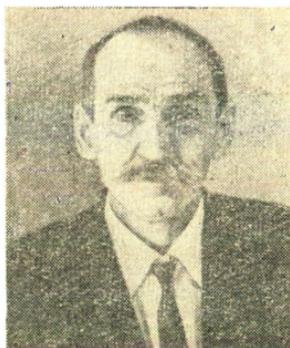
Мы пытались организовать еще в 1918 году, как пали первые Советы. В группу сначала вошло пять человек, затем она несколько пополнилась, состояла, в свою очередь, из отдельных групп, разрозненных, слабо вооруженных. Собственно это был отряд для защиты от белоказаков. Он был разгромлен.

Второе рождение отряда — 1919 год. Учтя прежние ошибки, наш командир Федор Воробьев создал сеть связных пунктов в Биракане, Кульдуре, Лондоко, Известковом. В Биракане связными назначили Шилова, Дурилова и меня. Не раз казаки пытались внезапно напасть и уничтожить основную базу отряда, но прежде чем добирались до места, связные успевали предупредить Воробьева.

Проводили диверсии в основном на линии железной дороги. Помню такой случай, когда у нас еще и оружия почти не было. Связной отряда явился ко мне, вручил свисток, какими обычно пользовались жандармы, и передал приказ Воробьева: завтра во второй половине дня занять место за западным склоном сопки на окраине поселка; услышав условный сигнал, я должен ответить. Только после операции мы узнали, для чего это понадобилось. А дело было так. Расставив нас в укрытии, командир явился на вокзал, заставил начальника станции наполнить большую банку керосином и отнести ее к деревянному

Об истории Кульдурского партизанского отряда на реке Бире рассказывает Константин Владимирович Мельников (1895—1970). Был он рабочим-приискателем, жил в селе Биракан и участвовал в партизанском движении в районе, потом вступил в составе отряда в Народно-революционную армию. В дальнейшем — на хозяйственной работе, был начальником паспортного стола в Амуре.

Рассказ его записали школьники, красные следопыты

мосту. Чтобы тот не подумал, что Воробьев действует в одиночку и не попытался воспротивиться, командир подавал сигнал свистком, а мы откликались на него из разных мест. Когда керосин был доставлен, Воробьев отпустил начальника станции, а сам поджег мост. Эта операция на три дня остановила движение транспорта белогвардейцев.

Первый наш командир Федор Воробьев погиб на станции Ин, когда направлялся на связь в Хабаровск. Был опознан и схвачен. Отряд возглавил Анатолий Федорович Большаков-Мусин, бывший красногвардеец, из черемховских рабочих, жил в Биракане.

Когда партизаны в марте 1920 года вступали в Хабаровск, наш отряд вошел в Бирю. В апреле стало известно о вероломном выступлении японцев. Наш отряд из Бирю немедленно отправился на помощь и занял оборону на левом берегу Амура. Вот там я стал командиром взвода. Было это так.

Большаков-Мусин приказал мне:

— Скажи Кузнецову, пусть подберет десять ребят помоложе да покрепче. Сегодня в ночь надо сходить к японцам в разведку. Место чистое — придется ползти. Стариков не брать и детишек тоже.

Анатолий Федорович БОЛЬШАКОВ
(1888—1948)

Кузнецов Иван — командир 3-го взвода, бывалый фронтовик и служака, из старых унтер-офицеров, лет тридцати пяти. Стройный, с выправкой, черноватый. Любил и песни солдатские, сам запевал. Когда я ему доложил приказ Большакова, он поручил разведку мне.

Я подобрал крепких ребят и назвал себя старшим команды. Так и осталось за мной это командование. Ребята ко мне привязались.

Выполнишь одно, не успеешь отдохнуть, а там — другое. Получилось так, что наша команда была в распоряжении самого Большакова. Началось опять-таки с пустяка.

Как-то мы из-под Хабаровска направлялись через Облучье в Пашково. Отряд выстроили. Наша команда, или 4-е отделение, оказалась, как обычно, сзади, на левом фланге. От станции пошли строем. Мои ребята — двенадцать человек — заметно отличались, и я только удивлялся, кто их научил так ровно в ногу идти, голову высоко держать: ведь я сам никогда

военным не был. Ребята были рослые, как один. Большакову это бросилось в глаза. Он подошел к Кузнецову и сказал:

— Будем заходить в Пашково, поставьте их вперед.

Прошли сорок километров, и под конец растянулись, а моя команда входила первой. У меня на душе было радостно, ведь похвалу и взрослые любят. Так что о Большакове я сужу больше по себе, да и вся моя команда была рада, когда Большаков давал сложные задания. Ребята всегда ждали боевых дел.

Вот одно из них я хочу описать. Это задание у меня врезалось в память на всю жизнь.

20 июня 1920 года после весенней слякоти установилась чисто летняя погода. Моей команде в этот день предстояло идти в наряд, поэтому мы не пошли копать окопы, что укреплялись на берегу Амура ниже села. И все эти наши боевые дела никак не укладывались с таким теплым ясным днем: в огородах все позеленело, все отдает какой-то новой радостью. От остатков беляков очистились, жители относятся к нам с доверием, и бойцы отряда уже не походят на солдат. Смотришь, мужичок затесывает кол, поправляет городьбу, а другой мастерит грабли — рубашка на нем цветная, без пояса. Винтовка в углу стоит. Даже не верится, что всего десять—пятнадцать дней назад он полз ночью, держа на взводе оружие. А моя команда играет в ограде с ребяташками в бабки. Я сижу на крыльце и думаю:

— Нет, все это не так... ничего еще не кончилось...

Подходит боец, молодой парнишка.

— Товарищ командир, тебя сейчас же зовет командир отряда!

А я сижу: «Ну, опять каких-нибудь бандитов искать, по подпольям лазать!» И в глупой перестрел-

ПОДПОЛЬЩИКИ ПОСЕЛКА БИРА

Улица Вокзальная, 32, в поселке Бира. Здесь жили Онищенко, переселившиеся с Украины еще в 1907 году. Не так давно в доме производился ремонт и между потолочной балкой и плахами был обнаружен тайник, где хранились политические брошюры, книга Рембо «История Французской революции», материалы, изданные Оргкомитетом РСДРП по рабочему вопросу и номер газеты Дальсовнаркома «Дальневосточные известия» за 26 августа 1918 года, извещающий о ходе 5-го чрезвычайного краевого съезда Советов, о трудном положении на Уссурийском фронте...

Н. Т. ОНИЩЕНКО

В этом доме, у отца, в конце 1918-го и в 1919 году жил работник комиссариата труда и транспорта Дальсовнаркома Николай Трофимович Онищенко с женой. Бывший строительный рабочий Амурской железной дороги, потом железнодорожный рабочий, затем рядовой царской армии. Служил во Владивостоке, где и был выдвинут в городской Совет, затем в аппарат Дальсовнаркома.

В Хабаровске старожилы его помнят.

В самые трудные — первые месяцы после падения Советов, когда еще не всколыхнулось массовое движение против Колчака, и царствовала контрразведка белых и интервентов, он не уничтожил свою скромную библиотечку

ке с ними падет кто-то из моих парней. А ведь они совсем еще дети. В бабки играют!

Посыльный не уходит. Я говорю:

— Ну, а ты кого ждешь?!

— Тебя, товарищ командир.

— Что же, ты на веревочке меня поведешь?

Тогда он пошел, а сам все-таки оглядывается.

Большаков коротко объяснил, что на заброшенной заимке по речке Дичун, в пятнадцати—восемнадцати километрах от Амура, обитает банда в шесть—восемь человек.

— Учти, банда хорошо вооружена.

А я злой, говорю:

— Кто обнаружил, тот и, пожалуйста, пусть идет, зачем хлеб отбивать!

политграмоты, сохранил даже номер советской газеты. Хотел сберечь их, как самое дорогое, заветное.

Работал возчиком леса. За ширмой этой работы ему было легче скрываться от контрразведки, вместе с тем — бывать в разных местах. Его видели рабочие Облущья и партизаны Кульдурского отряда. Он возил им собранное рабочими оружие.

Японские интервенты, стоявшие гарнизоном на станции Бира, догадывались о существовании местной подпольной группы. Нашупать ее помогли антисоветски настроенные элементы. В их доносах говорилось об участии Николая Трофимовича в организации партизанского отряда в верховьях реки Согда-Биря, что он проводит тайные собрания, на которых оповещает подпольщиков его жена Александра Григорьевна.

Ночью 13 мая 1919 года молодые супруги Онищенко были арестованы. Они погибли в застенках палачей. Об этом рассказывают документы, хранящиеся в партийном архиве обкома КПСС Еврейской автономной области.

В сквере у вокзала рабочим Онищенко воздвигнут обелиск.

А. Г. ОНИЩЕНКО

(Подготовила М. С. КОЗАЧЕНКО,
зав. партархивом обкома КПСС
Еврейской автономной области)

— Давай лучше обсудим, как обойтись без потерь, — спокойно возразил Большаков. — Возьми людей из конной разведки. Твои отдохнут.

— Нет, ребят обижать не буду. Пойду со своей командой.

Решили до села Радде проехать на нашем катерике и за час—полтора до рассвета быть у фонаря на Дичуне.

Я вернулся, блеснула опять эта мысль: не тревожить ребят, пусть играют в бабки, а я возьму разведчиков, они постарше. Но мой меня окружили. Смотрю на них. Вот Васька — впрямь сынок. Такой беленький, личико, как у ребенка, а глаза блестят: рад, что новое задание и от самого командира. Он всегда со мной рядом. А вот другой Вася, Крылов, —

крупный парень. Длинный чуб зачесывает назад. Если волнуется, снимает шапку и приглаживает волосы. Коля Кушнарев — богатырь, хлебороб, хозяин. Но не для себя, для всех. Как идем на задание, я все проверю и повыбрасываю лишнее. «Остальное делите, ребята, поровну». А Коля незаметно от меня соберет все и себе в сумку: и хлеб, и сухари, рыбу и прочее. У него силенки хватает. Но ни грамма не съест один. И если не возьмешь от него — обидится.

Я объяснил задание. Ребята веселые.

В Дичун мы подъехали вовремя и через два часа подошли к зимовью. Избушка заросла мелким леском, видна одна дырявая крыша, из трубы — слабый дымок. Незаметно окружаем и сжимаем кольцо. Вдруг четыре выстрела подряд. Слышу в барачке возню, разговор. «Сынок» сдернул гранату. Я ему рукой показал: «Стой! Сходи проверь: как наши?» Он быстро вернулся, шепотом говорит:

— Все живы!

Я выбрал небойное место, стал подползать. Вася скулит: хочет гранату кинуть. Я показал ему: башку оторву! Сам выбрал толстую лиственницу, рванул к ней и оказался в пяти метрах от барачка. Веду с домом переговоры — ответа нет... Вдруг один выскочил и наутек. Мы его сшибли. Второй за ним. Я автоматически выстрелил, и этот упал. Я погорячился и вышел из-за лесины, но Васька толкнул в ноги, сшиб меня. И вовремя — завизжали пули. Опять предлагаю сдать — ответа нет. Тогда говорю:

— Три счета и поджигаем барак!

Показалось несколько человек с поднятыми руками.

— Коля, потряси их! — сказал я. Это значит — общи.

Коля Кушнарев подошел, взял одного подмышки,

а тот побледнел и свалился замертво. Кое-как отводились.

Я смотрю: работяги, хотя из казаков.

— Почему не сдавались? — спрашиваю.

— Боялись, что мучить станете. Мы от Калмыкова отбились.

Мы их успокоили, дали покурить. Ребята проверили тех, двоих: может, живы? Нет. Первый раз в жизни мне их стало жаль: обманутые людишки, сколько муки, и вот она, никому не нужная смерть.

Назавтра мы вернулись в Пашково. Я просил за беляков, чтобы помягче с ними обошлись: жертвы темного казачества.

ХАБАРОВСКИЙ ФРОНТ

Алексей Канидьевич ФЛЕГОНТОВ

ПОСЛЕ 4—5 АПРЕЛЯ 1920 ГОДА

В начале 1920 года партизаны занимают Никольск-Уссурийский, Владивосток, Иман, Хабаровск, Николаевск... В Амурской области объявлена Советская власть: японцы из нее эвакуировались.

Атаманы уссурийского и амурского казачьих войск бежали за границу, а вместе с ними наиболее контрреволюционная часть их войск. Бегство Калмыкова стало возможным только благодаря помощи ему интервентов. Даже то население в Хабаровске, которое встречало атамана с цветами, теперь не прочь было поаплодировать его падению. Недаром Калмыков, убегая, издал приказ, в котором бессильно угрожал, что «первым делом его будет, по возвращении, — это повесить всех тех, кто радуется его уходу не меньше, чем его вступлению».

Заняв города, партизанские отряды постепенно стали переходить к структуре регулярных частей. Бывшие колчаковские части в момент переворота восстали против офицерства и перешли на сторону партизан. Все эти части положили начало народно-революционной армии. Красной Армией мы называться не могли. Все объективные условия и политическая обстановка требовали сохранения мира и величайшей осторожности в отношении к оставшимся японским частям в Забайкалье, в Приморье, у нас в Хабаровске и на Нижнем Амуре.

Начинается скрытая игра японцев в признание и непризнание наших органов власти. Они предъявляют целый ряд требований, наглых и невыполнимых, их войска устраивают в ряде городов маневры, их патрули задерживают наши, подкалывают лошадей у наших кавалеристов. Явные провокации.

В ночь на 12 марта 1920 года японцы предательски напали на штаб партизанских отрядов в Николаевске-на-Амуре. Начался бой, кончившийся уничтожением самих японцев.

Этот факт японское командование приняло за оправданную точку дальнейших выступлений. В ночь 4 апреля японские войска совершили переворот во Владивостоке, обезоружили красные части, арестовали членов военсовета; в этот же момент напали на наш гарнизон в Никольск-Уссурийском, завязался бой, который закончился к вечеру тем, что часть наших войск была обезоружена или уничтожена, а часть успела выйти из города и отступила в сторону Хабаровска.

В Хабаровске исполком и наше военное командование в лице командующего Булгакова-Бельского и военкома Стояновича получило, частным образом, сведения, что в Уссурийском происходят события, точный смысл которых непонятен, так как правда японцы перерезали. Эти отрывочные сведения расценивались как очередная провокация, поэтому мер никаких принято не было. Бельский назначил на 10 часов утра 5 апреля совещание командного состава совместно с исполкомом, а в 9 утра раздался сигнальный артиллерийский выстрел со стороны японцев, взвилась ракета и одновременно открылся ураганный пулеметный, ружейный, артиллерийский огонь вдоль улиц города, по казармам, где располагались партизаны, и по мирно занимавшемуся безоружному народно-революционному полку.

Завязался неравный бой. На стороне японцев была полная организованность, на стороне партизан и вообще всех революционных частей — неподготовленность. В частях отсутствовали командиры. Только отряд Шевчука и еще несколько партизанских подразделений во главе со своими командирами оказали сильное сопротивление. Разрозненные партизаны и вооруженные рабочие героически дрались в отдельных пунктах города. Но тот, кому принадлежало право быть руководителем (Бельский), с самого начала боя, потеряв связь с отрядами и регулярными частями, растерянный и беспомощный, отступал е инструкторской ротой.

Японцы громили Хабаровск в течение трех дней не переставая. В результате этой бойни оказалось убито несколько сот мирных граждан и детей, очень много наших бойцов, разрушены лучшие здания. И уже после прекращения бойни японские войска совместно с белогвардейцами, которых немало скрывалось в штабах интервентов и в консульствах, принялись за обыски, совершали грабежи, насилия над женщинами.

Остатки революционных частей стягивались к вечеру 5 апреля и к утру 6-го на левый берег Амура, к станции Покровка. Сюда же пришли ответственные работники исполкома и партийной организации большевиков. На совещании с комсоставом был создан штаб отрядов. Командующим снова назначили пока левого эсера Булгакова-Бельского, военкомом — Стояновича, начштаба — Постышева, но через два или три дня его сменил Вележев, а Павел Петрович Постышев стал начполитотделом штаба.

Первоочередными задачами штаб поставил — организацию воинских частей, установление связи с Благовещенском, выяснение положения на правом берегу и по линии Уссурийской железной дороги. Основ-

ная цель — принять меры к пресечению попыток японских войск продвинуться в Амурскую область.

Срочно создали 1-й полк под командованием приморского партизана Тетерина-Петрова. В состав полка вошли инструкторская рота бывшего 35-го полка, матросская рота и прибывающие одиночки других воинских частей. В первую очередь организовали оборону железнодорожного моста через Амур.

Связавшись с правым берегом, выяснили, что на разъезде Красная Речка находятся партизанские отряды Бойко-Павлова, Вредного и другие, всего около двух тысяч штыков. Отступающие части из Владивостока, Уссурийского и Спасска также концентрировались на Красной Речке. Они имели своих командующих, не хотели подчиняться друг другу, неохотно подчинились и общему командованию. Там начиналась митинговщина не только среди рядовых, но и комсостава, так что даже вопросы стратегического характера решались общим собранием.

Учтя количество сил как на правом, так и на левом берегу Амура, командование именовало фронт «Восточным» и организовало два боеучастка — «Правобережный» и «Левобережный» полукольца. Наименование кольцо было дано потому, что Хабаровск, окруженный партизанскими отрядами, находился действительно в кольце. Командующим «Правобережным» полукольцом назначили Шевчука как наиболее популярного среди партизан, а начштабом меня. Левым и вообще командующим всем кольцом оставался Булаков-Бельский.

В это же время прибыл из Благовещенска командированный Амурским ревкомом Серышев с полком, составленным из амурских партизан. Скоро Степан Михайлович Серышев стал командующим.

Горячие головы некоторых командиров партизанских отрядов, главным образом местных, настаивали

на немедленном наступлении на Хабаровск. Командованию пришлось согласиться. И вот, разработав план наступления, 13 апреля оба полукольца должны были ночными действиями сжать Хабаровск и захватить его. Но ни один из партизанских командиров не выполнил данных ему задач, не вышел к исходному пункту. И штабу, подошедшему на расстояние трех верст к Хабаровску, утром на глазах японцев пришлось удирать на Красную Речку.

После этого некоторые партизанские части ушли снова в Приморье, другие постепенно стали сосредотачиваться на левом берегу Амура.

* * *

Армия Хабаровского (Восточного) фронта быстро росла. Сначала были созданы отдельные батальоны, затем полки. Закипела работа по укреплению левого берега Амура против Хабаровска. Наметились укрепленные линии вдоль железной дороги. Минировалась река.

Не отставал и тыл. Рабочие чепуринского завода в Благовещенске отливали снаряды, ремонтировали пушки, строили броневики, работая 12—14 часов в сутки. Хабаровские рабочие, не успевшие уйти на левый берег, из-под самого носа японцев тащили на фронт все, что могли, и все, что хоть немного было нам полезно. Крестьяне Амурской области везли хлеб.

Фронт креп.

Единственный недостаток — отсутствие запаса патронов: на руках у бойцов было по тридцать—сорок патронов к русским винтовкам и не более ста — к японским.

Японцы тоже не дремали. Связавшись со своими главными силами в Приморье и наладив канонерские

лодки, они пытаются захватить левый берег Амура.

Первая попытка им не удалась. Это придало энергии нашей молодой армии. Весь берег покрылся окопами в течение трех дней.

Японцы пробуют перехитрить. В начале мая, будучи командиром полка, я производил смену на передней линии, где стоял полк Ефрема Ярошенко. И вот, в момент смены частей, под покровом ночи, с потушенными огнями подошли на пароходах японцы, быстро выбросили на берег свой десант — как раз в том пункте, где стояла небольшая застава. Завязался бой.

Под напором яростно наступавших японцев моему полку пришлось отойти на линию Бешеной протоки, что в двух верстах от берега Амура. Здесь мы окопались.

Цепи лежали друг против друга через протоку, на расстоянии тридцати—сорока саженей. Все попытки японцев перейти протоку на лодках оканчивались их потоплением. Заходившие к нам в тыл канонерские лодки тоже не смогли сломить упорство наших бойцов.

Здесь, надо полагать, интервенты были немало удивлены огромной переменой, происшедшей после событий 4—5 апреля и на Красной Речке. Мы вполне выдержали экзамен, данный нам регулярной образцовой армией врага, и сами дали ей хороший урок.

Японское командование вело во Владивостоке с нашими представителями переговоры и вынудило, пользуясь силой и трудными нашими обстоятельствами, заключить 29 апреля так называемый «мирный договор». Сводился он, в общем, к следующему:

- 1) прекращение военных действий между японскими войсками и войсками приморского правительства;
- 2) создание нейтральной зоны, причем она фактиче-

ски существовала только для наших войск; 3) контроль японцев над транспортом. И целый ряд других пунктов, выгодных только для них.

Наши бойцы были страшно удручены этим договором. Настроение усиливалось еще и тем, что японские интервенты, по своей обычной наглости, не выполняли в точности условий: по договору они должны были прекратить обстрел наших позиций с момента вступления на тот берег наших представителей, но стрельбу они не прекращали до самого вечера, хотя наши представители пришли к ним утром. Я с большим усилием удержал наших артиллеристов, которые хотели отвечать огнем на огонь. Кроме того, японцы нагло, на наших глазах, перебрасывали с правого берега на наш свои части. Провокации, таким образом, они продолжали.

Договор от 29 апреля, заключенный во Владивостоке, распространялся только на Приморскую область (так, по крайней мере, мы его понимали), но никак не на Амурскую. Границы Приморской области (Хабаровский уезд входил тогда в Приморье) простирались до высот Июнь-Корани, что между станциями Волочаевка и Ин. Мы отвели свои части на границу Амурской области.

Вновь закипела работа по укреплению позиций. Работали день и ночь: рыли окопы, строили блиндажи, делали проволочные заграждения, а стоявшие в тылу и на отдыхе вели усиленно строевые занятия. Шла боевая подготовка. Не отставал и политотдел: во всех пунктах, где располагались воинские части, и даже на позициях строились театры, читались лекции, открывались школы грамоты. Соревнование между частями в знании военного дела и постановке политической работы доходило до ожесточения.

Нелегко было строить нам армию, да еще по типу советской Красной Армии, о которой сами-то руково-

дители знали по отрывочным сведениям. Но слова — «так делается в Красной Армии» — имели магическое значение для наших бойцов. Бывшим партизанам казались иногда странными и непонятными распоряжения, касающиеся внедрения жестокой армейской дисциплины. Но достаточно было сказать, что «так в Красной Армии» — и никаких сомнений. Все выполнялось беспрекословно.

В то время, как шла учеба и подготовка армии у нас на левом берегу, на правом представители правительства Приморья вели переговоры с японцами; большевики, при поддержке рабочих и крестьян, постепенно отвоевывали позиции. В Хабаровск из Владивостока приехал Уткин и добился от японцев организации власти и для Приамурской области в виде эмиссара, а также получил согласие на организацию милиции. Для окончательных переговоров были выделены от нашего штаба: Милеев (назначен эмиссаром), я и еще несколько товарищей.

Товарищи, командированные в Хабаровск для партийной работы, жили на нелегальном положении и только приезд Уткина и его умелый дипломатический подход дал возможность до некоторой степени легализоваться. Мы же, прибывшие из самого партизанского гнезда, из штаба Восточного фронта — грозы белогвардейщины, стали центром внимания всей белой своры и почувствовали за собой слежку...

В такой обстановке начинаем работу. Японцы при этом остаются верными себе — держатся неискренно.

20 октября 1920 года я получил приказ занять Хабаровск частями моей дивизии.

С уходом японцев из города бежали и белогвардейцы, черносотенцы, много лиц из буржуазии. Зато профсоюзы встретили НРА с нескрываемой радостью.

(Из сб. «В огне революции». Хабаровск, 1927; при редакции проведено сокращение. — Ред.)

МЫ СТАЛИ ЧАСТЬЮ НРА

Пришел я в партизанский отряд Федотенко-Вредного в декабре 1919 года, когда он стоял в селе Сарапальском. Меня назначили командиром отделения во второй взвод, потом комвзвода. Многие деревенские были вместе со мной — Лебедевы, Внуков, мой брат Никита. Участвовал во многих стычках с белыми и интервентами, в боях. Отходили в тайгу, снова наступали.

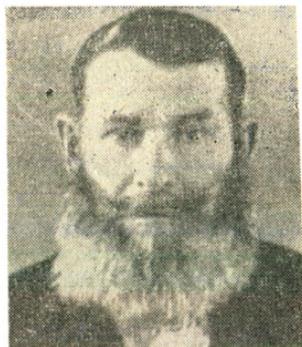
Наконец вошли в Хабаровск! Там сначала размещались в казармах бывших сибирских полков, затем на Казачьей горе.

Японские интервенты оставались в городе и вели себя подозрительно. И вот, нарушив нейтралитет, вероломно напали на наш гарнизон.

Часть партизанского командования во главе с Бойко-Павловым в это время находилась на съезде в Никольск-Уссурийском. Отряд уже был переформирован в батальон революционных войск. Были созданы три роты. Я командовал 1-й, Красильников из Челнов — 2-й, а 3-й — Молякко. Он же замещал пока отсутствовавшего командира батальона Федотенко-Вредного. Во главе всех наших частей стоял Булгаков-Бельский. На то утро он как раз созвал совещание командиров. И в это же время часть войск гарнизона — две роты из 36-го народно-революционного полка — бывшего колчаковского, 1-й полк и некоторые другие подразделения были выведены на строевые занятия. В руках — оружие, но без патронов.

Японцы выступили в очень удачное для них время. Этот бой с ними я отчетливо помню: тогда пали многие наши деревенские хлопцы, в том числе и мой

Куда только не забросит судьба бедняка-крестьянина. Так случилось с Петром Самойловичем Зубаревым. Из королевской Румынии, где он родился (1893) в староверской русской семье, переехал в Россию, с 1909-го — на Дальнем Востоке. Жили сначала в селе Верхне-спасском, потом в Смирновке Хабаровского уезда. Рыбачил, был кочегаром на мельнице, плавал матросом на речном пароходе, а в 1915-м призвали в армию, отправили на фронт. Был пулеметчиком. Тяжелораненный, попал в плен. Поправился в госпитале, перевели в концлагерь. Дважды пытался бежать. Неудачно. Но вот как-то направили к немецкому помещику на уборку хлебов, оттуда он через венгерскую границу бежал в Россию. Прибыл к родителям в Смирновку в январе 1919 года. В следующую зиму ушел в партизаны, был бойцом Народно-революционной армии. В дальнейшем — колхозник. А потом снова пришлось воевать: участвовал в Великой Отечественной.

братишка. Многих, особенно из бывших колчаковских частей, позабировали безоружными в плен.

Моя 1-я рота располагалась в одной казарме. На занятия мы не ходили. Японцы окружили нашу казарму. Я поднял роту по тревоге «В ружье!» В казарму вошел японский офицер и сказал мне:

— Партизана, сдавай оружие!

Пригрозив штыком, я выгнал его. Прорываемся кто в дверь, кто через кухонное окно и рассыпаемся в цепь.

Во дворе уже и другие взводы. В суматохе все перемешались. Часть партизан очутилась под командой других командиров.

Группа японцев во главе с офицером устремляется на нашу роту в штыки. Командир Молякко, принявший командование батальоном, и с ним партизаны тоже с винтовками наперевес бросаются навстречу и отгоняют наглых налетчиков.

Тут где-то грянула пушка, взвилась ракета, со стороны вокзала застрочил пулемет. Японцы начали боевые действия против наших войск.

По нашим цепям и казармам интервенты тоже застрочили из пулеметов, и под их прикрытием наступают на нас, не считаясь с потерями. Мы несколько раз подряд выбиваем прислугу японских пулеметов. Бой кипит. С нашей стороны есть тоже убитые и раненые.

Японцы прут напролом, перебегая мимо нашей казармы, и сосредоточиваются для атаки. Мы бьем залпами. Японцы заняли нашу казарму, пробегают через нее и выскакивают с противоположной стороны, нападают на нас. Восточная дверь уже полностью завалена убитыми японцами. Атака предотвращена. Мы справились с ними гранатами.

Очень сильно бился отряд Ивана Павловича Шевчука. Он был рядом с нами, но нас разделяла японская казарма. Шевчуковцы поддерживали нас артогнем из единственной своей горнушки. От накала она даже вышла из строя.

У нас ранен заместитель комбата Харитонов, но поле боя не покидает. Меня он направляет для связи в расположение отряда Шевчука. Попутно сопровождаю на перевязочный пункт раненого командира отделения Зборовского и еще некоторых партизан.

Бой длится всю ночь. Уничтожающе била японская артиллерия, а у нас ее уже не было. Город горит. Зарево над городом зловещее.

К утру я вернулся в расположение своей роты. У наших бойцов патроны на исходе. Попытка прорваться к складам, чтобы пополнить боеприпасы, провалилась. Был отдан приказ отходить за Амур.

Начинался новый этап борьбы. Наш партизанский батальон стал частью регулярной Народно-революционной армии.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Развернулась с красным знаменем в руках
Рать сермяжная на сопках и полях,
И пред нею, весь в пурпуре, как в огне,
Мчится витязь на буланом скакуне.
Мчится вслед за ним сподвижников среда,
Громким призывом гремит в рядах труба,
Черной лентой по долинам на поля
Выезжает артиллерия, гремя.
С каждым новым звуком рать его растет,
С тихим ужасом зрит враг орлиный слет.
Это слет сынов рабочих и крестьян,
Не имеющих ни злата, ни даян...
Мчится витязь, и сверкает его взор,
По рядам гудит веселый разговор,
Грудь у каждого колыхается, как мех,
Рассыпается бойцов ядерный смех.
И, сдержав коня движеньем сильных плеч,
Загремела его огненная речь:
— Гей, орлы былинных сопок и степей!
Что свободы в мире может быть милей?!
Эй, смотри вперед — рать черная ползет,
Сам Меркулов-фабрикант ее ведет,
А за ним, оскалив зубы, интервент,
Он купил на рабство русское патент.
Посмотри, пылает зарево вдали —
Это пир победный празднуют они,
Жгут деревни, шомпол свищует, режет плеть...
Гей, за мной, друзья! Невмочь больше терпеть!
Бурей красною рать двинулась вперед,
Без задержек по врагу бьет пулемет.
Охватили фланги белых палачей.
Бей их, гадов, поголовно, не жалей!
Гей, орлы былинных сказок и полей!
Что же может быть свободы нам милей?!

ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ

Наступление белых

Летом 1921 года скопившаяся в Приморье (при содействии иностранных держав) белогвардейщина совершила переворот и привела к власти прояпонское «временное Приамурское правительство» купца Меркулова с плеядой подобных ему авантюристов. Армия, организованная этим «правительством», в отличие от ранее существовавших «освободительных» армий Колчака, атаманов и прочих, получила название «белоповстанческой». «Герои» ее — бывшие царские и колчаковские генералы — с наглостью объявили солдатам, что цель их есть «национальное объединение русских граждан для беспощадной борьбы с большевиками».

Новые правители стали широко оповещать о своем демократизме, обрабатывая тем «общественное мнение» и пытаясь привлечь на свою сторону широкие крестьянские массы. Завоевать симпатии населения для «временного правительства» было вопросом жизни и смерти. Имея в руках кадр офицеров и ядро армии, для развертывания ее был необходим приток новых сил, причем добровольческий, так как генералы и меркуловы теперь понимали, что насильно мобилизованные — ненадежные солдаты. За всякое одолжение со стороны крестьянского населения и вообще за услуги армии уплачивалось наличными деньгами. Белогвардейское офицерство, идя по стопам своего нового «правительства», сократило царившую доселе безудержную вакханалию пьянства и произвола.

Несмотря на эту новую хитрую тактику заигрывания с местным населением, существенных результа-

тов она не дала. Ни крестьяне, ни казаки не оправдали надежд белых. От зоркого наблюдения даже самого темного крестьянина не ускользнула характерная особенность. «Белые сулят нам все из-за спины японцев, — говорили они, — и положительно за все расплачиваются с нами японскими иенами».

Разведуправление Народно-революционной армии Дальневосточной республики численный состав белой армии считало до 6500 штыков и 3500 сабель. В конечном итоге, к моменту начала своих военных действий притока добровольцев «белоповстанцы» не получили и начали операцию своими тремя корпусами и несколькими отдельными отрядами, причем как те, так и другие далеко не были доведены до штатного состава...

1 ноября 1921 года белогвардейское командование, получив вооружение и огнеприпасы из складов Владивостока, решает двинуться на Хабаровск, предварительно очистив Приморье от красных партизанских отрядов, базой которых было село Анучино в Даубихенской долине.

Дерзость приморских партизан к моменту выступления белых оказалась беспредельной. Ежедневно мосты взрывались и летели «на воздух». В районе Владивостока, на острове Аскольд, партизаны под командой Вольского захватили даже радиостанцию белых с обслуживающим ее персоналом и материалами.

10 ноября белые перешли в решительное наступление из Никольск-Уссурийского на Анучино и из Спасска на Яковлевку... Партизанские отряды очутились в тяжелом положении и, лишившись возможности отойти на север для присоединения к частям НРА, вынуждены были, разбившись на мелкие отряды, уйти в сопки.

Вытеснив партизан из занимаемых ими районов

и закрепив за собою тыл и правый фланг, войска «правительства Меркулова», эшелонируясь вдоль Уссурийской железной дороги, двинулись на Хабаровск. Становится ясной цель белой стратегии, ограниченная захватом Приморской и Амурской областей до весны.

Пройдя 30 ноября японские гарнизоны, находившиеся у нейтральной (по договору от 29 апреля 1920 года) зоны, белогвардейские части стали сосредоточиваться у станции Шмаковка. Японцы оказали содействие. Бронепоезда «Волжанин», «Каппелевец» и «Дмитрий Донской» проследовали по железной дороге от станции Евгеньевка, замаскированные сеном, а оружие и огнеприпасы, уложенные в ящики, шли под видом груза «потребительских обществ», причем запломбированные ящики охранялись до станции Шмаковка японскими часовыми. На заявление, сделанное нашими представителями, был получен ответ, что «японскому командованию ничего не известно».

Белогвардейцы, выдвинув вперед к станции Уссури авангард в составе Воткинского полка и дивизиона конницы при одном орудии, окружили здесь нашу роту. После двухчасового боя наши части оставили станцию и, не успев уничтожить железнодорожного моста, отошли к северу.

Ударная группа НРА у Хабаровска

В стратегическом отношении положение Дальневосточной республики было чрезвычайно опасным. Для наступательной операции НРА не располагала достаточными силами, организовать же оборону, учитывая протяжение южной границы ДВР, было бы делом бесполезным. Командование «белоповстанческой» армии, покровительствуемое Японией, могло пользоваться не только нейтральной зоной в Уссурийском районе, но и территорией Маньчжурии. Нежи-

данное появление белогвардейцев в любом пограничном пункте всегда считалось возможным. Эта опасность особенно усугублялась в зимнее время, когда реки сковывались льдом. К тому же необходимо было считаться и с тем, что к этому времени Якутская область и порты Охотского моря, в том числе и Аян, были заняты белыми.

По плану обороны главным и вероятным направлением движения белых пока считалась КВЖД с выходом на Читу, менее вероятным — из Маньчжурии и Монголии на Троицкосавск в Верхнеудинск (путь движения генерала Унгерна), с целью отрезать ДВР от Советской России. Второстепенным — на Хабаровск и по тракту Цицикар (в Маньчжурии) — Благовещенск.

План обороны был утвержден и, в зависимости от намеченных основных данных для обеспечения его, проведена в жизнь дислокация войск Народно-революционной армии. Система обороны ДВР, за малочисленностью вооруженных сил ДВР, была принята следующая: опасные направления, по степени их стратегической важности, прикрывались ударными группами силою от полка до дивизии, причем каждая группа составлялась из всех родов войск с тем, чтобы могла действовать самостоятельно в любую минуту или, в случае необходимости, перейти на партизанский образ действий. Такая система обороны являлась безусловно самой выгодной для ДВР, так как, с одной стороны, не теряла характера активности каждой ударной группы в отдельности, а с другой — давала возможность, при отсутствии достаточных сил у какой-то группы, продержаться на оборонительном участке до подхода подкреплений. Все это было важно еще и потому, что Амурская железная дорога обладала незначительной провозоспособностью.

После целого ряда реорганизаций, проведенных

главнокомандующим войсками ДВР (Блюхером), части НРА очистились от громоздких тылов и, в конечном результате, наши войска приняли надлежащий вид, а к началу операции армия оказалась в составе двух пехотных дивизий (переименованы впоследствии в отдельные бригады), одной кавалерийской дивизии, отдельного пехотного полка, отдельного кавалерийского полка и отдельного батальона. К этому надо добавить пять партизанских отрядов, действовавших в Приморской области, силой до тысячи штыков и сабель с пулеметами. А все строевые части снабжены достаточным количеством артиллерии. Например, 2-я Амурская дивизия имела две легкие батареи четырехорудийного состава и такую же отдельную конную батарею, отдельный конногорный взвод и, кроме того, ей были приданы части специального назначения — четыре бронепоезда, танковый взвод и отдельный авиационный отряд.

Таким образом, в Приамурском военном округе к 1 января 1921 года располагалась ударная группа в таком составе:

город Иман —

отдельный 6-й пехотный полк

город Хабаровск —

отдельный 5-й пехотный полк

отдельный 4-й кавалерийский полк

артиллерия

3 самолета

бронепоезда № 7 и № 8

город Благовещенск —

отдельный 4-й пехотный полк

Благовещенск — Бочкарево —

бронепоезда № 2 и № 9.

В нейтральной зоне, по договору с японцами от 29 апреля 1920 года, мы могли держать только дивизион народной охраны до 450 человек и железнодоро-

рожную милицию, под видом которых и содержались небольшие гарнизоны на станциях Шмаковка, Уссури, Прохаско и Иман. К Иманскому району, занимаемому 6-м пехотным полком (до шестисот штыков, без артиллерии), был выдвинут бронепоезд № 7.

Из обзора военных действий мы видим, что противник великолепно был осведомлен о небезопасности нашего тыла. Наша база представляла собой в первый период операции точку — город Хабаровск, где сосредоточивались запасы прежних войск Приамурского военного округа, а новых запасов, в предвидении предстоящей операции, туда не подвозилось. Что же касается местных средств продовольствия — хлеба, мяса и фуража, то рассчитывать на них твердо не приходилось. Население края не было обеспечено продовольствием настолько, чтобы иметь избытки, которые могли бы широко представить войскам. Если небольшие части и находили в населенных пунктах продовольствие, то лишь в очень ограниченном количестве, причем хлеб оказывался дурного качества, а вместо мяса всюду употреблялась рыба (кета). Войскам НРА приходилось испытывать большие лишения из-за квартир, особенно в тех районах, где белогвардейцы сожгли поселки и деревни, которых и без того было недостаточно для расквартирования. Нередко наши части располагались биваком на открытой местности при морозах в 30—35 градусов.

Вообще ведение военных операций в условиях зимней обстановки, когда снег достигал толщины два с половиной фута, покрывая кочковатую почву, или долины рек, или таежного леса, требовало необыкновенных физических усилий. Если к этому добавить гористый характер местности, отсутствие наезженных путей сообщения и малую населенность края, то становится очевидным, как трудно было вести борьбу. Маневренная способность войск ограничивалась. Если

обходы по горам и узким долинам рек и предпринимались, то с большим риском, ибо такая часть войск, вступив в бой с противником, лишалась возможности организовать даже вывоз раненых, не говоря уже о том, чтобы получить огнеприпасы и продовольствие. Лошади проваливались в снег и, запряженные в сани, пройдя каких-нибудь пять верст в сторону от дороги, совершенно выбивались из сил. Дело доходило до того, что конница не могла преследовать отступающую пехоту противника, рассыпавшуюся по полю.

Укрепления, которые создавались нами в целях обеспечения базы и главного административно-политического центра района — Хабаровска, — оказались несостоятельными по той причине, что все естественные преграды (реки, болота и т. п.), представляющие собой серьезные препятствия для форсирования в летнее время, зимой потеряли свое значение, будучи проходимы во всех местах. Основывать силу обороны на заранее подготовленных в инженерном отношении позициях — Гондаттиевской, Иманской, Бикинской и Корфовской, — было невозможно потому, что они не были оборудованы в должной мере и, самое главное, открыты с флангов, не имели артиллерии.

Между тем противник, наступая в первый период операции на север, а во второй период отступая на юг, имел в своем тылу базу Владивосток, — с одной стороны, сильно обороненную со стороны суши, а с другой, — представлявшую собою начальный пункт неприятельской коммуникации — железной дороги.

Вся обстановка на театре военных действий Восточного (Хабаровского) фронта в общей совокупности условий сложилась для Народно-революционной армии в первый период операции неблагоприятно. Превосходство сил и боевая подготовка их были тогда на стороне противника.

Отступление красных частей

Сосредоточив в районе станций Усури—Прохаско две с половиной тысячи штыков и сабель (Уфимский и Камский пехотные полки, стрелковую бригаду генерала Осипова и бронепоезд «Волжанин»), белые перешли в решительное наступление на город Иман. В обход к юго-востоку, пользуясь и китайской территорией, они пустили конницу.

1 декабря наш авангард от 6-го полка, в составе трех рот, завязал с белыми бой. 2 декабря, потеряв до сорока человек и два пулемета, наш авангард отошел к станции Иман.

Для поддержания 6-го полка решено было отправить из Хабаровска 4-й кавполк и 5-й пехотный при двух орудиях. Но из-за отсутствия фуража лошади настолько сдали в телах, что, отобрав для конницы и обоза лучших, способных выдержать условия боевой обстановки, удалось выслать только кавдивизион и батальон пехоты с орудиями. 5 декабря эти части прибыли в Бочарово (к северу от Имана), куда было приказано отойти и 6-му полку.

Чередую наступление то одним сильным флангом, то сжимая фланги наших отходящих войск, оставляя в своем центре лишь слабые силы, белые заставляли наши части, излишне привязанные к линии железной дороги, откатываться быстро к северу.

Наши войска заняли вторую, главную линию обороны — Бикинскую позицию. Летом здесь было бы достаточно одной бригады: на правом берегу командующие высоты, труднопроходимая река... Зимой покрытый толщей льда Бикин был доступен во всех местах. Оборону приходилось вести на растянутом фронте. По естественным свойствам позиция разделилась на два самостоятельных участка. Правый фланг упирался в реку Усури у поселка Васильевского, а

левый, проходя через станцию, — в отроги хребта. Для успеха обороны здесь требовалось не менее пяти (полных) полков.

11 декабря белые одновременной атакой с фронта на поселок Бикин и обходом наиболее важного для нас правого фланга у Васильевского сбили с позиции батальон 5-го полка... Наши части отошли на станцию Котиково, потеряв два орудия, а затем, с арьегардными боями, к станции Вяземская и далее, к Верино.

15 декабря конный отряд белых полковника Илькова, двигаясь по китайской территории, вышел в тыл нашим частям, сжег три моста и прервал связь с Хабаровском. В наших войсках почувствовались нервно-сть и неустойчивость. Чтобы скорее выйти из затруднительного положения, войска во главе с самим командующим фронтом, эшелонируясь вдоль железной дороги, стали постепенно отступать к сгоревшим мостам. Головным частям удалось их исправить, оттеснить белогвардейский отряд и пропустить все эшелоны и бронепоезд.

17 декабря белые создали сильную конную группу (до восьмисот сабель) и двух орудиях и бросили на деревню Невельскую (к западу от станции Верино), а следом двинули пехотную колонну из Воткинского и Ижевского полков, а также Уральский казачий полк в полторы сотни сабель.

С целью прикрытия выхода на поселок Казакевичево занял позицию наш сводный отряд силой до ста пятидесяти штыков. Сформирован он был, главным образом, из мобилизованных коммунистов. Обрушившись превосходными силами на этот отряд, противник разбивает его. Часть людей попадает в плен, а часть рассеивается по сопкам хребта Хехцир. Пленных двадцать восемь человек белые казнили. (Впоследствии, в конце февраля 1922 года, трупы их были

погребены нашими в городе Хабаровске с большими почестями.)

19 декабря 4-й кавполк* занял, было, Казакевичево, выбив из него отряд Илькова, но не получил поддержки и вынужден был отойти в село Новотроицкое, где ожидал свои пулеметные команды Особый Амурский полк, прибывший из Забайкалья.

Таким образом, части Народно-революционной армии группировались теперь, с прибытием свежих сил (из Благовещенска и Читы), в двух направлениях — Уссурийском (в сущности уже Амурском) и железнодорожном.

Белые сосредоточивались против Казакевичево и нашего правого фланга сильной группой под командой Сахарова, а в железнодорожном направлении продвигался корпус генерала Смолина.

Боевые действия развивались уже в непосредственной близости от города Хабаровска. Здесь началась спешная эвакуация.

19 и 20 декабря Покровка была забита грузами. На станции Ин от скопления вагонов образовалась «пробка», освободиться от которой из-за отсутствия паровозов не представлялось возможным, а между тем в самом Хабаровске оставалось одиннадцать паровозов и большое количество ценных грузов. 21 декабря переправа через Амур (как известно, мост был взорван во время апрельского выступления японских интервентов в 1920 году) неожиданно провалилась, и вагоны пришлось перекачивать вручную. А на железной дороге стал ощущаться недостаток дров. В общем, положение дел с эвакуацией становилось катастрофическим. В довершение всего наступили силь-

---

* Участник гражданской войны на Дальнем Востоке и этих событий И. Т. Воронцов сообщает, что это был посланный из Благовещенска 4-й пограничный кавдивизион. — Ред.

нейшие морозы и дул пронизывающий северный ветер. Паника в городе усилилась, когда были получены сведения о новом проникновении конного отряда Илькова в наш тыл (после того, как его выбили из Казакевичево). Он напал 20 декабря на станцию Волочаевка и сжег один мост.

В 16 часов 21 декабря командующий войсками фронта (Серышев), находясь в Хабаровске, получил донесение из Новотроицкого. «Держаться не могу, отступаю, высылайте срочно резерв! Начбоеучастка Попов».

Оказывается, в 14 часов 21 декабря противник перешел в стремительное наступление всей группой, расположенной в районе Казакевичево. Развернувший свой боевой порядок Особый Амурский полк встретил врага дружным огнем пехоты, пулеметов и артиллерии. Белые ринулись в атаку и, прорвав центр нашего полка, правифланговую часть его прижали к левому берегу Уссури.

Резерв фронта комвойск послал, но эта часть смогла подоспеть (15 километров пути) только к развязке боя. Появление нового батальона не изменило обстановку к лучшему, сам резерв был смят отступающими и преследовавшей конницей противника.

Штаб фронта выехал из Хабаровска на станцию Волочаевка в 24 часа 21 декабря, к утру 22-го был в Ине, а затем отправился дальше, на станцию Бира (в 120 верстах к западу от Хабаровска). Связь фронта с войсками нарушилась. К рассвету 22 декабря трое начальников боевых участков — Попов, Нельсон-Гирст и Кондратьев — знали только распоряжение командующего от 21 декабря: «Войскам оставить Хабаровск и отойти на левый берег Амура, а Особому Амурскому полку занять поселки по Амуру: Орловку и Самарку».

Группа наших войск, действовавшая в железнодо-

рожном направлении, уклоняясь от ударов наседавшего врага, отошла к Хабаровску, а в ночь с 21 на 22 декабря оставила город, перешла на левый берег Амура, к станции Покровка.

Разрозненные части отступившего от Казакевичево Особого Амурского полка отошли к деревне Владимировке, затем туда подошел 6-й полк, а Особый Амурский вышел на Орловку и Самарку.

Противник внезапно занял Владимировку. Наш гарнизон, взбудораженный неожиданными выстрелами (не выставили сторожевого охранения!), в беспорядке бросился в Покровку, где создал невероятное замешательство (в 5-м полку), а раздавшиеся несколько выстрелов за Покровкой усугубили панику, и все части бежали на Дежневку (между Покровкой и Волочаевкой).

Вскоре из Орловки и Самарки прибыл сюда же Особый Амурский полк, сохранивший в своих рядах полнейший порядок. Военный комиссар этого полка Бороздин имел гражданское мужество объединить командование над всеми отступающими частями в своих руках и путем решительных действий привел войска в порядок. Отступавшие и бежавшие части настолько перемешались, что невозможно было разобраться. Комиссар удалил обозы на станцию Ин, а все части (кроме Особого Амурского полка) собрал в отдельный сводный полк. Из Дежневки вся группа, численностью до трех с половиной тысяч человек пехоты и конницы стала отходить на Волочаевку. По прибытии туда комиссар связался со штабом фронта и доложил о случившемся.

В Волочаевке части фронта (5-й, 6-й и Особый Амурский пехотные полки, 4-й кавполк и артиллерийский дивизион трехбатарейного состава) для удобства управления были сведены в Отдельную сводную бригаду под командой Попова. Необходимость

новой организационной формы была подсказана самой жизнью. 29 декабря бригада прибыла на станцию Ин.

Этим моментом заканчивается первый период операций на Восточном (Хабаровском) фронте ДВР, и, как видно из обзора, — для нас весьма неблагоприятно. Мало того, что мы оставили огромную территорию с крупным административным и политическим центром — городом Хабаровском, являвшимся вместе с тем контрольным и транзитным пунктом на водных путях, соединяющих с важными пунктами нашей внешней торговли, но мы лишились богатейших рыбных промыслов, а боевые операции стоили нам значительных потерь в армии. Выбыло из строя до восьмисот пятидесяти человек убитыми, ранеными и обмороженными. В материальной части — десять орудий (шесть оставлены на платформах в Покровке), шестнадцать пулеметов, три самолета (два, выпущенные на разведку, разбились, а третий сожжен при оставлении Хабаровска) и бронепоезд № 7.

Учитывая причины наших неудач, главнейшими из которых были: неподготовленность к войне после демобилизации старых годов службы, что ослабило части войск, неучет значения Хабаровского направления, неумение (неопытность) командного состава, плохая постановка разведки и другие, — Дальбюро ЦК большевиков через главкома НРА (Блюхера) поставило задачу продолжать борьбу до полнейшего очищения края от узурпаторского «меркуловского правительства» и его белогвардейской армии. С этой целью главком стал усиливать Востфронт свежими частями — Троицкосавским кавполком до тысячи сабель (Петров) и 1-й Отдельной Читинской бригадой в составе трех пехотных полков, дивизиона конницы с дивизионом легкой артиллерии и двумя батареями гаубиц (Томин).

Идея предстоящей операции заключалась в том, чтобы под прикрытием отступающих частей из района Ина (Попов) совместно с Надеждинско-Побережной группой (Бороздин) произвести сосредоточение 1-й Отдельной Читинской бригады на Архаринских позициях; передовым частям, изматывая силы противника, оттянуть его вглубь, на запад от Хабаровской базы, и, удлинив таким образом его коммуникационную линию, ударить по ней партизанскими отрядами Приморско-Хабаровского района и Тунгусским отрядом Шевчука, подпустить противника к Архаринским позициям и перейти в наступление...

С 25 декабря 1921 года оперативный план стал проводиться в жизнь.

Сведение войск Приамурского военного округа в одну сводную стрелковую бригаду, а остальных частей в Надеждинско-Побережную группу придало им более организованный и удобоуправляемый характер. Все войска НРА, предназначенные для операции на Восточном фронте ДВР, стали сводиться в две группы — Забайкальскую и Инскую.

Инский бой

27 декабря все наши части располагались квартирно-бивачным порядком в поселке и на станции Ин. На участке было спокойно. Разведка с нашей стороны велась, но плохо.

В ночь Поволжская бригада белых (Волжский, Камский, Уфимский пехотные полки, Уфимский кавполк и батарея — всего до тысячи штыков, двести сабель и трех орудий) под командой Сахарова окружила расквартированные на станции Ин красные части, причем Камский полк под командой офицера Сотникова, двигаясь в обход, севернее железной дороги, вышел в тыл нашей Инской группе (Попов).

Положение дел казалось катастрофическим. Но здесь нам помогло чрезвычайно плохое руководство операцией белогвардейского командования.

Началось с того, что конница противника под командованием самого генерала Сахарова обошла станцию с юга и бросилась в атаку на наши части, находившиеся в сторожевом охранении. Но в это время наш бронепоезд № 8, обнаружив появление конницы белых, открыл по ней огонь. Атака была отбита.

Под прикрытием бронепоезда, наши части привели себя в порядок и, перейдя в наступление, встретили подходившую вдоль железной дороги пехоту белых ударом Особого Амурского полка под командой самого Попова. Пехота врага была опрокинута и спешно отступила к станции Ольгохта.

Между тем Камский полк противника, не будучи, видимо, информирован в обстановке, продолжал в это время свой обход и в наш тыл вошел только тогда, когда конная группа Сахарова и группа железнодорожного направления уже были отбиты нашим контр-наступлением и преследовались огнем бронепоезда, подбодрившейся пехотой и 4-м кавполком. При появлении нового полка белых в нашем тылу, бронепоезд № 8 стремительно отошел назад и вступил с ним в бой. Камский полк был окружен, и в результате короткого боя почти целиком уничтожен. Сражен был и его командир, полковник Сотников.

Отходившие части белых, слышав бой, снова перешли в энергичное наступление, но было уже поздно. Успех настолько опьянил наших бойцов, что они решительно атаковали врага, отбили его и преследовали до Ольгохты.

Причиной столь неожиданных для нас результатов служила героическая деятельность команды бронепоезда № 8, который от начала и до конца бешено,

с полным самоотвержением работал на своем участке, бросаясь то на восток, то на запад, всюду нанося противнику чувствительный урон. Бронепоезд № 8 воодушевил наши части настолько, что, несмотря на все дефекты в управлении ими, они приняли бой и выдержали его с успехом.

Инский бой подарил нам первую победу. И это было чрезвычайно важно. В моральном отношении для наших войск значение результатов Инского боя было значительно. Дух бойцов и командиров поднялся до небывалых размеров. Холод, голод и все прочие нужды стали нипочем. Былое разочарование и сознание своего бессилия в борьбе с наступавшими белыми — прошли бесследно...

По разведывательным данным, добытым впоследствии, после обратного взятия Хабаровска, установлено: белые, понеся частичные неудачи 28 декабря 1921 года под Ином, 7, 8 и 11 января 1922 года под Ольгохтой и 3-й полугазармой, принимают решение: перейти к активной обороне в районе станции Ольгохта, прочно закрепив за собой Хабаровск; срочно укрепить Волочаевские позиции по линии высот севернее деревни и станции, продолжив оборону далее к Амуру до Нижнеспасской и создав целый ряд фортификационных сооружений в условиях зимнего времени.

Они хотели удержаться до весны, тем временем переформировать и укомплектовать свою армию за счет мобилизации местных казаков. Затем перейти в наступление. Тыл свой они предполагали совершенно очистить от наших партизан, употребив на борьбу с ними конный корпус генерала Бородина, а со своей стороны выслать отряды в Амурскую область для поднятия там, в нашем тылу, восстания среди казачества.

В это время на все требования Советского прави-

тельства об эвакуации японских войск из Приморья в ответ было молчание, а на конференции в Дайрене японцы предъявляли ДВР невыполнимые требования.

Первое наступление на Волочаевку

Разведка с обеих сторон велась интенсивно. Бои шли редко, с переменным успехом.

В тылу противника, в районе Хабаровска, у села Вятского на берегу Амура, начал проявлять свою деятельность партизанский отряд Бойко-Павлова, дошедший до четырехсот штыков и сабель.

Комвойсками фронта (Серышев), принимая во внимание сосредоточение на станции Ин полностью свежего Троицкосавского полка и полагая, что сил будет достаточно, чтобы нанести противнику решительный удар, просит у главкома НРА разрешения перейти в наступление. Блюхер, как видно из разговора по прямому проводу, сначала не соглашался, но, учитывая предыдущие успехи, в конечном результате дал согласие. Новый план действий заключался в том, чтобы дружным ударом всех частей разбить сосредоточение противника у Волочаевки и, отрезав ему путь отступления на Казакевичево, уничтожить его силы в районе Хабаровска.

10 января комвойсками фронта отдает приказание сводной пехотной бригаде овладеть Ольгохтой.

В это время белые усилили Волочаевский район и деревню Нижнеспасскую 2-м корпусом генерала Смолина и приток новых сил произвели настолько скрытно, что наша разведка никаких сведений об этом не дала.

Наши части перешли в наступление. Сводная пехотная бригада Попова с шестью легкими орудиями — в железнодорожном направлении. Кавбригада под командованием Артюховского (в составе двух

кавполков — Троицкосавского и 4-го, батальона пехоты и двух орудий) — вдоль реки Амур, чтобы выйти в тыл Волочаевки с юга.

11 и 12 января, когда сводная бригада Попова перешла к решительным действиям у Волочаевки, кавбригада опоздала на целые сутки. Артюховский, поверив преувеличенным сведениям о численности появившегося на том берегу Амура отряда полковника Илькова, по собственной инициативе решил прикрыть своими частями станцию Ин и замедлил движение бригады. Тем временем белые у Волочаевки, затянув нашу сводную бригаду в деревню, концентрическими атаками с флангов нанесли ей удар и отбросили назад.

Партизанский отряд Шевчука, вышедший своевременно к Дежневке, в тыл Волочаевки, не встретил там противника и остановился в бездействии, пока не был отброшен от железной дороги подошедшим из Хабаровска бронепоездом.

В это время, в ночь с 11 на 12 января, партизанский отряд Бойко-Павлова произвел молодецкий налет на Хабаровск, где был расположен штаб 1-го корпуса генерала Молчанова. Хотя партизаны были отбиты и даже потеряли два пулемета, тем не менее белые, в целях поднятия своего авторитета в городе, оттянули с Волочаевской позиции до двух резервных полков.

Таким образом, первое наше наступление в январе на Волочаевку потерпело неудачу, главным образом из-за несогласованности действий частей, кроме того, мы имели впереди себя противника в превосходных силах.

13 января части Востфронта отошли на линию Ольгохта — Забелово. При нашем отступлении белые не развивали преследования, ограничиваясь только разведкой.

Значение Волочаевки

После Инского боя белые перешли на систему налетов мелкими частями, избрав объектом своих действий участок железной дороги Ин — Волочаевка. Не ввязываясь в серьезные бои, они, при нажиме с нашей стороны, отходили, сжигая мосты и разрушая полотно дороги.

Центром внимания их служила оборона Волочаевской позиции.

Приведение в оборонительное состояние этой позиции было поручено начальнику Волочаевской группы белых офицеру генерального штаба полковнику Аргунову, который, получив в свое распоряжение инженерные части, быстро и умело взялся за дело. Используя подручный материал и колоссальные запасы проволоки на складах хабаровской базы, он с успехом закончил работы в железнодорожном направлении, создав по последнему слову техники Волочаевский укрепленный плацдарм. Больше того, что сделал этот полковник в условиях зимнего периода, требовать было нельзя.

Волочаевка-позиция, протягиваясь с севера на юг, обращена была фронтом на запад. Упираясь правым флангом в приток Амура — Тунгуску, позиция протягивалась через ряд сопок и гору Икунь-Корань, деревню Волочаевку, опушку леса, что две с половиной версты южнее деревни, и шла далее вплоть до Амура, заканчиваясь в деревне Нижнеспасской. Общее протяжение позиции по фронту — восемнадцать верст.

Район Волочаевки — сопки, возвышающиеся вокруг нее, и опушки лесов, лежащих к югу от деревни, — был сильно укреплен, представляя в общем сочетании инженерных сооружений великолепно укрепленный плацдарм со стрелковыми и пулеметными

окопами, отлично оборудованными артиллерийскими позициями с хорошими наблюдательными пунктами.

Командующей точкой и тактическим ключом позиции являлась сопка Июнь-Корань, возвышающаяся над окружающей местностью свыше ста метров.

Подступы к позиции с западной стороны были открытые. (Скрытые места заблаговременно расчищены.) На расстоянии 30—40 верст тут не было ни одного жилого помещения за исключением 3-й полуказармы перед Волочаевкой, но и та находилась в полуразрушенном состоянии после отступления белых из Ольгохты.

Тыл белых был оборудован отлично. От Дежневки дороги веером расходились к различным пунктам фронта. Расположенные вдоль позиции деревни — Даниловка, Волочаевка, Нижнеспасская, Дежневка — давали возможность их солдатам отогреваться в теплых помещениях.

Всю местность перед фронтом — кочковатую равнину — покрывал рыхлый снег глубиной до пояса человека. Глубокий обход был тут не под силу самым выносливым людям. Наши же бойцы, будучи полураздетыми и питаясь кетой и хлебом, который без подогревания нельзя было раскусить, не могли похвастаться большой физической силой. (Иногда, правда, наши бойцы питались и мясом, но это случалось, когда после боя оставались убитые лошади, которых съедали мгновенно.)

Общее руководство действиями «белоповстанческой» армии находилось в руках генерала Молчанова. Армия белых состояла из двух пехотных корпусов (Молчанова и Смолина), групп генералов Никитина и Вишневого и отдельных отрядов.

Какое значение придавал противник Волочаевке и бою на ее позициях, видно из обращения генерала Молчанова к командному составу своих войск, захва-

ченного отрядами Тетерина-Петрова (и Шевчука) в деревне Архангеловке при налете на нее 10 февраля.

«Совершенно секр.

Начальникам отрядов 1, 2, 3, 4, 5. Генералам Никитину, Вишнезскому. Полковнику Черкес, подполковнику Березину.

По всем данным, противник в ближайшие дни перейдет в наступление. Самое уязвимое место для нас — Тунгусское, через Архангельское, Ново-Николаевка — на Покровку.

Совершенно безопасное направление по железной дороге, благодаря укреплению позиции сильными проволочными заграждениями и снежными окопами. На Амурском направлении, по-видимому, противником будет брошена кавалерия.

После осмотра частей на железнодорожном и Амурском направлениях я уверен, что противник должен иметь для овладения городом Хабаровском не менее 10 000 штыков, но для успеха нашего нам необходима, как никогда, стойкость, дабы, сидя за проволокой, нанести противнику наибольшие потери и, выбрав удобный момент, перейти в контратаку и на плечах противника продвинуться сто верст (имея в виду занятие перевалов хребта Ванда из отрогов Малого Хингана), которые нам необходимы для нашего закрепления в районе Хабаровска.

Вопрос самого нашего бытия требует полного напряжения всех сил для достижения победы. С победой мы живем, — неудача может лишить нас самого бытия, как антибольшевистской организации.

К вам, старшие начальники, я обращаюсь с призывом вдохнуть в сердца подчиненных страстный дух победы. Надо поговорить со всеми и наэлектризовать каждого солдата. Если вы займетесь этим немедленно и будете так поступать всегда, боеспособность наших маленьких частей увеличится в несколько раз. Учтите психологию каждого воина.

Я убежден, что мы еще можем нанести такое поражение противнику, что ему долго не прийти в себя. Победа в нас, начальниках; победа нужна и должна быть. Строгий расчет во всем, в каждой мелочи. Не покладая рук, закрепляйтесь, промеряйте, пристреливайтесь, но этого мало: внедрите всем, что проволоку бросить ни в коем случае нельзя.

Каждый воин должен знать, что этот бой будет решительным, и мы должны выйти победителями.

Обратите особое внимание на правильное и своевременное

использование огня пулеметов и артиллерии, не забудьте про ручные гранаты...

Отнеситесь к моим словам со вниманием, не теряйте времени, говорите с подчиненными, не только с офицерами, но и нижними чинами, помня, что не каждый офицер передаст так, как нужно. Только при выполнении условия, что каждый воин будет знать свой маневр, можно быть уверенным в успехе...

5 февраля 1922 г., № 572, г. Хабаровск.

Подписи: Генерал-майор Молчанов. Начальник штаба генерального штаба полковник Ловцевич».

С копией верно: Нач. полевого штаба главкома НРА — генерального штаба Луцков.

Вдумываясь в смысл данного обращения командующего войсками «белоповстанческой» армии, нельзя не уловить в нем проблесков отчаяния.

Оперативный же план генерала Молчанова, как можно было заключить из обращения, сводился к тому, чтобы разбить красных на укрепленной позиции Волочаевка — Нижнеспасская, перейти в наступление, захватить перевалы через горы Малого Хингана и его отроги, где и закрепиться до весны.

В решении оборонительной задачи генерал стоял почти на правильной точке зрения, исходя из предположения, что мы направим главный удар с севера, из долины Тунгуски, то есть в правый фланг Волочаевской позиции. В зависимости от этого он расставил и силы: главные — на правом фланге — составляли Волочаевскую группу под командой Аргунова (Ижевско-Воткинская и стрелковая бригады, три пехотных и кавалерийский полки, отряд самого Аргунова, три батареи из восьми орудий), в резерве — Поволжская бригада Никитина в Дежневке; уступом за правым флангом Волочаевской группы, в Даниловке, — кавалерийский полк и сотня полковника Ширяева; на крайнем правом фланге, в деревнях Верхне- и Нижнеспасской — Амурская группа генерала Никитина (пластунские, стрелковые, кавалерийские части, пулеметы).

Всего на фронте белых ко дню боя с ними было 3500 штыков, 1300 сабель, 99 пулеметов, 11 орудий и все три бронепоезда. Штаб Молчанова находился в Дежневке, штаб Аргунова — в деревне Волочаевке.

Таким образом, Волочаевская позиция представляла весьма серьезную преграду на операционном направлении к Хабаровску. К тому же надо принять во внимание еще и то обстоятельство, что на Восточном фронте НРА уже находилась в своем полном составе. Из войск Советской России хотя и была продвинута из Иркутска в район Читы 104-я стрелковая бригада, но и она отстояла от фронта на 1880 верст.

План операции главкома НРА

Волочаевский бой должен был решить судьбу Дальнего Востока. Каждый боец и командир понимал, что мы должны во что бы то ни стало выиграть этот бой. Отступление было для нас невозможно.

С 14 по 25 января шла подготовка к операции.

Сосредоточение 1-й Читинской бригады удалось произвести к 18 января, но не на Архаринских позициях, как предполагалось, а на станции Ин — на 200 верст восточнее. Части Сводной пехотной бригады были сменены на боевом участке — в районе Ольгохта — 2-м полком 1-й Читинской бригады. Командиром Сводной назначили меня, для укомплектования этой бригады прибыла также группа лиц командного состава, прошедшего в Советской России трехлетнюю суровую школу гражданской войны. Части бригады пополнили маршевые команды из Благовещенска. Пришлось обратить особое внимание на приведение в порядок предметов вооружения и на боевое сколачивание частей бригады, для чего в течение двенадцати дней, невзирая на 35-градусные морозы, велись усиленные занятия.

Из всех войск, предназначенных (и прибывших) для операции на Восточном фронте ДВР, были собраны две группы. 1-я — Забайкальская, в составе 1-й Читинской пехотной бригады и Троицкосавского кавполка под общей командой комбрига Томина. На эту группу возлагалась задача действовать вдоль Амура. 2-я — Инская (железнодорожное направление), в составе Отдельной Сводной стрелковой бригады, 4-го кавполка и двух партизанских отрядов — Шевчука и Тетерина-Петрова (пластунский отряд). Начальником этой группы назначили меня.

28 января из Биры на станцию Ин прибывает главнокомандующий Блюхер со своим полевым штабом для непосредственного руководства предстоящей операцией. Придавая особо важное значение Волочаевской укрепленной позиции, он приступил к подготовительным работам по овладению ею.

Фактическое командование фронтом находилось в руках главкома НРА Блюхера. Что же касается Серышева, то он продолжал оставаться на посту командующего войсками Восточного фронта, а фактически — Инской группы, а Забайкальская группа подчинялась непосредственно главкому...

4 февраля командиру Читинской бригады Томину была поставлена задача — двинуться в восточном направлении вдоль железной дороги.

5 февраля 2-й полк Читинской бригады с приданной ему 3-й батареей при участии бронепоезда № 8 атаковал Ольгохту, выбил противника, захватил станцию и закрепился на ней, к вечеру саперы исправили три моста длиной в десять сажен каждый и железнодорожный путь до самой Ольгохты, куда был выдвинут бронепоезд. Полк с батареей и кавалерийским полужэскадронном расположились на ночлег биваком, так как все дома белые сожгли. Мороз доходил до 30 градусов... Неожиданно появился с трех сторон не-

приятель, и некоторые части, спавшие у костров, будучи разбужены выстрелами, оказались близкими к панике... 2-й и 3-й батальоны быстро заняли позиции: один — к югу от железной дороги, другой — к северу, спиной друг к другу, и открыли «нервный» огонь по противнику. Особо хорошо проявили себя пулеметчики... В это самое время со стороны тыла также раздались выстрелы белых, а в версте западнее станции запылал мост... Бронепоезд № 8, оставив головной участок, двинулся полным ходом к горящему мосту и, рассеяв пулеметным огнем около роты противника, занявшей мост, потушил пожар... Положение наших частей у Ольгохты было бы безнадежным, если бы 3-я батарея не совершила редкий в истории гражданской войны подвиг. Несмотря на полное окружение, на начавшуюся беготню и беспорядочную стрельбу пехоты, батарейный командир поставил орудия в каре, по одному на каждый фас и открыл ураганный огонь поседающим цепям противника, а затем перешел на картечь, расстреливая атакующего с севера и юга врага.

Атака белых захлебнулась. Увязая по пояс в снегу, утомленные ночным отходом, неся в данный момент большие потери от огня артиллерии и бронепоезда, белые стали отходить. Наша пехота приободрилась. Трехчасовой бой закончился преследованием противника. С утра и до 14 часов наши не давали ему задержаться и на его плечах захватили полуказарму в семи верстах восточнее Ольгохты... До 7 часов 7 февраля в штабе фронта, из-за прекращения связи, были убеждены, что и полк, и батарея, и бронепоезд — погибли... 3-я легкая батарея за выдающийся подвиг храбрости в этом бою была награждена орденом Красного Знамени и о ее подвиге донесено в центр Сибири, Новониколаевск (Новосибирск).

В то время, когда разыгрывались боевые действия

в районе Ольгохты, Троицкосавский кавполк занял поселки Забелово и Луговое и повел усиленную разведку на деревни Верхнеспасскую и Волочаевку. (В ночной атаке был ранен комполка Петров.)

Становилось ясным, что наши войска, выдержав суровые боевые испытания в первый период операции и получив свежие подкрепления, как бы переродились, приобрели ту упругость, при наличии которой проявление инициативы является обычным делом начальников.

Главком, оценив обстановку во всей совокупности ее условий, решил перейти в наступление с целью овладения позициями противника на фронте Волочаевка — Нижнеспасская, прикрывающими подступы к городу Хабаровску.

Несмотря на наличие у нас до двух тысяч человек конницы, сведения о противнике были далеко не точны. Было лишь известно, что главные силы его расположены в районе Волочаевки, Дежневки, Даниловки, а на Амурском направлении находится сильный отряд генерала Никитина смешанного состава, но без артиллерии, знали о трех бронепоездах. Других сведений не было по той причине, что куда бы ни направлялись наши разведчики, они всюду наткнулись на несколько рядов проволочных заграждений.

Составлять план наступления, имея столь скудные факты, было делом нелегким. Выработался он главным образом Блюхером и сводился к следующему.

Разбить противника на Волочаевской позиции ударом Сводной стрелковой бригады и партизанских отрядов по правому флангу. Одновременно Забайкальской группе в составе 1 и 2-го Читинских полков, Троицкосавского кавполка, Читинской кавдивизии, легкого артдивизиона — нанести удар по левому флангу белых в направлении на деревни Верхне- и Нижне-

спасскую и, развивая, в случае успеха, дальнейшее наступление на поселок Казакевичево, отрезать путь отступления армии генерала Молчанова в Приморье, уничтожить ее в районе Хабаровска.

Сводной стрелковой бригаде, имея партизан на своем левом фланге, преследовать противника в направлении на Хабаровск, нанося энергичные удары и не давая ему где-либо закрепиться.

На группировку и для занятия необходимого положения обоим группам давалось 8 и 9 февраля, а на 10 февраля назначалось общее наступление на Волочаевку и Нижнеспасскую.

Подготовка Волочаевской операции

Главком НРА, политический отдел фронта и вся наша партийная организация повели агитацию среди частей, разжигая в сердцах исстрадавшихся от холода и голода бойцов, прошедших тысячеверстное пространство, революционное пламя во имя спасения величайших исторических завоеваний, приобретенных тяжелой и долгой борьбой рабочих совместно с крестьянами.

Лозунги: «Славные амурцы! Волочаевка должна быть наша!», «Хабаровск должен быть красным!», «Вперед за освобождение Приморья!» — висели в воздухе, были в сердце каждого бойца Народно-революционной армии, в каждом доме крестьянина. «Привал на Имане, отдых во Владивостоке!» — было начертано на боевых знаменах.

Моральное состояние бойцов до начала операции было блестящим.

8 февраля Сводная стрелковая бригада сменила 2-й Читинский полк в Ольгохте, заняла с боем высоты Лумка-Корани — исходный пункт для предстоящего наступления на Волочаевку.

Для нанесения удара противнику на Волочаевской позиции наша группа располагала тремя полками Сводной бригады с приданным к ней 4-м кавполком, отдельным пластунским батальоном Тетерина-Петрова и партизанским отрядом Шевчука.

Выступив с Ина еще в ночь с 5 на 6 февраля, Тетерин-Петров, для единства действий, должен был объединить батальон и отряд под своим командованием. 9 февраля они завязали бой в районе Архангеловки с группой полковника Черкес, заняли деревню, захватили штаб противника, но были отбиты и отошли к Восторговке, потеряв (на время) связь с командиром Сводной бригады и штабом фронта.

Подготовка к операции Сводной бригады подвигалась медленно: не было подвод, обозы слабые, мосты приводились в порядок, налаживалась связь. Штаб бригады остановился в 3-й полуказарме, что в семи верстах западнее станции Волочаевка. К 10 февраля здесь удалось установить водокачку на реке Поперечной, опустив в реку насос.

К рассвету 10-го Сводная бригада — 5-й, 6-й и Амурский полки с артиллерией — сосредоточились к 3-й полуказарме.

Частям Волочаевской группы был отдан приказ — наступать.

1-я Читинская бригада 8 февраля сосредоточила в Ольгохте все три полка. 9 февраля Забайкальская группа под начальством Томина выступила на Верхнеспасскую, имея целью занять Нижнеспасскую, а затем, демонстрируя в направлении Самарки — Орловки, двинуться на Казакевичево, следуя по Амурской протоке.

К исходу дня 9 февраля группе Томина удалось дойти только до Удановки и остановиться на ночлег, так как Верхнеспасская оказалась занята группой белых генерала Никитина.

Бой под станцией Волочаевка 10 февраля

В 11 часов 50 минут я отдал приказание о переходе частей вверенной мне группы в решительное наступление.

5-й пехотный и 4-й кавалерийский полки — группа войск Гурского — обошли Волочаевку с севера и достигли проволочных заграждений.

Батальон Особого Амурского полка, предшествуемый танком, повел атаку в центре, направляя удар на командующую сопку Июнь-Корань.

6-й пехотный полк под командой Захарова, действуя на правом боевом участке, атаковал противника с юга.

Завязавшийся по всему фронту бой обратился в сильно затяжной, нерешительный.

Артиллерия обходной колонны Гурского отставала от пехоты и по времени развития боя расположилась на далеком расстоянии от позиции противника (в пяти верстах), не имея наблюдательных пунктов. Бойцы же так измотались обходом по глубокому снегу, что едва переводили дух. 4-й кавполк действовать в конном строю не мог и, только спешившись, стал прикрывать левый фланг 5-го полка, перешедшего в атаку.

К 17 часам наша атака на всем фронте была отбита. Части залегли у проволоки. Танк, действуя в центре, преодолел два ряда проволочных заграждений, но прямым попаданием с бронепоезда белых был разбит. На южном участке одна рота 6-го полка преодолела проволоку, другая поддержала, но обе геройские роты запутались в заграждении и целиком погибли.

Продолжать атаку или повторить ее было бы безумием, а отойти назад засветло не представлялось возможным. Что было ужаснее всего — наша беспомощность перед проволочными заграждениями: ни приспособлений для этого, ни опыта. Только благодаря

тому, что заграждения представляли собой тип рогаток, наскоро сколоченных, они, хотя с трудом, но преодолевались бойцами способом, который едва ли встречался когда-либо в историях войн. Подбежав к проволоке, один из группы смельчаков падал всей тяжестью тела на колючую проволоку посредине рогатки и, пригибая ее к крестовине, изображал собой живой мост, по которому остальные бойцы перебегали на другую сторону. Такой смельчак всегда оказывался жертвой неприятельского огня.

В ночь с 10 на 11 февраля нашим частям удалось отойти шагов на шестьсот от линии проволочных заграждений и, расположившись укрыто, восстановить связь как по фронту, так и в глубину. В эту ночь мороз достигал 35 градусов по Реомюру.

В это время в 3-ю полуказарму, имевшую комнату размером всего в 25 квадратных аршин (около 12,5 квадратных метров), свозились наши раненые и обмороженные в числе до четырехсот человек. Что творилось тогда в этой комнатухе, не поддается никакому описанию. Сестры милосердия и санитары бродили в крови. Раненые складывались друг на друга, часть из них отогревалась у костров на открытом воздухе. Лишь после исправления мостов их удалось (к 4 часам 11 февраля) эвакуировать в Ин.

Здесь же, в полуказарме, находился главком НРА Блюхер, комфронтом Серышев вместе с начальниками управлений и штаб Сводной стрелковой бригады.

Подводя итоги первого дня боя, мы приходили к выводу, что конечной цели достичь нам не удалось, несмотря на сверхчеловеческие усилия бойцов. Потери с нашей стороны выразились цифрой в 428 человек убитыми, ранеными и замерзшими в стрелковых цепях. Потеряли танк. На левом фланге было заметно частичное потрясение среди бойцов.

Все же первый день боя имел и положительную

сторону. Нам удалось получить самые точные сведения о силах и группировке войск противника.

Оказалось, что против нашего левого фланга — группы войск Гурского, — действуют главные силы белых. И что центр позиции слабо защищен, оборона его базировалась на огне артиллерии, бронепоездов и на сети пулеметных гнезд. Наиболее укрепленное место — его правый фланг, который и насыщен наибольшим количеством войск.

Отсюда можно было прийти к выводу, что соответствующим обстановке направлением для атаки Волочаевской позиции является ее левый фланг, куда и надлежит направить обходную колонну, действуя с южной стороны.

Для выполнения этого плана необходимо было обеспечить себя со стороны деревни Нижнеспасской, где группа генерала Никитина, иначе обход с юга может оказаться ловушкой. Так доложил — в ответ на вопрос о возможности удара на участке 6-го полка — командир Захаров.

В этот день, после шестичасового боя, части группы Томина заняли деревню Верхнеспасскую.

Перед Волочаевкой 11 февраля

Ожидая на рассвете контрнаступления противника, я оттянул свои резервы и приготовился к контратаке. К великому удивлению, ответного наступления белых не последовало. Впоследствии удалось установить, что и они не проявляли активности из-за больших потерь. По общему подсчету, убитых и раненых у противника было меньше, зато преобладало число обмороженных.

Весь день как у нас, так и у белых прошел в отогревании себя.

Вдали, на нашем крайнем правом фланге, слыша-

лась артиллерийская и ружейная стрельба. То наша Забайкальская группа Томина вела бой с группой генерала Никитина из-за обладания деревней Нижне-спасской.

Нашу бездеятельность против Волочаевской позиции и бой у Амура противник истолковал так, что якобы здесь мы демонстрируем (изображаем активность), а главный удар наносим на Амурском направлении, действуя первоначально у Нижнеспасской. Эта предвзятая идея имела свое последствие. Белые, вместо перехода в контрнаступление в железнодорожном направлении, занялись перегруппировкой сил. Можно с уверенностью сказать: переход их в наступление правым флангом боевого расположения мог быть для нас чреват последствиями, противник бы оказался победителем.

Но командование белых не учло этого обстоятельства, что дало нам возможность привести свои части в порядок, подвезти огнестрельные припасы для артиллерии, для чего были брошены все перевозочные средства до саней начальствующих лиц включительно.

К вечеру были приведены в полную исправность все мосты, лежащие на пути к Волочаевке, и вслед за тем подтянуты к исходным точкам бронепоезда № 8 и № 9. Появление в ночь бронепоездов на участке нашего боевого фронта произвело необычайное впечатление. Воодушевлению бойцов не было предела. Стремление победить, овладеть Волочаевкой, достигло апогея. «Еще день не возьмем Волочаевки, то все замерзнем», — рассуждали бойцы. Желание победы было так сильно, как никогда.

К вечеру же партизаны Тетерина-Петрова и Шевчука взяли Архангеловку и пошли на Даниловку. В 21 час я получил от них захваченное обращение Молчанова к своим генералам от 5 февраля с изло-

жением того мнения, что он считает атаку с нашей стороны в центре невозможной и что главные силы будет держать на своем правом фланге.

Собрав все сведения, полученные по разведке позиции противника, в том числе о проволочных заграждениях, и обсудив с командирами полков обстановку, сложившуюся к 24 часам ночи на нашем боевом участке, я принимаю новое решение — нанести главный удар в центре Волочаевской позиции и штурмом овладеть деревней Волочаевкой, выделив (как уже было задумано) колонну для одновременного обхода белых с юга. Все свои соображения для предстоящих действий изложил письменно и представил их главкому, переехавшему к этому времени из полуказармы № 3 на станцию Ин. После утверждения плана стал проводить его в жизнь.

В течение всей ночи у нас производилась частичная перегруппировка частей. Все одиннадцать орудий, находившихся под Волочаевкой, были сосредоточены на участке Особого Амурского пехотного полка, чтобы создать возможность сосредоточенным огнем их, а также и бронепоездов потушить огонь противника в центре. Перевес в артиллерии в количественном отношении был теперь на нашей стороне. Для усиления действий в железнодорожном направлении Амурского полка главком выделил свежий 3-й Читинский пехотный полк. Объединение всего правого боевого участка в командном отношении было возложено на Захарова, а командование 6-м полком принял на себя его помощник Малышенко. Обходная колонна, состоящая из частей 6-го полка, отдельного кавэскадрона Амурского полка и двух орудий, выступила от правого боевого участка в 3 часа ночи, направляясь южнее рощи в четырех верстах от Волочаевки и с тем, чтобы выйти на тропу, идущую из Дежневки в Новоспасскую.

В ночь же с 11 на 12 февраля на поддержку нашей Сводной стрелковой бригаде к Волочаевской позиции двигался от Нижнеспасской Троицкосавский кавполк.

В это же время двигалась Поволжская бригада белых, посланная на поддержку группы Никитина, с задачей — атаковать к рассвету наши части в Нижнеспасской. Главные силы этой бригады, двигаясь на расстоянии около четырех верст за своим авангардом, сбились с дороги (по показаниям пленного офицера) и на рассвете неожиданно встретились с нашей обходной колонной.

Наш разъезд заблаговременно обнаружил неприятеля. Не теряя ни минуты, наши два орудия, заняв позиции, открыли огонь по колонне белых, ведя его прямой наводкой. Эффект чрезвычайный. Противник бросился в сторону от дороги врассыпную, затем, придя, видимо, в себя, стал перестраиваться в боевой порядок, завязывая бой с нашими частями.

Авангард же Поволжской бригады, продолжая двигаться к Новоспасской, оторвался от главных сил и, наткнувшись на части нашей Забайкальской группы, был разбит. Отступая обратно по дороге на Дежневку, ему пришлось спастись от преследовавшего его нашего Троицкосавского кавполка.

Авангард белых соединился со своими главными силами, державшимися на позиции против нашей обходной колонны. Но появление вслед за тем нашей конницы вынудило всю бригаду беспорядочно отойти на Дежневку.

Волочаевский бой 12 февраля

К 7 часам утра боевой участок нашей Волочаевской группы был готов к переходу в наступление. Все части и бронепоезда № 8 и № 9 заняли исходное положение для атаки.

Пехотные части располагались так. 3-й Читинский полк занял северную опушку леса, в двух с половиной верстах к югу от Волочаевки. 6-й полк находился левее, по опушке рощи, в полутора верстах юго-западнее Волочаевки, к югу от линии железной дороги, и примыкал левым флангом к участку Особого Амурского полка. В центре — Амурский полк. 1-й его батальон — к северу от железной дороги по опушке леса, в полутора верстах западнее Волочаевки, и при нем пешая разведка, которая выдвинулась вперед, в рощу, и залегла в семистах шагах северо-западнее станции; 2 и 3-й батальоны — уступом за 1-м, в центре всего расположения. 5-й полк находился также уступом за 1-м батальоном Амурского полка, занимая опушку рощи, что севернее и северо-западнее деревни Волочаевки, в двух верстах от сопки Июнь-Корань.

4-й кавалерийский полк, прикрывая левый фланг всей Волочаевской группы, в оперативном отношении был подчинен командиру 5-го пехотного полка.

Пластунский батальон Тетерина-Петрова и партизанский отряд Шевчука должны были быть в Даниловке.

Артиллерия размещена: с 3-м полком — в рощах у дороги, ведущей из поселка Ин в деревню Архангеловку, в двух с половиной и в четырех верстах западнее станции Волочаевка; с 6-м полком — на позиции железной дороги, на конно-пешем пути в деревню Улику; с расположения у 5-го полка — могла обстреливать цели в районе деревни и станции Волочаевка. Наблюдательные пункты были вынесены вперед до пределов возможности. Между артиллерией и пехотой установлена самая тесная связь, и распоряжения могли передаваться и исполняться немедленно.

Бронепоезд № 8 находился на линии железной до-

роги у изгиба ее, прикрываясь от взоров противника южным мысом близлежащей рощи. Бронепоезд № 9 — сзади, западнее пятой версты от деревни Волочаевки, имея возможность обстреливать из своего 120-миллиметрового орудия Виккерс артиллерийские позиции белых и их тыловой район.

В 7 часов взвились (раздались) три последовательных выстрела из орудия бронепоезда № 9, произведенные по станции и бронепоезду белых. Сигнал к переходу в общее наступление.

Вслед за сигнальными выстрелами начался ураганный огонь артиллерии обоих наших бронепоездов — по Волочаевке, позициям у сопки Июнь-Корань и бронепоездам неприятеля. Подготовка к штурму.

В 8 часов все части против Волочаевской позиции перешли в наступление.

На участке 3-го Читинского полка завязался упорный ружейный и пулеметный бой, который постепенно охватил всю линию фронта Сводной стрелковой бригады.

Части 6 и 3-го полков, преодолев проволочные заграждения, залегли перед противником.

Надо отдать справедливость, неприятельские бронепоезда, выказывая свою храбрость, доходившую до наглости, ловко маневрировали по боевому участку под огнем нашей артиллерии и, нанося тяжелые потери частям, задерживали наступление. В 9 часов я отдал приказание 3-й отдельной батарее перенести свой огонь полностью по бронепоездам противника в целях прикрытия работ по замене одного разрушенного звена на полотне железной дороги впереди нашего бронепоезда № 8. В 9 часов 15 минут путь был исправлен.

В то же время находившийся снова в 3-й полукзарме Блюхер отдал распоряжение непосредственно 5-му полку — выдвинуть одно орудие в цепь боевой

части пехоты, рискуя даже потерять его, и начать обстрел почти в упор второго бронепоезда белых, курсирующего в районе сопки Июнь-Корань.

Около 10 часов на правом фланге боевого порядка 6 и 3-й полки бросились на штурм. Я отдал приказание бронепоезду № 8 перейти в атаку.

Жертвуя собой во имя спасения пехоты, бронепоезд № 8 отвлек на себя огонь артиллерии и неприятельского бронепоезда. Один из снарядов ударил в контрольную площадку нашего бронепоезда, разбросав все находившиеся на ней рельсы, другой хватил по борту паровоза, и третий — в заднюю пулеметную площадку. Не обращая внимания на охватившие кругом взрывы снарядов, он наносил удар за ударом головному бронепоезду белых и довел его до того, что заставил быстрым ходом уйти назад: было подбито орудие. Ворвавшись в расположение пехотных частей противника, бронепоезд № 8 открыл пулеметный огонь по его окопам. В то же время наша пехота стала перебираться через проволоку. Многие из бойцов повисли на ней.

Катастрофа, случившаяся с Поволжской бригадой белых утром, на рассвете, не могла не отразиться на стойкости защитников Волочаевской позиции. Прикрываясь огнем своих бронепоездов и артиллерии, эшелонируясь вдоль железной дороги, они начали отходить.

Батальон 5-го полка занял сопку Июнь-Корань.

Эскадрон Амурского полка, следовавший с обходной колонной с юга, вышел в тыл противника и поджег деревянный мост, но бронепоезд белых проскочил по горящему мосту, отогнал наш эскадрон и потушил пожар.

Троицкосавский кавполк, подоспев вовремя, был направлен для преследования противника и стремился захватить его артиллерию, но из-за переутомлен-

ности лошадей — многих пришлось вести в поводу, — не мог выполнить своего намерения.

6-й полк и батальон 5-го, выдвинутый из резерва, преследовал пехоту врага до опытного поля, что в семи верстах к востоку от Волочаевки.

Итак, в 11 часов 12 февраля 1922 года Волочаевская укрепленная позиция была нами взята. Ключ к подступам Хабаровска оказался в наших руках.

Итоги Волочаевского боя

Потери с нашей стороны за 10—12 февраля достигали 128 человек, раненых — до 800 и обмороженных — 200. Командный состав понес убыль до 58 процентов.

Потери противника: убитых и зарубленных — до 400, раненых — до 700.

Пленных, за исключением, ни та, ни другая сторона не брали.

Оценивая все условия обстановки, сложившиеся для наших войск в течение трехдневного боя под Волочаевкой, можно прийти к заключению, что этот бой является исключительным примером вообще в истории гражданской войны как яркий образец согласованности действий всех частей, охваченных к тому же неудержимым порывом добиться победы.

Герои Волочаевки прогремели небывалой славой не только в наших газетах, но и в иностранной прессе. Сам командующий Волочаевской группой белых полковник Аргунов, находясь 14 февраля в квартире железнодорожного мастера на станции Кругликово, сказал: «Я бы дал каждому из красных солдат, штурмовавших Волочаевку, по георгиевскому кресту».

За подвиги в Волочаевском бою были награждены орденом Красного Знамени 6-й пехотный полк с при-

На сопку боевой славы у Волочаевки молодежь приезжает со всех концов страны. Отдать честь героям едут нынешние бойцы Советской Армии. С рассказом о штурме Волочаевской позиции часто выступает перед ними участник гражданской войны Александр Лукич Анойкин.

На снимке: А. Л. Анойкин вручает комсомольский билет воину, вступившему в комсомол

своением ему наименования 4-го ордена Красного Знамени Волочаевского полка и бронепоезд № 8.

Из бойцов и командиров — шестьдесят семь человек.

Убитых бойцов погребли на сопке Июнь-Корань, где им был сооружен памятник.

Взятие Волочаевской укрепленной позиции решило участь Хабаровска. Противник, отступая, искал выхода из-под ударов преследовавших его частей и потянулся к югу, не заходя в город. 14 февраля в Хабаровск вступил 5-й полк Сводной стрелковой бригады, торжественно встреченный трудящимися.

Во второй период операции на Восточном фронте

ДВР, когда прибыли свежие части, а противник в достаточной мере измотал свои силы в погоне за ускользающими из его рук красными частями, — обстановка изменилась в благоприятную для нас сторону.

Но главное, что таила в себе сравнительно немногочисленная Народно-революционная армия, это — революционный дух наших бойцов, командного и политического состава войск.

Крестьянство и казачество Приморья и Приамурья не поддержало белых ни материально, ни людским составом. Попытки произвести мобилизацию оканчивались тем, что люди разбежались. «Белоповетанческой» армии от начала и до конца операции пришлось действовать в своем кадровом составе, не имея ресурсов живой силы для пополнения потерь.

Более того, в то время, как генерал Молчанов «наэлектризовывал» свой командный состав и солдат, части НРА уже горели бесповоротным желанием уничтожить противника. В трехдневном бою, несмотря на холод, голод и потери, красные войска проявили героические усилия, чтобы сломить врага.

Волочаевский бой — первый пробный камень для нашей кадровой армии, где она могла наглядно доказать свой боевой порыв, свой несокрушимый революционный дух и полнейшую самоотверженность. Этот бой показал с очевидной ясностью, что победа должна быть и будет на нашей стороне. В это верили бесповоротно бойцы и командиры, а в этой вере таился залог и будущих побед.

Штурм Волочаевской укрепленной позиции решил участь всей операции. Победа наша была бы абсолютно полной, если бы на помощь «белоповетанцам» не вышли японские войска. Они взяли на себя спасение отступающей армии белых и достигли своего с тем, чтобы при удобном случае вновь выпустить ее для кровавых действий против трудящихся Дальнего Во-

стока, жаждущих восстановления Советской власти и никак не согласных на оккупацию края иностранными империалистическими хищниками.

(Отрывки из книги Я. З. Покуса
«Борьба за Приморье». Л.-М.,
Воениздат, 1926. Обработано для
популярного издания редактором)

Николай Семенович ОСИПОВ

НЕРАЗОРВАВШИЙСЯ СНАРЯД

До сего времени в здании хорского вокзала торчит неразорвавшийся снаряд: вгрызся наполовину в кирпичный карниз и напоминает о событиях, которым минуло уже пятьдесят лет.

Снаряд не опасен. Приезжали военные специалисты и сказали, что его можно не трогать: болванка не взорвется.

Собираются к поезду пассажиры, и обязательно кто-нибудь да заведет разговор на эту тему. Идут смотреть, заглядывают наверх. Те, кто не видел — с особым любопытством, а кто уже знает — другим показывает. И разговоры, разговоры... Говорят самое разное, так что и не всегда поймешь, как это случилось, когда.

Ко мне многие обращались за разъяснениями: и дети, красные следопыты, и начальник станции (к нему приходят, спрашивают), и в районную газету «Ленинец» я об этом писал — пояснял, как это было. Но людям интересно, одни читали, другие — нет.

Расскажу еще раз.

В декабре 1921 года белогвардейские части наступали на Хабаровск. Местные части Народно-революционной армии отходили в упорных боях. На помощь

Николай Семенович ОСИПОВ

защитникам спешил батальон из Благовещенска. Я был в нем пулеметчиком. Мы встретились с врагом в Дормидонтовке. Высадились из вагонов — и сразу в бой с кавалерией белых. Это оказался большой конный отряд генерала Сахарова, наступавший на Хабаровск по реке Усури. Кое-где сахаровцы делали набег на железную дорогу. Так случилось и здесь.

Сражались до поздней ночи. В наших рядах увеличивались потери, и мы решили отступить на станцию Хор. Здесь мы заняли оборону у железнодорожного моста и ждали, что противник вот-вот появится. Действительно, сахаровская кавалерия вскоре снова нависла над нашим батальоном. Сверкала холодная сталь казачьих сабель. Надежда только на пулеметы. Приготовились к отпору. Но пулеметы на сильном морозе отказали. Отстреливаясь из винтовок, мы все же сдерживали натиск.

Часть казаков пошла в обход и стала накапливаться под прикрытием кирпичного вокзала. (Вокзал этот только что был выстроен, но еще не действовал.) Батальон наш оказался в окружении. Мы защищались отчаянно, но иссякали патроны... Спасение пришло чуть ли не на исходе сил: со станции Верино

примчался наш бронепоезд и открыл артиллерийский огонь по скоплениям белых конников. Сахаровцы рассеялись. А мы вышли из кольца на станцию Верино.

Один из снарядов с бронепоезда попал в здание вокзала и не разорвался.

Так теперь и остался он как свидетельство боев за свободу в наших местах.

Константин Антонович ПРОЛЕСКОВСКИЙ

БОЙ ПОД ВАСИЛЬЕВСКИМ

Потерпев крупное поражение под Волочаевкой, войска генерала Молчанова отступали. Белогвардейские стратеги искали выгодные для оборонительного боя позиции. Выбор пал на Бикино-Васильевский укрепленный район.

Это и на самом деле удобные позиции. Высоты, господствующие над окружающей местностью, белогвардейцы изрыли окопами, опутали колючей проволокой. На сооружение оборонительных укреплений было согнано население окрестных казачьих селений. Командование было в руках генерала Смолина.

Наше командование отдавало себе отчет в том, что новый плацдарм белых — довольно крепкий «орешек».

Осуществление операции было возложено на Забайкальскую группу. В ее состав вместе с приданными частями входили: 1-й, 2-й и 3-й Читинские стрелковые полки, Читинский кавдивизион, наш Особый Амурский полк с кавалерийским эскадром, Троицкосавский и 4-й кавполки. Командовал всей группой войск Томин, военным комиссаром был Диктович.

Тщательно изучив обстановку, наше командование пришло к заключению: главные силы белогвар-

Константин Антонович ПРОЛЕСКОВСКИЙ
(р. 1896)

дейцы сосредоточили в районе поселка Васильевского, расположенного при впадении реки Бикин в Уссури. На самой же станции Бикин и по линии железной дороги генерал Молчанов оставил три бронепоезда и ряд воинских подразделений.

План нашей Забайкальской группы войск по разгрому основных вражеских сил коротко заключался в следующем. 3-й стрелковый, Особый Амурский полки и Читинский кавалерийский дивизион наступают на Васильевский с севера. Задача — сковать противника с фронта. Сводный отряд в составе 1-го, 2-го стрелковых и Троицкосавского кавалерийского полков с востока выходят в тыл вражеской группировке. 4-й кавполк должен совершить глубокий обход и отрезать путь к отступлению противника на юг.

Предполагалось использовать фактор внезапности, поэтому наступление начали прямо с марша от поселка Козловского, занятого нами накануне. Однако сводный отряд, развернувшийся с востока для атаки, был встречен плотным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. Белогвардейцы подготовились. Они даже предприняли контратаку.

С марша вступил в бой и 3-й стрелковый полк.

Первая атака. Прорвана в некоторых местах первая линия проволочных заграждений. Губительный огонь принудил бойцов залечь.

В полдень подошел резерв — Читинский кавдивизион и эскадрон Особого Амурского полка. Они заняли позиции на правом фланге 3-го стрелкового полка. В задачу резерва входила и охрана правого фланга и тыла наших войск от возможного нападения диверсионной группы белых во главе с полковником Ильковым. Он оперировал на левобережье Усури.

В ночь с 27 на 28 февраля наше командование провело перегруппировку сил. На правом фланге был введен в бой Особый Амурский полк. Всю ночь мы вели здесь перестрелку с противником. Белогвардейцы, опасаясь ночного штурма, забрасывали наши позиции осветительными ракетами.

Рано утром 28 февраля 2-й стрелковый полк начал наступление по правому берегу реки Бикин. Первая линия заграждений прорвана. У второй линии из-за плотного огня пришлось залечь.

Тяжелые кровопролитные бои вел и Троицкосавский полк.

Благодаря умело организованному взаимодействию артиллерии, пулеметов и пехоты, наш Особый Амурский полк в стремительном натиске также прорвал первую линию обороны и овладел важной командной высотой на подступах к Васильевскому.

Белогвардейцы поспешно стали стягивать подкрепления. Такую ситуацию предвидело наше командование. Когда со стороны станции Бикин стали подходить резервы белых, их встретил 1-й стрелковый полк. Белогвардейцы не получили ожидаемого подкрепления.

Мы готовились к решающему штурму.

Помню морозный полдень 28 февраля. Командир нашего Особого Амурского полка Чернов обсуждает

с командирами подразделений план предстоящего штурма. Исполняющий обязанности военкома Кук говорит о политическом значении сражения под Васильевским, о том, что коммунисты должны находиться в первых рядах атакующих. После полудня в полк стали поступать из резерва пулеметы, боеприпасы.

В 16 часов пошли на приступ. Нас поддержали концентрированный огонь пулеметов и залпы объединенной артиллерийской группы нашего Особого Амурского и 3-го Читинского стрелковых полков.

В решительном броске преодолеваем распадок между высотами. Дальше путь в гору, на крутую сопку, заросшую лесом, опутанную колючей проволокой. После Волочаевки мы уже приобрели опыт преодоления проволочных заграждений. У многих бойцов в руках топоры, клинки. А кто рвет проволоку прикладами винтовок.

Как только мы достигли заградительных сооружений, примыкающих непосредственно к линиям вражеских окопов, наши пулеметы, опасаясь угодить в своих, смолкли. Артиллерия перенесла огонь в глубь обороны противника.

Белогвардейцы, прежде вдавленные в окопы интенсивным пулеметным огнем, теперь, когда наши пулеметы им не грозят, осмелели, стреляют прицельными ружейными залпами, пулеметными очередями, забрасывают гранатами.

Ряды бойцов редеют на глазах. Я вижу, как сражен командир нашего батальона Мещеряков. Весь командный состав 7-й роты вышел из строя. Я, командир взвода, командуя ею в штурме, но при преодолении проволочных заграждений получаю тяжелое ранение в колено правой ноги и повисаю на колючей проволоке.

Наступательный порыв бойцов не ослабевает. Место павших командиров занимают молодые народо-

армейцы-большевики. Они увлекают за собой боевых товарищей. Мощное «ура!» потрясает окрестные дали.

Особоамурцы прорвали последнюю линию заграждений и, настигнув врага в окопах, схватились врукопашную.

Успешно протекал бой и на восточном участке плацдарма. Стиснутые с севера и юго-востока, бело-гвардейцы сдают поселок Васильевский.

Дорогой ценой досталась нам эта победа. Во 2-м стрелковом полку Читинской бригады после сражения недосчитались 223 бойцов и командиров. Ощутимые потери понесли и другие части и подразделения.

Вот что писала по поводу этого сражения газета Приамурского военного округа «Вперед»:

«Если Волочаевка явилась ключом к Хабаровску, то Бикин — Васильевский есть ключ к Приморью».

Полина ПОЛИНСКАЯ

ВАМ, СЧАСТЛИВОЕ ПЛЕМЯ

Молодежь, вы счастливы. Вы не узнаете ужаса безработицы, дикой эксплуатации, унижения личности человека. А это прошлое — удел миллионов детей, юношей и девушек.

Вот вам кусочек моего прошлого.

С двенадцати—тринадцати лет я стала самостоятельно зарабатывать себе хлеб непосильным физическим трудом. В изнуряющую жару, вместе с отцом косила на продажу сено. В сорокаградусные морозы пилила дрова. В одну особо безработную зиму ходила на охоту километров за полтора от Имана, помогала отцу вместо охотничьей собаки выискивать следы кабанов, медведей, тигров. Работала прислужкой, поденной работницей на табачной фабрике, стирала

Анна Никитична ЛЕБЕДЕВА (1900—1938) — за участие в Волочаевских боях награждена золотыми часами. Единственная из женщин дальневосточниц награждена и орденом Красного Знамени

с матерью на работе белье. С ней же, моей родной, теперь немощной старушкой-инвалидом, собирали по улицам рабочей слободки кусочки угля и щепки. А в 1914 году, когда взяли отца на империалистическую войну, я кормила пять ртов семьи нашей.

Вот мое «радостное» детство.

Февральская революция 1917 года застала меня на стекольном заводе Пьянкова. Моим первым учителем был коммунист, политкаторжанин Вальдемар Барои, он же Христофор Лабренц. Прекрасный товарищ, первый приютил меня в своей партийной семье, первый отнесся ко мне как к человеку. Хотя я малограмотная, с первых же дней нашей Октябрьской революции я стала работать секретарем профсоюзной организации стекольного завода.

А потом приехали шакалы-интервенты. Всю нашу организацию разогнали, руководителей бросили в тюрьму, а второстепенных лиц просто выгнали с завода.

В январе 1921 года я уехала в Хабаровск, опять в семью Лабренца, которого выпустили из тюрьмы, насколько мне помнится, в обмен на уведенного партизанами в сопки заводчика.

Татьяна Ивановна КУЗЬМИНА (р. 1899) — участница большевистского подполья в Иркутске (1919 год), за Волочаевские бои награждена часами. Живет в Хабаровске

В мае 1921 года я получила партийный билет РКП(б).

Трудящиеся Хабаровска голодали, жили на цедлом хлебе и заржавелой соленой кете. Месячного жалованья, которое исчислялось десятками тысяч рублей, хватало только на пять коробков спичек.

В декабре город был снова отдан белобандитам, чтобы избежать лишних жертв трудящихся. Семья наша жила в то время на базе Амурской речной флотилии. Я ушла с отцом к нашим войскам за Амур. Отец — в отряд Тетерина-Петрова, я — в отряд Мелехина.

До боли жаль бросать семью. Прощальный разговор был тяжелым:

— Ну, куда вы собрались, на кого ребятишек-то оставляете? — говорит мать.

— Ты вот, мать, найди поскорее драгву, надо Полине из старого полушубка чулки меховые сшить. А ворчать брось, многого ты еще не понимаешь.

— Умница нашелся, бросать детей на голод и холод, кто кормить-то пять ртов будет? Тоже мне — «в партизаны идем»! Убьют вас там или замерзнете, как воробьи.

— Хватит разговаривать! — больше от боли, от жалости к детям кричит отец. — Идем в разные отряды, кто-нибудь из нас и останется жив. Береги ребят...

Теперь вот берет жуть, при каких невероятно тяжелых условиях приходилось воевать с белобандитами. Военного снаряжения — какое ни возьми — не хватало, питание — полуголодное. Бойцы полураздеты. В то время, как у врага все было с иголочки: военное снаряжение, теплое обмундирование и хорошее питание.

Враг шел по пятам Красной Армии (называлась НРА), по пятам партизанских отрядов. Не было ни времени, ни сил укрепиться и дать ему сокрушительный отпор.

Вот несколько небольших картинок доблестной, беззаветной борьбы за советскую дальневосточную землю.

* * *

Бой в селе Покровке. Декабрь 1921 года. Халупа старовера.

— Бросил бы ты курить в горнице да шапку снял. Слышь, парень, тебе говорю.

— Ась, бабуся? Да я не парень, а женщина.

— Господи боже мой, ну и большаки, баб-то в мужиков переделали!

— Выходи! Стройся! Живо!

Наш отряд под командой Мелехина развернул цепь и встретил противника огнем.

— Санитарному отряду занять свои места!

Раненых много. Фельдшер Васильев не успевает перевязывать.

Аня Лебедева работает самостоятельно. Раненых отправляем в тыл.

Вдруг в окно сильный стук: «Снимайсь, быстро!»

Выбежали на улицу — стало и жарко и холодно...

Наша цепь отступила, белые палили сплошным огнем по деревне. Фельдшер Васильев и один боец достали каким-то чудом двух верховых лошадей, на которых мы вывезли раненых.

* * *

Волочаевка до занятия белыми.

— Голодные и оборванные, а им все смешно, хахоньки, — бормочет себе под нос седой волочаевский старичок, глядя, как бойцы борются, бегают, смеются, чтобы хоть чуточку согреться.

— Дедка, иди поближе к костру, мы тебя шашлыком кавказским угостим. Правда, наш шашлык из тухлой горбуши, но ничего, мы люди не гордые.

* * *

Бой на станции Ин. 28 декабря 1921 года.

Раннее утро. Окна санлетучки сильно обмерзли. В вагоне стон раненых и обмороженных. Вдруг бешеным ураганом затрещали пулеметы — наступают капшелевцы.

Рвутся снаряды врага, нащупывая наши бронепоезда.

— Убрать из-под огня санитарный поезд!

Иду к паровозу, кругом свищут пули — то дзинькают о рельсы, то с шипением пронизывают тонкие стены вагонов.

— Товарищ машинист, уберите немедленно состав из-под огня.

Поезд из-под огня убрали.

* * *

— Куда вы ранены, — спрашиваю бледного бойца, крепко прижавшего к груди левой рукой винтовку.

— Да вот — рука не в порядке.

Разрезаю рукав полушубка. Правая рука бойца еле держится на коже.

— Как это вас ранило?

— Да вот, этот проклятый табак... Лежал в цепи, замерз, дай, думаю, прикурю, погреюсь. И только стал завертывать папироску, а этот сволоочь снарядах в меня...

Боец ни звука не издал, пока ему «хирург» ампутировал руку. Белый халат превратился в красный. То была кровь ранёных храбрецов, родных бойцов.

* * *

— Давай не разговаривай, посадили на печку, ну и сиди, смотри, ноги-то отпадут.

— А я не хочу сидеть, все равно убегу.

— Не убежишь, я лестницу уберу, дверь на замок закрою.

— Убегу, все равно убегу, — кричит с печки Таня Кузьмина, — она все время была в цепи, обморозила ноги, руки, лицо, и ее насильно привезли к фельдшеру. А фельдшер взял да и посадил ее на высоченную печку. Залезть на нее можно только по лестнице. И все-таки Таня сбежала опять в цепь.

* * *

В перевязочном пункте стоял до тошноты удушливый трупный запах. Обмороженные ноги, руки, лица. Раненых подбирали полураздетыми, на ногах

разная обувь: рукава от японских ватных тужурок, рваные сапоги, в лучшем случае катанки. На головах женские платки.

А настроение какое бодрое! Уверенное было настроение. Права Аня Лебедева, озаглавив свою статью в «Правде» — «Раненные забывали о своих ранах».

Вот лежат бойцы, им предстоит ампутация ног, а они ведут между собой разговор:

— Эх, скорей бы поджили ноги, погнали бы мы этих гадов в море купаться, чтобы белобандитского духа не было на советской земле.

Беззаветная преданность пролетарской революции оказалась сильнее укреплений врага, сильнее огненной лавы белогвардейцев.

* * *

Летом 1922 года меня послали учиться в Читу, но учиться не пришлось, сильно болели ноги и сердце. Читинский горком партии отправил меня на курорт. И только осенью 1923 года я поехала во Владивосток, на рабфак.

Три года работала с беспризорниками, много вложила в эту работу сил и еще больше здоровья. Но эта тяжелая работа не бесследна. Бывшие беспризорники шли потом в Красную Армию и часто заходили ко мне за справками о социальном происхождении. И это были молодые, здоровые, полезные работники нашего социалистического хозяйства.

Потом партийная, хозяйственная работа. Далекый Север (Анадырь), где так же, как на фронте, приходилось очень трудно... Пурга, вой собак, зимой почти нет солнца, а вокруг отсталость, дикость... Но зацвела и Чукотка.

(ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 235, л. 148—152)

ХРОНИКА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ И ПАРТИЗАН В 1922 ГОДУ

Оперативные сводки штаба НРА, опубликованные
в газете «Дальневосточный путь» (Чита)

22 января.

В тылу противника разрастается партизанское движение. Крестьяне Амура и Приморья взяли за оружие против бело-бандитов.

Красными партизанами занят ряд селений в районе Никольск-Уссурийского, оз. Ханка и г. Имана. На участке станций Розенгартовка — Иман взорвано несколько мостов.

В ночь с 11 на 12 января наши партизаны (под командованием Бойко-Павлова) произвели дерзкий налет на г. Хабаровск, закончившийся многочасовым уличным боем. Наиболее ожесточенные схватки происходили у штаба, квартиры ген. Молчанова и училища. Потери противника исчисляются в 42 убитых, в числе их есть офицеры.

14 февраля.

В Хабаровском районе противник, упорно оборонявший сильно укрепленный район Волочаевка — Нижнеспасское, в трехдневном бою нами разбит.

Наши войска под ураганным огнем артиллерии, пулеметов и бронепоездов неприятеля, преодолев 3 ряда проволочных заграждений, 12 февраля овладели ст. Волочаевка и пос. Нижнеспасское... Преследование противника, отступающего к Хабаровску, продолжается.

15 февраля.

В Хабаровском направлении к вечеру 13 февраля нашими частями заняты станция Покровка, поселки Самарская и Владимировка.

Левый берег Амура совершенно очищен от противника. Неприятель бежит.

17 февраля.

В 15 часов 14 февраля наши войска заняли г. Хабаровск. Противник, теснимый нами, стремительно отходит к югу вдоль Уссурийской ж. д.

Наши части, преодолев проволочные заграждения, в 20 час. 14 февраля выбили противника из д. Казакевичево, отрезав ему пути отхода к югу. Части противника рассеялись и бежали в сопки в северо-восточном направлении. Взяты пленные, одно орудие и часть обоза с продовольствием, боевыми припасами и кухнями.

В 12 час. 15 февраля занят пос. Николо-Александровское. Преследование противника продолжается.

Продвигаясь в южном направлении, 16 февраля заняли пос. Черняево, Гродековка, ст. Корфовская и ст. Верино.

ПРИВЕТСТВИЕ НРА ПО ПОВОДУ ОСВОБОЖДЕНИЯ г. ХАБАРОВСКА

От Дальбюро ЦК РКП(б)

Дальбюро ЦК РКП большевиков в момент славных побед над белогвардейцами под Хабаровском шлет свой братский привет мужественной Народно-революционной армии, в кровавых битвах завоевывающей свободную жизнь для рабочих и крестьян Дальнего Востока, отстаивающей города и села от разгрома и насилий белогвардейских разбойников.

Славные бесстрашные революционные герои солдаты, командиры и комиссары НРА! Знайте, что вашу борьбу рабочие и крестьяне Дальнего Востока, Сибири и России считают своим кровным делом, помогают ей всем, чем только могут, и на смелую павшим бойцам посылают новых.

Стойте твердо на славном посту война-революционера!

Братский привет борющимся!

Да здравствует НРА! Да здравствует победа над белыми бандитами и интервентами!

От правительства ДВР

Действующая армия. Блюхеру.

Преклоняясь перед памятью павших, восхищаемся героизмом живых. Шлем пламенный привет и поздравление с возвращением Хабаровска всем доблестным бойцам и вам, их вождю, оправдавшему доверие республики.

Зам. пред. правительства Д. Ш и л о в
Предсовмина П. Н и к и ф о р о в

19 февраля.

17 февраля нами занят разъезд Хор. Наши части продвигаются к ст. Дормидонтовка.

22 февраля.

Ст. Дормидонтовка взята 17 февраля. Арьергард противника 18 февраля был выбит со ст. Вяземская.

19 февраля заняты пос. Виноградовка и ст. Венюково. Днем 20 февраля занят пос. Кедрово и разъезд Гедике. Противник преследуется в направлении Розенгартовки.

24 февраля.

Нашими частями 21 февраля после ряда боев с арьергардом противника, в районе деревень Глебово и Добролюбовка, занята ст. Розенгартовка.

25 февраля.

Наши части продвигались к югу от ст. Розенгартовка, выбили 22 февраля противника, пытавшегося при поддержке бронепоездов задержаться в районе дер. Лермонтовки. На плечах противника, отступавшего от Лермонтовки, нами занято Пушкино.

Утром 23 февраля противник был выбит из дер. Лончаково. Наши части продвигаются к ст. Козловской.

26 февраля.

Вечером 23 февраля наши части выбили противника из ст. Козловской.

28 февраля.

Вечером 25 февраля нами занят разъезд Бейцуха. Наши части с боями продвигаются к ст. Бикин.

2 марта.

28 февраля был взят пос. Васильевское.

14 марта.

Военным Советом Востфронта издан приказ о расформировании всех партизанских отрядов в пределах Приамурского и Амурского военных округов и слиянии таковых с НРА.

31 марта.

Утром 1 марта наши части заняли ст. Бикин и пос. Оренбургский.

22 сентября.

В Николаевске-на-Амуре началась передача японским командованием имущества, зданий и прочего местным представителям власти ДВР.

23 сентября.

В Николаевском районе. Оставленный японцами Мариинск и Софийск в 17 час. 18 сентября, занят нашими войсками 19 сентября 1922 г.

25 сентября.

Николаевск-на-Амуре. Японские войска покинули город.

1 октября.

Частями Народно-революционной армии в 14 час. занят г. Николаевск-на-Амуре. Части НРА встречены населением города с восторгом.

СОВЕТСКИЙ ФЛАГ

1922 год. Город Хабаровск. Памятный для трудящихся день Великого Октября.

Моросит мелкий снег. С утра трудящиеся спешат в свои коллективы. Всюду летучие митинги, вначале малые по численности, но постепенно вырастающие в грозную демонстрацию. Везде руководят массами коммунисты, в большинстве бывшие местные партизаны-рабочие. Не слышно в этот день выступления сладкопевцев-эсеров Кандиани, Василенко, Збайкова и прочей своры, друзей интервенции: они сидят по домам.

Речи ораторов на митингах полны правды, силы и воли.

Постепенно трудящиеся организовано выходят на главную улицу Хабаровска, Муравьев-Амурскую (теперь — Карла Маркса). Выбрасываются красные знамена, развеваемые ветром и осыпаемые мелким зимним снегом.

Демонстрация ширится, запружая всю улицу, и движется мощной волной по направлению к реке Амуру, к улице Шевченко, к зданию Приамурского областного эмиссара правительства ДВР, Приамурского областного управления.

У этого здания демонстранты остановились. Митинг. Грозное и полное воли — «Долой ДВР!» и «Да здравствует Советская власть на Дальнем Востоке!» — несется со всех концов.

Мне, как выполняющему в то время обязанности эмиссара и председателя облуправления ДВР, выпала высокая честь выполнить волю трудящихся города Хабаровска. Я с товарищами вышел на балкон и в своем выступлении сказал:

— Буфер как временная, вынужденная мера уже не нужен, и наш Дальний Восток — волею трудящихся — отныне и навсегда воссоединяется с нашей матерью Советской Социалистической Республикой.

Помню: долгое мощное «ура» покрыло всю площадь перед зданием и разнеслось далеко по главной улице города, запруженной народом.

Митинг длился долго. С балкона выступали с горячими речами секретарь облкома ВКП(б), представители облпрсфсовета, Народно-революционной армии и рабочие — представители Дальсельмаша, железной дороги.

Я даю распоряжение снять со здания дэвээрровский флаг (красное полотно с синей заплатой сверху у древка) и вывесить советский — красное знамя.

Подъем советского флага вызвал неопиcуемый восторг демонстрантов и сопровождался долгими рукоплесканиями.

На мою телеграмму в Читу правительству ДВР о перевороте в Хабаровске ответ был получен, но не от правительства ДВР, а от Дальревкома с приветом трудящимся города и с сообщением об утверждении Приамурского облревкома в составе: Дриго (председатель), Губельман (секретарь облкома РКП), Петрологинов, Ковалев и Новоселов (профсовет).

В ПАМЯТИ НАРОДА

Сергей РОСЛЫЙ

КАК СТРОИЛИ ПАМЯТНИК НА СОПКЕ ИЮНЬ-КОРАНЬ

Когда поезд подходит к станции Волочаевка, многие пассажиры приникают к окнам, чтобы увидеть памятник героям штурма белогвардейского бастиона. Конусообразная сопка. Белая глыба, похожая на блиндаж, венчает ее. На вершине — красноармеец с по бедно поднятой над головой винтовкой.

Мне довелось быть свидетелем того, как создавалась почти трехметровая фигура красноармейца.

Было это в 1927 году. Однажды преподаватель по труду Бадоньи отобрал группу студентов Хабаровского педагогического техникума и сказал:

— Будем строить памятник на Волочаевской сопке. Кто желает принять участие, прошу остаться на время каникул в Хабаровске.

В ту пору в педтехникуме училось много ребят из рабочих и бедняцких крестьянских семей. На каникулярное время в общежитии обычно оставалась целая колония таких студентов. Устраивались на работу, где кто мог. Одни ходили в речной порт на разгрузку-погрузку судов, другие на железнодорожную станцию, а позже, когда начали строить крупные здания — гостиницу «Дальний Восток», Дом Советов, Дальневосточный государственный банк, — работали там. Многим приходилось подрабатывать. Теперь трудно представить то время.

И надо понять ребят-студентов, которым препода-

«Шевчук на коне». Скульптура Коли Кострикова. Хабаровск. Дом пионеров, 1971 год

Многое из гражданской войны эпохи Великого Октября воспето профессиональными поэтами, песенниками, композиторами, художниками, скульпторами. Но есть еще один творец — народная память.

Гражданская война, Великая Отечественная — войны для нашей страны героические. В них решались судьбы всего человечества. Главным участником, героем, борцом за правду был наш народ, Советской России. Первая мировая война («германская» — в просторечии) была тоже народной, в том смысле, что воевал и погибал тот же трудовой люд. Но на ту войну гнали хозяева. И запомнилась она только убитыми и увечными — «стихий» несчастья. Потому и «крестовых георгиевских героев» никто в народе не величал. В гражданскую войну примечался и хранился в памяти каждый эпизод. Упал человек от клинка или пули карателя — в том месте скоро появится холмик и какая-нибудь примета. Этот случай гибели — эпизод борьбы и, если замечен, — не останется без следа. Народ его возвеличит, сотворит памятник — простой могильный холм, а потом и нерукотворный, вечный.

Творчество идет от одного к другому: от того, кто видел и знал, — к тому, кто заинтересовался. В передаче третьему уходят подробности, но четвертый прибавит свои, а пятый придаст новый эмоциональный оттенок... Рождается легенда.

Неиссякаема память народа о героях борьбы за освобождение от рабства и гнета. Прошли столетия, а мы слушаем были о чудо-богатырях — защитниках Руси, поем песни о бунтарях — Стеньке Разине да Пугачеве.

Живут легенды о Щорсе, Чапае, Пархоменко, Лазо, Блюхере. Складываются о безымянных героях.

Память о них неиссякаема и драгоценна. Она — духовная мощь народа.

ватель предложил такую интересную, совершенно необычную работу — строительство волочаевского памятника.

Не задавали вопроса — сумеем ли, хотя никто, конечно, понятия не имел, в чем заключается работа скульптора. Слишком велика была вера в Бадоньи, который все умел.

Бадоньи — бывший австрийский военнопленный — участвовал в гражданской войне на стороне Красной Армии, дошел до Дальнего Востока, штурмовал Волочаевку.

Золотые руки были у Бадоньи. Он организовал в техникуме великолепные столярные мастерские и обучал студентов делать не только простейшие табурет-

ки, а статуэтки из папье-маше, баулы из фанеры, фигурные стулья, столы, шкафы, изделия из металла, гипса и бетона.

Однажды учитель принес в мастерскую вылепленную из глины миниатюрную фигурку красноармейца, который поднял над головой столь же миниатюрную винтовку. Точно выполнен был даже курок. Немногословный Бадоньи (потому, наверное, плохо владел русской речью, говорил с сильным акцентом) сказал:

— Вот, будем эту фигуру увеличивать в несколько сот раз. Городские и краевые власти утвердили проект монумента. Надо работать.

Он попросил студентов сделать расчеты всех частей тела и фигуры в целом, назвал размер, оставил фигурку на верстаке, а сам удалился.

Трудная это была задача для студентов. Они долго и добросовестно бились, но когда назавтра Бадоньи вновь собрал своих подмастерьев, оказалось, что так и не сумели сделать расчеты.

Скупая улыбка вспыхнула на губах учителя.

— Плохими вы оказались математиками. Но я не скажу об этом Михаилу Яковлевичу. — И он вновь улыбнулся. — Видите ли, я запамятовал, что для таких расчетов надо владеть высшей математикой. А вы ее не изучали.

Он положил перед повеселевшими студентами готовые расчеты.

— А теперь пойдете во двор, выберем площадку.

Через несколько дней закипела работа. Возили на техникумовской лошаденке глину, сооружали из водопроводных труб каркас для будущей скульптуры. Долго лепили огромную фигуру красноармейца. А когда была готова, стали изготавливать формы из гипса. В них заливали бетон. Все делали под руководством мастера-учителя Бадоньи.

Наконец отлиты были бетонные детали скульпту-

ры. Их предстояло увезти на Волочаевку и смонтировать на крыше монумента, который к тому времени уже был сооружен.

Все те же ребята таскали на себе по крутому склону сопки Июнь-Корань тяжелые бетонные детали будущего памятника.

К началу занятий памятник завершили.

Фигура победителя-красноармейца напоминает каждому о грозных днях гражданской войны, об одном из самых героических эпизодов борьбы — штурме Волочаевки.

(Сб. «Имя твое — комсомол».
Хабаровск, 1958, стр. 57—59)

Владимир САВЧЕНКО

Этих лет не смолкнет слава...

«Камера № 267 поет. Всю свою жизнь я пел песни и не знаю, с какой стати расставаться мне с песней сейчас, перед самым концом, когда жизнь ощущается особенно остро...

И мы поем. Поем, когда нам взгрустнется, поем, когда выдается солнечный денек, песней провожаем товарища, с которым, наверное, никогда не увидимся, песней приветствуем добрые вести с востока, поем для утешения и поем от радости, как люди поют испокон веков и будут петь, пока существует жизнь...

Так мы, в камере № 267, решили завершить песнями наш первомайский парад...

Вот коридорная из женского корпуса рассказывает по двору и насвистывает марш Красной Армии, Партизанскую и другие советские песни, подавая пример тем, кто в камерах...».

Слова эти написаны Фучиком в гестаповских застенках в 1943 году. И недаром в «Слове перед казнью» он вспоминает о «Партизанской». Эта песня перешагнула многие кордоны, протаранила сотни тюремных стен, не раз перед атакой она взлетала, как флаг над красными батальонами.

Время не обронит и самого малого события, пометившего прошлое штрихом от великой борьбы. Но бывает, годы бережно

хранят дорогое в теплых ладонях, не навязывая до поры, будто чувствуя, что признание приходит не вдруг, что, чуть отступив, краски ярче, понятнее и ценнее.

Так случилось и с этой песней.

Летом 1929 года в Дарницком лагере на Украине ротный напел мотив «Партизанской» руководителю будущего Краснознаменного ансамбля Советской Армии А. В. Александрову, включившему песню в литературно-музыкальный монтаж «Особая Дальневосточная армия». Находка оказалась редкостной. В короткий срок ее запели повсюду. И надтреснутый фальдет красноармейца-запевалы, и голос профессионального певца бился пульсом этой песни, похожим на ритмичное покачивание штыков над солдатской колонной.

Многие слушатели и исполнители считали, что и родилась она в 1929 году, — о прошлом писали нередко. В печати называлось имя автора — поэта С. Алымова, сотрудничавшего с А. В. Александровым и его ансамблем. Сам А. В. Александров, видимо, полагал поначалу, что песня народная, неизвестного автора. Но «Партизанская» была написана в 20-м и уже тогда озвучила события гражданской войны на Дальнем Востоке.

Автор «Партизанской» — Петр Семенович Парфенов, бывший прапорщик царской армии, выходец из крестьян, делегат Алтая на II Всероссийском съезде Советов, большевистский агитатор в частях Краснова и Керенского, угрожавших Петрограду в первые дни революции.

Автор знал то, о чем писал. В подтексте его песни много личного: ведь события, пережитые им самим, были характерны для всей войны в целом. Слова, собранные по крупичкам на дорогах сражений, буквой в строку вставали в Дальневосточную партизанскую эпопею.

Это он, Парфенов, переодетый в мундир жандармского полковника, проник в контрразведку Колчака. Командовал красной дивизией на Алтайском фронте, был комиссаром армии и начальником политотдела штаба главкома С. Лазо на Дальнем Востоке. В песне не рассказано обо всем этом. Но без этого не было бы песни.

В начале пути «Партизанской» не повезло. Написанная в марте 1920 года, она не успела еще распространиться, как Дальний Восток подвергся удару японских интервентов. Красные гарнизоны в городах были разгромлены, многие руководители партизанской войны уничтожены. Вместе с Алексеем Луцким и Всеволодом Сибирицевым погиб партизанский главком Сергей Лазо, которому была посвящена песня. О том, чтобы напечатать «Партизанскую», не могло быть и речи.

Окончательно разбиты белые. В 1922 году освобождены от интервентов Приморье и Владивосток. Свежие следы боев за Спасск и Волочаевку заслонили спасские события 1918 года и борьбу за Николаевск-на-Амуре в 20-м. Тогда же автор, оставив «Партизанскую» гимном борцам двадцатого года, заменил слова «Николаевские дни» на «Волочаевские», а «ночи Спасска», естественно стали восприниматься как отголосок недавнего штурма.

Песня П. С. Парфенова так и не была напечатана в центральной прессе, хотя есть люди, видевшие ее текст с подписью автора в какой-то гарнизонной красноармейской газете.

Генерал Г. И. Мордвинов, командовавший в годы гражданской отрядом красных партизан-корейцев, вспоминает, как «Партизанскую» пели на корейском языке. Под Киевом, куда песня попала с бойцами, слышавшими ее на Дальнем Востоке, ее пели по-украински, стихийно приспособив слова к событиям, близким украинцам: «Из Ленинграда, из похода шел советский красный полк...»

«Партизанская» не только память пятилетнего похода революции по широченной полосе России от западных границ до Тихого океана, похода, переплавлявшего по пути крестьянина-партизана с винтовкой в сознательную силу, уверенно положившую руку на рычаг решительных социальных преобразований. Она символ народа, причастившегося к революции, сделавшего победу единственным и неизбежным результатом борьбы.

Именно поэтому не только советские танки и самолеты громили франкистов на полях сражений гражданской войны в Испании. Там воевала и «Партизанская», привезенная как са-

мое дорогое боевое снаряжение. Она издавалась в сборниках революционных песен в Мадриде и Барселоне. Эрнст Буш, певец, политический пропагандист, включил ее в антологию международных пролетарских песен.

Немецкий журналист Эгон Эрвин Киш писал о ней: «Мелодия партизанской песни сначала робко, потом все уверенней несется над толпой притихших бойцов. Вот с одного конца доносятся сербские слова этой песни, вот ее подхватили по-французски, вот ее запели по-чешски, по-немецки, по-болгарски... И русская партизанская песня гремит над рекой разноязычным, но могучим и стройным хором. Песня объединила этих людей, подняла их дух, их силы...»

На десятки языков была переведена «Партизанская». С 1937 года, когда песня была привезена в Париж Краснознаменным ансамблем, она прошагала по Франции тысячи километров. Жила с патриотами в лагерях смерти, вместе с «маки» взрывала эшелоны, маршировала по улицам освобожденных городов. В оккупированных фашизмом странах на ее мелодию сочинено было множество боевых песен.

Так же, как в гражданскую, эта песня — эталон мужества и силы вооруженного народа — прошла через все войны. И сегодня она плотнее сдвигает ряды походной колонны. Сближает вчера незнакомых, чтобы в решительный час человек, певший рядом, стал товарищем, выручившим в бою.

Петр Семенович ПАРФЕНОВ

ИСТОРИЯ «ПАРТИЗАНСКОЙ» ПЕСНИ

В феврале 1919 года, на заре повстанческого движения против колчаковщины, я написал песню «Наше знамя», посвященную моему земляку и другу Ефиму Мамонтову и одобренную писателем А. С. Новиковым-Прибоем:

Петр Семенович ПАРФЕНОВ
(1894—1943)

Мы, землеробы, будем вольно
В родной Сибири нашей жить,
И не дадим свое приволье
Ни отменить, ни изменить
и т. д.

Написал я ее на проверенную с музыкальной стороны мелодию своих ранних песен.

«На Сучане» (от 10 июля 1914 года):

По долинам, по загорьям
Целый месяц я бродил,
Был на реках и на взморьи,
Не жалея юных сил
и т. д.

«Старый год» (от 1 января 1915 года):

Старый год, год испытаний,
Страданий год страны моей,
Уйди скорей ты в мир преданий
Со всей жестокостью своей
и т. д.

Я решил сделать песню более доступной, более массовой, более действенной.

Поставленная задача в значительной мере удалась. Моя песня «Наше знамя», отпечатанная нелегально на полковом шапирографе прапорщиком Савиновым (бывший учитель) и раскидываемая по эшелонам стрелочником станции Барнаул Сергеем Кузьминым, вскоре получила широкое распространение не только среди мобилизованных Колчаком солдат, но и в боевых мамонтовских (партизанских) отрядах, и даже в отдаленной от Алтая могучей енисейской партизанской армии Василия Яковенко.

События развивались, и вскоре я очутился на Дальнем Востоке. После освобождения Владивостока от колчаковских властей я выступил на торжественном заседании в Народном доме и в конце своей речи спел «Наше знамя». Многие из присутствовавших в зале красноармейцев и рабочих встретили песню, как хорошо им знакомую.

На другой же день меня пригласил к себе ответственный редактор областной партийной газеты «Красное знамя» Петр Уткин. Ознакомившись с текстом песни, он предложил срочно переделать текст для печати или под мелодию песни написать новые слова. Такое же предложение через несколько дней получил я из военного совета.

Политический уполномоченный (так назывались тогда войсковые комиссары) при начальнике Никольск-Уссурийского гарнизона, делая доклад о политико-моральном состоянии войсковых частей, указал на полное отсутствие революционных хороших песен.

— Полтора месяца стоим мы у власти, а красноармейцы наши распевают колчаковскую «Канарейку», и мы ничего не можем предложить им взамен. Ведь это — позор, товарищи! — говорит уполномоченный.

— Правильно! — соглашается с ним Сергей Лазо, председательствующий на заседании.

— Вот у Парфенова есть хорошая партизанская песня, сам я слышал в Народном доме, но он не желает, чтобы ее пели наши красноармейцы, — явится по моему адресу Константин Войновский, начальник политического отдела.

Я даю справку, как обстоит дело с моей песней. Ее надо переделать, но это не так просто, а писать новую у меня совершенно нет времени.

В длинную резолюцию по докладу политуполномоченного заместитель председателя военного совета Ландберг непременно хочет включить пункт о том, чтобы обязать меня в порядке военной дисциплины в трехдневный срок представить на одобрение политического отдела текст красноармейского гимна. Его поддерживают Константин Войновский, Борис Мельников (член и секретарь военного совета), Василий Сакович и Алексей Луцкий (члены военного совета).

Я горячо протестую, но, учитывая общее желание и крайнюю необходимость в революционном гимне, обещаю написать добровольно, безо всяких, конечно, твердых сроков и понукающих дат.

Лазо меня поддерживает.

— Не забудь только отметить, товарищ поэт, как мы семь дней и шесть ночей дрались с объединенными силами японцев, американцев, англичан, чехословаков, французов, итальянцев, китайцев и белогвардейцев под Спасском в июле 1918 года, как шли на них штурмом, — говорит Сакович, который командовал тогда Уссурийским фронтом.

Это были дни больших побед (март 1920 года): уходили итальянские, румынские, американские и чехословацкие интервенты; японцы эвакуировались из Амурской области; созывался краевой съезд Советов; создавалось главное командование Красной Армии с центром в Хабаровске; очень дружно прошла краевая партийная конференция большевиков. Гражданской

войне, казалось, наступил конец. Генералам и атаманам, помещикам и фабрикантам не осталось больше никакого убежища, кроме отрезанной с трех сторон семеновской Читы, поддерживаемой японской армией. Но и Чита не сегодня-завтра должна была пасть под соединенным ударом партизан и красногвардейцев, все видные белогвардейцы убегали из нее, как крысы с тонущего корабля.

Все эти события, и особенно разгром уверенных в своей «непобедимости» японских интервентов в Николаевске-на-Амуре, создавали у меня исключительный подъем поэтического настроения. Оставалось только его реализовать.

Занимал я тогда большую военную должность — политического уполномоченного при командующем Красной Армией Приморской области и начальника политического отдела его штаба — и почти не располагал свободным временем.

Воспользовавшись ближайшим воскресным днем, когда оперативной работы было меньше, я нашел свою тетрадь со стихами и, заимствуя из нее мелодию, тему, форму и значительную часть текста, написал за один вечер новую песню:

ПАРТИЗАНСКИЙ ГИМН

По долинам, по загорьям
Шли дивизии вперед,
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот.
Чтобы выгнать интервентов
За рубеж родной страны
И не гнуть пред их агентом
Трудовой своей спины.
Становились под знамена,
Создавали ратный стан
Удалые эскадроны
Приамурских партизан.
Этих дней не смолкнет слава:
Не забудут никогда,

Как лихая наша лава
Занимала города,
Сохранятся, точно в сказке,
Вековые будто пни,
Штурмовые ночи Спасска,
Николаевские дни.
Как мы гнали атаманов,
Как громили мы господ
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

Первым, кому я прочитал свое новое произведение, был Эраст Васильевич Ильинский, судейский работник, у которого я снимал комнату. Но он из всех русских поэтов признавал одного Надсона и любил в стихах, прежде всего, интимную лирику. Мой «Партизанский гимн» ему определенно не понравился. Затем уже на другой день в штабе я познакомил с песней своего секретаря Исаева и начальника строевого отдела Гнилорыбова, которые просмотрели ее как люди военные, главным образом с точки зрения строевой шагистики, и с этой стороны никаких изъянов в ней не нашли. Но командующий армией Краковецкий забраковал текст в целом и по частям.

— Партизанскую песню я рекомендовать армии не могу. Ей нужен гимн — организующий, красноармейский, — высказал он свое мнение решительно.

Некоторые замечания командующего я должен был признать правильными. При содействии В. А. Исаева, который на этот раз отнесся к тексту более критически, мне тогда же удалось внести изменения в наиболее неряшливые куплеты:

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда.
Партизанские отряды
Занимали города.
Будут помниться, как в сказке,
Как маящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Николаевские дни.

После этого я показал песню Карлу Александровичу Харнскому, который был активным сотрудником литературного отдела газеты «Дальневосточное обозрение».

— Должен тебя огорчить, — мягко сказал Харнский, — но я согласен с Краковецким. И в таком виде текст не годится.

С его доводами пришлось согласиться. Но переделка оказалась делом не легким: то размер был иной, то рифма фальшиво звучала, то новое содержание для всего куплета было чужеродным...

А тем временем события шли своим путем. 2 апреля отплыл из Владивостока транспорт с американцами, а в ночь на 5-е выступили японцы, предварительно заключив с нашим командованием «миролюбивое военное соглашение» и тем усыпив нашу бдительность. Выступили они сразу во всех пунктах Приморской области, где имелись наши гарнизоны, захватили и зверски сожгли живыми в паровозной топке лучших командиров (Лазо, Луцкого, Сибирцева, Мигунова, Андреева), разгромили наши учреждения, склады и казармы. По их требованию реорганизованное краевое правительство (с участием четырех представителей от кадетской партии) было вынуждено заключить с победителями унижительный «договор о дружбе», распустить революционный военный совет, отвести все уцелевшие войсковые части за 30 километров от железной дороги.

...С 10 по 12 февраля 1922 года произошли решающие бои с белогвардейцами у станции Волочаевка. В результате волочаевского поражения белые должны были очистить Хабаровск. Как только я узнал об этих боях из газет, я заменил «николаевские дни» «волочаевскими».

Одновременно с этим я исправил «дней» на «лет», реконструировал «мы», дал посвящение «светлой па-

мяти Сергея Лазо», но до моего отъезда с Дальнего Востока в марте 1922 года песня так и не была напечатана, главным образом по той причине, что «поход на Тихий океан» еще не был закончен.

Напечатали песню, и не раз и не два, уже без участия автора и без его подписи. И мне даже пришлось доказывать свои права на нее.

Успех «Партизанской песни» вовсе не случаен. Основные причины его следует искать в кровной связи текста и мелодии с романтикой уссурийских «долин» и «загорий», с героикой гражданской войны и борьбы с интервентами, с трагедией отважного командира Сергея Лазо.

Я пытался выразить в своей песне всю любовь трудящихся СССР к своей великой Родине, показать бдительность партии и правительства в вопросах обеспечения мира и дать грозное предостережение тем, кто намеревается его вновь нарушить.

Окончательный авторский вариант песни:

ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

Посвящена светлой памяти Сергея Лазо,
сожженного японо-белогвардейцами
в паровозной топке

По долинам, по загорьям,
Шли дивизии вперед,
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот.
    Чтобы выгнать интервентов
    За рубеж родной страны
    И не гнуть пред их агентом
    Трудовой своей спины,
Становились под знамена,
Создавали ратный стан,
Удалые эскадроны
Приамурских партизан.

Этих лет не смолкнет слава,
Не померкнет никогда.
Партизанские отряды
Занимали города.
Будут помниться, как в сказке,
Как маящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.
Разгромили атаманов,
Разогнали всех господ
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

(Журнал «Красноармеец-краснофлотец»,
М., 1934, № 21, стр. 13)

Текст песни в том виде, как мы ее поем сейчас

ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ

Слова П. Парфенова
Литературная редакция С. Алымова

По долинам и по взгорьям,
Шла дивизия вперед,
Чтобы с бою взять Приморье —
Белой армии оплот.
Наливались знамена
Кумачом последних ран.
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан.
Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда!
Партизанские отряды
Занимали города.

И останутся, как сказка,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.
Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

Обелиск у дороги

Рассказ Елизаветы Петровны КОВАЛЕНКО (ЛИПКОВОЙ)

Мы жили тогда в Анастасьевке. Рядом с нами в небольшом домишке партизаны обосновали свою оружейную мастерскую. Как только приближались белогвардейцы, а об этом разведка нам сообщала заранее, все оборудование и инструменты из мастерской вывозились на нашу заимку. Обычно этим занимался мой брат Иван, а в этот раз пришлось мне, больше некому было.

Чуть свет я запрягла лошадь. Загрузили телегу, и я уехала на заимку. Сложила груз в условленном укромном месте, под выворотнем, прикрыла корьем, валежником. Надо трогаться в обратный путь... Накосила полтелеги свежей травы для вида, уселась на копне и поехала. Как только выехала на колесуху — главную дорогу, повстречались мне казаки. Около полсотни.

— Откуда катишь, девка?

Но видят, что у меня трава на телеге, отстали. Тут подехала еще группа белоказаков. Среди них парень, пеший. Видно, что военный, в гимнастерке, но без погон, как ходили красногвардейцы. Не здешний. Посмотрел на меня и улыбнулся чуть-чуть. На всю жизнь я запомнила эту улыбку. «Убьют, — думаю. — Убьют хлопца!»

— Езжай, езжай! — прогнали меня.

Он стоит у шоссе, недалеко от села Анастасьевки. Белый конусный памятник. Шоферы останавливают машины. Люди подходят, читают короткую надпись:

«Могила неизвестного героя-партизана, погибшего от рук белогвардейцев в 1919 году в борьбе за власть Советов».

Имя его неизвестно, но есть очевидец его казни и те, кто почтил его память обелиском.

Отъехала уже далеко и услышала глухие выстрелы.

Рассказала в деревне. Пошли мы туда, нашли его. Никаких документов у него не было. Похоронили у дороги, где он был расстрелян.

Рассказ Гавриила Фомича КАЗАНСКОГО

Когда крестьяне его похоронили, то поставили столбик с надписью. Примерно шесть-семь лет назад мы, партизаны, решили установить ему памятник. Обратились за помощью к директору Чернореченского совхоза Лалетину. Туда выехали рабочие совхоза, повезли стройматериалы и возвели этот обелиск.

ПАРТИЗАН ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Ехали в автобусе в село Константиновку Хабаровского района. Спутник — Гавриил Фомич Казанский, член секции ветеранов гражданской войны, а кроме того — долгое время был председателем колхоза в районе. Его неотступное желание правдиво осветить историю, знание людей помогают в сборе краеведческих материалов. На этот раз говорили о партизанском движении.

— В нашей Константиновке, — вступил в наш разговор один пассажир, молодой человек, — тоже расстреляли партизана.

И рассказал легенду.

Сергей ТАРАБАРОВ

Это был красивый крестьянский парень. Из семьи Тарабаровых. Были у него уже старики-родители, братья и сестры, и любимая девушка. Когда была калмыковщина, он стал партизаном. Однажды калмыковцы схватили и повели его, как сказали, в город. Они ехали на конях, а он шел. Девушка бежала следом, рядом с дорогой, пряталась за кустами и деревьями. За селом около дубовой релки калмыковцы расстреляли партизана, а сами с песнями ускакали. Девушка выбежала к парню. Жив! Она принесла воды и смочила ему лицо. Он застал... Девушка побежала в село и вернулась с народом и подводой. Парня уложили на подостланную траву и осторожно повезли. Но он истек кровью. А на том месте, где расстреливали, мужики поставили крест. Сейчас, правда, его нет.

Оказалось, Гавриил Фомич знал этот случай. Молодой человек рассказал нам, как слышал, что говорят на селе. Многократно переданный из уст в уста, факт не утратил реальной основы.

Анна Никитична ЛЕБЕДЕВА

ВОЛОЧАЕВКА СТАЛА СИМВОЛОМ ПОБЕДЫ

...Волочаевка взята. Санлетучка подъехала к станции. Остановилась у проволочных заграждений. На них повисли люди, многие мертвы. Глаза открыты, лица устремлены вперед... Много лет прошло с тех пор. Волочаевка стала символом нашей победы.

...Как-то после многолетнего отсутствия я возвращалась на Дальний Восток. Проезжая мимо Волочаев-

Старожилы Константиновки показали бывший дом Тарабаровых, уже ветхий, и в нем никто не живет. Стоит он среди огромных зеленых лиственниц. Скоро его снесут и поставят новый. Гавриил Фомич разыскал в Уссурийске сестру погибшего партизана — Марию Илларионовну Черник. Она рассказала подробности о брате.

Сергея выдал родственник, служивший у калмыковцев. Заставил прийти в село, иначе грозился расправой родителям Сергея и поджогом села.

Сергей был в очень тяжелом состоянии. Сначала каратели выстрелили ему в спину, и пуля прошла навылет. Сергей упал. Подъехал офицер и выстрелил еще раз из нагана в голову. Эта пуля попала ниже виска и вышла с другой стороны в щеке.

Крестьяне следили за происходящим. Когда отряд ушел, они привезли его в село. Сергей пришел в себя, и через несколько дней его отвезли в земскую переселенческую больницу в Хабаровске. Там уже лежал раненый партизан Игнат Зборовский. В персонале больницы были сочувствующие.

Когда отец вез Сергея в город, на первом же пикете его остановили. Белогвардеец спросил:

— Кого везешь, мужик?

— Тифозный из Константиновки.

— Вези скорее, не распускай заразу!

В больнице дело пошло на поправку. Но о раненых партизанах в переселенческой больнице калмыковцы прознали, и совершилась новая казнь.

Да, на месте расстрела Сергея у села Константиновки стоял много лет столбик с надписью. Его поставил старик Тарабаров. Столбика теперь нет, но место известно. Гавриил Фомич считает, что в память о партизанах, которому народ посвятил легенду, нужно поставить обелиск.

Сергею Тарабарову было только восемнадцать лет.

ки, я с глубоким волнением вспоминала боевое, незабываемое время, смотрела на памятник и не могла оторваться от окна. Опять, как живые, возникли передо мной знакомые лица, картины боя, полуказарма № 3.

Подошел мой девятилетний сынишка Лева и, ласково заглядывая в глаза, спросил:

— Мама, это та Волочаевка, про которую песню поют? Почему же ты плачешь? Ведь это было давно...

Да, это было давно, но все это живо и вечно будет жить в памяти народа.

(Из архивных фондов ПАХК)

Памяти борцов за свободу

Шапки долой!

Вот они, перед нами, двадцать восемь товарищей, зверски замученных. Смирно, товарищи! Слушайте.

Вы лежали в снегу, на морозе, по несколько дней без пищи, тяжестью тел своих, в грудь принимая иглы, рвали колючую проволоку. Злостью к врагу горели в боях ваши сердца. Но справедливую ненависть бесхитрое сердце крестьянина-бойца соединяет с великодушием к пленному.

Генералы тоже обещали ласку и прощение. Но вот перед вами трупы 28-ми ваших товарищей. Это пленные народоармейцы. Видите десятки ран на груди? Головы с замерзшими кусками мозга? Вот какая генеральская ласка.

Матерей изувеченных страдальцев здесь нет, далеко они и не знают об участи сынов своих, ждут их домой. Только мы, боевые товарищи, собрались к их праху. Не нужно рыданий и слез. Не будем оплакивать раны на теле убитых друзей. За каждую рану — отомстим. Не предательством к пленным врагам, нет...

Смирно, друзья! Поднимем правую руку! За дело рабочих и крестьян жертвою пали они. Клянемся над трупами их смело нести до конца, до победы Красное знамя. Не дрогнем. Выдержит сердце принять, коль придется, такую же пытку и муку...

(Из газеты «Вперед» 1922, 12 марта)

Н. КАЛМАНОВИЧ

О товарище

23 февраля (1922) в бою под Лончаково смертью героев пал член Народного собрания ДВР — коммунист Михаил Михайлович Фельдман.

12 марта 1922 года, когда части Народно-революционной армии уже гнали «белоповстанцев» от Волочаевки, в освобожденном Хабаровске проводились торжественные похороны 28-ми народоармейцев-коммунаров, зверски замученных под Казаквичево сахаровцами. В тот день газета политотдела Приамурского военного округа «Вперед» вышла с обращением к народоармейцам по поводу этого события и некрологом, посвященным другому павшему герою — Михаилу Михайловичу Фельдману. В них также говорится о памяти — о верности памяти погибшим за счастье народное.

«Утром 23 февраля, — как говорит военком полка в своем рапорте, — противник перешел в контрнаступление и, обойдя селение с трех сторон, отрезал тот район, в котором находился товарищ Фельдман. Он, не растерявшись, с небольшой группой бойцов стал отходить, отстреливаясь. Но будучи окружен со всех сторон, в ответ на крик офицера: «Руки вверх!» — последней пулей покончил с собой».

Товарищ Фельдман был в отрядах Красной гвардии, потом сидел в тюрьме, и снова в партизанских отрядах.

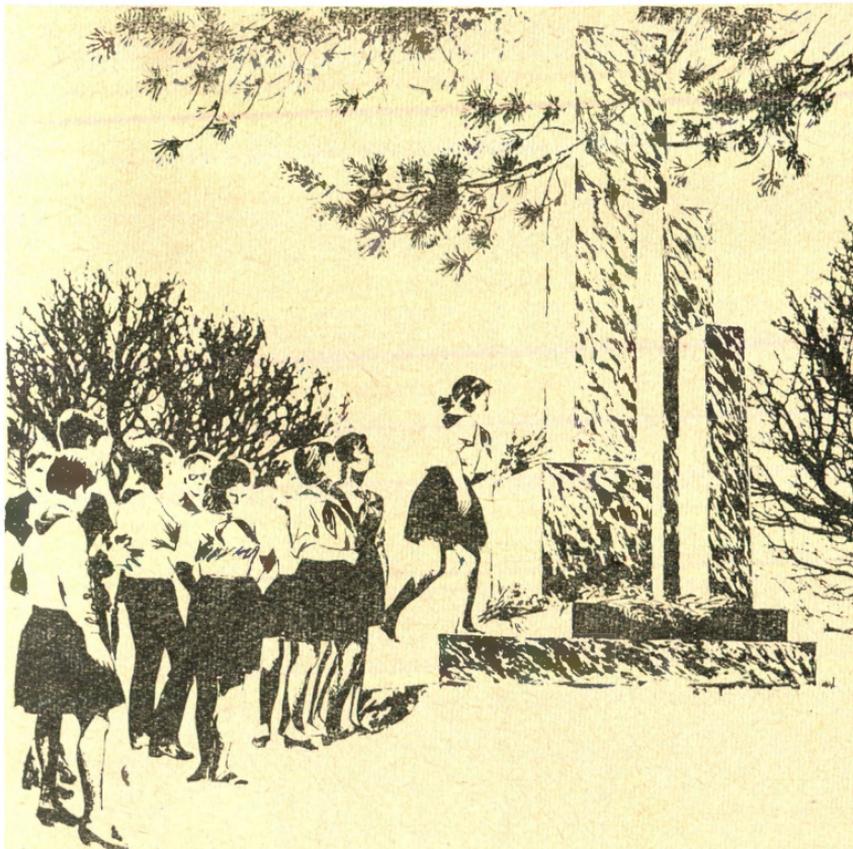
Нервный, порывисто-смелый, прекрасный оратор, он увлекал за собой рабоче-крестьянские массы. Настоячивый, твердый — умел выковывать волю и веру в идущих за ним. Избранный в учредительное собрание ДВР, резко и твердо отстаивал интересы трудящихся в тяжелых условиях «демократического строительства». В момент авантюры в Приморье он один из первых пошел на фронт, где пал как герой под Красным знаменем труда, которому стойко и честно служил.

Избранник трудового народа — он пал в борьбе за него.

Победа Народно-революционной армии — лучший памятник герою.

(Из газеты «Вперед» 1922, 12 марта)

Заметки историков-краеведов

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ
ПАРТИЗАНЫ
ЗЕМЛЯЧЕСТВО СТАРЫХ БОРЦОВ
КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ

«Партизанская борьба на Дальнем Востоке была великой борьбой. Это одна из красивейших страниц всей борьбы рабочих и крестьян под руководством партии Ленина за власть Советов, за социализм.

Пролетарские историки сумеют описать эту великую борьбу рабочих и крестьян, проводившуюся под руководством Коммунистической партии. Они расскажут и закрепят документами самоотверженность и героизм этой борьбы, могучую веру в будущее этих борцов.

Свидетельства великой борьбы хранит могучая, глубокая тайга. По ней разбросаны сотни и тысячи братских могильных холмов, могил погибших партизан. Они не останутся неведомыми иероглифами.»

Павел ПОСТЫШЕВ

1933 год

ГОРИ, ОГОНЬ ИЮНЬ-КОРАНИ!..

Гори, огонь Июнь-Корани,
Над снами павших партизан.
За эту землю умирали
Сыны рабочих и крестьян.
    Завиден жребий их высокий —
    Собой Отчизну защитить,
    Ведь шли они на бой жестокий:
    Иль умереть, иль победить.
Горели мужеством их взгляды,
Шли сквозь пургу и сквозь туман
Красногвардейские отряды
Дальневосточных партизан.
    Где все белогвардеец рушил,
    Где интервент чинил разор,
    Водил полки Василий Блюхер,
    Громил врагов Сергей Лазо.
То время выюгам не завьюжить,
Мы крепко держим алый стяг.
И не ослабить, не разрушить
Союз рабочих и крестьян.
    Гори, огонь Июнь-Корани,
    Во славу тех, кто в битве пал!
    Здесь за свободу умирали
    Сыны рабочих и крестьян. —
Сыны восставшего народа
Против насилья, рабства, тьмы.
Она сияет нам — свобода!
И в том — великий смысл борьбы.

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Пять лет непримиримой борьбы в неимоверно тяжелых условиях. Рабочие и крестьяне Дальнего Востока самоотверженно боролись за освобождение края от иноземных захватчиков и белогвардейцев.

Победа была неизбежной, потому что Красная Армия Советской республики оказалась сильнее войск могущественных империалистических держав, потому что революционную Россию поддержало мировое пролетарское движение. И еще потому, что на захваченной территории враг не мог закрепиться из-за активнейшего сопротивления большинства населения. Так было во всей Сибири, в дальневосточном крае.

В героической эпопее особое место принадлежит революционному подполью. Оно создало первые боевые ячейки, подняло знамя восстания, внесло организованность и целеустремленность в повстанческое движение. Им руководили большевики.

Пять лет непоколебимой борьбы — неувыдаемый подвиг трудящихся хабаровского Приамурья. И здесь восстание шло под лозунгом восстановления власти Советов, восставшие объединились под руководством большевиков.

Текущий момент

Август 1918 года.

Молодая Советская власть отбивалась от врагов. Хабаровск — административный центр Дальнего Востока — формировал все новые отряды и отправлял на Уссурийский фронт.

Оружия и обмундирования в Приамурье тогда хватало. Революционный порыв рабочих, бывших солдат и крестьянской молодежи из бедняцких деревень был могуч.

В начале месяца красногвардейские отряды разбили у разъезда Кауль прекрасно вооруженную армию белочехов, она покинулась назад к Владивостоку.

В это время дальневосточный край был отрезан от центральной России. В Сибири уже хозяйничали белогвардейцы, и их части наступали на восток. Таким образом, красногвардейские отряды Дальнего Востока сдерживали наседавших врагов и с востока и с запада.

Отступившие сибиряки вместе с забайкальцами стойко дрались с западной группой белочехов на подступах к Байкалу. В Восточном Забайкалье семеновские банды были разбиты. Была надежда, что враг будет побежден.

В Хабаровск приехал особоуполномоченный от Центросибири П. П. Постышев. Шли переговоры об объединенном командовании.

Но 20 августа советские войска оставили Верхнеудинск (Улан-Удэ). Прибайкальский фронт распался. В Приморье открыто выступили интервенты. 22—23 августа в районе разъезда Краевского против красногвардейских частей оказались объединенные силы интервентских войск — 12-я японская дивизия, английские и французские батальоны; вскоре и американский полк. Красный фронт и здесь, как в Забайкалье, стал сворачивать позиции, отступая к Хабаровску.

25—29 августа в Хабаровске состоялся 5-й чрезвычайный съезд Советов Дальнего Востока. Дальсовнарком, так же, как и Центросибирь, эвакуировался в Амурскую область — последний оплот Советской власти на восточной окраине страны.

3 сентября на пароходе «Барон Корф» выехала группа большевиков и работников Хабаровского Совета во главе с членом горкома Александрой Петровной Ким-Станкевич, затем ушел последний караван судов — с красногвардейцами группы Шевченко, отступавшей с Уссурийского фронта. Но эсеры и меньшевики уже поднимали на контрреволюционный мятеж амурское казачество и кулаков; караваны попали в засаду. А 17—18 сентября вся Амурская область была оккупирована 12-й японской дивизией.

Организация борьбы

В Хабаровске осталось немного коммунистов. На базе Амурской флотилии — машинист землечерпалки Болотин и его жена Софья, матрос Ермак, рабочие мастерских Перов, Спуре, Гуртов. В союзе грузчиков — Гелетков, Штылев, вернувшийся с фронта Шевчук. В госбанке — Голионко. В почтово-телеграфной конторе — Яков Герасимов и Чернышенко. В Народном доме — учитель Пупыкин. Работники милиции — Попко и Погудин. Начальник по охране города с чрезвычайными полномочиями — Бойко. (Некоторые из них формально членами партии не состояли, вступили позднее, после освобождения Хабаровска.) Многие из них были активными работниками, но все оказались в тяжелом положении, так как в город сразу вошло бандитское войско атамана Калмыкова, состоящее из головорезов — учеников кадетского училища, разогнанных при Советской власти, кулацких казачьих сынков и отрядов «диких» — горцев, сербов, нанятых интервентами, и вступили японо-американские части. И сразу началась мстительная расправа с «комиссарами», «немецкими шпионами», «дезертирами». В числе первых жертв среди коммунистов пали Перов, Ермак, захваченные на пароходе «Барон Корф», Ким-Станкевич и другие. Выявлять помогала притаившаяся, было, буржуазия, спекулянты, разного рода обыватели — домовладельцы, «хозяева». Член горкома Попко вспоминал:

«При вступлении Калмыкова в городе шпионаж был настолько сильным, что я вынужден был бежать и скрываться по деревням. И там было тяжело. Приходилось одеваться в женский костюм, чтобы скрыться от палачей».

Беззащитными оставались семьи нелегалов. Палачи и их сторонники всячески издевались над ними, творя беззаконие и насилие. Потерял свою семью Попко.

Несмотря на этот исключительный террор, невозможность для местных работников оставаться в городе даже на нелегальном положении, они пытаются организовать и начинают неравную героическую борьбу.

Другой коммунист — Бойко — позднее рассказывал:

«В момент эвакуации из Хабаровска Дальсовнаркома и других советских организаций мне как комиссару охраны города председатель Совета Герасимов предложил оставаться с отрядом особого назначения до приближения реакционных войск и только тогда, по моему усмотрению, отступать. Мы это выполнили. Затем многие из отряда разъехались по домам и вообще по деревням и потом оказались преданнейшими революции бойцами.

Перед роспуском я созвал общее собрание отряда. Пессимистического настроения не было, но стоял вопрос, как спасти свои силы. Часть бойцов — из крестьян, бедняков и середняков, бывших фронтовиков или добровольцев Красной гвардии. Эти имели возможность броситься к своим очагам, а дальневосточные деревни довольно благоприятные для того, чтобы скрыться. Другая часть — пролетарии города, местные и попавшие в наш край после германского плена. Положение их было безвыходное. Товарищи, которые имели пристанища вокруг Хабаровска, по деревням, сказали, что сумеют их приютить. Мы заручились, что сохраним связи и в будущем начнем работать.

Полтора десятка товарищей вынуждены были остаться: город был окружен противником. Пришлось и мне остаться. И пришлось задуматься над тем, где, в конце концов, скрываться? Мы решили: если встанет вопрос о мобилизации, то не игнорировать этот призыв противника, а некоторым товарищам идти в городскую охрану, милицию или войсковые части для того, чтобы связаться с подпольной организацией города и начать революционную работу в войсках белых.

Из кого же составила наша подпольная организация? Главным образом, из членов союза грузчиков и металлистов. Был Штылев — активнейший работник, при Советской власти председатель союза грузчиков. Затем братья Кочневы — Алексей, Николай, Александр. Я считаю, самый активный из них был Николай и самый развитый. Если в то время формально он не был коммунистом, то по своим действиям вполне заслу-

живал того, чтобы быть членом нашей партии. Затем братья Лысенко, Чернышенко и еще один рабочий из арсенала (фамилию его забыл), красногвардейцы. Должен указать на ломовых извозчиков Белозеровых, отца и сына, которые принесли огромную пользу, играли активную роль (сын стал жертвой контрреволюции). И еще ряд других.

На первых порах нам пришлось быть в самом раздробленном состоянии. Вопросы решали только при личных встречах в условных местах, собирались явочным путем и только раз в месяц. Удавалось собираться по три—пять человек.

Еще до прихода калмыковцев и войск интервентов в Хабаровск прибыли несколько коммунистов-центросибирцев. Одни, как Постышев, Ершов, Вележев, — по заданию, в Дальсовнарком и в Дальневосточный штаб Красной Армии, гвардии и флота. Другие — в период эвакуации сибирских и забайкальских советских организаций, с целью закрепиться в дальневосточных городах, законспирироваться и начать подпольную работу в тылу врага. С такой задачей в Хабаровске появились Славин, Гавриловы, семья Постоловских и еще несколько человек, преимущественно семейных. Все они перешли на нелегальное положение, некоторым пришлось скрыться.

Славин Борис Аронович, бывший комиссар финансов Центросибири, коммунист с 1917 года, жил «открыто» — как коммерсант Болотин. Гаврилова Клавдия Николаевна, комиссар просвещения Иркутской губернии, большевик с 1907 года, была устроена с помощью Константина Александровича Пупыкина и заведующего Хабаровским уездным отделом народного образования Михаила Гавриловича Чивкунова учительницей в поселке Амур под фамилией Горбачевская. В деревне Шаманке, при содействии того же Чивкунова и революционно настроенного председателя волостной земской управы Александра Васильевича Проценко, появилась молоденькая учительница Татьяна Семеновна Коновалова, а ее муж работал сторожем-истопником в школе. Это — Павел Петрович Постышев, особоуполномоченный Центросибири в Дальсовнаркоме, рабочий, большевик с 1904 года. Учительница — его жена, Таня Постоловская.

Сестра ее, Ксения, бывший работник Иркутской ЧК, была тоже устроена учительницей в школе на станции Волочаевка. Мать с младшей сестренкой отважно жила в Хабаровске, помогала прибывающим сибирякам-коммунистам. В деревнях, у границы, скрывались Вележев, Ершов, комиссар речной флотилии на Уссурийском фронте Мизин.

Как центросибирцы, так и местные коммунисты, оказавшись в исключительном положении, изолированные друг от друга, начали с установления связей, выявления соратников. То есть с создания небольших законспирированных групп.

Комитет большевиков в Хабаровске

Прибывшим из сибирских городов коммунистам на первых порах было легче законспирироваться, чем местным. Естественно, что они прежде всего разыскивают руководителей и других работников Центросибири, выявляют, кто из них где, налаживают связи. Затем идет перестановка сил. Постепенно основные партийные кадры, оказавшиеся в наличии на Дальнем Востоке, сосредоточиваются во Владивостоке. Там возникает городской, а затем областной комитет РКП(б). В других городах — Чите, Благовещенске, Хабаровске — тоже предпринимаются попытки создать подпольные организации с комитетами во главе.

Гаврилова вспоминала:

«В сентябре, октябре 1918 года Славин, имея деньги, вывезенные из Читы для подпольной работы в городах Дальнего Востока и для оказания помощи семьям погибших товарищей, направляет Ксению Постоловскую в Благовещенск, Владивосток, Иркутск и так далее для установления связей и передачи денег. Организации в Хабаровске еще не было.

Приезжает из Благовещенска Николай Андреевич Гаврилов (большевик с 1903 года, бывший политкаторжанин, заместитель председателя Центросибири, был устроен на работу учителем там же, в селе Амур).

В ноябре Гаврилов и Славин сколачивают небольшую группу из коммунистов-иркутян. Всего восемь человек — Гаврилов,

Славин, Постышев, Николай Ершов, Михаил Иванов, Рюкут, Постоловская, я. Гаврилов и Славин связывают членов ячейки строжайшей дисциплиной и конспирацией, намечают план работы, распределяют обязанности.

Поставлены задачи: сохранить кадры, выявить местных и приезжих коммунистов, связаться с солдатами интервентов, через профсоюзы установить связь с рабочими, учителями, советскими служащими. Через Постышева на реке Тунгуске получать информацию о настроении крестьян. Продолжать связь с городами Дальнего Востока.

Что удалось сделать?

Связались с солдатами американских войск. Через профсоюз — с рабочими арсенала, с печатниками, через которых удалось тиснуть в местной профсоюзной газете фельетон «Письмо к тетушке», высмеивающий адмиралов и атаманов (написал Гаврилов). Расширили связь с учителями начальных школ — народными учителями, настроенными революционно. А там, где устанавливалась связь, создавались небольшие группы активистов, они, в свою очередь, имели свой актив. Вели разъяснительную работу.

С казаками не удалось завязать связь.

После выступления казачьего полка против атамана Калмыкова — 28 января 1919 года — усилился террор. Пришлось уйти глубоко в подполье. Работа стала напряженнее. Но процесс объединения коммунистов возрос.

В феврале и особенно в марте в нашу организацию влились Номоконов, забайкальский учитель, брат и сестра Мефодий Прохорович и Ксения Прохоровна (фамилии их не знаю, знаю только, что Мефодий имел лошадь и занимался извозом для конспирации), из Западной Сибири приехали Серебренников и Сидоров (оба погибли в застенках Калмыкова), «Владимир», «Милиционер» (так и не удалось установить фамилии, мы, рядовые члены, знали, безусловно, не все). В конце марта из Благовещенска приехал Аксенов (имел явку к Славину, жил у Постоловской) и в марте же появился Яков Маленький (Луненко), он бежал из красноярской тюрьмы, скрывался в деревне Синда,

ниже Хабаровска. Было еще несколько человек, но припомнить их имена не могу. Всего в организации к апрелю насчитывалось более двадцати коммунистов, а вокруг нее был беспартийный актив.

К этому времени выявилось, что началось брожение среди белогвардейских войск, новая волна недовольства казаков зверствами Калмыкова. Стали появляться партизанские отряды. Все это поставило в порядок дня создание подпольного большевистского комитета, который взял бы в свои руки руководство всей борьбой в Хабаровске и окрестностях, начал бы работу в массах.

Почва для создания комитета уже была подготовлена. В апреле он был создан. Председатель — Славин, члены — Гаврилов, Аксенов, Луненко, Постышев (избран заочно).

От ЦК партии приехал Киселев. Он имел явку к Славину и прожил у него две недели.

Комитет расширил ранее начатое через профсоюзы, но особое внимание теперь обращалось на работу среди мобилизованных казаков, связь с которыми была установлена, и на руководство партизанским движением. Яков Луненко, скрываясь в деревне, имел связь с партизанскими отрядами, а поскольку в партизанских отрядах находились хабаровские подпольщики, началось быстрое слияние с ними. Появились фамилии Попко, Гнатенко и других. Для руководства партизанским движением в начале мая организовали подпольную типографию. Были даже написаны два воззвания Гавриловым, одно — к партизанам, другое — к казакам. Их забрали у Славина во время ареста.

Надо сказать, что Гаврилова и Славина знали как членов Центросибири, но никто не знал ни их настоящих фамилий, ни тех, под которыми они были прописаны. Это требовалось конспирацией...

А в ночь с 27 на 28 мая 1919 года Гаврилова и Славина арестовали. Нам, их близким, помогли скрыться товарищи.

...Сбросить со счета великой борьбы работу большевиков Гаврилова и Славина невозможно».

...Действительно, оказавшись в интервенцию и белогвардейщину в незнакомом городе на нелегальном положении, они в период самого жесточайшего террора и разобщения революционных сил провели в Хабаровске большую работу, выявляя и объединяя местных и приезжих коммунистов, расширяя работу за счет привлечения беспартийного актива. Создание большевистского подпольного комитета — объединяющего и направляющего центра, — огромная их заслуга.

Руководители его из-за конспиративных условий остались для большинства местных подпольщиков неизвестными. Но некоторые знали, а многие слышали, что есть большевистский центр, «действуют центросибирцы». Войко-Павлов позднее отмечал, что приглашенный для руководящей работы партизанами Попко был откомендован именно как «представитель центросибирцев». Он же, Войко, руководитель центральной революционной группы в городе, считал Аксенова, присланного большевистским комитетом, членом своей организации: «Когда мне нужно было выехать в область для организации партизанских отрядов, на мое место приехал на подпольную работу Аксенов — «Молоднюк», «Мичман», который заменил меня».

Таким образом, связь иркутян с местными подпольщиками установилась.

Группа Гаврилова — Славина, а затем комитет имели информацию из Иркутска, получали указания от Дальневосточного комитета РКП(б), созданного в январе 1919 года во Владивостоке. Они были знакомы с решениями III Сибирской конференции РКП(б) (март 1919, Омск), на которой была разработана четкая программа действий партийных организаций в условиях нелегальной работы, борьбы с контрреволюцией.

Дмитрий Дмитриевич Киселев приезжал по указанию Центра. Он перешел линию фронта и побывал во многих городах Сибири и Дальнего Востока. Его целью было информировать о положении на фронте, а главное — передать директиву ЦК партии о развертывании партизанского движения в колчаковском тылу. О своей поездке Киселев писал: «...Я встретился с Н. А. Гавриловым и Б. А. Славиним в подпольной органи-

зации города Хабаровска, куда прибыл в 1919 году из Благовещенска, где и получил явку к Славину».

Связи, явки, конспиративные квартиры большевиков — это сама по себе огромная подвижническая работа, так как она должна быть невидимой не только для глаз врагов, но и для многих своих. Но главное — это канал, по которому шла нужная информация, директивы Центра. Те сведения, которые сообщил Гаврилову и Славину посланник ЦК партии Киселев, стали известны широчайшему активу борцов. Установка на развитие партизанского движения и охвата его партийным влиянием была дана на весь период борьбы с колчаковщиной и сыграла колоссальную организующую роль.

Как видно из следственного дела Гаврилова, обнаруженного в 1966 году в материалах колчаковской разведки, арестованные большевики не дали ни малейшего повода для раскрытия подпольного комитета в Хабаровске. Привлекались они только как комиссары Центросибири (выдал их провокатор Розенблат).

Комитет продолжал действовать.

Прежде всего решили организовать побег Гаврилову и Славину. Поручили это Аксенову. Побег не удался. Сам Аксенов был схвачен и казнен.

Комитет пополнился новыми товарищами — Погудиным, Болотинным. Возглавил его Луненко. С этого момента его работа смыкается с деятельностью подпольной организации, возглавляемой прежде Демьяном Бойко.

Группа Демьяна Бойко

Основное ядро ее составляла пролетарская часть города — рабочие арсенала, Осиповского затона, базы речной флотилии, железнодорожники, грузчики, извозчики. Активисты — коммунисты Александрович, Гнатенко, Погудин, Соколов, а также передовые рабочие Кухарчук, Штылев, братья Кочневы, Бербат, Казаков, братья Лысенко.

«По своему удельному весу большая часть этой группы была не из тех работников, которые имели большой политический кругозор, это были работники, богатые только революционным

настроением, преданные Советской власти», — так характеризовал состав своей группы Бойко-Павлов в 1932 году на заседании Дальневосточного землячества.

Влияние группы распространялось в основном на рабочие районы и солдат вражеских войск. Эта группа была сильнее связана с местным населением, поэтому смогла сноситься с арестованными, помогать их семьям.

Подпольщики встречались на конспиративной квартире у Микитчуковой в Дальнеукраинской слободке, на 4-й улице (ныне район школы № 19; кстати, конспиративная квартира Постоловских была в том же районе, на 1-й улице). Явочные квартиры были в Арсенальской, Муравьев-Амурской слободках и на базе речной флотилии. Имели надежных людей в таких учреждениях как белогвардейская милиция, почтовая контора, телефонная станция, пожарная охрана, железнодорожная станция, в иностранных и русских торговых фирмах.

Группа Бойко создала подпольную ячейку в калмыковском полку, в нее входили бойцы особого отряда — Баранов, Казаков, а также Былков, Бянкин, Подойницын, Крылов, Гордеев, Меньшиков, Шереметьев, Шлыгин, Рыжий, Ракитин, офицер Сокотун. Готовили восстание. Почва была благоприятная. Мобилизованные казаки не хотели участвовать в калмыковских преступлениях. Попали сюда и бывшие красные кавалеристы — эти сразу примкнули к подпольщикам, стали лучшими агитаторами.

Располагая данными о состоянии казачьего полка, подпольная группа Бойко разработала совместно со Шлыгиным, Барановым и Казаковым план восстания. Намечалось оно в ночь с 28 на 29 января 1919 года.

Восставшие должны были разоружить офицеров и юнкеров, захватить оружие, патроны, необходимое обмундирование и снаряжение, соединиться с дружиной арсенальцев, освободить политзаключенных гарнизонной гауптвахты, арестовать Калмыкова и его приближенных, а затем уйти из города в тайгу и составить боевую единицу начинающегося повстанческого движения.

Протоколы допросов казаков, участников восстания подтверждают, что они имели связь с арсеналом и за несколько дней до восстания встречались в иллюзионе (ныне «Совкино») с членами подпольной группы, информировали ее о подготовке.

Отдельные члены группы Бойко в ходе подготовки восстания занимались сбором оружия и переправкой его в надежное место. Так, бывшему красногвардейцу Ивану Николаевичу Семикоровкину поручили вывезти уже подготовленные командой пулеметы. 31 декабря 1918 года он в сопровождении четырех товарищей явился в расположение пулеметной команды, но был схвачен (через четыре месяца бежал).

Восстание началось на сутки раньше, с 27 на 28 января, так как белой разведке стало известно о его подготовке. Но предупредить об этом арсенальцев казаки-подпольщики уже не смогли.

В восстании участвовали 1-я, 3-я и 4-я сотни, пулеметная и учебная команды и артиллерийская батарея. Руководили Шлыгин и Сокотун. Удалось захватить оружие, боеприпасы с полкового склада, убрать полковника Бирюкова и выйти из расположения полка. А далее — пришлось сдать американцам и сложить оружие. Иного выхода не было. Против восставших выступили японские интервенты.

Небольшой части восставших во главе с Казаковым удалось уйти.

Это восстание, как и другие того периода (в иных местах) окончилось поражением. Оно было слишком локальным, изолированным. И все-таки получило большой отзвук в крае как первое открытое вооруженное выступление.

Группа Бойко меняет направление работы. Сам он писал об этом:

«В Хабаровске оставаться было невозможно, почему пришлось перенести свою деятельность в деревню... Но работу вести среди крестьянства было слишком трудно, а подчас невозможно; с одной стороны, потому, что оно было запугано террором палачей — русских и иностранных, а с другой стороны, — из-за неорганизованности крестьянского населения. И вот нуж-

но было найти выход такой, чтобы вовлечь в борьбу не отдельные личности, ибо это не могло дать положительных результатов, а всю крестьянскую массу... Разработали план — во что бы то ни стало созвать крестьянский конспиративный съезд, чтобы таким путем информировать население о положении и тем самым хотя бы частично вовлечь крестьянство в борьбу».

Съезд подготовили и провели 10—11 марта 1919 года.

Хабаровский военревком

В середине 1919 года в городе и в уезде работало уже несколько революционных ячеек во главе с коммунистами, созданных на базе прежних подпольных групп.

В арсенале — под руководством Александровича. Лучшими активистами среди рабочих здесь были братья Лысенко.

На базе Амурской речной флотилии — во главе со Спуре и Гуртовым. Эта ячейка снабжала отряды Мизина и Алексея Кочнева.

На железнодорожном транспорте (станция и депо) была группа революционно настроенных рабочих и служащих, связанная с местными коммунистами — информировала комитет о продвижении вражеских эшелонов, и с приморскими — выполняла их задания, саботируя распоряжения белых.

Грузчики работали вместе с арсенальцами. Кроме того, Штылев был постоянно связан с партизанским командиром Шевчуком. Штылеву помогали Цупик и семнадцатилетний Сеня Широков, сын рабочего базы речников.

Арсенальцы и речники срывали ремонт белогвардейского вооружения, обеспечивали партизан боеприпасами и медикаментами, организовывали мастерские для ремонта оружия, по навивке патронов, изготовлению гранат.

Много неприятностей и хлопот доставляла калмыковцам пожарная охрана, у которой постоянно «пропадали» то лошади, то спецодежда.

Действовали отдельные коммунисты в селах. В Тунгусской волости, например, — Постышев, Вележев, Шевчук. От них тянулись нити связей и в город.

С успехами Красной Армии на Восточном фронте и с развитием партизанского движения расширялась революционная база, в борьбу вступали все более широкие демократические слои.

Комитет во главе с Луненко решил для объединения всех антиколчаковских сил создать более широкий военно-революционный орган. В июле 1919 года он был создан. На круглой печати было выгравировано название: «Исполнительный комитет объединенных советских партий и партизанских отрядов Хабаровского района». В состав «исполкома» вошли коммунисты, левые эсеры, максималисты, беспартийные.

По существу с этих пор под руководством большевиков действовал этот «исполком». Председателем его был Луненко. Сам он, отчаянной смелости человек, проявлялся часто именно как боевик. Об этой стороне его деятельности рассказывают легенды.

У него были связи с солдатами и офицерами 36-го Сибирского колчаковского полка. Встречался он с ними открыто, приходя в офицерском мундире. В июле, во время банкета, устроенного Калмыковым в честь японского генерала, Луненко вывез из японского склада три подводы с оружием и боеприпасами, часовому оставил расписку.

Связь подпольного военревкома, каким являлся, по сути дела, объединенный «исполком», с партизанскими отрядами через ячейки на местах стала постоянной. Бойко-Павлов отмечал, что партизанский штаб систематически получал от комитета осведомительные данные, информацию о состоянии войск противника и его расположении.

В августе «исполком» и партизанский штаб провели конференцию представителей подпольных сельских организаций и партизанских отрядов. Проводил ее Луненко. Обсуждалась тактика борьбы, руководство. Часть работников «исполкома» была направлена в партизанское движение. Луненко остался в городе.

В октябре он был схвачен. Арестовали тогда многих подпольщиков. Предали организацию попавшиеся случайно Заварзин — при отправке оружия партизанам — и Лапта. Оба сма-

лoduшничали, и первый согласился на провокаторство, другой избивал арестованных товарищей на допросах.

Арестовали Луненко, Болотиных, Петрачука, Сизова, Тимкина, отца и сына Белозеровых, Юра, Цупика, Погудина, Кухарчука, Голубева, Штылева, Эктова, Масича, Марковцева, Федорчука, Кислякова, Решетникова, Воложанина, Максименко, Саморокина, Жданова — члена «исполкома» (после ареста Луненко дней десять Жданов возглавлял «исполком»)... Всего около шестидесяти человек. Подпольная организация «исполкома» распалась, и теперь были схвачены и руководители, и многие рядовые ее члены. Все они прошли «вагон смерти». Спаслись немногие: Жданов бежал, Луненко, Саморокина и Голубева подобрали крестьяне после казни, и они оказались живы (Луненко тайно лечил под фамилией Пронина, но он скончался, не приходя в себя). Спаслись еще несколько человек. Большинство арестованных калмыковцы после изощренных пыток зарубили на амурском мосту. Там приняла мученическую смерть мужественная подпольщица Софья Болотина.

С этого момента единого комитета подпольщиков в Хабаровске не существовало. Многие активисты, избежав ареста, ушли в партизанские отряды. Но подпольная работа на местах не заглохла. Наступило время для массового движения против колчаковщины-атаманщины и интервенции. Наблюдается еще большая взаимосвязь партизанских отрядов. На Анастасьевской конференции был избран военревштаб Хабаровского и Николаевского районов. Этот военревштаб (председатель Бойко-Павлов, заместитель Попко) заслал своих представителей (бывших связанных с комитетом) для подпольной работы в городе. Были связи — непосредственные и через этот штаб — у отрядов на Тунгуске (Шевчук, Кочнев).

В Николаевске-на-Амуре

Еще в худших условиях оказались николаевские коммунисты и местный советский актив. В небольшом городе, каким тогда был Николаевск, трудно было сохраниться. Однако и здесь

они оставались вместе с рабочими до последней возможности, то есть до ареста. Самуил Бунин (председатель горкома партии), Трунин (первый председатель исполкома Совета), Прохор Иванов (делегат 5-го чрезвычайного съезда Советов Дальнего Востока), Иван Будрин (комиссар горного округа), Леонид Бебенин, Николай Слепов, Иван Чепурков, Николай Лаптев, братья Прикшайтисы, — пока было возможно, использовали легальные методы борьбы с белогвардейщиной, одновременно налаживали тайную типографию.

Аресты начались сразу, как высадился десант японских интервентов. Днем 8 сентября они выгрузились, ночью было схвачено более сотни людей — красногвардейцы и советские работники, в том числе комиссары Будрин, Слепов и другие.

Оставшиеся на свободе усилили деятельность — был создан штаб для организации партизанского отряда, выпускали листовки, завязали связь с арестованными.

Большинство арестованных красногвардейцев выпустили. Но в руки белых попали другие комиссары и Бунин.

Группа оставшихся продолжала работу. Типография рабочего Лаптева действовала. Один из братьев Прикшайтисов поехал на связь во Владивосток. Кто-то уехал в Хабаровск с той же целью.

Из-за угла был убит один из ценных активных подпольщиков Чепурков. Организуется демонстрация рабочих с протестом.

Подготовили побег комиссарам, и он был успешно осуществлен. Комиссары организовали первую боевую партизанскую группу во главе с Будриным...

История небольшой группы николаевских коммунистов и их актива (особенно деятельного среди грузчиков и рабочих электростанции) полна неутомимой борьбы. В начале 1920 года, когда к городу приближались отряды партизанских повстанцев, на свободе не оказалось ни одного коммуниста и бывшего советского деятеля. Свободными были только те, кто ушел в партизанское движение и уцелел в борьбе с карателями. Будрин, Кузнецов и другие. Они вернулись в Николаевск уже после

того, как вошли в город партизаны. Но вернулись с большим отрядом преданных делу пролетарской революции рабочих приисков. Это был лучший отряд среди приамурских партизан.

Каждый коммунист

«Большим походом» Антанты совместно с белогвардейщиной мировая реакция хотела одним взмахом покончить с революцией в России. Но операция провалилась. Уже при первых шагах она встретила сопротивление со стороны рабочих, организованных в красногвардейские отряды. В их ряды встало беднейшее крестьянство и бывшие солдаты царской армии, прошедшие школу солидарности с рабочими в окопах, на фронтах мировой войны.

Победа Колчака, как показала история, могла быть только временной. Советская власть на местах, особенно на отдаленных окраинах, не успела еще укрепиться, не затронула глубоко среднее крестьянство, особенно сибирское и дальневосточное, забывшее или не знавшее помещика. Колебания среднего крестьянства помогли Колчаку в его временной удаче. Затем именно крестьянство своим массовым восстанием поддержало большевиков и рабочих.

«...История с Колчаком показывает, что как гражданская война ни бесконечна, как ни тяжела, какой безысходной она ни кажется, но в тупик она не приводит. Она приводит народные массы, наиболее оторванные от большевиков, собственным опытом к убеждению в необходимости перехода на сторону этой власти» (В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 129).

Правда жизни, правда сравнения революционизировали самые отсталые крестьянские массы. Правда была на стороне большевиков — в их программе, в жесткой по отношению к эксплуататору и спекулянту диктатуре пролетариата, в призыве защищать рабоче-крестьянскую революцию с оружием в руках, до последней капли крови.

Правда жизни была и в том, что большевики первыми пошли в бой, а затем, оказавшись вне закона, на нелегальном

положении, загнанные, потерявшие семьи, продолжали сражение, показывая пример выдержки, отваги и разумной силы.

На всем протяжении гражданской войны белогвардейцы и интервенты старались прежде всего выхватить «главарей» — большевиков и «комиссаров». Истребляя преданных вожakov рабочих и активистов революционной власти, они думали заглушить российский пожар и тем остановить ход истории. «Старайтесь, чтобы во время наступления комиссары и видные большевики в наши руки попали, чтобы мы опасность, которая нам со стороны коммунистов угрожает, раз навсегда покончить могли», — внушало командование японской «экспедиционной» армии своему офицерству, готовясь к новому захвату всего Приамурья в августе 1920 года.

Распоряжения генералов, исполняющих волю кучки жадных империалистов, к сожалению, оставляют следы не только на бумаге. Механизм послушной армии приходит в движение — и льются реки крови.

Но «раз и навсегда» покончить с коммунистами ни тогда и ни в другое время не удалось и не удастся. Тогда, — в гражданскую, — даже в таких медвежьих углах, каким являлось Приамурье, где коммунистов было — считанные единицы.

Немногочисленные и рассеянные были здесь их ряды. Но всюду, где был коммунист, — кипела работа, была организация. Падал смертью храбрых товарищ, — на его место становились десятки, сотни, а потом и тысячи новых борцов. Такова логика справедливых войн.

Е. И. ЕЛИЗАРОВА, В. И. ЧЕРНЫШЕВА

ПАРТИЗАНЫ

Что такое партизанская война

Ученые говорят, что партизанское движение на Дальнем Востоке обладало классическими формами. Этому способствовали помимо экономических и политических факторов, определивших громадность размаха движения, необычайно своеобразные природные условия — географический фактор. В самом деле: тайга, сопки, мари, озера, бесчисленные протоки, реки, заросли тальника, морозы, снега — все это как нельзя более подходило для успешного ведения партизанской войны.

Энгельс отмечал, что партизанская война — одна из форм вооруженного сопротивления народа иностранной интервенции. По-современному звучат его слова:

Если «пробудится... дух народного сопротивления, то даже армии в 200 000 человек не могут добиться многого в оккупации враждебной страны. Они быстро достигают пределов, за которыми их отряды становятся слабее тех сил, которые в состоянии им противопоставить обороняющиеся; а насколько быстро наступит такое положение, полностью зависит от мощи народного сопротивления. Таким образом, даже разбитая армия быстро находит место, безопасное от преследования неприятеля, если только народ этой страны поднимет восстание...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 188—189. Издание второе. М., 1960).

И далее:

«Постоянно подтачивая силы врага, волны народной войны с течением времени перемалывают и разрушают по частям самую крупную армию...» (Там же, стр. 215—216).

Восставший народ, говорил Энгельс, в каких бы сложных условиях ни велась война, находит неожиданные и творчески новые пути, чтобы добиться успеха. Наиболее удобные места

действия партизан, места их сосредоточения — это горы, леса, джунгли, заросли кустарника и т. п. Народные отряды обладают большой маневренностью, неуловимостью, неожиданностью нападения. Превращаются в грозную силу. Никогда неизвестно, сколько партизан, где они. Они могут быть везде. Это деморализует армию врага, насколько бы она ни была сильна.

Все это было у нас, в нашем крае, в гражданскую войну. Наступали моменты, когда вражеские поезда между Хабаровском и Владивостоком совсем не ходили, а потом — только днем, под усиленной охраной. Обводной мост около Дормидонтовки партизаны сжигали шестнадцать раз. К началу 1920 года Хабаровск был настолько блокирован партизанами, что японские интервенты и калмыковцы боялись появляться за чертой города, а если выходили, то большим скоплением, как в бой.

В истории происходят сдвиги, потрясения, и тогда проявляется народ в целом. Не одиночки, не группы людей, а целые классы и нации. Проявлением непобедимости революционного народа была партизанская война в Сибири и на Дальнем Востоке, в тылу контрреволюционной армии.

В. И. Ленин на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока (27 ноября 1919 года) говорил:

«...Опыт гражданской войны в России показал нам и коммунистам всех стран, как в огне гражданской войны вместе с развитием революционного энтузиазма создается сильное внутреннее укрепление. Война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации... Истекшие два года показывают нам, с одной стороны, возможность развития революционной войны, а с другой стороны — укрепление Советской власти под тяжелыми ударами иностранного нашествия, которое имеет целью быстро сломить очаг революции... Но вместо того, чтобы сломить рабочих и крестьян России, они их только закалили» (В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 321—322).

Как жили до Великого Октября

«Чтобы понять, почему рабочие и крестьяне поднялись на восстание (при Колчаке), надо знать, как они жили», — пишет

в воспоминаниях бывший партизан из села Волочаевки Николай Андреевич Слинко.

В Хабаровском Приамурье только после Октября жизнь устоялась, приобрела стабильность, планомерность. Для современного поколения — это родина. А поколение бывших партизан почти все — родом из коренной России или Украины. Они были рождения 1890—1900 годов.

Население Хабаровского края (в современных границах) в предреволюционные годы составляло около 200 тысяч человек. В городах проживало: в Хабаровске — до 52 тысяч, в Николаевске-на-Амуре — до 15 тысяч.

Крестьянство по своей численности преобладало над всеми другими слоями населения. По социально-экономическому положению было неоднородно, что проявилось особенно в годы гражданской войны.

Все ехали на далекий Амур искать лучшей доли. Прибывали и крепкие, имущие мужички, чтобы завести на вольной земле собственное дело; но больше ехало голытьбы, безземельных. Земли вначале давали, сколько хочешь, но опять же не каждый мог ее освоить: у кого деньги, тягло — тот жил, у кого только руки, — тот долго ходил в батраках. Первых переселенцев, захвативших хорошие земли и угодья, называли «старожилыми». Более поздних селили в неудобные болотистые места, обижали и размером наделов (пятнадцать и менее десятин). Этих называли «новоселами». Старые деревни по Амуру — Тамбовское, Воронежское, Пермское (ныне город Комсомольск). Там жили сытно от рыбы, золотых и других промыслов. Основная же масса крестьян водворялась на землях Хабаровского уезда уже после 1901 года. И все голытьба. Селили по Тунгуске, в низменных местах вокруг Хабаровска, в таежной глухомани: Архангеловка, Полетное, Соколовка, Веселый Кут, Бичевая, Святогорье, Князеволконка, Анастасьевка, Волочаевка, Каменец-Подольское и другие.

Население прибывало, а посевные площади в Хабаровском уезде и у Николаевска-на-Амуре почти не расширялись. Люди кое-как раскорчевывали небольшие участки у своих домов и

сажали в основном овощи. Земля не кормила. Крестьянство уходило на промыслы, в город, на строительство железных дорог, на лесозаготовки. На этих рабочих руках наживались подрядчики, перекупщики, которых было немало и в городе и в деревне. Кулаки. Они держали извоз, почту, имели лавки, мельницы.

Наиболее населены были районы непосредственно по Амуру, Приуссурье и район Тунгуски. И можно так их охарактеризовать: первый район — рыбацкий, второй — казацкий, а третий — бедняцкий.

Кто и когда пошел в партизаны

Крестьян в партизанском движении было большинство. И это понятно. Ядро же отрядов составляли бывшие красногвардейцы и рабочие. С них начинались отряды. На них опирались командиры.

Беднейшие деревни «новоселов» по Тунгуске и вокруг Хабаровска, станции Вяземской поднялись на восстание первыми и стойко выдержали борьбу до победного конца. Молодежь, а нередко и старики ушли сначала в партизаны («по колчаковской мобилизации!»), а потом воевали в полках Народно-революционной армии. Тунгусская, Некрасовская, Полетненская волости — районы партизанских сел. В партизаны здесь уходили целыми семьями. Шевчуки, Шептюки, Кочневы, Корнатовские, Романенко, Лысенко... А помогало партизанам поголовно все население.

Бурно и стремительно создавалась повстанческая армия на Нижнем Амуре. Это уже после победы Красной Армии над Колчаком.

В декабре 1919 года приамурские партизаны разгромили часть батальона белых под селом Циммермановкой, и рыбацкое население Нижнего Амурского пошло к Николаевску отвоевывать у японских интервентов свое достоинство — рыбалку. По пути вливались горноприисковские рабочие. Это движение было сильно

порывом. Грозной, но плохо организованной, разноязычной, политически незрелой была масса приисковиков, пришлых сезонников, в том числе китайцев и корейцев, которых нанимали тогда вернувшиеся с интервентами хозяева в большом количестве за мизерную плату.

Сплоченными, закаленными прошлой совместной борьбой с хозяевами были отряды горнорабочих северных приисков — под руководством коммуниста Ивана Будрина и на Охотском побережье. Горный отряд Будрина отличался дисциплинированностью и боевитостью. Его помощь повстанческой армии нижнеамурцев в бою с выступившим японским гарнизоном в Николаевске (март 1920) оказалась решающей. А охотские рабочие дольше всех сопротивлялись колчаковской власти и восстали одни из первых. Охотский ревком был создан в декабре 1919 года.

Большое пополнение партизанским отрядам Приамурья, как и на всем Дальнем Востоке, дали местные колчаковские полки и гарнизоны. Из 36-го полка в Хабаровске к партизанам перешло несколько подразделений — в отряд Вредного, Шевчука, Кочнева. Потом весь этот полк стал частью Народно-революционной армии. Видный участник гражданской войны на Дальнем Востоке Алексей Канидьевич Флегонтов позднее писал:

«Примерно с половины 19-го обстановка начинает резко меняться. Разногласия атаманов между собой, неподчинение их временному правительству (колчаковскому) и его агентам настолько обострили положение, что, кажется, ни у кого уже не оставалось сомнения, что вся эта авантюра идет к концу. Об этом же говорило хозяйственное положение края. Отношения между интервентами, то есть между американцами и японцами, с момента совместных выступлений тайли в себе глубоко враждебные настроения. Начавшийся развал колчаковщины, мощный рост Красной Армии, восстание в тылу белых, рост партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке с очевидностью доказали всю невозможность интервенции края... Начинается заигрывание с меньшевиками и эсерами — с земством...

Постепенно понижается активность действий против партизан. Наступает новая эра борьбы.

Партизанские отряды начинают наводняться дезертирами из частей колчаковцев... В результате соответствующей работы начались переходы с полным вооружением целых частей. Переходили роты, батальоны, даже сотни казаков и часть юнкеров из военного училища.

Кроме того, сидевшие в военных лагерях пленные красногвардейцы, привезенные Колчаком в «вагонах смерти», убегали из лагерей, вливались в партизанские отряды и, как наиболее испытанные в боях товарищи, сыграли крупную роль в укреплении дисциплины в рядах партизанских отрядов».

Партизанские командиры

Вот всем известный легендарный партизанский вожак Иван Павлович Шевчук. Он был крестьянином из села Архангеловки Тунгусской волости. «Домик малюсенький, а семья огромная, — рассказывал Постышев. — Ребятишки спали, разбросанные на полу, кто-то храпел на печке... Жена Шевчука ухаживала за нами, подавала на стол чай, картошку, вяленую рыбу».

Так жили все на Тунгуске. Бедно, тесно. А дрались с черной силой контрреволюции отчаянно.

Шевчук всем своим делом выразил чаяния трудового населения Приамурья. Он прошел суровую школу жизни. Огромная семья. Переселение. Работа в артели грузчиков в Хабаровске. Был взят в армию, воевал на фронтах империалистической войны и за храбрость получил четыре георгиевских креста, офицерское звание. Но в дни революции — вступил в партию большевиков. Командовал на Уссурийском фронте красногвардейским отрядом. Случайно выбрался из хабаровской тюрьмы, куда был брошен в день прихода калмыковцев, и первым делом взялся за организацию партизанского отряда.

Всех их — партизанских командиров — выдвинула трудовая рабоче-крестьянская масса. Иван Федорович Федотенко-Вред-

ный — из Некрасовки, был в красногвардейском отряде особого назначения; Ефим Сергеевич Гармашов — из Прудков; Федор Степанович Шахрай — из Каменец-Подольского; Александр Евтихьевич Погорелов — слесарь станции Вяземская, другие — рабочие с лесозаготовок.

Политический руководитель партизан и трудящегося населения по Тунгуске Павел Петрович Постышев, большевик с 1904 года, — рабочий электромонтер.

Организатор подпольной революционной группы в Хабаровске, а потом председатель партизанского штаба Демьян Иванович Бойко-Павлов — арсенальский кузнец. Ему тогда было 26 лет. Мощный, с черными усами украинец. Двенадцатифунтовым молотом играл, как тросточкой. А на рабочем собрании призывал: «Мы будем драться за Советскую власть до последней капли крови!»

История отрядов

Первые небольшие отряды возникли вскоре после падения Уссурийского фронта из советских работников и красногвардейцев, вынужденных скрываться от белогвардейской контрразведки. Собирались на отдаленных заимках, держали связь с окрестными селами через одного-двух своих товарищей. Жили коммунарами. Как боевые единицы эти отряды вначале были слабыми. Их значение — во влиянии на массы, особенно на рабочую и крестьянскую молодежь, которой приходилось выбирать между жизнью партизана и предательской ролью белогвардейского солдата. Из изгнанников, отверженных, они довольно быстро превратились в глазах крестьян в «сыночков», героев.

Эти группы возглавлялись, как правило, людьми твердых большевистских убеждений и стали со временем костяком лучших партизанских отрядов — таких, как 1-й Тунгусский отряд Шевчука, «Морской» Мизина, 1-й Хабаровского района Кочнева, Кульдурский Воробьева, Амгунь-Кербинский, или «Горный», Будрина с ротой «лесной коммуны» Кузнецова.

Иногда эти группы при налетах и стычках с карателями погибали. Так случилось с отрядом Никиты Ветрова в Полетненской волости.

В некоторых селах после падения Советской власти возникли дружины самообороны. Первоначально — с целью защиты от бандитов, особенно хунхузов (организованные отряды китайских разбойников), которые в ту пору отсутствия хозяйской охраны границы стали буквально бичом, а также для предупреждения населения от наскоков орды «дикой дивизии» Калмыкова. По ночам выставлялись посты на дорогах, на окраинах сел. А бывало, что эти дружины нападали сами на отступающие группы красногвардейцев, если были в руках возродившихся земских управ, старост-кулаков. Но утверждение кровавой калмыковской власти быстро переродило даже эти «дикие» дружины в активных ее противников. И тут огромную роль сыграли свои, сельские красногвардейцы, а также бывшие фронтовики «германского» фронта. На селе появились подпольные группы.

В селе Каменец-Подольском такая группа сформировалась вокруг фронтовика Федора Степановича Шахрая, в Прудках и Полетном организатором ее стал Петр Дмитриевич Слободчиков, в Веселом Куте — Корней Васильевич Корнилов, в Синде — Иван Иванович Шерый, в Князеволконском — Иван Сергеевич Лавренков, в Вяземском — Федор Михайлович Силютин. Как правило, — местные, уважаемые односельчанами жители, грамотные, с более широким кругозором и вообще способные вести за собой массы. Агитаторы, рожденные революцией.

Более подробные сведения дали живые свидетели о матвеевской подпольной группе. В ней работали Глушаков, Евдокимов, братья Максименко, Медведев, Леваньков, Руденков, Рябков, Рябованов. Все — бывшие фронтовики.

Эти группы позднее сыграли крупную роль в партизанском движении. Некоторые влились в отряды полностью, некоторые частично, а оставшиеся были помощниками партизан в организации людских резервов, снабжении, в разведке.

В самом начале борьбы сразу же встал вопрос об оружии.

Его, конечно, было недостаточно, но все же оно было. Многие — охотники. Некоторые принесли из армии, сохранили после Уссурийского фронта винтовки, берданы.

В Хабаровске тоже оставалось оружие, частично на руках — наганы, браунинги и другое карманное оружие. Много было в тайниках. Белогвардейская контрразведка с помощью американцев провела обыски и часть оружия нашла. Но не все. Через подпольные организации оно было переправлено потом в партизанские отряды. Доставали оружие арсенальские рабочие, на базе флотилии.

Но на первых порах — собирались семь-восемь человек, а винтовка одна, или наган.

В дальнейшем партизаны приобретали оружие в боях. Появились в отрядах японские винтовки и пулеметы.

Разрозненные группы вооруженных людей и сельских подпольных ячеек надо было объединить, подчинить общему руководству, развить массовое партизанское движение. Эту работу начали и возглавляли до конца коммунисты — Постышев, Мизин, Шевчук, Бойко-Павлов, Попко, Будрин, другие — с их широким активом.

Как вспоминают бывшие партизаны, выдающуюся роль сыграл военревштаб партизанских отрядов Хабаровского района, возглавляемый Бойко-Павловым. История его началась с Соколовского съезда представителей от рабочих и крестьян, проведенного 10—12 марта 1919 года в результате энергичной работы того же Бойко-Павлова с группой товарищей по городскому и сельскому подполью. Этот съезд выполнил роль пламенного агитатора за активную, с оружием в руках, массовую борьбу с атаманщиной и интервентами. Затем была партизанская конференция, созванная по инициативе хабаровского «исполнительного комитета» в Новоалексеевке (Некрасовке) летом 1919 года, и Анастасьевская — в начале ноября того же года.

Тактика действий большинства партизанского отрядов определялась этими конференциями. Состав партизанского штаба — затем военревштаба — изменялся, но постоянно работали в нем два коммуниста — Бойко-Павлов как председатель, Попко как за-

меститель, а также Анищенко-Бессонов, Истомин, Николай Кочнев, Холодилов. Место пребывания его тоже менялось — Бичевая, Веселый Кут, Среднетамбовское, Вятское.

Штаб, в общем, признавался всеми отрядами Хабаровского, а потом и Николаевского районов. Но партизанская борьба, условия ее таковы, что каждый отряд имел весьма широкую самостоятельность. Дело штаба было претворять в жизнь основные решения партизанских, совместно с населением, конференций.

Гордостью штаба были отряды Федотенко-Вредного и кавалерийский Михаила Изотова. Они отличались дисциплиной, маневренностью и четким выполнением оперативных задач, нередко поставленных непосредственно штабом. Довольно частые сношения, видимо, имелись с отрядами Погорелова, Рубеля-Буссе-ля и даже весьма отдаленного — Гармашова.

Мизинский отряд с его небольшими речными подразделениями оперировал на большом расстоянии и в своеобразных условиях, поэтому действовал часто как бы отдельно, однако общие задачи он выполнял блестяще.

Почти полную самостоятельность в оперативных действиях приобрел сильный и боеспособный отряд Шевчука, а политическое руководство здесь осуществлял зрелый большевик Постышев. В Тунгусской волости проводились также объединенные съезды партизан и населения. Решения их, как и решения конференций, организованных штабом Бойко-Павлова, принимались на основе анализа текущего момента, вырабатывались, как следует предполагать, в контакте с городским подпольным комитетом. Как вспоминают бывшие партизаны Шевчука и жители сел по Тунгуске, к Постышеву приходили из города не с советом, а за советом. Бойко-Павлов также называет его политическим руководителем партизанского движения в Приамурье.

Таким образом, в партизанской борьбе с белогвардейцами и интервентами, в истории отрядов надо видеть не только внешнюю сторону, судить не только по числу боев. В общем это был военно-политический союз рабочих и крестьян, которые вождем своим признавали одну партию — большевиков. Конкретно это выражалось в глубоких внутренних взаимовыручках и связях

отрядов, в непоколебимом авторитете и популярности «партийного большевика», что видели, ощущали на себе и сознавали все партизаны. Было нечто и другое — такое же практическое, но менее различимое не только рядовыми партизанами, а даже, нередко, и их командирами. Это — согласованность уже не отдельных отрядов, а целых районов восстания, дальневосточного края — с Сибирью, а там и далее, шире и глубже — согласованность в главных моментах борьбы партизанского движения с действиями Красной Армии, со стратегией и тактикой партии большевиков... Подпольные комитеты большевиков, держащие трудную связь друг с другом, с отдельными своими представителями, иногда невидимо, но влияли на выработку решений местных партизанских конференций.

Наибольшую широту и силу партизанское движение в хабаровском Приамурье приобрело к осени 1919 года и достигло своей вершины к концу того года—началу 1920-го. Все было так, как и в Приморье, и в Амурской области, и в Забайкалье, и Восточной Сибири... Народная партизанская война на оккупированной врагом территории соподчинялась ходу всей борьбы Советской России против колчаковщины и объединенной интервенции Антанты.

Партизаны Приамурья были частью армии восставшего народа Советской Республики, армии народного сопротивления контрреволюционным войскам и интервентам. Действовали они по логике общей революционной борьбы, лишь в деталях соотносясь с местными условиями.

В партизанском движении периода гражданской войны встречается мрачный пример. Это анархизм, рожденный эгоистическими интересами мелкобуржуазных слоев, представителями их партий. Был этот пример и у нас, в Приамурье, что выразилось в так называемой тряпицынщине, обвинение за которую история предъявляет не только партизанскому командиру Тряпицыну, «индивидуалисту-анархисту», но и представителям прочих мелкобуржуазных партий — левых эсеров, максималистов. Как и их партии, они претендовали на роль руководителей трудящихся масс, ратовали за «Советы без большевиков». Они оказались способными только на то, чтобы привести эти массы в тупик. Так слу-

чилось на Нижнем Амуре, где Тряпицын и его единомышленники, окружив себя бандитствующими элементами как причиной, физически истребили большевиков и развязали колоссальный террор. Но массы сами вышли из тупика. Тряпицын и его сподвижники были арестованы в Керби (при отступлении из Николаевска) и после суда 103-х представителей от партизан и населения поселка расстреляны.

В России совершилась пролетарская революция, и гражданская война, развязанная империалистами всех стран, только усилила тенденцию борьбы за осуществление диктатуры пролетариата. Трудящиеся массы большевизировались в гражданскую войну необыкновенно быстро. Боролись они за большевистские Советы. А самоотверженный пример коммунистов становился идеалом. Даже погибший революционер-большевик не только ширил ряды борцов, но закалял их, объединял и дисциплинировал.

* * *

Колчаковщина пала под ударами Красной Армии. В Сибири восстановилась Советская власть. В дальневосточном крае борьба продолжалась.

Японские интервенты эвакуировали войска только из Амурской области. В Забайкалье с их помощью оставался и кровавый атаман Семенов. Сюда же отступили уцелевшие и не сдавшиеся остатки колчаковской армии — из группы командующего Каппеля и некоторых других генералов.

Красная Армия Советской России свалила основного врага — войска Антанты и наиболее крупные белогвардейские группировки. Но империалисты не примирились и не теряли надежды сокрушить Красную Республику рабочих и крестьян. Они готовили поход Польши и других «малых» стран. Ввязываться в войну с японскими интервентами в этих условиях Красной Армии не приходилось. По соображениям дипломатическим на территории Дальнего Востока была образована буферная рес-

публика — ДВР. Она должна была создать свою регулярную армию, способную выбить «читинскую белогвардейскую пробку» и стать авангардным отрядом 5-й Красной Армии на Восточном фронте.

Как Красная гвардия была ядром партизанского движения, так лучшие по дисциплине и боевым качествам красногвардейско-партизанские отряды стали основой для регулярных частей Народно-революционной армии ДВР. Влились в нее и большинство местных колчаковских полков, гарнизонов — многие перешли еще в конце декабря 1919 — начале 1920 годов.

Строилась НРА по образцу Красной Армии. Командование ее составлялось из лучших красноармейских кадров, в том числе командующие — сначала Эйхе, потом Блюхер, в конце борьбы — Уборевич. И подчинялась НРА командованию 5-й армии. Многие партизанские командиры возглавили подразделения частей НРА. Из приамурских — Иван Павлович Шевчук командовал полком. Выдающимся политическим работником НРА стал бывший «комиссар» его отряда — Павел Петрович Постышев.

Части Народно-революционной армии закалялись в боях. У нас в Приамурье уже в начале апреля 1920 года создался Хабаровский (Восточный) фронт — тогда выступили японские интервенты в Приморье и в Хабаровске. Затем в конце 1921 — начале 1922 годов пришлось отражать «поход на Москву» бывшего колчаковского генерала Молчанова. «Белоповстанческая» армия была разгромлена в Инском, Волочаевском и Васильевском боях. Волочаевский бой был самый трудный. Он-то и показал белогвардейским генералам и командованию японских интервентов, что они теперь имеют дело с регулярной, хорошо организованной рабоче-крестьянской армией, сильной, как и Красная Армия, талантливыми полководцами и доблестью, стойкостью и сознательностью каждого бойца.

Окончательную же победу над белогвардейцами и интервентами славная НРА завоевала в октябре 1922 года, разгромив и изгнав дитерихсовскую «земскую рать» и японских интервентов из Приморья.

Но и в этот период — открытой фронтовой войны на Дальнем Востоке — партизанское движение не угасало, партизанские боевые отряды сыграли выдающуюся историческую роль в освобождении края от белых банд и интервентов.

В этот период партизанская борьба была наиболее согласованной, руководили ею Дальбюро ЦК РКП(б) и командование Народно-революционной армии через свои политические и военные организации и уполномоченных.

Во время похода «белоповстанческой» армии главком НРА Блюхер обратился специально к распущенным ранее по домам партизанам, призывая их вновь взяться за оружие.

Каппелевские, семеновские и прочие недобитые белогвардейские части, составившие «белоповстанческую» армию, а потом некую «рать», — с одной стороны держались стараниями интервентов, с которыми регулярная НРА сталкиваться не могла, а с другой стороны пытались пополнить свои ряды новобранцами из местного населения. В этих условиях только партизаны — армия народной инициативы — могли сделать жизнь наглых интервентов невыносимой, а усилия белогвардейских вербовщиков на оккупированной территории нейтрализовать или обратить против самих же белогвардейцев, принимая в свои отряды молодежь призывного возраста, перебрасывая ее затем в НРА. Так оно и получилось.

Кроме того, командование НРА включало отдельные партизанские отряды в свои оперативные планы.

На территории хабаровского Приамурья тогда снова действовали: отряд Шевчука (во время Волочаевских боев совместно с отрядом Тетерина-Петрова) и отряды под командованием Бойко-Павлова (он держал связь и с приморскими партизанами).

Среди партизан хабаровского Приамурья боролись рабочие, крестьяне, народная интеллигенция из разных мест края и Сибири. Точно также партизаны Приамурья оказывались среди других. И почти все они — участники многих славных боев, которые провела НРА с белогвардейцами и интервентами.

Е. М. ЗОЛОТЫХ

ПО ЖЕЛАНИЮ СЕКЦИИ ВETERANОВ ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ НАЗЫВАЕМ ЗДЕСЬ ИЗВЕСТНЫХ (ВЫЯВЛЕННЫХ)
ПАРТИЗАН:

ОТРЯД И. П. ШЕВЧУКА

С. Бердник, С. С. Бердник, С. С. Березюк, В. В. Богатыренко, Л. Ф. Больших, Л. И. Бондарев, Б. М. Бояркин, И. П. Бикурин, Н. А. Булик, Е. А. Варфаломеев, Г. Власовский, А. Г. Вологин, Г. М. Голубев, Е. С. Гольнга, И. Я. Греза, С. К. Демин, А. С. Довгаль, И. Т. Дорошенко, Дроздов, Н. Н. Евграшкин, М. М. Егорова, Д. Загоров, К. В. Загородников, М. Г. Зенковский, Н. Е. Зубишин, В. А. Иванов, К. Г. Каменщиков, братья Капулины, С. С. Климов, У. Коваленко, М. П. Ковальчук, А. Г. Комащенко, Н. Кузнецов, К. С. Лазарев, П. Ф. Ленчук, братья Локтевы, А. А. Ломовский, Н. И. Лопатин, У. Е. Малышев, В. С. Маринич, И. Я. Машуков, А. Г. Мельников, Н. Д. Наволочкин, братья Николаевы, Е. П. Пехтерев, М. А. Похабов, Д. Преданников, братья Проценко, Пустарников, В. Е. Радкевич, И. Н. Романенко, А. М. Собошенко, Ф. Суслов, П. А. Сухоруков, Л. Тряпичко, Н. Г. Туников, М. М. Хох, И. С. Цисарь, братья Шевчуки, Е. Ф. Шевчук-Журавская, братья Шептюки, М. Г. Шипунов, С. Широков.

ОТРЯД А. Н. КОЧНЕВА

Н. А. Антипов, Баглай, М. Быков, Н. Василенко, М. Васильев, А. С. Глушаков, Гребенюк, братья Доници, С. Г. Дониц (отец), Евтушенко, Зайцев, А. Ф. Исаков, И. Караваяев, Я. И. Картавов, Киреев, П. А. Ковалев, П. Коваленко, Л. Д. Кольчугин, С. Е. Кононенко, Королев, Н. Н. Костриков, братья Кочневы, П. Е. Маржиевский, Алексей Марков, Артамон Марков, Н. Мельников, И. Ф. Мироненко, Н. И. Мисюра, А. Д. Набоков, Е. Д. Набоков, П. С. Погоняйло, Н. Х. Потапенко, С. Ф. Протченко, И. Н. Семикоровкин, В. И. Смирнов, К. П. Стецкий, К. И. Тарасюк, П. Теленченко, братья Тимкины, Н. И. Фищенко, Р. П. Шевченко, Шматок.

ОТРЯД М. Д. ИЗОТОВА

П. Г. Акимов, В. П. Анисимов, М. А. Астапов, Л. Т. Бакшеев, М. Бушко, Н. Е. Гужанский, П. К. Гусаков, П. И. Ерофеев, И. К. Заблоцкий, П. Засельский, Д. Кабанов, Д. Ф. Ка-

занский, И. В. Карпук, С. Т. Корчевой, Д. В. Кривобородько, П. Н. Купчик, И. С. Леваньков, С. П. Липков, А. Лозовский, И. С. Лужников, братья Максименко, Т. Д. Манаев, З. Е. Махрай, С. Д. Медведев, М. Ф. Микитюк, М. Е. Пантеленко, И. М. Руденков, братья Рыжаковы, И. А. Рлбков, Ф. Рябков, И. А. Рябованов, Савельчук, А. Сазанский, И. И. Сердюков, А. Е. Сеницын, И. И. Слепенков, И. О. Столяров, Ткачук.

ОТРЯД И. Ф. ФЕДОТЕНКО-ВРЕДНОГО

Я. А. Агафонов, И. Ф. Баранов, Т. А. Беспрозванный, Л. И. и П. И. Василенко, Н. К. Верланов, М. Вечирко, Власенко, И. М. и С. М. Внуковы, С. М. Гераньков, И. П. и С. П. Головановы, Д. Е. Горельников, А. А. Горюнов, Д. Е. Громыко, С. С. Демидюк, С. А. Евдокимов, П. О. Замерчук, П. С. и Н. С. Зубаревы, Н. Р. Зуев, Г. Ф. Казанский, И. Т. Карпаченко, И. Г. Кекалов, С. С. Коваленко, В. А. Коротких, И. И. и Т. И. Костылевы, И. В. Красильников, А. Я. Криворучко, А. Ф. Лебедев, братья Лябуховы, А. Т. Маричук, И. Д. Медведев, С. А. Мельников, И. Могилевич, А. М. Молярчук, И. Д. Михасев, П. К. Назаренко, Н. Л. Назаренко, Найденов, Н. В. Нестеренко, К. А. Осипов, И. А. Остапов, Н. Г. и Т. Г. Поляковы, Г. В. Прокопьев, П. Р. Ремняков, Н. Т. Рудаков, А. Ф. Савелевич, С. Г. Савченко, Ф. Е. Слепенков, А. П. Снегуренко, Д. И. Солохин, Г. А. Тарасов, Д. Л. Тарасюк, С. Х. Теленченко, П. А. Ткачук, П. Г. Трусюк, братья Уткины, З. Ф. Федотенко, А. И. Черняков, Д. И. Чес, К. И. Чес, Н. Н. Шелковников, И. Е. Шустов, К. С. Якимов.

«МОРСКОЙ» ОТРЯД Г. С. МИЗИНА

В. Л. Белых, Ф. С. и К. С. Богдановские, Ф. Везнер, С. Вершинин, Т. Л. Вишняков, Г. Е., Н. Е. и Е. Е. Вошковцы, Я. И. и И. Л. Вошковцы, В. Вшивков, И. А. Глущенко, Ф. Горошкин, П. Завалин, С. С. и А. С. Кашинские, Ф. С. Каштанов, Г. С. Коба, Н. Кочетков, Краснов, И. Кубинский, П. Куликанов, С. Ф. Курбатов, И. И. Лавров, П. А. Лебедев, А. Лисин, М. Н. Лопаченко, П. Д. Малаев, Михайлов, И. Небайкин, А. Ф. Пянченко, Е. П. и В. П. Петровские, Е. П. Рык, М. и Н. Смирновы, П. Смирнов, Т. Стариков, Терехов, Томский, И. И. Шерый, М. И. Шерый, М. Ширпин, М. Е. Шишкин, И. И. Ценцевичский, И. С. и В. С. Ценцевичские, В. Черных.

ХОРСКО-КИИНСКИЙ ОТРЯД

И. Н. Аксенов, Г. Баранов, М. И. Баюк, Г. Болтушин, С. П. Босенков, Н. Ветров, Ветрук, П. Л. Воронов, Востриков, Р. Галух, П. А. Голубев, В. Д. Гончаров, И. Х. Денисов, Т. М. Емельяненко, П. Е. Ивахнишин, братья Изотовы, Г. А. Исаев, А. Казачишин, П. М. Капитонов, П. Кисель, П. Ф. Кобзарев, З. Н. Коноплев, А. Корнилов, В. Ф. Кохаев, М. К. Кочергин, Т. Н. Кочергин, Кузьменко, А. Лагута, Р. П. Лебедев, Ляхнович, Г. А. Могдий, И. Моисеев, К. Мостовой, Н. С. Осипов, Петушков, И. Подобедов, Ф. Подolyако, Решетников, И. Рудаков, И. Я. Румянцев, Т. Рыбаков, Ф. Т. Самойлов, А. Самуляк, Д. М. Свердлов, А. Н. Семченко, Я. А. Сергеев, П. Д. Слободчиков, Т. Х. Слободчиков, Стародубцев, Страшков, П. Г. Сысоев, Я. И. Сысоев, М. С. Ткач, С. Ткач, З. К. Трусенков, А. Холодилов, Храпак, И. Черня, М. Чикачев, С. Д. Чихунов, Ф. С. Шахрай, И. Швед, А. С. Шелков, Л. И. Шигонцев, М. Я. Шилов, И. Р. Шупилов, М. А. Шупилов.

1-Й СВОДНЫЙ ОТРЯД

М. и В. Андрушуки, С. С. Барсук, И. Бондарь, Бурдюк, Ф. И. Буссель, М. Е. Волошин, М. Е. Гаврилюк, Д. Ф. Гресь, Е. Р. Демидов, Д. М. Еременко, Жихарев, С. М. Казаков, Е., И. и О. Карпуки, П. Кендюх, Г. Х. Кириленко, П. П. и Г. П. Коваленко, Ф. К. Ковалик, И. М. Колесников, В. К. Колоцюк, братья Корнатовские, М. Кошельник, И. Майоров, К. К. Михайлик, Вера Олейник, Н. М. и А. И. Олейник, А. В. Плохотнюк, Д. И. Полтава, Артем Постоюк, Анисим Постоюк, А. Е. Прасов, Д. С. Пугач, А. Т. Пуц, И. С. Рубель, А. В. Рыбак, С. М. и А. Л. Рыберт, Г. Н. Скибюк, М. И. Сместук, Г. Е. Сократ (Попович), В. и К. Чернявские, П. Н. Чижук, Т. Я. Шандро, М. В. Шапор, Я. Д. Шульга, М. И. Янус, В. И. Ярин.

ОТРЯД А. Е. ПОГОРЕЛОВА

П. М. Авдейчик, Ф. М. Ануфриев, И. Бабурич, Батурич, А. Г. Бей, М. Г. Бобарыкин, Н. К. Богданов, А. П. Бондарец, П. Боряк, И. Боряк, А. Буторин, Власюк, Ф. Дворяк, Д. Дорош, Г. Еремин, Г. Коваленко, Ф. Д. Коваль, И., П., и Е. Козел, А. П. Кондус, И. Г. Косачок, Н., В., А. Котряга, И. Г. Кочерга, Н. А. Киянец, М. Т. Киянец, И. Крыжановский, А. Кузьменко, В. И. Курач, И. Г. Лузан, А. Мазур, Ф. Ф. Михайлов, Е. Д. Носырев, А. Окольченко, С. А. Орехович, Т. П. Патрин, П. З. Писаренко, Плюсин, М. Полтысев, У. и А. Примаки,

И. М. Ревкач, Резанович, М. У. Рудюк, Ф. Т. Сераветников, Ф. М. Силютин, С. Слободенюк, П. С. Сологуб, Та Фу, П. Е. Тестик, Н. Е. Тестик, А. А. Хмелевский, Черняков, Чи Ку То, Л. П. Чмиль, М. А. и И. М. Шульга, Щебенков, Е. Щур, П. К. Юзвак.

ОТРЯД Е. С. ГАРМАШОВА

Д. Антипенко, Бабурин, К. С. Баланда, В. Н. Балдовкин, И. С. Бессараб, Буряк, Величко, Е. С. Воробьев, М. И. Гайдай, С. И. Гайдайчук, И. П. Головкин, А. Гузов, П. Дымчук, Р. Л. Дысь, Р. М. Дысь, П. М. Ефименко, Л. Жучкин, Е. Заволока, Зарубин, И. У. Заяц, Ф. Ф. Калиберов, М. С. Камков, Ф. Клименко, Косьяненко, И. Ф. Кудрин, К. А. Кутнюк, С. Д. Лещинский, С. Я. Малиновский, Мацебурский, К. Олейников, Пряжников, С. Решетнев, В. Я. Розганов, Г. Саволук, Г. П. Савченко, Ф. Г. Симоненко, Слободенюк, С. Шаройко, А. С. Шевчук, Щербак, С. Н. Янчук.

КУЛЬДУРСКИЙ ОТРЯД

А. Бахвалов, П. Г. Болдырев, А. Ф. Большаков, Ф. Воробьев, М. А. Грудин, Д. Г. Дурилов, И. Захаров, П. Климчук, В. Крылов, И. Кузнецов, Н. Кушнарев, К. В. Мельников, М. Т. Онищенко, Г. Папонов, Д. И. Пестров, Рябинин, Абдулла Файзулин, А. Шорохов, Шилов.

В ОТРЯДАХ НА НИЖНЕМ АМУРЕ И АМГУНИ

А. М. Аксеновских, Баширов, Л. П. Бебенин, И. С. Бессонов (Анищенко), Г. Н. Болдовский, И. И. Борзов (Коцуба), И. А. Будрин, Д. С. Бузин (Бич), И. И. Буйненков, Генералов, С. Д. Глушаков, П. И. Джорко, С. П. Днепровский (Власов), И. Заксор, Зиновьев, Иванов, Д. Д. Ивин, Л. К. Киле, Г. И. Кривовяз, Княшин, А. Комаров, И. Королев, Корташевский, Котельников, И. В. Кузнецов, Кулаков, С. Мавлеткулов, К. М. Максименко, Малахов, И. С. Малык, И. И. Лавров (Тигров), Н. П. Лаптев, Е. Назаров, Т. Наумов (Медведь), И. В. Орлов (Овчаренко), Офицеров, Е. Ф. Паньков, А. С. Петров, Ф. К. Пильнов, братья Прикшайтисы, М. Руденков, А. Ф. Рябков, И. Ф. Рябков, Н. Я. Самба, Сидоров, Н. К. Силев, Н. В. Слепов, А. Смагин, Сурин, А. Х. Теленченко, Е. И. Трунин, А. Фомин, Ф. Г. Худяков, Г. А. Цветков, И. Г. Чепурков, П. Д. Черанев, Н. Ф. Чибисов, С. И. Шерый (Мохов), П. Шетников, Шомколович.

ЗЕМЛЯЧЕСТВО СТАРЫХ БОРЦОВ

С окончательной победой над белогвардейщиной и интервенцией наша страна начала свой большой и стремительный путь по неизведанной дороге социалистического строительства.

Дальневосточный край, претерпевший в годы гражданской войны столь долгую оккупацию и условия буферной Дальневосточной республики (ДВР), оставался вначале почти на военном положении. Это потому, что Северный Сахалин был захвачен японскими интервентами, в тайге, особенно у приисков, бродили бандитские шайки, из-за границы то и дело вылезали остатки белогвардейских банд, они же провоцировали кулацкие восстания. Советская власть до 1926 года существовала здесь в форме чрезвычайной, назначенческой — краевой Дальревком и на местах революционные комитеты. Это было необходимо и потому, чтобы в условиях разрухи и голода оперативно решать вопросы защиты интересов рабочих и трудящихся крестьян.

Революционная власть, краевая организация большевиков и в политических, и в военных, и в хозяйственных делах опирались прежде всего на испытанных борцов за Советы — бывших красногвардейцев и красных партизан.

«Командный и политический состав частью влился в ряды армии и в значительной степени создал тот скелет, вокруг которого оформилась революционная власть с ее аппаратами и органами», — писал в своих воспоминаниях бывший начальник штаба партизанских отрядов Приморья Борис Константинович Рубцов.

В Дальревкоме, составленном из испытанных большевиков, был, например, всем известный Постышев — пламенный агитатор и пропагандист партизанского движения в Приамурье, затем комиссар Восточного (Хабаровского) фронта. Секретарем Приамурского губкома РКП(б) — тоже старый большевик, под-

польщик Владивостока и политический работник среди партизан Приморья, потом член военсовета НРА — Губельман. В Николаевский-на-Амуре ревком послали бывших членов Совдепа, потом партизан — Кузнецова и Прикшайтиса.

Партизанский молодняк еще в годы гражданской войны вошел в ряды Народно-революционной армии, а затем многие остались служить в Красной Армии, в пограничных войсках. Командовал пограничными частями Дальневосточной зоны бывший красногвардейский командир, партизан, начальник дивизии НРА Флегонтов. Части особого назначения — ЧОН, укомплектованные новым, комсомольским молодняком, возглавлялись обычно прославленными партизанами, коммунистами. Отряды милиции, чекистов вобрали в себя лучших партизан и подпольщиков.

Многие партизанские командиры и способные отличившиеся бойцы были направлены на рабфаки, в различные учебные заведения, курсы. В дальнейшем некоторые учились в Институте красной профессуры, университете имени Свердлова, Военной Академии имени Фрунзе и в других вузах страны. Высшее образование получили лихие партизанские вожаки, в гражданскую войну малограмотные, — Шевчук и Бойко-Павлов. И позднее многие бывшие партизаны проявили себя как выдающиеся организаторы социалистическихстроек на Дальнем Востоке. Крупную роль сыграли в кооперировании промыслового хозяйства и в коллективизации.

В архивах сохранились любопытные документы первых лет Советской власти — списки старых большевиков. Эти кадры брались на особый учет и в их делах отмечалась каждая «мелочь» — даже болезнь, прилагались характеристики — в чем силен товарищ, на какой работе наиболее проявляет себя. Эти люди прошли школу революционной борьбы в ленинской гвардии, их были уже единицы, и партия ими дорожила, ставила на самые ответственные участки.

В конце 1929 года, на основе законоположения ВЦИК, при исполкомах Советов стали создаваться партизанские комиссии. На Дальнем Востоке образовались — краевая, городские и рай-

1-я конференция бывших красных партизан отрядов Погорелова и 1-го сводного на ст. Вяземская 25 июля 1932 года. Среди делегатов А. Е. Погорелов (в последнем ряду второй справа), Г. Н. Скибюк (в предпоследнем ряду второй справа), А. Е. Прасов (в первом ряду первый справа)

онные. В 1930 году Далькрайисполком утвердил специальное «Положение о комиссии по работе среди бывших красногвардейцев и красных партизан», по которому в областях, округах и городских промышленных центрах, в том числе Хабаровске, вводились освобожденные платные работники — ответственные секретари и инструкторы массовики-организаторы. В любом месте, где имелись в наличии не менее пятнадцати бывших красногвардейцев и красных партизан, образовывались военно-партизанские секции.

Основные задачи, которые решали тогда партизанские комиссии и секции:

1. Организационное объединение для активной помощи пар-

тии и Советскому правительству в деле социалистического строительства.

2. Сохранение кадров бывших красногвардейцев и красных партизан, всемерное повышение их политического уровня с требованием понимания текущего момента.

3. Учет инвалидов и семей погибших бывших красногвардейцев и красных партизан, оказание им помощи.

4. Решительное очищение от классово чуждых, кулацких примазавшихся элементов.

5. Учет актива и выдвижение его на руководящие должности.

В государственном архиве Хабаровского края хранятся дела партизанских комиссий. Их несколько десятков. Там — списки участников гражданской войны, списки жертв интервентов в Хабаровске, анкеты делегатов совещания — участников Волочаевских боев, личные дела бывших партизан.

Слет участников Волочаевских боев проходил в 1937 году в Хабаровске. Бывший командующий Сводной стрелковой бригады НРА Яков Захарович Покус, призывая товарищей к тому, чтобы они писали свои воспоминания, сказал тогда: «Нас собралось здесь около шестисот человек — это значит двадцать процентов из тех, кто остался в живых после этого решающего боя... Люди уходят... Если переписать биографию каждого бойца, получится история гражданской войны».

Потом можно было уже говорить: если переписать биографию каждого участника гражданской войны, дожившего до наших дней, — получится история Советского государства.

Некоторые партизанские комиссии потрудились немало над сбором воспоминаний и материалов о гражданской войне. Еще в 1929 году в Хабаровске был организован вечер воспоминаний красных партизан Приамурья и подпольщиков Хабаровска. Вел его бывший член партизанского военревштаба Михаил Ефимович Попко. Сохранилась стенограмма воспоминаний.

Но более всего в этом отношении потрудились Дальневосточное землячество бывших красногвардейцев и красных партизан, образовавшееся в начале 30-х годов в Москве, при Центральном

Доме Красной Армии. Работали по районным секциям — забайкальцы, амурчане, хабаровчане, приморцы. Можно сказать, совершен колоссальный труд. Ставили интересные проблемные вопросы из истории гражданской войны, готовили доклады, сообщения, делали обсуждения. Если учесть, что наиболее видные организаторы и руководители революционного подполья и партизанского движения на Дальнем Востоке были тогда забраны туда, в центр — на ответственную работу, а кто учился, — то станет ясно, что воспоминания их обладают первой ценностью. Люди эти горели энтузиазмом, что сказалось и на этой их общественной добровольной нагрузке. Несли они ее с совершеннейшей добросовестностью. Тогда, к тому же, создавалась «История гражданской войны», и они старались внести свою лепту в исследования. Стенограммы заседаний секций Дальневосточного землячества, рукописи хранятся в партархиве Хабаровского крайкома КПСС, в государственном архиве Хабаровского края. Некоторые из них были опубликованы в сборниках Центрального и Дальневосточного Истпартов (1923—1925) и в общественно-политических журналах тех лет.

И позднее самое серьезное значение придавали обобщению опыта революционного подполья и партизанского движения в пору гражданской войны и интервенции такой видный деятель партии и государства как Постышев, член ВЦИК Флегонтов, другие. Участвовали они и в написании истории героической борьбы за Советскую власть в нашем крае, в создании сборников воспоминаний — «В огне революции» (Хабаровск, 1927), «И на Тихом океане свой закончили поход» (Хабаровск, 1932), «Таежные походы» (Москва, 1935 и 1936). В них выступили многие партизанские вожаки и командиры революционной армии. Выходили их мемуары отдельными изданиями. Некоторые участники борьбы за Советы в Приамурье вели специальные исследования по теме гражданской войны, и труды их были также опубликованы.

Осмысление богатого опыта организации партизанской борьбы на Дальнем Востоке пригодилось, когда грянула Великая Отечественная война. А некоторые бывшие руководители парти-

занского движения на Дальнем Востоке снова окунулись в эту работу.

Особенно ярко проявил себя в годы Великой Отечественной войны Алексей Канидьевич Флегонтов. Он сразу же был приглашен возглавить Особую группу, образованную при наркомате внутренних дел для организации партизанских десантных групп и разработки методических пособий в помощь партизанским отрядам. Во второй половине июля 1941 года был направлен в Смоленскую область, где еще до прихода гитлеровцев успел создать партизанский отряд. Позднее предложил план глубокого рейда во вражеский тыл на территории Белоруссии, который сам и осуществил. В 1943 году Флегонтов командовал уже партизанской бригадой «За Родину». В том году он погиб в сражении с фашистами. Бригада стала называться его именем. (См. журнал «Дальний Восток», 1972, № 8.)

К концу 1935 года партизанские комиссии выполнили свои задачи и, по постановлению Совнаркома, как государственные учреждения были распущены.

В мае 1954 года в Хабаровске была образована секция участников гражданской войны при краеведческом музее, уже как общественная организация. Существует она поныне. Есть и районные секции.

Краевую секцию возглавлял сначала (1954—1963) известный участник гражданской войны на Дальнем Востоке, бывший красногвардейский командир, подпольщик, партизан, боец Народно-революционной армии Иван Николаевич Семикоровкин. Затем председателем стал Дмитрий Акимович Евдокимов. Ныне — снова И. Н. Семикоровкин.

В секции три отдела: исторический, агитмассовый, бытовой.

Землячество старых борцов помогает своим больным товарищам, семьям погибших и умерших. Много времени и сил отдают ветераны выявлению и сбору оружия и других реликвий времен гражданской войны, установлению памятников погибшим героям. Занимаются большой пропагандистской деятельностью, часто выступают перед молодежью.

Большая заслуга Хабаровской секции ветеранов гражданской

Бюро Хабаровской секции ветеранов гражданской войны на Дальнем Востоке (слева направо): сидят — М. Е. Щекина, В. М. Игнатенко, Д. А. Евдокимов, И. Н. Семикоровкин, Н. И. Панина-Сократ, А. С. Глушаков; стоят — Г. Ф. Казанский, С. М. Филиппович, Ф. А. Катков, П. И. Фартушнов, Г. Н. Болдовский, А. Л. Анойкин, А. Ф. Попов, П. О. Кудрицкий. Октябрь 1971 года

войны в создании новых книг о революционном прошлом. По материалам и при их участии вышли книги «Этих дней не смолкнет слава» (Хабаровск, 1957) и «Вечно живое пламя» (Хабаровск, 1965).

Правда, первый сборник страдает серьезными недостатками, в нем много фактических ошибок, неточностей, даже передержек. Сборник не может быть использован в научно-исторической работе без большого дополнительного исследования, сверок, сопоставления. Но это была первая попытка осветить историю гражданской войны на территории Хабаровского края, охватить новый круг авторов, ввести в оборот неопубликованные еще воспоминания.

Второй сборник посвящен самоотверженному участию в революции и гражданской войне женщин-дальневосточниц. Книга не случайно получила высокую оценку в печати. В ней раскры-

ваются интереснейшие страницы героической эпопеи в истории Дальнего Востока, заслуженно отмечается роль женщин-патриоток. Книга хорошо продумана. Создавалась она в содружестве издательства и ветеранов гражданской войны — с историками и работниками архивов. Ощущается уверенная рука мастера слова — писательницы Ю. А. Шестаковой, которая вела обработку материала.

Новый сборник — «Эхо партизанских сопок» — также создан прежде всего по инициативе Хабаровской секции ветеранов гражданской войны, использованы многие ее материалы (в том числе о большинстве партизанских отрядов), что собирались не один год. Постоянно работали И. Н. Семикоровкин, Н. И. Панина-Сократ, К. И. Тарасюк, В. И. Ярин-Яровенко. В организации авторского коллектива и сбора материала энергично помогал Д. А. Евдскимов. Большую моральную и материальную помощь получила общественная редколлегия от В. П. Сысоева, бывшего директора краеведческого музея, писателя-краеведа. Окончательный вариант сборника готовился опять-таки в содружестве издательства и секции со специалистами и энтузиастами-общественниками.

Уходят из жизни ветераны революционной борьбы 1917—1922 годов. (Когда создавалась секция, в городе на учет было взято восемьсот шестьдесят бывших красногвардейцев и партизан, ныне осталось — двести двадцать, всего в крае проживает четыреста участников гражданской войны на Дальнем Востоке.) И ценны их усилия дополнить «Историю гражданской войны» некоторыми забытыми, неучтенными деталями, фактами. Драгоценна их забота о воспитании нового подрастающего поколения в духе патриотизма.

В. И. ЧЕРНЫШЕВА

КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ

«Человек должен с детства, со школы помнить, на какой земле он родился, помнить, что у него есть обязанности перед этой красивейшей землей в мире, которую зовут Родиной! И она одна у человека. И если ей будет угрожать смертельная опасность, он должен встать на ее защиту и стоять насмерть. Он должен помнить и чтить дела своих предков, которые не жалели своей жизни, защищая родную страну».

Николай Тихонов

Когда приходят к ветерану пионеры — красные следопыты, у него светятся счастьем глаза. Убеленный сединами борец и юные коммунары вместе. Есть кому передать эстафету!

Красные следопыты — это любознательные ребята, захваченные волшебной романтикой подвига. Они идут по следам революционной, боевой и трудовой славы своих отцов и дедов. Идут восторженно, но и по-хозяйски. Как наследники. Делают немало интересных для истории открытий. А более всего — обогащают себя.

Их, красных следопытов, столько же, сколько вообще всех мальчишек и девчонок в нашей стране. Только одни организованы — в кружках, в клубах, — а другие действуют самостоятельно, так сказать, стихийно.

«Стихийные», понятно, начинают с игры, с тайны случайных открытий. Но при этом часто попадают впросак: «тайна», оказывается, давным-давно известна старшим или другим ребятам.

Целеустремленно и, можно сказать, грамотно действуют следопыты организованные, то есть в кружках, отрядах и клубах.

Движение красных следопытов зародилось много лет назад и постепенно становилось все более массовым. В 1945 и 1948 годах проводились первые Всесоюзные слеты юных путешественников. Их тогда уже насчитывалось до пяти миллионов.

Малмыжские ребята у партизанской пещеры

К 40-летию Советской власти во Всесоюзной экспедиции участвовало тридцать тысяч экспедиционных отрядов.

Всесоюзный марш пионерских отрядов «Всегда готов!», стартовавший в 1970 году, уже закончил свою программу. Пионерское движение достигло высших форм развития — необычайной массовости.

Теперь по решению пленума ЦК ВЛКСМ марш «Всегда готов!» начинает свой второй этап, который закончится в 1974 году. Этот марш посвящается 50-летию образования СССР и 50-летию со дня присвоения имени В. И. Ленина комсомолу и пионерской организации.

Теперь на марше вся двадцатитрехмиллионная детская коммунистическая организация. И всем есть дело.

Следопытская, туристская, краеведческая работа особенно активно проявляется в маршрутах «Мое Отечество — СССР» и «Сильные, смелые, ловкие». В постановлении Центрального Комитета Коммунистической партии «О 50-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина» отмечено: «Следует и впредь широко проводить походы по дорогам революционной, боевой и трудовой славы старших поколений...»

В Хабаровском крае в результате таких походов и собранных в них экспонатов действует более двухсотпятидесяти школьных музеев, комнат, уголков боевой славы. Есть военно-патриотические клубы — «Поиск», «Клуб капитанов», «Клуб красных следопытов» и даже университеты будущего воина, где также существуют отряды красных следопытов. Организаторы — комсомол, пионерские дружины, школы, спортивные общества, военкоматы. Делается все ребятами и, конечно, для ребят, а во главе чаще всего стоит взрослый, знающий человек, и хорошо, если большой энтузиаст. Тогда работа и результаты ее интересны не десяткам, а сотням и тысячам ребят. Каждое дело, чтобы не превратилось в мертвящую скуку — так ведь часто бывает, — требует фантазеров и энергичных людей, умеющих претворить мечту в жизнь, идею — в действие.

С глубоким волнением прочитывают ребята страницы героической летописи гражданской войны, революционного подполья и партизанского движения в тылу у белых и интервентов, боев Красной Армии. Изучают деятельность выдающихся сынов Родины — Блюхера, Лазо, Постышева, Шевчука, Войко-Павлова и других. Тут же кипит работа, самая разнообразная: узнают историю своего села, города, устанавливают имена участников гражданской войны, погибших героев, записывают воспоминания, идут в походы на поиски мест боев и боевых реликвий — ведь это «куски живой борьбы героического пролетариата», как сказала однажды Надежда Константиновна Крупская в беседе с пионерами. Ребята пополняют новыми экспонатами краеведческие музеи, организуют свои «музеи революции». Проводят слеты.

Летом 1971 года в селе Пронькино (Еврейская автономная

область) проходил 13-й слет туристов-краеведов Хабаровского края. Прибыли команды-победительницы из двадцати трех районов. Открылся слет походами команд. В маршруты были включены населенные пункты, где действовали в прошлом партизанские отряды.

Курорт Кульдур. Здесь следопыты узнали не только об истории курорта, но и о Кульдурском партизанском отряде.

Волочаевка, Ольгохта, Приамурский, Николаевка, сопка Июнь-Корань... Здесь действовали партизанские отряды Шевчука и Кочнева, сражалась Народно-революционная армия, возглавляемая Блюхером.

Ребята встретились с участниками гражданской войны, героического Волочаевского боя.

Высшим баллом была оценена следопытская и краеведческая работа на походе команды города Хабаровска из школы № 63. Юные туристы собрали богатый материал по истории заселения области, нашли уникальные снимки, прошли по следам Кульдурского отряда.

Второе место заняла команда школы № 27 Хабаровска и третья — Троицкой школы Нанайского района.

Летом 1972 года в окрестностях Хабаровска, у села Осиновая Речка, прошел 14-й слет. В маршруты команд входили партизанские села правобережья Амура — Князеволконское, Сергеевка, Гаровка, Некрасовка и многие другие. Кроме того, команды представили на суд жюри материалы, собранные в своих районах.

Высший балл получила команда из Охотска (руководитель Э. С. Кривуля). Затем школа № 27 из Хабаровска (руководитель В. А. Поляков) и школа № 63 из Хабаровска (руководитель В. С. Земляков). Фамилии в скобках, но это как раз те энтузиасты, с которыми интересно. Они идут с ребятами по дорогам подвигов старших поколений, видимо, не только по долгу службы, но и по велению сердца.

Всеми слетами руководит краевая детская туристическая станция (г. Хабаровск). Она разрабатывает планы и маршруты, в ее активе, кроме инструкторов, есть любители-краеведы, кото-

рые ходят с ребятами в походы, ведут кружки. Потом детская туристическая станция обобщает собранный ребятами материал и вместе с комсомольскими работниками и крайопо определяет победителей по всем видам краеведческой и некоторым видам спортивной работы.

Слеты — это конечный результат организованной работы. А вообще ее ведут следопыты постоянно и везде, прежде всего у себя дома, в родном селе и городе.

Интересно работают красные следопыты Полетненской средней школы района имени Лазо. Руководит ими большой знаток истории района, завуч школы Валентин Иванович Сысоев.

Район этот между реками Хор и Кия славен подвигами приамурских партизан. Здесь, в бывшей Полетненской волости, близ села Соколовки, прошел первый их съезд, создан первый партизанский штаб и при нем крупный отряд, который провел большой Хорский бой с интервентами и белогвардейцами. Здесь во многих селах — памятники павшим борцам за восстановление власти Советов. В Переяславке, Михайловке, Петровичах, Прудках, Полетном... И памятник у дороги, на повороте шоссе. Перед памятником — поляна. Здесь всегда останавливаются автобусы. Пассажиры выходят, отдыхают, но каждому интересно — кому поставлен памятник? И если случается тут местный пионер, он знает и рассказывает, что тут был бой с японскими интервентами и погибли в бою два партизанских командира — Румянцев, хабаровский грузчик, и Ляхнович. В их честь и поставлен памятник.

Валентин Иванович Сысоев, руководитель красных следопытов в Полетном, сам причастен к славной истории района. Дед и отец его были красными партизанами. Валентин Иванович учился в этой школе, один из первых выпускников ее и окончил школу с отличием. Участвовал в Великой Отечественной войне.

Ребята в его кружке собрали большой материал о земляках-героях, оформили альбомы, стенды. Музей боевой славы в школе — место торжественных сборов октябрят, пионеров и комсомольцев. По инициативе красных следопытов и силами учащихся

ся, учителей, общественности села построен памятник-монумент землякам — героям гражданской войны. Работа оказалась удачной. Из Москвы пришла награда — вторая премия и диплом Центрального штаба Всесоюзного марша «Всегда готов!»

Серьезно поставлена работа красных следопытов в средней школе № 24 Комсомольска-на-Амуре. У них тоже большой музей. В центре внимания военно-патриотическая тема. Руководитель-общественник Алексей Егорович Ерошенко — увлеченный собиратель редких экспонатов. Он использует даже свой отпуск, чтобы съездить с ребятами в новую экскурсию.

В музее — фотографии ветеранов гражданской и Великой Отечественной войн, первостроителей города, письма, наградные листы, анкеты, ордена и медали, военные экспонаты, дорогие реликвии, книги военных лет, священная земля, присланная пионерами из Бреста, Сталинграда, Ленинграда, Москвы. Тематические стенды — «С боевого 1918-го...», «Дальневосточники защищали Родину», «Тебе, будущий воин!»...

Музей школ № 50 Комсомольска-на-Амуре и № 2 Хабаровска связаны во многом по тематике с именем легендарного героя гражданской войны — маршала Блюхера.

Заслуживают внимания музеи боевой славы в школах №№ 46, 35, 51, 24 Хабаровска, № 2 Биробиджана, № 2 Николаевска-на-Амуре. В музее Ситинской школы материалы о 422-й Дальневосточной стрелковой дивизии, ставшей 81-й на обожженной земле Сталинграда. В музей приходят родители ребят из Обора, Дурмина, Змейки и других селений района. Фотографии, другие документы — их боевая молодость. Большой музей создан в Кульдурской средней школе (руководитель Л. А. Камакина). Красные следопыты разыскали ценнейшие материалы о местном партизанском отряде, записали воспоминания партизан и старожиллов. Одно из них здесь публикуется (рассказ К. В. Мельникова).

Уже пять лет работает военно-спортивный лагерь «Бригантина» в городе Советская Гавань. Кроме оперативных дел их, конечно, интересует военная история русских и советских кораблей.

Традицией в нашем крае стало отправлять на школьных каникулах туристские поезда «Красная гвоздика», «Юность», «Факел». В маршруте — легендарные Волочаевка, Спасск, славные революционной историей Уссурийск и Владивосток. На остановках ходят в походы к памятнику дальневосточного комсомольского героя Виталия Баневура, встречаются с участниками партизанского движения.

Большую популярность у ребят получила военно-спортивная игра «Зарница». Начальник краевого штаба — генерал-майор Коберниченко. В ней участвует девяносто тысяч юнармейцев края — более четырехсот батальонов! Увлекает «Зарница» своеобразием форм и целей. Каждый из участников должен знать, что завещал Ленин по защите социалистической Родины. Интересно знакомиться с боевыми традициями Советских Вооруженных Сил. А сама игра воспитывает волю, смелость, находчивость, товарищество, дает неплохие знания военного дела, закаляет. Есть в игре и походы и следопытская работа.

Работа красных следопытов часто смыкается с деятельностью ветеранов гражданской войны и Великой Отечественной. Они переписываются. Встречаются. Беседуют. Младшие получают от старших и материалы и советы, приобретают новых верных друзей.

Огромную переписку ведет член Хабаровской секции ветеранов гражданской войны Надежда Ивановна Панина-Сократ, бывшая в юности разведчицей у приморских партизан, а потом бойцом в отряде чекистов. Ей пишут и с Сахалина, и с западных районов страны, и из разных уголков нашего края. Отовсюду, где родились или где жили после окончания гражданской войны ее боевые друзья. Пишут же внуки их земляков. Надежда Ивановна откликается душевно, и нередко переписка переходит в дружбу с ребятами и руководителями кружков, которые теперь уже сами делятся со старшим товарищем планами «на всю жизнь».

Изучение истории, дружеская переписка с авторитетными старшими не проходит без следа. Все это обогащает, помогает понять сложные вопросы жизни. Размышляя об истоках мужест-

ва и подвигов, многие ребята приходят к тому же выводу, что высказал наш герой-земляк, летчик Алексей Маресьев:

«Сегодня, сейчас надо быть смелыми и правдивыми, сегодня, сейчас не отступать перед трудностями. Сегодня — вступаться за смелых и стоять за правду. Сегодня проявлять настойчивость и упорство. Не складывать эти замечательные качества впрок».

*В. Г. ВЕРШИНИНА,
научный сотрудник партийного архива
Хабаровского крайкома КПСС*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Н. А. Авдеева. Об этом сборнике	3
---	---

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Кузьма Ж а х (С. Алымов). Партизаны (стихи) .	12
---	----

Красногвардейцы — партизаны — бойцы НРА

Д. И. Б о й к о. Красная гвардия — опора Советов . .	13
Воззвание комиссариата Красной гвардии 21 февраля 1918 года «Ко всем гражданам Дальнего Востока» .	18
Рассказы бывших красногвардейцев:	
А. В. Уманца	19
А. А. Холодилова	19
М. П. Старкова	21
П. О. Кудрицкого	22
Красный казак из Бикина	25
А. Ф. Г о л ь д ф и н г е р. Мы встали за общее дело пролетариев	27

Преступления интервентов и белогвардейцев

М. М. Г у р т о в. Интервенты захватывают Амурскую флотилию	34
В. П. Г о л и о н к о. Из кошмара калмыковщины . .	40
И. С. Б е с с о н о в (А ни щ е н к о). Из «оврага смерти» .	50
Рассказы о пережитом:	
И в а н а К а р н а у х а, очевидца, жителя села Перeyaславки	56
Д м и т р и я С а м о р о к и н а, спасенного после казни	57
А. М. Ч е р н и л е в с к о г о, отца казненного . .	59

Открытое письмо английскому консулу	60
Н. Я. Истомин. Через плен — в партизаны	62

Начало партизанского движения

П. Д. Слободчиков. Объединение	69
С. Д. Чихунов. Хорский бой	72
П. Е. Ивахнишин. Отступление	74
Ф. Т. Самойлов. Первая партизанская база	80
Парни из Малышево	82
Трагедия в Михайловке	86

Штаб Бойко-Павлова

Д. И. Бойко-Павлов. Таежные конференции	90
Е. П. Коваленко (Липкова). Партизанское село	99

Отряд Погорелова

М. У. Рудюк. Партизанские диверсии у Вяземской	109
Т. П. Патрин. Я — казак из Кедрово	121
А. Е. Погорелов. Автобиография	124
В. Ф. Силютин. Мы вместе вступали в партию	125

Отряд Гармашова

Рассказы сыновей:

А. Е. Гармашова	129
Д. С. Баланды	131

Летучие отряды

И. Ф. Федотенко-Вредный. Главные эпизоды	138
В. Е. Слесарев. Налет на радиостанцию	140
Я. А. Агафонов. Пехота Вредного	142
И. К. Заблоцкий. Конница Изотова	144

Хорско-Киинский отряд

М. Я. Шилов. Бой в Георгиевке	147
Л. И. Шигонцев. Бой под Соколовкой	149
И. Х. Денисов. Братья Изотовы	151

1-й Сводный отряд

А. Е. Прасов. Новая Мурафа	155
П. С. Корнатовский. Мы были кузнецами	165
Рассказ младшего брата, А. С. Корнатовского	167
Рабочая семья	171

«Морской» отряд

К. В. Загородников. В трудное время	175
В. П. Петров. Краснофлотцы	176
И. И. Ценцевичский. Наши вожакИ	178
П. А. Лебедев. Случай на озере Катар	190

Партизаны Матвеевки, Смирновки, Ильинки

Г. Ф. Казанский. Старые фотографии	196
А. С. Глушаков. Наша семья	205

На Нижнем Амуре и Амгуни

С. А. Птицын. Золотопромышленники мстят	209
Рассказы детей подпольщиков:	
Н. Л. Бебенина	215
В. Н. Лаптевой (Смирновой)	218
Командир «Горного» полка	220
И. В. Кузнецов. Лесная коммуна «Ленкода»	223
И. И. Ценцевичский. Циммермановский бой	228
П. И. Прикшайтис. Сила революционного народа	232

Конспиративные квартиры и подпольщики-боевики

А. З. Микитчукова. Боевые дела подпольщиков	235
Неуловимый «техник Федя»	238
Д. Е. Громыко. Погиб на задании	241
И. Н. Семикоровкин. Дом Каминской	243

1-й Тунгусский отряд

О командире:

П. П. Постышев	248
--------------------------	-----

С. М. Серышев	248
Д. И. Войко-Павлов	251
М. М. Хох. Набег на Инский гарнизон интервентов	251
С. К. Демин. Трофейные пулеметы	256
И. В. Проценко. Второй набег на Ин. Бой под Ново- троицком	260
Пять братьев	266
М. П. Шевчук. Как я вступил в партизанский отряд	269

1-й отряд Хабаровского района (2-й Тунгусский)

И. Н. Семикоровкин. Боевые действия отряда	273
А. Л. Марков. Хозяйство отряда	278
Братья командира	280
П. С. Донич. Молдавская заимка	280

Кульдурский отряд

К. В. Мельников. Командиры и бойцы	286
Подпольщики поселка Бира	290

Хабаровский фронт

А. К. Флегонтов. После 4—5 апреля 1920 года	294
П. С. Зубарев. Мы стали частью НРА	302
С. М. Серышев. Отрывок из поэмы	305
Я. З. Покус. Волочаевские дни	306
Н. С. Осипов. Неразорвавшийся снаряд	346
К. А. Пролесковский. Бой под Васильевским	348
Полина Полинская. Вам, счастливое племя	352
Хроника боевых действий Народно-революционной армии и партизан в 1922 году	359
С. С. Петрологинов. Советский флаг	363

В памяти народа

Сергей Рослый. Как строили памятник на сопке Июнь-Корань	365
Владимир Савченко. Этих лет не смолкнет слава	369
П. С. Парфенов. История «Партизанской» песни	372

Обелиск у дороги	382
Партизан из легенды	383
А. Н. Лебедева. Волочаевка стала символом победы	383
Н. Волков. Памяти борцов за свободу	385
И. Калманович. О товарище	385

ЗАМЕТКИ ИСТОРИКОВ-КРАЕВЕДОВ

Николай Кабушкин. Гори, огонь Июнь-Корани .	390
Е. И. Елизарова, В. И. Чернышева. Героическое подполье	391
Е. М. Золотых. Партизаны	409
В. И. Чернышева. Землячество старых борцов . .	427
В. Г. Вершинина. Красные следопыты	435

Э 95 Эхо партизанских сопок. (Гражданская война на территории Хабаровского края в воспоминаниях участников и заметках историков-краеведов). Хабаровск, Кн. изд., 1973.

448 с. 10 000 экз. 69 коп.

Это — популярное издание. Сборник состоит из коротких воспоминаний-зарисовок участников борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке и очерков-заметок историков. Дает цельное представление о партизанском движении, истории, боевых действиях партизанских отрядов на территории Хабаровского края в период гражданской войны и интервенции. Рисует борьбу классов, особенно в дальневосточной деревне. Материалы иллюстрированы. Приложена схема описываемого района партизанского движения.

1-6-4

73

ДВ9(С)22

ЭХО ПАРТИЗАНСКИХ СОПОК

Редактор Г. С. Чечулина. Художник А. В. Колесов.

Художественный редактор А. Н. Посохов.

Технический редактор Н. А. Лызова.

Корректор Р. Н. Ращупкина.

Сдано в набор 15/III 1973 г. Подписано к печати 13/VI 1973 г. ВЛ 00191.

Бумага типографская № 2. Формат 70×108/32.

19,6 усл. п. л. + 0,2 схема, 19,45 уч.-изд. л. + 0,29 схема.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 2029. Цена 69 коп.

Хабаровское книжное издательство Государственного комитета
Совета Министров РСФСР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Типография № 1 краевого управления по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Наборщик В. М. Марычева, верстальщики М. М. Кутепова,
А. А. Лазарева, цинкограф Ф. Т. Тангатаров.

69 КОП.

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ (1919—1920 гг.).

